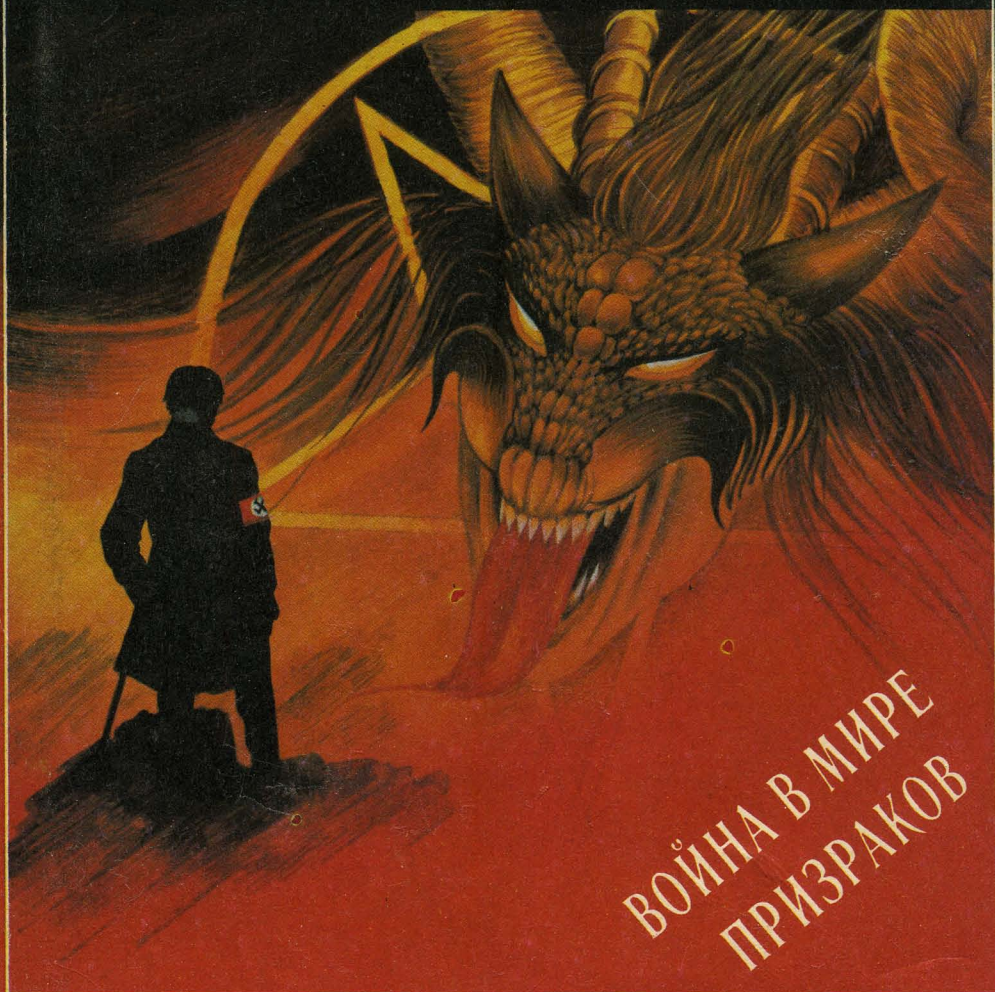

ДЕННИС УИТЛИ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ВОЙНА В МИРЕ
ПРИЗРАКОВ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

А.Н. Миронов 93

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Деннис Уитли

ВОЙНА В МИРЕ ПРИЗРАКОВ

Жуковский
КЭДМЭН
1993

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 30

Художник А.Н.Миронов

**Деннис Уитли
Война в мире призраков.**

ISBN 5-85743-012-7

Copyright © by Dennis Wheatley, 1972

© А.Н.Миронов, 1993, оформление суперобложки, иллюстрации

© Издательство ТОО «Брайт Лайт», 1993, перевод

Желаю заявить, что лично я никогда не принимал участия в церемониях, имеющих отношение к Магии — Черной или Белой.

Литература по оккультизму настолько огромна, что любой добросовестный писатель может раздобыть вполне достаточно материала для написания произведения предлагаемого вам типа.

В своей работе я не пожалел сил для детализированного описания магических обрядов и заклинаний против Зла, основываясь на существующих источниках, достоверность которых была подтверждена в разговорах с определенными людьми, до сих пор практикующими это Искусство и специально ради этой цели разысканных мною.

Все действующие лица и обстоятельства этой книги являются полностью вымышленными, хотя в результате исследования, проведенного мною в период написания произведения, я обнаружил убедительные факты, свидетельствующие о том, что Черная Магия до настоящего времени все еще практикуется не только

в Лондоне, но и в других городах.

Если кто-нибудь из моих читателей пожелает обратиться к серьезному изучению этого предмета и вступит в контакт с любым человеком, мужчиной или женщиной, имеющим Силу, считаю своей обязанностью предостеречь их и настоятельно рекомендую им воздерживаться от какого-либо применения Тайного Искусства. Мои собственные наблюдения привели меня к полному убеждению в том, что в противном случае это может привести их к вполне реальным, даже конкретным по своей природе, опасностям.

Деннис Уитли

1 ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ

Герцог де Ришло и сэр Пеллинон Гвейн-Каст сели обедать в восемь, но к кофе они перешли только в одиннадцатом часу.

Вот уже много месяцев шла война. Бомбежки Лондона продолжались несколько недель. Небольшой ливень зажигательных бомб пролился и на Керзон-стрит, у самого дома герцога. Это нарушило установившийся порядок и прервало обед обоих джентльменов, ибо они вынуждены были спуститься вниз и самолично заняться тушением огня, но они настолько привыкли к неудобствам военного времени, что, покончив с делом и вымыв руки, спокойно вернулись к столу, как будто ничего особенного не произошло.

Герцог и его гость имели между собою много общего. Оба они происходили из древнейших родов, оба выделялись привлекательной внешностью, умом и обаянием, что делало их весьма заметными фигурами в европейском обществе того времени. Дни, когда с почтением взирали на аристократию, клонились к закату, но оба джентльмена взяли от того времени все, что было в их силах. Они ничуть не жалели ни о бурных годах своей молодости, когда на любое оскорбление отвечали ударом шпаги и любили всей глубиной своего сердца, ни о суровой зрелости, когда судьба забрасывала их в высшие финансовые

круги и посвящала в тайны дипломатических операций. Они оба были уверены, хотя и не без доли сомнения, что с отходом в прошлое касты привилегированных, к которой они сами принадлежали, мир может стать лучше, но наверняка этого не произойдет, пока будут существовать на свете нацисты. Вряд ли у Гитлера были более искренние противники, чем эти двое.

Оба мужчины столько повидали в жизни, что большего от нее и не ждали. Они не боялись потерять работы, которой у них не было; не жаждали ничьих благодеяний и признавали своим господином только короля Англии. Вот почему они всегда говорили то, что думали, зачастую с жестокой откровенностью, и, пользуясь своим влиянием в обществе, всячески способствовали ради достижения победы усилению военных действий.

Несмотря на то что оба имели чрезвычайно много общего, внешне они были совершенно непохожи друг на друга. Самым старшим из них был сэр Пеллинон, громадина ростом в шесть футов и два дюйма с красивыми седыми волосами, ярко-голубыми глазами, пышными кавалерийскими усами в форме подковы и громовым голосом с резкой, отрывистой манерой речи. Герцог же был человеком хрупкого телосложения, чуть выше среднего роста, с тонкими изящными руками и седеющей головой. В его точеном благородном лице не и было следов слабости, а орлиный профиль с высоким лбом и серыми «демоническими» глазами, казалось, напоминает своими чертами шевалье кисти Ван Дейка, портрет которого взирал на него со стены напротив.

Ничто, даже военные действия не могли поколебать принципов этих мужчин, в частности, их привычку переодеваться к столу, однако, вместо привычного черного костюма герцог был одет в ярко-бордовый вигоневый

смокинг с атласными отворотами и галунной вышивкой, что еще больше придавало ему сходства со старинным портретом.

Во время обеда шел разговор о войне, но, когда принесли кофе, он неожиданно угас и наступило молчание. Макс, человек герцога, торжественно преподнес длинные сигары марки «Хойо де Монтеррей», предмет особой гордости его хозяина, а герцог в этот момент думал: «Вот сейчас-то мы узнаем, зачем это вдруг старому Гвейн-Касту захотелось сегодня со мною встретиться. Даю голову на отсечение, что он предложил пообедать вместе не для того, чтобы просто поболтать».

Едва Макс вышел из тихой, освещенной всего лишь однойединственной свечой, комнаты, как в Гайд-парке, нарушая тишину, вновь заговорила зенитная артиллерия.

Сэр Пеллинор зыркнул взглядом через стол и в какой-то задумчивости произнес:

— Удивляюсь, как это вы живете здесь, при таком шуме.

Де Ришло передернул плечами.

— Я в общем-то его и не замечаю. Видимо, из-за того, что Лондон занимает такую большую территорию. И потом, разве можно сравнить это с бомбежками, которые я испытал в других войнах. Один американский журналист попал в точку, написав, что при таких условиях нацистам понадобится не менее двух тысяч недель, чтобы разрушить Лондон, а это составляет сорок лет! Вряд ли Гитлер проживет еще столько.

— Чертовски приятно это слышать! — загоготал сэр Пеллинор. — Чертовски приятно! Тем не менее, положение вещей от этого не становится лучше. Уже закрылось два клуба, где я привык проводить все свое время, а дозвониться до кого-нибудь из друзей — это просто адс-

кий труд. Не могу понять, почему вы не едете в деревню, ведь вас здесь ничего не держит?

— Тот же самый вопрос, мой дорогой друг, я могу задать и вам. Ваше положение аналогично моему. Или, может быть, правительство наконец-то проявило мудрость и решило воспользоваться вашими услугами?

— О Господи! Конечно, нет! У них никогда нет времени на таких старых чудаков, как я. И они, возможно, по-своему правы — это война молодых. Но и нам, старикам, уклоняться не стоит, тем более, что столько людей, совершенно непригодных к военным действиям, вынуждены в них участвовать.

— Вот именно, — ровным голосом сказал герцог. — В этом весь ответ на ваш собственный вопрос. Я терпеть не могу неудобства и скуку, но даже они не вынудили бы меня покинуть Лондон, когда тысячи простых людей не в состоянии этого сделать.

Опять наступило молчание. С затаенным интересом де Ришло ждал, что же еще скажет сэр Пеллинон. Минуту спустя старый баронет произнес:

— Конечно, одному легче ориентироваться, но и знакомство со множеством людей зачастую позволяет мне идти своим путем.

В серых глазах герцога появились насмешливые огоньки.

— Так, может быть, вы окажете любезность и подскажите, в каком направлении м н е идти?

— Ха! — Сэр Пеллинон подвернул свои пышные кавалерийские усы. — А вы хитрый тип! И всегда таким были! Мне следовало бы догадаться, что вы сразу же поймете, что к чему, что я пришел сюда не ради вашего прекрасного стола и великолепных напитков, не говоря уж о сигарах, как бы хороши они ни были. С тех пор как

началась эта кровавая заваруха, я не помню, чтобы видел вас хотя бы один раз в одиночестве. Может быть, вы расскажете мне, чем это вы таким занимаетесь? Я абсолютно уверен, что вы не скучали.

Узкие губы де Ришло растянулись в улыбке.

— Я участвовал во многих войнах, но я слишком стар, чтобы вновь обратиться в младшего офицера, и чересчур молод по темпераменту, чтобы быть государственным служащим. Я даже статуса начальника местной противовоздушной охраны не имею. Впрочем, вероятно, как и вы. Вы уж простите меня, но может больше не стоит допрашивать друг друга.

— Ах ты, старый лис! Загнал меня в угол, да? Ну хорошо. Я действительно имею отношение к Военному Кабинету. Почему? Одному Богу известно. По всей видимости, кто-то из его членов считает, что я до сих пор могу быть полезным, хотя всем хорошо известно, что я не обладаю особой сообразительностью. У меня всегда был наметан глаз на лошадей и на хорошеньких женщин. Не пропускал я и виноградный портвейн, а вот умом... — тут уж, простите, — чем-чем, а умом как таковым я не отличался.

— Да, похоже на это, — ехидно заметил герцог. — То-то вы, после выхода в отставку, кажется где-то в 90-х годах, на свои долги умудрились скопить состояние эдак миллионов в десять. Следует ли мне понимать, что вас послали на встречу со мной?

— Совсем нет, хотя то, что произошло, равносильно этому. Мои возможности достаточно велики. Я не могу, правда, добиться, хотя порою и желаю этого, чтобы людей расстреливали за преступную небрежность, но благодаря мне были уволены некоторые из наших саботажников. Большинство моих рекомендаций принимает-

ся, за исключением тех, которые напрямую противоречат правительственной политике. Неофициально я также был инициатором различных мероприятий, которые принесли немало неприятностей немцам. Мы все взаимосвязаны и вот, увидев на днях, как вы восхищаетесь утками в Сент-Джеймском парке, я сразу же почувствовал, что вы можете оказаться именно тем самым человеком, который поможет правительству решить вставшую перед ним в настоящее время очень тяжелую проблему. Ну а сейчас-то вы все-таки скажете, чем занимаетесь?

Де Ришло взял большой круглый бокал, в котором медленно переливалось старое бренди, с видом знатока принялся к нему и сказал:

— Безусловно. До того как Британия объявила войну Германии, я с некоторыми своими друзьями слетал в Польшу.

Сэр Пеллинор бросил на него проницательный взгляд.

— Не с теми ли ребятами, с которыми вы отличились в своих подвигах в России и Испании? Мне доводилось слышать и о ваших приключениях на так называемых «Закрытых Территориях» и о том, как вы вчетвером в годы гражданской войны в Испании умудрились вывезти оттуда восемь миллионов фунтов золотом. Один из вашей четверки — сын старого Чэннока Ван Райна, не так ли? С остальными двумя я никогда не встречался, хотя очень хотелось бы.

— Вы правы, одним из них действительно был Рекс Ван Райн, а остальные двое — Ричард Итон и Саймон Арон. Все трое они были со мной во время Польской кампании. Что мы делали там, это слишком долго рассказывать, хотя когда-нибудь я это сделаю. Мы едва избежали смерти, причем ухитрились спастись таким образом, что рассказывать об этом не совсем удобно,

хотя, конечно, винить нас за это нельзя. Когда в конце концов мы вернулись в Англию, подходящего занятия для нас не нашлось, и мы решили на время заняться разделиться и посвятить себя своим личным делам.

— Ну и что все остальные делают сейчас?

— Рекс, вам наверняка это известно, — летчик, причем не какой-нибудь, а настоящий ас. Хотя он — американский гражданин, он умудрился вступить в королевские Военно-воздушные силы, должным образом проявить себя в августовских и сентябрьских воздушных боях, за что и был награжден орденом, но в начале октября ему не повезло, он случайно нарвался на целую стаю немецких истребителей шестеро против одного, и был сбит. В результате неудачного приземления пострадала его левая нога. Сейчас он, правда, уже поправляется, но, боюсь, по здоровью он больше не сможет быть летчиком-истребителем.

Второй из нашей четверки, Саймон Арон, вернулся в свою контору, он — директор одного из крупнейших финансовых учреждений нашей страны. Он решил, что окажет лучшую услугу стране, если будет хорошо играть на биржевых курсах валют. До сих пор это ему неплохо удавалось.

Ну и, наконец, последний, Ричард Итон. Он тоже летчик, но для армии староват, поэтому служить его не взяли. Это ужасно его расстроило. Он удалился в свое огромное поместье в Вустершире, где посвятил себя сельскому хозяйству. Правда, временами он приезжает в Лондон, чтобы отвести душу, — до сих пор не может успокоиться, что не воюет. Именно Ричард помог мне проверить несколько дел.

— И что же это были за дела? — поинтересовался сэр Пеллинор.

— В подробности я вдаваться не буду, это слишком утомительно. Просто скажу, что у меня также как у вас немало друзей. Я неплохо говорю на нескольких языках, привык все замечать, что позволило мне вывести из игры некоторых типов. Прошлой весной я тайно слетал в Чехословакию; был в Нидерландах сразу же после их оккупации. Как раз оттуда я вернулся на прошлой неделе. Конечно, как вы понимаете, какого-то официального статуса у меня нет.

Глаза сэра Пеллинора загорелись озорными огоньками.

— Н-да, вам определенно палец в рот не клади. Кстати, по официальным каналам до меня дошли слухи, что вы просто незаменимы во многих делах. Надеюсь, вы понимаете, я навел справки, прежде чем встретиться с вами сегодня, правда, деталей уточнять не стал. Ну и чем вы занимаетесь на сей раз?

— Да ничем особенно. Веду наблюдение за группой людей, которых в любой другой стране еще год назад поставили бы к стенке, и пытаюсь выяснить, куда утекает информация, исходящая от типов, называющих себя патриотами, но слишком распускающих язык в женском обществе. Ничто меня не удержит от поездки на Камчатку или в Перу хоть завтра утром, если вы посчитаете, что таким образом я смогу вбить еще один гвоздь в гроб Гитлера.

— Приятно слышать подобные слова, — прогремел могучий голос сэра Пеллинора. — Господи, если бы такое рвение проявляли некоторые члены нашего правительства, мы давно бы раздавили эту фашистскую сволочь. Нам очень бы хотелось воспользоваться вашими великолепными способностями, ну а причина вам должна быть понятна, вы сами ее назвали, — утечка информа-

ции. Думаю, вам даже не придется выезжать из Лондона, хотя невозможно предугадать все заранее.

Де Ришло искоса взглянул на своего собеседника.

— Никогда не думал, что есть основания для серьезной тревоги в этой области. Конечно, даже ничтожная утечка должна встревожить, но, насколько мне известно, после поражения Франции и уничтожения привычных каналов связи с Континентом никакой серьезной информации из страны не уходило.

— В определенном смысле это так, — согласился сэр Пеллино, кивнув седой головой. — И мы сами обратили на это внимание. Ну, например. Когда начались первые массированные налеты германской авиации на Великобританию, мы опасались, что, только благодаря своему численному перевесу, немцы смогут уничтожить прямо на земле гораздо больше наших самолетов, чем мы можем себе позволить, поэтому, как сейчас всем известно, мы еще до налетов освободили наши аэродромы на южном и восточном побережьях, оставив немцам пустые ангары и мастерские. Мы ожидали, что они будут бомбить наши новые базы, но их самолетов там так и не увидели, наоборот, они днем и ночью кружили над прежними площадками, хотя там, по существу, остались одни лишь головешки. Это явно свидетельствовало о том, что они даже не подозревают о перебазировании всей нашей авиации. Впрочем, это уже в далеком прошлом. Нечто подобное произошло и совсем недавно, следовательно, стоит германским агентам оказаться отрезанными от континента, вся их система сбора и передачи информации нарушается.

— Тогда я не понимаю, что же вас тревожит.

— А вот что. Как это ни странно, но эта система нарушена только в некоторых направлениях. В настоя-

щее время наибольшую опасность для нас представляет потеря судов, и самое невероятное заключается в том, что нацисты, которые, казалось бы, имеют весьма туманное представление о том, что в нашей стране происходит, абсолютно точно знают маршруты движения наших кораблей. Естественно, каждый конвой, то есть караван судов, направляющийся в Америку или из нее, следует новым маршрутом, совершая зачастую отвлекающие маневры. Он может сперва идти прямо на север, в Арктику, иногда — прямо на юг, чуть ли не до Мадейры, а порою напрямую через Атлантику. Но каков бы не был его путь, нацистам, похоже, он всегда известен. Они встречают каждый конвой на полпути, когда его покидают суда сопровождения.

— Достаточно мрачная картина.

— Вот именно. Тут не до смеха. Откровенно говоря, мы не знаем, что делать. Командование флота, так же как и ВВС, работают день и ночь, но морские и небесные просторы просто необъятны. Наша контрразведка совершенно сбилась с ног, сделала все, что было в ее силах, как бы ее не критиковали.

— Ну и почему вы считаете, что я могу добиться успеха там, где потерпели поражение лучшие умы нашей разведслужбы, скромно поинтересовался герцог.

— Потому что чувствую, что сейчас наш единственный шанс — получить на возникшую проблему взгляд со стороны, из уст человека непредвзятого, но с богатым воображением и солидным багажом знаний. Нацисты наверняка пользуются методом, не характерным для шпионажа, чем-то таким, к чему ключ сразу не найдешь, но что в состоянии понять человек с пытливым умом. Вот почему, столкнувшись на днях с вами, я подумал, что было бы неплохо, если бы за эту чертову проблему

взялись вы.

Де Ришло некоторое время пристально взирал на сэра Пеллинора.

— А вы точно уверены, что в данном случае германская разведка не использует привычных каналов связи?

— Абсолютно уверен. Об этом свидетельствует и тот факт, что до нее не доходит текущей информации, какой бы жизненно важной она не была.

— Т-так, значит, вне всякого сомнения, они пользуются не привычными методами, а сверхестественными.

Сэр Пеллинон недоумевающе уставился на собеседника.

— Что вы, черт побери, имеете в виду? — резко спросил он.

Герцог наклонился вперед, осторожно стряхнул длинный столбик сигарного пепла в пепельницу из оникса и сказал:

— Для передачи информации они пользуются тем, что называют Черной Магией.

— Вы шутите?! — выдохнул сэр Пеллинон.

— Ничуть. В таких делах не шутят.

2 ХОТИТЕ ВЕРЬТЕ, ХОТИТЕ — НЕТ

Странное выражение появилось в голубых глазах сэра Пеллинора. Он давно уже был знаком с герцогом, но не очень близко, неоднократно сталкивался с ним, как со всеми своими многочисленными знакомыми, в охотничьих домиках, в курительных комнатах разнообразных клубов Уэст-Энда, во время отдыха на модном курорте Довилль. Ему не раз доводилось слышать отзывы о де Ришло как о несколько эксцентричном человеке. Никто, правда, не видел, чтобы герцог ходил в котелке или носил бы зонтик, эти эмблемы английской респектабельности. Вместо этого, бывая за границей, он прогуливался с изящной тростью из ценного дерева. В мирное время он ездил по Лондону в огромном серебряном «Хиспано» с шофером и лакеем на запятках, одетых под казаков и в высоких папах из серого каракуля. Многие считали это вульгарной показухой, тогда как для самого герцога это было жалкой заменой тех шестнадцати выездов, которые в лучшие времена имели его предки. Сэр Пеллинор, будучи человеком с широкими взглядами, приписывал эти маленькие слабости иностранному происхождению герцога, но сейчас он подумал, что де Ришло все-таки несколько того... И хотя герцог казался абсолютно нормальным, бомбежка, под которую он едва не угодил, видимо сильно повредила его рассудок.

— Черная магия, да? — переспросил сэра Пеллинора с необычайной теплотой в голосе. — Удивительно интересная версия. А вы не могли бы рассказать об этом поподробнее.

— С удовольствием, — учтиво ответил герцог. — Но прежде скажу, что за мысли пронеслись у вас в голове. Вы подумали: «Здесь мне не повезло. От этого типа нет никакого толку, поскольку у него не все дома. Возможно, это последствия контузии во время бомбежки. Жаль, конечно, а я так надеялся, что он даст пару дельных советов. Раз дело обстоит так, нужно не забыть сказать секретарю, чтобы тот вежливо отшил его, если он задумает позвонить мне. Не стоит тратить время на придурков, когда идет война...»

— Черт меня побери! — Сэр Пеллинор шарахнул огромным кулаком по столу. — Признаюсь, вы совершенно правы, но, согласитесь, ни один здравомыслящий человек не отнесется всерьез к вашему предположению.

— Я бы не стал утверждать столь категорично, но совершенно согласен, человек, не знакомый с оккультизмом, не поверил бы мне. Я абсолютно уверен, что вы никогда не видели материализации астральной силы или, говоря проще, просто призрака.

— Да, не видел, — согласился сэр Пеллинор.

— А вам что-нибудь известно о гипнозе?

— Да. И, между прочим, я сам обладаю некоторой гипнотической силой. В молодости я иногда развлекал этим своих друзей и убеждался при этом, что заставляю их делать то, что пожелаю, например, взять в руки какой-либо предмет.

— Прекрасно. По крайней мере, в одном мы с вами сходимся: можно вызвать действие определенных сил, совершенно непонятных простым людям.

— Пожалуй, да. Только в определенных пределах.

— Но почему? Если бы лет пятьдесят тому назад кто-нибудь попытался бы убедить вас, что посредством эфирных волн можно передавать из одного конца мира в другой не только различные послания, но даже целые изображения, вы наверняка посчитали бы это вне границ возможного.

— Конечно, — прогремел голос сэра Пеллинора, — но радио — совершенно иное дело. Что же касается гипнотизма, то это просто сила человеческой воли.

— Вот именно, — герцог неожиданно наклонился вперед. Воли к Добру или воли ко Злу. В этих нескольких словах выражена вся суть вопроса. Человеческая воля напоминает радиоприемник. Хорошо настроенный, он может действовать в унисон с невидимыми силами, окружающими нас.

— Невидимыми силами, да? Мне очень жаль, герцог, но я не верю в это.

— А верите ли вы в чудеса Иисуса Христа?

— Безусловно. Я старомоден и являюсь истым приверженцем христианской веры, хотя одному Богу известно, сколько я грешил.

— Следовательно, вы также верите в чудеса, осуществленные учениками Христа и некоторыми святыми?

— Верю. Но им были дарованы особые силы.

— Вот именно. Особые силы. Как я понимаю, Вы будете отрицать, что Гаутама Будда и его ученики могли совершать подобные же чудеса?

— Даже не подумаю. Я человек с достаточно широким кругозором и считаю, что Будда был своего рода индийским Христом или, по крайней мере, очень святым человеком, которому, без сомнения, тоже была дарована особая сила.

— Тогда, если вы признаете, что существовали два человека различной веры, проживавшие в разных странах с интервалом в несколько сот лет, которые совершали чудеса, как вы их называете, хотя и возражаете против слова «магия», тогда вы не сможете найти разумных возражений против возможности того, что подобные мистики, веровавшие в таинственный, сверхъестественный мир, существовали во многих других частях земного шара. Следовательно, вне нас существует, не зависящая от религии сила, которая может быть использована, если человек войдет с ней в прямую связь.

Сэр Пеллинор рассмеялся.

— Я никогда раньше не смотрел на этот вопрос с подобной точки зрения, но, пожалуй, вы правы.

Де Ришло налил очередную порцию старого бренди в бокал своего гостя.

— Тем не менее, — медленно продолжал сэр Пеллинор, — из того, что некоторым благим людям была дарована сверхъестественная сила, отнюдь не следует, что это имеет отношение к Черной Магии.

— Значит, в колдовство вы не верите?

— В наши дни в это никто не верит.

— Ну не скажите. А как давно состоялся последний процесс над ведьмами?

— Пару сотен лет назад.

— А вот и нет. Это происходило в январе 1926 года, в Мелуне, близ Парижа.

— Боже, храни мою душу! Вы это серьезно?

— Конечно, — подтвердил де Ришло. — Материалы суда свидетельствуют об этом. Так что вы, как видите, далеки от истины, когда утверждаете, что в наши дни никто не верит в колдовство! Многие тысячи людей все еще верят в существование дьявола.

— Крестьяне центральной Европы, вполне возможно, но не образованные же люди!

— И, тем не менее, всякий мыслящий человек неизбежно приходит к выводу, что силы Зла, как таковые, обязательно существуют.

— Ну и что из этого?

— А то, что все качества имеют свои противоположности. Любви соответствует ненависть, наслаждению — боль, щедрости скупость. Как бы мы смогли судить о добродетельности Иисуса Христа, Лао-Цзы, Ашоки, Марка Аврелия, Франциска Ассизского и тысяч других, если бы не было мерзких жизней Ирода, Цезаря Борджиа, Распутина, Ландру и им подобных.

— Это верно.

— Тогда, если постоянное следование Добру может породить необычайные силы, то почему тоже самое не может произойти, если упорно идти тропой Зла?

— Звучит логично.

— Надеюсь, я не утомил вас. Если мое предположение, что фашисты для получения информации из нашей страны пользуются тайными силами, хотя бы до некоторой степени справедливо, то мне просто необходимо рассказать вам о теории оккультизма, так как Вы, похоже, о ней ничего не знаете.

— Продолжайте, продолжайте, — сэр Пеллинор махнул своей широкой рукой. — Не думайте, что я всему этому верю, но вы меня несколько не утомляете.

Де Ришло сел поближе.

— Очень хорошо. Я попытаюсь рассказать о Тайной Искусстве, изложить то немногое, что дошло до нас сквозь толщу столетий. Я расскажу вам персидский миф об Ормазде и Ахримане, о вечных силах Света и Тьмы, которые находятся в постоянном раздоре и борьбе друг с

другом за будущее человечества. Все древние поклонения Солнцу и силам природы — праздники Весны и тому подобное — были только внешними проявлениями этого мифа, где Свет символизирует Здоровье и Мудрость, Рост и Жизнь, в то время как Тьма означает Болезнь и Невежество, Закат и Смерть.

В своем высшем смысле Свет символизирует рост Духа вплоть до его совершенства, когда он становится чистым Светом. Но дорога к совершенству слишком длинна и тяжела. Ее нельзя пройти за одну короткую человеческую жизнь; отсюда и вытекает широко распространенная вера в Реинкарнацию, переселение душ: мы переживаем несколько рождений, прежде чем начинаем презирать прелести плотской жизни. Эта доктрина так стара, что никто не может найти источник ее происхождения, но она является внутренним стержнем Истины, лежащей в основе всех религий. Подойдите к учению Иисуса Христа с этой точки зрения, и вы будете поражены, потому что к своему удивлению поймете, что никогда не осознавали подлинного смысла Его миссии. Разве он не говорил, что царство Божие внутри нас? И разве, когда он шел по воде, не заявил он, что мы можем делать то же самое и даже более серьезные вещи, если уверуем в его Отца Небесного? Эти слова свидетельствуют о том, что он почти достиг совершенства и что другие люди, обладающие подобной силой, могут делать то же самое.

Де Ришло сделал паузу, а затем продолжал, значительно медленнее:

— К несчастью, ночные часы по продолжительности равны дневным, поэтому и силы Тьмы даже сейчас не менее активны, чем в те дни, когда мир был еще молод. И не успевает появиться новый Учитель, проповедующий стремление к Свету, как Невежество, Жадность и Жажда

Власти начинают овладевать умами его последователей. Смысл Учения искажается, простота Истины усложняется, постепенно растворяясь в пышных церемониях до мелочей расписанных ритуалов, и теряет свое значение. Тем не менее, подлинная Истина никогда полностью не исчезает. В последующие столетия появляются новые Учителя, чтобы вновь провозгласить ее или, если времена для этого неподходящие, передать ее в тайне немногим избранным.

Аполлон Тианский познакомился с нею на Востоке. Так называемые еретики, которые известны нам также как альбигойцы, проповедовали ее в двенадцатом веке по всей южной Франции, пока не были уничтожены. Обладал ею в средние века и Христиан Розенкрейц. Составляла она и величайшую тайну Ордена Тамплиеров, разгромленного римской церковью. Искали и исповедовали ее также и алхимики. Только несведущие люди воспринимают буквально их заявления, будто они ищут Эликсир Жизни. Такими словами, предназначенными для защиты от преследования врагов, они прикрывали свое стремление отыскать Вечную Жизнь, а их поиски превратить простые металлы в золото символизировали их стремление обратить материю в Свет. И даже в наши дни, когда идут бомбежки Лондона, во многих концах света существуют мистики и адепты, ищущие Пути Совершенства.

— Вы что, действительно верите в это? — скептически пробурчал сэр Пеллинор.

— Да.

Ответ де Ришло не содержал и тени сомнения.

— Допустим, что существуют мистики, следующие этой вере, которая не связана ни с какой организованной религией. Но я все-равно не понимаю, какое это имеет отношение к Черной Магии.

— Давайте будем говорить не о Черной Магии, которую в наши дни ассоциируют со всеми возможными нелепостями, а о так называемом «Ордене Левого Пути». У него тоже есть свои приверженцы. И как реинкарнисты, последователи учения о перевоплощении, разбросанные по всему миру являются сторонниками Пути Света; Путь Тьмы проявляется через ужасный культ Ву-Ду, зародившийся на Мадагаскаре, получивший распространение в Африке, Континенте Тьмы, которую держал в своих тисках в течение многих столетий, и попавший, благодаря работорговле, в Вест-Индию.

Вдали раздались глухие взрывы.

— От идолов карибских племен до махинаций этого проклятого Гитлера достаточно долгий путь, — с улыбкой заметил сэр Пеллино.

— Не такой уж долгий, как вам кажется, — возразил герцог. — Большинство обрядов негритянской магии действительно примитивны, но, несмотря на это, некоторым служителям Ву-Ду удалось развить в себе силы Зла до значительной степени. Среди белых адептами Тайного Искусства являются люди богатые и образованные, жаждущие еще большего богатства и власти. В Париже, во времена Людовика Четырнадцатого, когда казалось бы о Средневековье все давным-давно забыли, Черная Магия получила широкое распространение. Известно, что Лавуазье, знаменитая отравительница, поставила более полутора тысяч детей мало известному аббату Гибургу, который приносил их в жертву во время черных месс. Он перерезал им горло, собирал их кровь до последней капли в специальную чашу и выливал на обнаженное тело вопрошающего, лежавшего на алтаре. Я привожу вам подлинные факты истории. Вы можете ознакомиться с материалами суда, на котором были осуждены за служеб-

ние дьявольским силам двести сорок мужчин и женщин.

— Успокойтесь, это было очень давно.

— Если вы хотите иметь более свежие свидетельства, возьмем известное дело принца Боргезе. В конце 1895 года он отправился путешествовать, передав свой венецианский дворец в длительную аренду. Постепенно срок аренды истек, но арендаторы и не подозревали об этом, пока он не уведомил их о своем намерении возобновить пользование имением. Они выразили протест, но агенты Боргезе силой вышвырнули их вон. И, как вы думаете, что они там обнаружили?

— Одному Богу известно.

— Главный зал был переделан и превращен в Сатанинский храм. На это, видимо, ушли немалые средства. Все стены и окна были задрапированы черной и алой камкой, закрывая доступ свету. В дальнем конце зала, доминируя над всем помещением, висел гобелен с огромной фигурой Люцифера. Под ним был устроен алтарь со всеми необходимыми атрибутами для совершения дьявольских служб: черные свечи, сосуды, требники. Ничего не было забыто. Стояли также мягкие молитвенные скамеечки для молящихся и шикарные кресла, обитые ало-золотистым шелком, для священнослужителей. Помещение освещалось электрическим светом из фантастического светильника в виде огромного человеческого глаза. Если и этого вам недостаточно, я могу привести примеры наличия сатанинских храмов здесь, в самом Лондоне. Возможно, они не так шикарно обставлены, но имеют все необходимое для проведения черных месс. Один из таких храмов после войны 1914-1918 годов располагался в Эрлс-Корте; другой, — мне даже представилась возможность посетить его совсем недавно, в 1935 году, — был в Сент-Джеймс-Вуде и, наконец,

такой храм, не более чем три года назад, существовал на Доуэр-стрит, — там, во время одной из церемоний, была засечена насмерть женщина.

Де Ришло стукнул по столу кулаком.

— Все это факты, и я могу доказать это, представив живых свидетелей. Несмотря на электричество, аэропланы, нынешний скептицизм, силы Зла все еще существуют. В крупнейших городах Европы и Америки им по сей день поклоняются ради своих мерзких целей развращенные человеческие существа.

Сэр Пеллинор передернул своими широкими плечами.

— Я вполне готов поверить вам на слово. Конечно, время от времени я слышал о таких вещах, в том числе и об убийствах, мотивы которых для полиции остались загадочными. Но, честно говоря, я чувствую, вы совершенно неверно интерпретируете все эти факты. Такие сборища — просто предлог для некоторых богачей и декадентов, которые есть в каждом большом городе, чтобы оправдать свои самые невероятные сексуальные оргии. По сути дела, то особые клубы порока, возглавляемые хитрыми мошенниками, которые хорошо на этом зарабатывают. Я не сомневаюсь в том, что вы говорите об оформлении этих клубов, но, по моему мнению, церемониальная часть является своеобразным духовным стимулятором, который помогает им достичь определенного состояния духа, делающего дозволенным непотребное, когда они позднее скидывают свои одежды. Я не верю, что эти так называемые сатанисты, пользуясь сверхъестественными силами, как вы утверждаете, могут нанести вред живому существу, хотя бы кролику.

— Жаль, — ответил герцог. — Но поскольку передо мной и не ставилась задача убедить вас, я получил удовольствие от чисто академического спора. Вы пришли

сегодня вечером ко мне с жизненно важной проблемой, которую необходимо решить, чтобы победить нацистов. Я изложил то, что, на мой взгляд, может явиться способом разрешения этой проблемы. Если вы отнесетесь к моим словам как к чепухе, а потом окажется, что я все-таки прав, благодаря вашему нежеланию принять фантастическую на ваш взгляд версию, может получиться так, что мы проиграем войну или, в лучшем случае, она чрезвычайно затянется и принесет необычайно тяжелые последствия для всего нашего народа. Либо моя теория верна, либо нет. Мы просто обязаны, если есть возможность, предпринять шаги, противодействующие возникшей угрозе, следовательно, нравится вам это или нет, вы возложили на меня, как на свой долг перед Родиной, убедить вас в том, что магия — это реальная научная сила, а, поэтому, она может использоваться нашими противниками.

Сэр Пеллино с мрачным видом кивнул головой.

— Я ценю вашу точку зрения, герцог, и не сомневаюсь в вашей искренности и честности намерений. Но даже если мы просидим здесь до середины следующей недели, вы все равно не сможете убедить меня в том, что оккультные силы можно использовать так же, как радиоволны.

— Нет, смогу, — ответил герцог, и его глаза засветились странным загадочным светом. — Вы заставляете меня в интересах нации сделать то, что мне не нравится, но я вполне знаком с этой областью и могу вызвать себе на помощь определенные силы. Когда сегодня вечером вы покинете квартиру, вы больше никогда не сможете утверждать, что совершенно не верите в магию.

3 ТАЙНАЯ ДОКТРИНА

Сэр Пеллинор несколько опешил, а затем от всей души рассмеялся.

— Надеюсь, вы не собираетесь превращать меня в осла или во что-нибудь подобное?

— Нет, что вы, — с улыбкой ответил де Ришло. — Я даже сомневаюсь, что мои возможности простираются до такой степени, но я могу вызвать у вас провал памяти до конца недели.

— Черт! Этого еще мне не хватало!

— Не тревожьтесь. У меня совершенно нет намерения этого делать. Мне приятно сознавать, что я никогда еще не позволил себе поддаться искушению и не применял ничего, кроме Белой Магии.

— Белая Магия... Белая Магия, — подозрительно повторил сэр Пеллинор. — Колдовские трюки, да?

— Совсем нет, — несколько язвительно возразил герцог. Белая Магия отличается от Черной только тем, что это ритуал, который совершается не ради причинения вреда кому-то и не в личных интересах практикующего его. Я собираюсь воспользоваться своими способностями, чтобы до некоторой степени реализовать высказанное вами пожелание. Может, перейдем в другую комнату?

Явно заинтригованный и в то же время чувствующий себя не в своей тарелке из-за необычности такого заня-

тия для послеобеденного развлечения, сэр Пеллинор прошел за герцогом в ту комнату в его квартире на Керзон-стрит, которую любой, получивший привилегию посетить ее, запоминал надолго. И совсем не из-за размеров или ее оформления, а из-за уникальной коллекции редких и ценных предметов, включающей тибетского Будду, восседающего на лотосе; бронзовые статуэтки из Древней Греции; удивительно тонкие рапиры из толедской стали; мавританские пистолеты, инкрустированные бирюзой и золотом; иконы из Святой Руси, украшенные полудрагоценными камнями, и резные восточные фигурки из слоновой кости. Каждый предмет служил своеобразным напоминанием о загадочных авантюрах, предпринятых де Ришло в малоизвестных землях под видом наемника или путешественника. Полки с книгами в богатых переплетах покрывали стены до высоты человеческого роста, а пространство над ними было закрыто бесценными историческими документами, старинными хромотипиями и картами.

Усадив своего гостя в удобное кресло перед камином, герцог прошел к большому секретеру, украшенному резной слоновой костью, и отпер его с помощью длинного, напоминающего спицу, ключа.

Герцог опустил крышку секретера. Внутри оказалось множество самых разнообразных по размеру и форме ячеек. Из одной из них он вытащил старинный кованый железный поднос, длинный и узкий, на котором были выгравированы какие-то странные изображения. Отложив поднос в сторону, из другой ячейки он вынул курильницу и, бросив в нее несколько крупинок ладана, зажег от белой свечи.

Когда начал струиться фимиам, герцог подошел к красивому антикварному письменному столу, сел за него,

взял ручку и пододвинул к себе лист бумаги. Что-то написав на нем, он сложил его, вложил в конверт, который протянул сэру Пеллинору со словами:

— Положите его в карман. Когда наступит время, я попрошу вас вскрыть его. Если мой опыт пройдет удачно, это письмо явится свидетельством того, что во всем происходящем нет даже элемента случайности.

Затем де Ришло вынул из секретера четыре маленьких бронзовых чаши. Основанием каждой из них служил треножник точное скульптурное изображение мужских крылатых фигур. В одну чашу он поставил зажженную свечку, которая сразу же стала гореть голубоватым пламенем. В другой уже было какое-то темное вещество. Две чаши остались пустыми. Взяв одну из них, он подошел к подносу с напитками и влил туда немного минеральной мальвернской воды. Поставив эту чашу в ряд с остальными тремя, он покосился на баронета, который наблюдал за его действиями с циничным неодобрением, и заметил:

— У нас здесь представлено четыре элемента — воздух, земля, огонь, вода. Все они необходимы для выполнения нашего магического обряда.

Комната наполнилась голубоватым ароматным дымом, исходившим от курильницы с ладаном. Взяв из ящика секретера, где они располагались в алфавитном порядке, три конвертика с написанными на них именами, герцог продолжил:

— Какой бы чепухой это не казалось, во всех этих действиях, таких непонятных, но освященных древностью, есть глубокий смысл. К примеру, фимиам оградит наше обоняние от неприятного запаха, испускаемого предметами, которые я собираюсь сжечь в пламени.

— И что же это за предметы? — поинтересовался сэр Пеллинор.

Герцог открыл один из конвертиков, вытряхнул его содержимое на ладонь и показал своему гостю.

— Как видите, это кусочки человеческих ногтей.

— О Господи!

Сэр Пеллинор быстро отвернулся. Он неожиданно осознал, что вопреки своей воле, несмотря на свое извечное неверие в оккультизм, он нечаянно вступил с ним в контакт. Не утешало его и то обстоятельство, что он был отмечен наградами в Бурской войне да и после нее ему не раз предоставлялся случай доказать свою отвагу. Он прекрасно разбирался в вооружении, но совершенно не понимал Господина Эрудита, предполагающего вызвать паранормальные явления путем сжигания на огне частиц человеческого тела.

Де Ришло, казалось, прочитал его мысли и улыбнулся. Вернувшись к секретеру, он взял серебристого порошка, который высыпал на старый железный поднос тремя небольшими горками. На каждую горку он положил по несколько частиц ногтей из разных пакетиков. Сделав затем знак, совершенно не похожий на крест или на прикосновение к лицу, как делают магометане при упоминании имени пророка, он зажег одну из горок серебристого порошка и звонким голосом, от которого сэр Пеллинор невольно вздрогнул, произнес заклинание из одиннадцати слов на каком-то древнем, давно канувшем в Лето языке.

Порошок вспыхнул ярким пламенем, частички ногтей обратились в едкий дым, и де Ришло вновь повторил тот же, ни на что не похожий, знак.

Еще дважды герцог повторял эту самую процедуру и эти же самые слова.

Затем он потушил свечу, горевшую в одной чаше, вылил воду из другой, загасил курильницу и, убрав все это

в секретер, запер его на ключ.

— Вот и все, — произнес он бесстрастным тоном, будто только что закончил демонстрацию нового пылесоса. — Теперь нужно немного подождать, прежде чем станут очевидными результаты моих действий. Что вы будете пить? Бренди, шартрез или бокал вина?

— Бренди с содовой, — ответил сэр Пеллино, испытывавший явное облегчение от того, что странные манипуляции его друга наконец закончились.

Сидя у огня с бокалом в руке, герцог радушно улыбался.

— Мне очень жаль, что я заставил вас почувствовать себя неуютно — огромный просчет хозяина по отношению к своему гостю — но вы сами запросились на это, согласитесь.

— К несчастью, да! Вы имеете полное основание заявлять подобное, и я даже рад, что вы это сделали, хотя должен признаться откровенно, что все это дело вызвало у меня странное чувство, которого я не испытывал годами. Неужели вы искренне верите, что фюрер откалывает подобные же номера с ладаном, чашами и ногтями?

— Даже не сомневаюсь. Все, что нам известно о нем, свидетельствует об этом. Вспомните его любовь к высокогорным местам, его секретную комнату, в которой он сидит запершись чуть ли не по двенадцать часов, когда никому не разрешается нарушать его покоя, каким бы срочным не было дело. Вспомните его так называемые приступы и, кроме всего прочего, обратите внимание на его образ жизни — отсутствие женщин, алкоголя, вегетарианскую диету.

— Ну и какое, черт побери, это имеет значение?

— Чтобы добиться оккультной власти, необходимо отказать от всех плотских радостей, зачастую даже при-

держиваться длительных постов, чтобы очистить тело. Вспомните, все святые, совершавшие чудеса, славились своим аскетизмом. Любой, жаждущий практиковаться в Черной Магии как одной из форм оккультизма, не должен потакать своим слабостям.

— Это как-то не совпадает с вашим собственным поведением сегодня вечером. У нас был недурной обед, и мы немало выпили, прежде чем вы приступили к своим экспериментам.

— Все верно. Но если вы помните, я сказал, что собираюсь продемонстрировать только азы магии. Я бы не смог показать ничего более существенного, так как мне пришлось бы сначала вновь вернуться к обучению и вспомнить давно забытое.

Сэр Пеллинор понимающе кивнул головой.

— Тем не менее, я считаю невероятным, чтобы такой человек, как Гитлер, дабы выяснить маршруты, по которым движутся наши конвои, мог бы посвящать свое время — изо дня в день, из недели в неделю — этим обрядам, в то время как у него и без того масса важнейших дел.

— Я с вами согласен. Наверняка вокруг него немало людей, которым он может поручить эту рутинную работу. Сам же он обращается к сверхъестественному лишь в исключительных случаях, когда жаждет дополнительной силы для совершения еще больших преступлений.

— Господи, храни мою душу! Неужели вы хотите сказать, что все нацисты занимаются черной магией?

— Конечно, не все, но значительная их часть. Вы никогда не задумывались, почему они выбрали своим символом свастику?

— Ну-у... я как-то всегда считал, что это — отражение их проарийской политики, ведь свастика является

арийской по происхождению, так?

— Да. Еще задолго до появления Креста Свастика была арийским символом Света, и у нее настолько древняя история, что никто не может докопаться до ее истоков. Но арийская Свастика повернута вправо, в то время как нацистская — влево, прямо в противоположную сторону, и, следовательно, она является символом Тьмы.

— Впервые обо всем этом слышу, — нахмурившись, произнес сэр Пеллино, — и, откровенно говоря, мне трудно принять вашу теорию.

Де Ришло рассмеялся.

— Если у вас будет время заняться этим всерьез, вы вскоре поймете, что это не просто теория. Вам что-нибудь известно об астрологии?

— Ничего, за исключением того, что как-то раз один человек сделал мне гороскоп, и, должен признаться, неплохо сделал. С того времени прошло уже много лет, но практически все, что он предсказывал, исполнилось.

— Так и должно быть, если астролог действительно знает свое дело, если ему сообщают точные данные, и он не жалеет своего времени на составление гороскопа. Но гороскоп, которые люди получают за какие-то десять шиллингов, редко бывает хорошим, потому что астрологию сейчас мало кто знает, а это очень точная наука. Требуется немало времени и многолетняя практика, чтобы научиться определять степень влияния планет и других тел, которые в момент рождения ребенка находятся над горизонтом. Но все равно это стоит того. Десять-двадцать гиней, уплаченных человеку, который действительно разбирается во всем этом, — ничто по сравнению с хорошим гороскопом, который является разгадкой человеческой жизни. Пользуясь его предостережениями, можно изменить характер и тем самым избежать многих

неприятностей.

— Неужели? — На лице сэра Пеллинора было написано явное изумление. — А у меня сложилось такое впечатление, что вся эта астрологическая братия считает, что все, предписанное звездами, в буквальном смысле должно произойти. Вот почему я никогда не относился к своему гороскопу серьезно. Ничто не убедит меня в том, что мы не являемся хозяевами своей собственной судьбы.

— Являться-то мы являемся, — спокойно заметил герцог, но жизненные дороги наши ограничены. Каждый ребенок при рождении получает от Великих Творцов определенные сильные и слабые стороны характера, которые по существу являются результатом целой серии его предшествующих существований. В широком плане жизнь такого ребенка заранее спланирована, потому что его родители и его окружение автоматически будут очень сильно влиять на его будущее. В то же время она не определена окончательно, потому что время от времени в течение всей его жизни на его пути будут появляться другие люди, которые будут оказывать на него хорошее или дурное воздействие. Будут у него в жизни и искушения и в то же время шансы для дальнейшего совершенствования. Все это осуществляется Творцами в соответствии с обширным планом, в котором всему предназначено свое конкретное место. Вот почему по положению звезд при рождении можно предсказать черты характера, наклонности человека и периоды его успехов и неудач. Но свободная воля остается, поэтому события будущего, хотя и предвиденные с огромной степенью вероятности, не могут быть предсказаны с абсолютной точностью, так как человек может неожиданно проявить огромную силу и тем самым сойти с уготованного ему жизненного пути.

— Значит, гороскоп не может заранее все обусловить?

— Конечно. Зато он может оказать неоценимую помощь человеку в определении его недостатков и возможностей. То обстоятельство, что мы иногда сходим с предназначенного нам пути, не означает, однако, что мы покидаем его во имя лучшего. Наверняка вы замечали, как люди зачастую терпят поражение по своему собственному недомыслию, из-за недостатка терпения или неумения подойти к тому или иному вопросу. Казалось бы в результате случайных обстоятельств человеческая жизнь кардинально меняется, и его будущее получает совершенно иное направление. Это не отнюдь случайность, потому что ее, как таковой, не существует. Просто, столкнувшись с определенным испытанием и проявив неожиданную твердость или слабость, человек отбрасывается назад силами, над которыми он не имеет контроля, на дорогу, где ему уже уготованы другие испытания или возможности.

Вновь забили орудия противовоздушной обороны. Зазвенело стекло на столике. По соседству с домом, где-то в направлении Пикадилли, разорвались две бомбы. Стены угрожающе затряслись, а над головой отчетливо слышалось гудение вражеских самолетов.

Несколько мгновений они молчали, а затем, когда грохот стих, сэр Пеллинор сказал:

— Черт бы побрал этого Гитлера, тоже мне художник-курбанист! Скоро во всех клубах не останется ни одного целого стекла. Так что же вы собирались мне рассказать о нем и астрологии?

— А вот что Каждое его важное действие, за однини-единственным, насколько мне известно, исключением, совершалось в то время, когда господствовали его звезды.

Вспомните: его марш на Рейн, аншлюс Австрии, захват Чехословакии и массу более мелких, но тем не менее важных для него действий осуществлялись в то время, когда расположение звезд было для него наиболее благоприятным. Я не прошу, чтобы вы принимали мои слова на веру. Пойдите к любому астрологу с хорошей репутацией, и он подтвердит мои слова. Кроме того, по-моему, есть убедительное доказательство того, что Гитлер либо сам занимается астрологией, либо пользуется услугами первоклассного астролога и явно выбирает время для каждого важного своего действия в соответствии с оккультными силами, господствующими в этот период.

— А в чем заключалось исключение?

— В неправильно выбранной дате — 1 сентября 1939 года. Слуги Зла могут воспользоваться оккультными силами в своих собственных интересах, но в очень ограниченных пределах. Всевидящие Силы Света все время начеку, и черный оккультист, осуществляя свои действия, рано или поздно угождает в ловушку. Так произошло и с Гитлером, когда он вторгся в Польшу. Я абсолютно уверен, ему даже в голову не приходила мысль о том, что в результате его вторжения в Данциг Великобритания вступит в войну, из чего можно сделать вывод, что, когда он обращался к звездам, выбирая подходящую дату для своей авантюры, он думал только о Польше. Он взял день, когда расположение звезд для Польши было неблагоприятным, для него же — просто прекрасным. При этом он забыл или отказался принимать в расчет звезды Великобритании. Нам всем хорошо известно, что случилось с Польшей. Ничего подобного с Британией не произошло, да и не произойдет. На небесной карте от 3 сентября 1939 года, когда мы объявили войну Германии, вы увидите, что положение звезд Брита-

нии намного выгоднее положения звезд Гитлера. Он полагал, что первого сентября он просто совершит короткий опустошительный набег на Польшу, хотя в действительности он развязал Вторую мировую войну. Вот так-то. Этот Слуга Тьмы, как видите, был сам в конце концов загнан в ловушку Силами Света.

— Предположим, — учтите, только предположим, что вы правы. Как же тогда, по вашему мнению, люди Гитлера с помощью оккультных сил могут передавать информацию?

— Какой-то человек, обладающий информацией о передвижениях наших судов, должен быть в состоянии думать об этом постоянно, непрерывно, и в состоянии бодрствования, и в состоянии сна, или же передать ее тому, кто в состоянии делать это.

— О чем вы, черт побери, говорите?

Де Ришло улыбнулся, взял со столика бокал своего друга и вновь наполнил его бренди.

— Чтобы объяснить, что я имею в виду, я должен снова обратиться к Тайному Искусству. Поскольку вы — христианин, вы наверняка верите в то, что после смерти наша душа продолжает жить, и то, что мы называем Смертью по существу является Вечной Жизнью.

— Конечно, верю.

— Но это не все. Как я уже говорил некоторое время тому назад, в основе каждой религии лежит вера в реинкарнацию и в то, что через определенные неравные промежутки времени каждый из нас вновь приходит в мир, чтобы еще больше набраться опыта и умения властвовать над собой. Эти периоды можно сравнить со школьными четвертями, когда мы вынуждены учиться, желаем мы этого или нет, и когда мы редко испытываем счастье в течение достаточно длительного времени. Пери-

оды, когда мы свободны от тела, делятся дольше и похожи на каникулы, когда мы набираемся сил к новым испытаниям, наслаждаемся обществом всех дорогих друзей, с которыми столкнулись на протяжении всех наших прошлых жизней и испытываем большее наслаждение и блаженство, чем это возможно на Земле. Это и есть истинная Вечная Жизнь. Но каждый раз, вновь воплощаясь во плоти, мы полностью теряем связь с той духовной планетой, где мы живем подлинной жизнью и познаем настоящее счастье. Когда мы спим, дух наш покидает тело и освобождается, чтобы укрепить себя для испытаний следующего дня. Для этого он перемещается в астральную плоскость, где встречается и ведет общается с душами, чьи тела продолжают спать на Земле.

Некоторым людям снятся сны, и часто, некоторым — нет, или они просто так говорят, а это означает, что после пробуждения они ничего не в состоянии вспомнить, но факт остается фактом — мы все видим сны, а вернее — покидаем свои тела, как только засыпаем. Сон, следовательно, не что иное, как смутное воспоминание о том, что мы делаем, когда тело наше спит. Если человек по пробуждении будет сразу записывать, что он видел во сне, он в конце концов сможет научиться вспоминать, что делает его душа, находясь вне тела. Требуется значительная сила воли, чтобы немедленно проснуться, а процесс восстановления событий требует еще большего усердия, но поверьте моему слову, это можно сделать. Если вы сомневаетесь, я могу легко представить вам по крайней мере с полдюжины лиц, живущих в настоящее время в Англии, которые развили в себе эти способности до такого совершенства, что могут без особого труда восстановить в памяти все свои ночные путешествия. Душа же, безусловно, без труда помнит, что происходит, когда она

находится в теле. Вот что я подразумевал, когда говорил о непрерывности мысли и в состоянии бодрствования и в состоянии сна.

— Я редко вижу сны, — произнес сэр Пеллинор, — а если это когда и происходит, то потом в голове у меня образуется какая-то путаница.

— То же самое происходит и у большинства людей, но объяснить это довольно просто. Когда вы покидаете свое тело, время, как известно, прекращает существовать, так что в течение одной ночи вы можете проделать путешествия на огромные расстояния, встретиться со множеством людей и совершить самые необыкновенные поступки. Неудивительно, что, когда вы просыпаетесь, вы ничего не помните, за исключением самых ярких моментов своих ночных авантюр.

— Которые не имеют никакого смысла и не связаны друг с другом.

— Естественно. Я вам приведу пример, но для начала расскажите мне о своей обыденной жизни. Что вы делали в течение недели? Начните с понедельника, с самого утра.

— Ну, хорошо. Дайте вспомнить. В понедельник у меня была очень интересная встреча. С Бивербруком. Во вторник я обедал с адмиралом, ответственным за маршруты наших конвоев. Хотя нет, это было в среду. А вот во вторник я поскользнулся и чуть было не вывихнул свою лодыжку. В то же самое утро я получил письмо от своего племянника — от этого негодника долгие месяцы не было ни слуху ни духу — он сейчас на Ближнем Востоке. В среду я потерял важную бумагу, чертовски переволновался, хотя, как оказалось, напрасно, потому что она все это время была засунута за подкладку моей шляпы, однако нервы я себе потрепал. Вчера я встретил-

ся с вами и...

— Этого вполне достаточно, чтобы проиллюстрировать мою мысль, — прервал его герцог. — Если бы все эти три дня воплотились в один сон, вполне вероятно, что вы проснулись бы со странным впечатлением, что во сне видели, как гуляя с лордом Бивербруком по авиазаводу вы случайно упали и чуть не вывихнули лодыжку. Затем, встав, вы вдруг увидели, что лорд исчез, а сами вы с адмиралом бороздите холодные воды Атлантики, где гибнет столько наших кораблей. Потом у вас возникло ужасное ощущение, что вы потеряли нечто необыкновенно важное, хотя так и не смогли вспомнить, что именно, и вы пускаетесь на поиски этого вместе с вашим племянником-солдатом в песках Ливии, в промежутках гоняясь за итальянцами. Это называется телескопическим взглядом. Ни одно из этих происшествий, казалось бы, не имеет между собой явной связи, как и события реальной жизни, которые вы мне изложили. Но это вполне естественно, поскольку воспоминания о реальной жизни или о событиях во сне касаются главным образом того, что оказало наибольшее воздействие на вашу душу. События меньшей важности вскоре опускаются, вливаясь в общий поток подсознания. Я готов с вами поспорить на десять фунтов, что вы не сможете сейчас с точностью вспомнить, что вы ели на протяжении всех этих трех дней. То же самое происходит и при попытке вспомнить сон. Лишь тренированный, опытный человек может восстановить пробелы и воссоздать весь сон в его последовательности.

— Ясно. Я уловил вашу мысль. Но каким образом германскому шпиону удастся передавать информацию нашему противнику?

— Человек может научиться воссоздавать сны. Следующий этап — научиться их передавать. На практике это тоже вполне возможно. Допустим, кто-то желает встретиться с кем-то из своих друзей на астральном уровне. Для этого он должен думать об этом постоянно и погрузиться в сон с решимостью обязательно осуществить такую встречу. Добиться такого состояния нелегко. Но это вполне возможно для любого, кто, не дрогнув сердцем, полон решимости пройти ужасную тренировку. Это даже не вопрос обучения или тайного обряда, а просто выработка в себе необходимой силы воли, чтобы уметь заставлять себя по утрам быстро просыпаться и восстанавливать мельчайшие детали сна. После того, как человек развил в себе такие способности, ему остается только заснуть, думая о человеке, которого он желает встретить на астральном уровне, а затем утром проснуться с полным сознанием того, что задуманное сделано. Хотите пример? Пожалуйста. Многочисленные пары, разделенные войной, каждую ночь встречаются во сне. Но поскольку никто из них не проходил специального обучения, ко времени своего полного пробуждения на следующее утро едва ли один из десяти тысяч помнит об этой встрече. Раз любовники могут встречаться в астрале, в то время как их спящие тела находятся за тысячи миль друг от друга, что может помешать вражеским агентам делать то же самое?

— Господи, храни мою душу! — Сэр Пеллинор неожиданно наклонился вперед. — Вы что же хотите сказать, что, если германский агент в Англии обладает какой-то информацией, то ему достаточно заснуть, передать во сне свое сообщение гестаповскому коллеге, спящему в Германии, а тот, получив его, на следующее утро проснется с полной информацией в своей голове?

— Вот именно, — спокойно согласился герцог.

— Но это же ужасно! Просто невысказано себе представить. Нет, нет. Не хочу быть невежливым — я абсолютно уверен, что вы не пытаетесь намеренно выставить меня дураком, но, честно говоря, мой милый друг, я этому не верю.

Де Ришло передернул плечами.

— В Лондоне немало людей, готовых засвидетельствовать мои слова, и, если я не ошибаюсь, вот идет один из них.

Едва он произнес эти слова, раздался тихий стук в дверь, вошел слуга герцога, Макс, который прошептал:

— Ваше сиятельство, пришел мистер Саймон Арон. Просит принять его.

— Попросите его войти, Макс, — ответил герцог и с улыбкой повернулся к сэру Пеллинору. — Это один из моих старых друзей, о которых мы уже говорили сегодня вечером.

Макс распахнул дверь. На пороге комнаты, застенчиво улыбаясь, стоял Саймон. Это был худощавого, хрупкого телосложения молодой человек, черноволосый, с огромным клювообразным носом и темными беспокойными умными глазами. Когда он подошел поближе, герцог представил его сэру Пеллинору, и они пожали друг другу руки.

— Счастлив познакомиться с вами, — сказал сэр Пеллинор. — Я столько слышал о том, как вы с вашими друзьями принимали участие в одном из самых знаменитых подвигов де Ришло.

Саймон склонил набок свое клювообразное лицо и улыбнулся.

— Боюсь, похвастаться мне нечем. Все провернули другие. Сам же я редко путешествую. — Он быстро

покосился в сторону герцога и продолжал: — Надеюсь, я не помешал. Решил просто заглянуть и убедиться, что у тебя все в порядке.

— Благодарю тебя, Саймон. Это очень любезно с твоей стороны. Я даже представить себе не мог, что ты будешь бродить по Лондону в такую ночь, когда сплошные налеты.

— Н-не, — с несколько робкой улыбкой произнес Саймон свое знаменитое отрицание, слегка наклонив голову и устремив взгляд на свои руки. — По правде говоря, я не бродил... хотя за свою жизнь я не беспокоюсь. Просто примерно полчаса тому назад мне пришла в голову мысль, что я не видел тебя уже целую неделю, поэтому, закончив роббер, я вскочил в такси и примчался сюда.

— Ну и прекрасно. Налей себе чего-нибудь. — Де Ришло указал рукой на сервировочный столик и, когда Саймон налил себе бокал бренди, продолжал: — У нас здесь был разговор об оккультизме, и мы спорили, может ли германский агент, находясь в Британии, передавать разведданные своему коллеге в Германии путем общения с ним на астральном уровне во время сна. Твое мнение на этот счет?

Саймон энергично и одобрительно закивал головой.

— Гм... Я бы сказал, что в этом нет ничего невозможного.

— Как я понимаю, сэр, вы верите во всю эту оккультную чепуху? — спросил сэр Пеллино, поглядывая на молодого человека с некоторой подозрительностью.

— Угу. — Саймон вновь кивнул головой. — Если бы не герцог, несколько лет назад я потерял бы не просто разум, а нечто более ценное. Шутить с оккультизмом не стоит.

— Естественно, вы будете считать, что Арон преубежден, — произнес де Ришло, улыбаясь сэру Пеллинору, — но каково бы не было его отношение к оккультизму, уверяю вас, это человек честный и на него можно положиться. Вы можете быть с ним совершенно откровенны и все рассказать. Будьте уверены, ничего не выйдет за пределы этих четырех стен. Было бы неплохо, если бы вы рассказали ему, какое предложение сделали мне сразу же после обеда.

— Очень хорошо, — согласился сэр Пеллинор и дал Саймону краткое описание того ужасного положения, в котором оказался британский флот.

Когда он закончил, Саймон продолжал развивать эту тему, быстро приводя точные цифры потерь, которые понесли конвои.

— Минуточку, молодой друг, — в удивлении воскликнул сэр Пеллинор. — Откуда вам все это известно? Это же совершенно секретные сведения!

— Ну конечно, — усмехнулся Саймон. — Я бы не стал рассказывать такие вещи постороннему, но знать их — отчасти моя обязанность. Вынужден знать, потому что они влияют на состояние биржи, а разведывательной службой, как известно, обладает не только правительство. Это никогда не приходило мне в голову, но передача информации путем оккультизма вполне возможна. Я бы не удивился, если бы узнал, что именно в этом заключается причина ее утечки. Как бы то ни было, я считаю, что идея герцога заслуживает внимания и должна быть исследована со всех сторон.

— Ну и как вы собираетесь это сделать? — спросил сэр Пеллинор, бросив взгляд на герцога.

— Я должен побывать в Адмиралтействе, — ответил тот, — вступить там в контакт со всеми людьми, имею-

щими доступ к секретной информации относительно движения конвоев. Затем ночью, когда их души покидают свои спящие тела, я последую за ними, чтобы установить конкретно, кто имеет связь с противником.

— Вы что же, хотите уверить меня, что ваш дух может последовать за ними на астральном уровне?

— Вот именно. Я не вижу иного пути, чтобы разгадать эту тайну. Конечно, эта работа займет достаточно много времени, потому что к информации допущено много людей.

— И это чертовски опасно, — добавил Саймон.

— Почему? — поинтересовался сэр Пеллинон.

— Потому что человек, передающий информацию, может обнаружить, что я веду за ним слежку, и он пойдет на все что угодно, лишь бы остановить меня.

— Но как?

— Когда душа покидает спящее тело, она, пока жизнь продолжается в этом теле, связана с ним тончайшей нитью серебристого света, способной тянуться на любые расстояния. Эта нить — все-равно что телеграфный провод. Если неожиданная опасность угрожает телу, по ней к душе передается сигнал тревоги. Но стоит повредить эту серебряную нить, как тело умирает. По существу, именно это и происходит, когда говорят, что человек умер во сне. Если о моих намерениях станет известно, силы Тьмы сделают все возможное, чтобы порвать серебряную нить, соединяющую мою душу с моим телом, и я никогда не смогу вернуться в него и сообщить вам о результатах своего расследования.

— Выходит, даже души борются друг с другом, да? — проворчал пожилой баронет, не пытаясь скрывать своего скептицизма.

— Конечно. Извечная борьба между Добром и Злом с не меньше, чем здесь, силой идет и на астральном уровне. Только средства используются более ужасные. И если кто-то вступит в конфликт с одной из сущностей Внешнего Круга, душа его может испытать больший ущерб, чем потеря тела.

Сэр Пеллинор бросил взгляд на часы и встал.

— Ну ладно, — произнес он грубовато-добродушно. — Это был ужасно интересный вечер. Я получил огромное удовольствие, но мне уже пора идти.

— Нет, нет, — запротестовал герцог. — Вижу, вы мне еще не верите, считаете, что я говорю чепуху. Но сделайте мне любезность, дождитесь исхода моего таинственного эксперимента.

— А что ты здесь проделал? — спросил Саймон с неожиданным интересом, но другие не обратили внимания на его слова, а сэр Пеллинор сказал герцогу:

— Конечно, я готов, если вы пожелаете, но, честно говоря, мой дорогой друг, вряд ли что-нибудь убедит меня. Все эти серебряные нити, души, совершающие убийства, бессмертные души, не находящиеся в безопасности даже под дланью Господа Бога — все это слишком трудно для понимания человека моего возраста.

В этот момент раздался очередной стук в дверь и вновь появился Макс.

— Ваше сиятельство, пришли мистер Рекс Ван Райн и мистер Ричард Итон. Они просят принять их.

— Конечно, — ответил герцог. — Попроси их войти.

Первым вошел Рекс, широкоплечий гигант в форме капитана авиации. Он тяжело опирался на палку. Сэр Пеллинор сердечно приветствовал его. За ним вошел Ричард, человек более хрупкого телосложения. Герцог представил его сэру Пеллинору.

— Так, так, так, — рассмеялся баронет, обращаясь к де Ришло. — Похоже, сегодня вечером у вас здесь настоящий прием и четверо знаменитых друзей опять вместе.

Широкая улыбка расцвела на некрасивом, но привлекательном лице Рекса.

— Мы с Ричардом, — сказал он, обращаясь к герцогу, обедали в Дорчестере, как вдруг у нас обоих и почти одновременно появилась одна и та же мысль, что было бы просто грандиозно после обеда заскочить к тебе и выпить с тобой немного бренди.

Де Ришло повернулся к сэру Пеллинору.

— А теперь попрошу вас прочитать записку, которую я вам вручил.

Сэр Пеллинор вытащил из кармана конверт и прочитал записку, написанную де Ришло. В ней говорилось следующее:

«Вы будете свидетелем того, что со времени написания этой записки я все время был у вас на глазах, не пользовался телефоном и не осуществлял связь через своих слуг. Сразу же после обеда вы выразили пожелание познакомиться с моими друзьями — Саймоном Ароном, Рексом Ван Райном и Ричардом Итоном. Если их в Лондоне нет, мой опыт ни к чему не приведет, потому что у них не хватит времени приехать сюда до вашего отъезда домой. Но если они, в чем я уверен, находятся в городе, наверняка, по крайней мере один из них, появится здесь до полуночи. Если кто-то из них или все объявятся здесь, они подтвердят без всякой подсказки с моей стороны, что приехали сюда не по заранее достигнутой со мною договоренностью, а чисто случайно, благодаря неожиданной

мысли, пришедшей им в голову. Но эта мысль отнюдь не является случайной, потому что в результате магического обряда, совершенного мной у вас на глазах, я передал своим друзьям свое желание видеть их у себя.

Если опыт будет успешным, надеюсь, это убедит вас в том, что нацисты могут использовать магию для различных гнусных целей, и наша обязанность заключается в том, чтобы не откладывая убедиться в этом.»

Сэр Пеллинор опустил руку с запиской и скользнул взглядом по небольшому кругу присутствующих. Затем он смутился и воскликнул:

— Господи, а я ведь действительно не верил. Вы выиграли, герцог, должен признаться в этом. Но это не значит, что я готов принять на веру абсолютно все, о чем мы говорили сегодня вечером. Тем не менее, в нашем деле нельзя отказываться ни от какой возможности. Положение в Атлантике наше наиболее слабое место, и, может быть, в ваших руках находится судьба Британии.

4 ЗА ТЕХ, КТО ГИБНЕТ В МОРЕ

— Мне понадобится помощь, — серьезно сказал герцог.

— Все, что вам будет нужно, правда, в пределах разумного, вы получите, — сразу же ответил сэр Пеллинон.

— Я имел в виду профессиональную помощь, помощь людей, имеющих представление о парапсихологии, которые могли бы работать со мной и на кого я мог бы положиться.

Де Ришло обвел взглядом своих друзей.

— Как я понимаю, на вас троих я могу рассчитывать.

Саймон кивнул, а Ричард ответил с улыбкой:

— Конечно, но поскольку мы с Рексом только что появились, мы не имеем ни малейшего представления, о чем здесь идет речь.

Когда сэр Пеллинон объяснил всю ситуацию, Рекс сказал:

— Мы все трое были в том ужасном деле, связанном с талисманом Сета и вполне ознакомились с оккультизмом, чтобы быть способными работать под руководством герцога. Вся беда в том, что в настоящее время я связан с королевскими военно-воздушными силами.

— Я могу устроить так, что вас отправят в бессрочный отпуск, — сказал сэр Пеллинор.

— Прекрасно, — ответил герцог. — Ричард сам себе хозяин, а как относительно тебя, Саймон? Сможешь ли ты высвободиться из своей конторы на несколько недель?

— Конечно, не очень хотелось бы, но это дело важнее.

Когда герцог вновь заговорил, его первые слова утонули в грохоте орудий, но все уловили их смысл.

— Если мы собираемся объявить войну на астральном уровне, нам следует покинуть Лондон. Это очень важно. Нам следует работать в каком-нибудь маленьком местечке, где бы нас не тревожили чисто земные проблемы.

— Нам лучше всего остановиться в Кардиналз-Фолли, — сразу же предложил Ричард. — Там, в глубине страны, даже шума самолета не услышишь, да и Мари-Лу будет рада видеть тебя.

— Нет, Ричард. — Де Ришло покачал головой. — Мы уже немало принесли ей тревог в прошлый раз, когда бросили вызов Дьяволу, а, поскольку в доме еще находится и Флер, его никак нельзя принимать в расчет.

— Флер сейчас нет дома. Вместе со своей гувернанткой она гостит у другой девочки, дочери моих хороших друзей, которые живут в Шотландии. И, как ты помнишь, в прошлый раз во все события была вовлечена и Мари-Лу, так что она знает об оккультизме столько же, сколько Саймон, Рекс и я.

Де Ришло на мгновение задумался. Он знал, что у прекрасной малютки, жены Ричарда, обилие здравого смысла, как, впрочем, и необычайно сильной воли, что, как это уже зачастую случалось прежде, может оказать-

ся полезным. Это была Всеобщая война и, раз женщины повсюду рисковали своей жизнью, чтобы поддерживать жизнедеятельность нации во налетов фашистской авиации на Британию, было бы несправедливым высвободить Мари-Лу от той необычной военной работы, в которой она могла бы быть такой же полезной, как и любой мужчина. Наконец он произнес:

— Ну что ж, Ричард, благодарю. Мы принимаем твое предложение. Следующее относится ко мне. Я должен встретиться в Адмиралтействе с человеком, который определяет маршруты движения конвоев.

Сэр Пеллинор в задумчивости посмотрел на него.

— Я... э... — начал он. — Боюсь, вряд ли стоит говорить адмиралу о том, что вы собираетесь делать. Я чувствую, что вы, вполне вероятно, правы относительно способа утечки информации в Германию, но боюсь, его в этом будет гораздо труднее убедить, чем меня.

— А в этом и нет необходимости, — улыбнулся герцог. Все, что мне нужно, это пообщаться с ним в течение часа-двух.

— Ну, с этим проблем не будет. Я с ним договорился, что завтра он придет ко мне на ленч. Я пошел на это, потому что был совершенно уверен, что заинтересую вас сегодня вечером этим делом. А поскольку времени терять нельзя, я решил, что вы присоединитесь к нам и выясните все, что вам нужно.

— Прекрасно. Общая дискуссия по данному вопросу будет в любом случае весьма полезной, хотя, конечно, не исключено, что моя версия относительно использования оккультизма неверна. — Де Ришло оглядел всех присутствующих. — Затем, если вы не возражаете, мы все в течение дня отправимся в Кардиналз-Фолли.

Они поболтали еще полчаса, а затем, когда отменили воздушную тревогу и наступило затишье, гости де Ришло решили разъехаться по домам, пока пушки не начали грохотать вновь.

На следующий день герцог присутствовал на ленче с адмиралом и штабным морским офицером в особняке сэра Пеллинора на Карлтон-хаус-террас. Адмирал имел квадратный подбородок, объемистый живот и блестящую лысину. Капитанштабник же не имел ни первого, ни второго, ни третьего, зато обладал веселыми живыми глазами, не слишком густыми рыжеватыми волосами и прекрасным широким лбом.

Разговор у них был долгим. Потом они рассмотрели несколько крупномасштабных карт западных и северо-западных акваторий Атлантики, которые офицеры принесли с собой. Ситуация оказалась намного тяжелее, чем представлял де Ришло, который поинтересовался у адмирала, сколько людей в действительности имеют доступ к информации о пути следования каждого конвоя до того момента, когда приказ о дальнейшем направлении движения вручается командующему конвоем.

Адмирал резко вскинул свою розовую лысину в сторону капитана.

— Никто, кроме меня и Феннимера. Мы оба определяем маршрут, учитывая последнюю информацию, касающуюся расположения сил неприятеля в каждом районе. Затем Феннимер от руки пишет приказы, чтобы с их содержанием не знакомить даже секретаря. Приказы запечатываются в конверты, обшитые тканью, и снабжаются грузилом, чтобы в случае опасности их можно было выбросить прямо в море. Затем они помещаются в специальный стальной ящик, который Феннимер самолично

отвозит в порт, откуда должен выйти конвой. Он передает этот ящикек командиру эскорта, а тот в свою очередь вручает его командующему конвоя за сотни миль от берега, когда корабли сопровождения собираются вернуться в порт. Таким образом, даже командующий конвоем до выхода в открытый океан и до ухода эскорта, когда запечатанные приказы перейдут в его владение, не знает точного пути следования.

— Что ж, это сводит почти на нет возможность утечки информации, — заметил герцог. — Я даже не представляю, какие еще меры предосторожности вы можете предпринять.

Адмирал устало передернул плечами.

— В том-то и дело, что я тоже не представляю. Как они получают информацию, ума не приложу, но это режет меня под корень. Вы окажете нам огромную услугу, если сможете указать место, где происходит утечка.

— Видите ли, — добавил Феннимер, — даже если один из офицеров конвоя — предатель и владеет тайной радиоаппаратурой, посредством которой может сообщить противнику о своем приблизительном местонахождении в течении двадцати четырех часов после ухода судов сопровождения, это все-равно не решает проблемы, ибо тогда получается, что каждом конвое есть хотя бы один предатель, что явно абсурдно.

— Что же, я принимаю это, — согласился герцог, — но тогда утечка должна происходить в Лондоне, где составляются маршруты всех конвоев. Вы не могли бы дать мне свои домашние адреса?

Капитан в удивлении поднял глаза, а адмирал с улыбкой произнес:

— Вот так-то, Феннимер. Все вполне логично, он просто считает, что это кто-то из нас двоих — или вы

или я. Ну а после контрразведка уже не одну неделю следует за нами по пятам, то какая разница, если одним шпиком будет больше. Может, это даже к лучшему. Вот если б они могли еще на каждую ночь выделить нам по смазливой девице, ну тогда бы мы свою невинность доказали бы полностью.

— Вы совершенно правы, сэр. — Феннимер рассмеялся. — Я уже настолько привык к тому, что за мною постоянно шпионят, что, если б вдруг однажды утром его сиятельству пришла бы в голову шальная мысль выскочить из шкафчика у меня в ванной комнате, я абсолютно бы не обратил на это внимания. Значит, так, — сказал он, повернувшись к де Ришло, — я снимаю квартиру в Норт-Гейт-Меншенз, Риджентс парк. А у адмирала дом № 22, Орм-сквер, Бейсуотер.

— Если вы когда-нибудь пожелаете заглянуть ко мне, сказал адмирал, — и осмотреть мой дом, я передам своей жене, чтобы она предоставила вам полную свободу действий.

— То же самое касается и моей квартиры, — добавил капитан.

— Благодарю вас, господа. Но я попросил у вас ваши адреса на тот случай, если у меня возникнет необходимость срочно связаться с вами, — не моргнув глазом, сказал герцог.

Час спустя он вместе с Рексом, Саймоном и Ричардом в машине последнего проезжал по полупустынным улицам подвергнувшегося бомбежкам Лондона по дороге в Вустершир.

Последняя часть путешествия проходила в полной темноте, но Ричард настолько хорошо знал дорогу, что, съехав с главного шоссе, он без труда петлял по узким

деревенским дорожкам, пока наконец не въехал в открытые парковые ворота и не остановился перед своим чудесным сельским особняком.

Восточное крыло беспорядочно выстроенного старого дома было самым древним и, говорят, одно время там располагалось крупное аббатство, но много столетий спустя остатки толстых стен были надстроены, а в последние годы Ричард и его очаровательная супруга, некогда принцесса Мария-Луиза-ЭлоизаАфродита Блэнкфорт Де Картезан де Шмудемофф, не жалели ни сил ни средств, чтобы интерьеры были удобными и красивыми. Не успел Малин, пожилой дворецкий Ричарда, открыть тяжелую дубовую дверь, как встречать их выбежала Мари-Лу.

Это была невысокая женщина с каштановыми локонами волос, лицом, по форме напоминающем сердечко, и большими фиолетовыми глазами, благодаря чему она сразу же походила на симпатичного персидского котенка. Несмотря на ее миниатюрность, тоненькие ручки, ножки, запястья и лодыжки, она совсем не была худой, вот почему де Ришло зачастую говорил, что она самое прелестное создание, которое он когда-либо видел, и не случайно многие прозвали ее «карманной Венерой Ричарда». Их привязанность друг другу ничуть не изменилась с того времени, когда, наткнувшись на нее среди сибирских снегов, он сразу же женился на ней и вывез с «Запретной территории».

Они обнялись, как будто не виделись долгие месяцы, и, когда наконец он отпустил ее, она задыхаясь произнесла:

— Дорогой, я получила телеграмму всего лишь час назад, хотя ты и отправил ее вчера вечером. Комнаты еще не готовы, но горничные уже приводят их в порядок, кладут грелки в постели, а вообще так приятно снова

видеть всех вас, что просто нет слов.

Сказав это, она подошла к каждому и, поднявшись на цыпочки, поцеловала в щечку.

Малин отправился разгружать машину, а герцог улыбаясь смотрел на нее.

— И, тем не менее, принцесса, у меня будет к тебе необычная просьба. Я попросил бы у тебя разрешения спать в библиотеке.

— Сероглазка, дорогой! — воскликнула Мари-Лу. — Ты ведь не из тех, кто боится бомбежек! Впрочем, вокруг Кардиналз-Фолли тишина и покой, так что ты будешь в полной безопасности в своей старой комнате наверху, н, а если уж ты так хочешь, можешь спать и в библиотеке.

— Не боязнь попасть под обстрел привела меня сюда из Лондона, моя дорогая, а гораздо более серьезная проблема.

Веселое личико Мари-Лу моментально стало серьезным, и она понимающе кивнула головой.

— Тогда все ясно. Входите. Я же тем временем сделаю коктейли.

Ричард соорудил рожу, когда последовал за нею в вытянутую гостиную с низким потолком, где летом через французские окна открывался очаровательный вид на террасный садик.

— Боюсь, нам изменила удача, дорогая. Мы все бросили пить, — сказал он.

Она резко остановилась, обратив на де Ришло округлившиеся, с едва заметным страхом, глаза.

— Библиотека... никаких напитков... неужели опять кому-то из вас угрожает опасность с той стороны?

— Нет, — заверил ее герцог, — но перед нами поставлена задача бросить вызов Гитлеру на астральном

уровне.

— Не нравится мне это, — вдруг произнесла она, — совсем не нравится.

Ричард обнял ее за плечи.

— Дорогая, Черные маги посредством оккультных сил передают в Германию секретную информацию. По крайней мере, мы так считаем. Кому-то из нас следует подняться на астральный уровень и попытаться остановить их. Как тебе хорошо известно, для осуществления работы подобного типа человеку необходима спокойная и мирная обстановка, вот почему я решил, что ты тоже захотела бы, чтобы Сероглазый, пока участвует в этой, одной из самых таинственных битв Британии, погостил у нас.

Мари-Лу всплеснула руками — жест, столь характерный для иностранцев.

— Ты безусловно прав. Я бы никогда не простила его, если б вдруг впоследствии узнала, что он занимался этим совсем в другом месте. Я просто хотела сказать, что все, связанное с оккультизмом, чертовски опасно.

— Но сравнив это с тем как ты разъезжала со своей передвижной кухней в Кливленде в ту самую ночь, когда нацисты превратили город в настоящий ад, я пришел к заключению, что ты перестала чего-либо бояться, — с серьезным видом сказал Ричард.

Марии-Лу пожала его руку.

— Но это было совсем другое, дорогой, а потом, что еще мы могли поделаться? По крайней мере мы знали, что может произойти. Иное дело — астральный мир, ужасы которого даже нельзя предвидеть. Я опасаюсь за тебя, за Рекса и Саймона даже больше, чем за себя, потому что вне тела я значительно сильнее многих мужчин.

Де Ришло взял ее руку и поцеловал.

— Я знал, что могу рассчитывать на тебя, принцесса. И, если понадобится, мы сможем все вместе образовать когорту из пяти воинов Света.

Рекс взял шейкер и понюхал его содержимое.

— Боже,какая прелесть! — пробормотал он. — Баккардийский ром с ананасовым соком — мой любимый коктейль. К сожалению, придется отказаться от него. — Он бросил взгляд на Мари-Лу. Ставлю пятьдесят фунтов против одного, что Сероглазый откажется от всех деликатесов, которые ты задумала нам на обед.

— Какая жалость! — воскликнула Мари-Лу печально. — Если бы меня по крайней мере предупредили, я бы тогда знала, что он пожелает, чтобы мы на какое-то время стали вегетарианцами. А так, естественно, я приготовила все самое лучшее, что у меня было из запасов на случай необходимости — гусиную печенку, персики в бенедиктине, консервированные сливки...

— Слушай, перестань, у меня во рту пересохло. Ничего себе запасец!

Рекс замахал своими огромными ручищами.

— Запас что надо! — рассмеялся Риард. — Все было куплено за много месяцев до начала войны, когда морская торговля вовсю процветала. И почему правительство не пропагандировало среди населения закупку консервированного продовольствия, пока это еще можно было сделать, совершенно не представляю! Многочисленные кладовые, разбросанные по всей стране, явились бы настоящим спасением для нации, которая вынуждена сесть на паек.

— Один человек, насколько я знаю, сделал такое предложение весной 1939 года, — заметил герцог. — Он

в то время писал статьи для «Санди Грэфик» и высказал теорию, что было бы неплохо, если бы каждый сделал запас, хотя бы самый небольшой. Тогда, в случае войны и недостатка продовольствия у зажиточных людей были бы запасы, а бедным досталось бы значительно больше в магазинах. Министерство национальной безопасности реагировало на это полуофициальным заявлением, что в создании запасов нет ничего плохого, и я не сомневаюсь, что люди, последовавшие его совету, с благодарностью вспоминают его нынешней зимой.

— Ну ладно, давайте не будем думать о том, что я собиралась предложить на обед, — заметила практичная Мари-Лу. — Вы просто скажите мне, что вам принести.

— Только не мясо и не мясной бульон, — заявил герцог. Немного рыбы, если она у тебя есть, потом овощи, а также фрукты или орехи.

Рекс аж застонал, а Саймон с кривой усмешкой бросил Мари-Лу:

— Я оставил Малину пакет с пятью морскими языками из Дувра. Я то знал, с какой целью мы сюда едем, поэтому и подумал, что они могут пригодиться.

— Саймон, дорогой, ты всегда был самым предусмотрительным человеком. За исключением консервов, в этом доме нет ни крошки, а уж тем более рыбы. Правда, я могу раздобыть фрукты и орехи.

Мари-Лу поспешила дать новые распоряжения относительно обеда, в то время как Ричард пригласил своих гостей наверх, чтобы разобрать вещи и привести себя в порядок.

Когда они вновь спустились вниз, Ричард спросил герцога: — Почему ты хочешь спать в библиотеке? Уж не собираешься ли ты, как и раньше, соорудить там

пентакль?

— Да. Я подумал, что для тебя будет легче освободить библиотеку, чем одну из спальных комнат наверху, и держать ее под замком, чтобы слуги не могли случайно оказаться там днем. Конечно, было бы хорошо, если бы у меня была возможность немного потренироваться, но время дорого, поэтому я собираюсь начать уже сегодня вечером.

— Но это же огромный риск, разве не так?

— Не думаю. Вряд ли Темным Силам уже известно, что мы собираемся выступить против них, так что маловероятно, что они нападут на меня на астральном уровне или попытаются нанести вред моему телу, пока я нахожусь вне его. Сложность заключается в том, что, если я сразу же нападую на след, меня могут заметить, обратить внимание на то, что я все время спую поблизости. Та же сложность возникает и при обычном расследовании. Вся разница в том, что здесь просто иной уровень. Если бы я выслеживал вражеских агентов в их физическом воплощении, то есть на земном или материальном уровне, то мне наверняка дали бы официальное прикрытие предоставили бы работу в Адмиралтействе. Никто из работающих там не обращал бы на меня внимания, пока бы не заметил, что я слежу за ним или сую свой нос в дела, которые меня совершенно не касаются. Хорошего детектива вычислить сложно, по крайней мере до тех пор, пока он сам не раскроется, поэтому у меня есть все основания полагать, что, когда я окажусь в астральном мире, никто меня тревожить не станет, пока я не узнаю то, что мне нужно. Ну, а когда это произойдет, мы найдем возможность принять контрмеры. Но на всякий случай я предлагаю, чтобы каждый из вас по очереди

дежурил, пока я сплю. Всем вам известно, как помочь мне быстро вернуться в свое тело, если я вдруг столкнусь с опасностью. Кроме того, вы всегда будете под рукой, если меня случайно разбудит пролезший в дом взломщик или взрыв бомбы.

— Ну, хорошо. Сразу же после обеда мы начнем освобождать библиотеку.

Благодаря дуврским морским языкам, которые Саймон догадался купить до отъезда из Лондона, их скромный обед в тот день, сопровождаемый водой, оказался вполне съедобным. Когда они закончили, Ричард дал указание дворецкому, чтобы их ни в коем случае не беспокоили, и они удалились в библиотеку.

Восьмиугольная по форме, пол которой был расположен несколько ниже уровня земли, библиотека была основным помещением в старейшей части дома. Уютные диванчики и большие кресла, полированный дубовый паркет, огромный овальный красного дерева письменный стол работы Чиппендейла у широкого французского окна, стены, покрытые книжными полками и два глобуса по углам. Благодаря полуподвальному положению комнаты, освещение в ней всегда было тусклым, даже днем, да и сама ее атмосфера была несколько мрачноватой. Весь год в этой комнате горел широкий камин, в котором уже лежал толстый слой пепла, а по вечерам, когда опускали занавеси, также как это было сделано сейчас, библиотека освещалась мягким светом, исходившим от спрятанных в потолке светильников, которые были установлены Ричардом.

При таком освещении место становилось приятным, располагало к отдыху, к спокойной работе или светскому разговору.

— Мы должны убрать отсюда абсолютно все — мебель, ковры, — сказал герцог. — Кроме того, мне понадобятся веники и швабра, чтобы вымыть пол.

Мужчины стали переносить мебель в холл, а Мари-Лу достала из шкафа горничной все, что необходимо. В течение получаса все молча работали, пока в библиотеке не осталось ничего, за исключением рядов золоченых корешков книг.

— Я хочу, чтобы комнату очень тщательно осмотрели, в особенности пол, потому что эманации зла, чтобы материализоваться, могут прилипнуть к любой песчинке. А за мной, может быть, будут гнаться вплоть до самой библиотеки, если я случайно попаду в беду.

— Конечно, конечно, Сероглазка, — ответила Мари-Лу и с помощью своих друзей стала подметать пол и протирать его мокрой тряпкой, а де Ришло тем временем пошел за своим чемоданчиком, в котором хранились его ритуальные принадлежности, и за многочисленными покупками, которые он совершил утром. Когда он их распаковал, все увидели, что там находилось несколько подушек, надувные резиновые матрасы, шелковые халаты, пижамы и шлепанцы.

— Зачем ты все это притащил сюда? — спросила Мари-Лу.

— Наверняка ты помнишь, что любые вещи, даже чуть-чуть загрязненные, не должны попадать внутрь пентакля, — ответил он. — Грязь обязательно будет на постельном белье или одежде, даже если ими пользовались всего несколько часов, а именно к ней сразу же прилипают элементалы, стихийные духи. Я полагаюсь на тебя и надеюсь, что ты принесешь нам чистые одеяла, простыни и наволочки.

— Конечно, конечно, — ответила она мрачно. — Я просмотрю бельевого шкафа. А сколько тебе нужно комплектов?

— На данный момент только один, поскольку сегодня ночью я буду выходить на астральный уровень один, остальные же будут спать в своих собственных постелях, за исключением тех немногих часов, когда каждый из них будет дежурить около моего тела.

Пол к этому времени был уже настолько вылизан, что с него можно было бы есть, а Мари-Лу отправилась за бельем, о котором ей говорил герцог. Сам же он открыл свой чемоданчик и вытащил оттуда кусок мела, рулетку и футовую линейку. Отметив точку в самом центре комнаты, он попросил Ричарда встать там и держать один конец рулетки, затем отмерил ровно семь футов и, пользуясь другим концом рулетки как циркулем, провел на полу большой круг.

Затем он сделал внешний круг и приступил к наиболее сложной части операции. Нарисовал пятиконечную звезду, своими концами касающуюся внешнего круга, в то время как ее плоскости покоились на внутреннем. Для того чтобы защита была могущественной, звезду следовало изображать с геометрической точностью. Стоило ее сдвинуть хотя бы чуть-чуть в сторону, и весь пентакль оказался бы бесполезным, а, может быть, даже и вредным.

В течение получаса с помощью рулетки и линейки они проводили многочисленные измерения, пока толстые меловые линии, образующие пятиконечную звезду, которая должна была охранять его от воздействия любого Зла во время сна, не вызвали удовлетворения герцога.

Потом, тщательно все высчитав, он написал мелом во внутреннем круге следующее заклинание: «INRI —

ADAM — TE DAGERAM — AMRTET — ALGAR — ALGASTNA» и, сверяясь со старинной книгой, которую он привез с собой, он нарисовал какие-то загадочные древние символы в лучах микрокосмической звезды.

Саймон, предшествующий опыт которого давал ему кое-какое представление о пентаклях, вспомнил, что некоторые из них являются кабалистическими знаками, взятыми со Сефиротического Древа — Kether, Binah, Gebirah, Hod, Malkulth и другие; остальные же знаки, подобные Око Гора, были египетского происхождения, а другие, в свою очередь более древние, арийского письма, которого он не понимал.

Когда сооружение астральной крепости было завершено, в центре ее расстелили чистые постельные принадлежности. Первым на дежурство по желанию герцога заступал Риард, поэтому они вдвоем направились наверх, чтобы переодеться в чистое белье. А Мари-Лу, Саймон и Рекс тем временем расстелили постель и специально для Риарда надули один из матрацев.

Вскоре сверху спустились де Ришло с Риардом, причем герцог нес стеклянный кувшин только что налитой свежей воды. Он освятил ее, опустив туда два пальца правой руки, которые сперва подержал на уровне глаз, чтобы в них могла перейти вызываемая им невидимая сила. Прodelав эту операцию, он опять стал доставать различные принадлежности из своего чемоданчика. Потребовав всеобщего внимания, он запечатал лентами травы асафетиды и синей воскообразной пастой окна и затерявшуюся среди книжных полок дверь, которая вела в комнаты наверху. Все это было запечатано с обеих сторон, а также сверху и снизу и окроплено святой водой крест-накрест. Затем он вытащил из чемоданчика пять

небольших серебряных чашей, которые на две трети наполнил водой и расставил в основаниях лучей пентакля. Потом он взял пять длинных белых конических свечей и зажег их, расставив точно в вершинах пятиконечной звезды. Осветив пять новых подков, он положил их позади свечей, концами наружу, а рядом с каждой чашей, наполненной святой водой, разложил пучки сильно пахучих трав.

Завершив наконец сложные действия по воздвижению внешних защитных барьеров, герцог обратил свое внимание на друзей.

— Ричард будет со мной до часу, — сказал он. Его сменит Саймон, который будет дежурить до четырех часов; потом Рекс, пока я не проснусь. Пожалуй, это произойдет вскоре после семи, но он не должен специально будить меня, если, конечно, не возникнет какой-нибудь опасности. То же самое относится и к Риарду с Саймоном. Всем все ясно?

Рекс понимающе кивнул головой, а герцог продолжал:

— Вы все видели, как осуществлялось опечатывание. Когда вы нас покинете, Ричард запечатает дверь в холл; вполне естественно, когда Саймон заступит на дежурство, он нарушит эти печати и ему придется вновь опечатать дверь, когда выйдет отсюда Ричард. Позднее Рекс проделает то же самое, когда придет сменять Саймона.

— А где я смогу войти? — поинтересовалась Марилу.

— На данный момент, принцесса, нигде, — с улыбкой ответил герцог. — Я специально заставил Ричарда дежурить первым, чтобы он не тревожил тебя после часа, но безусловно позднее мне понадобится твоя помощь. А сейчас мы должны позаботиться о нашей личной без-

опасности.

Он вновь подошел к своему чемоданчику и извлек оттуда длинные гирлянды чеснока, четки с прикрепленными к ним небольшими позолоченными распятиями, медальоны с изображением Святого Бенедикта, держащего Крест в правой руке, а Святое Писание — в левой, и склянки с солью и ртутью. Освятив распятия и медальоны, он повесил себе на шею эти странные регалии, не обойдя при этом и Ричарда. Одновременно он дал ему указание передать их Саймон, а тому — Рексу, когда они будут сменять друг друга.

Когда герцог закрыл свой чемоданчик, Ричард заметил:

— Сейчас всего лишь десять часов, не слишком ли рано?

Де Ришло покачал головой.

— Нет. Трудно догадаться, в какое время адмирал ляжет спать. Если, допустим, он вчера работал допоздна, то вполне вероятно, что сегодня он ляжет рано, поэтому необходимо, чтобы я оказался рядом с ним, когда он оставит свое тело, в противном случае я могу не признать душу, и вся ночь будет потеряна впустую.

— Ну тогда, к делу. Всем спокойной ночи. — Ричард нежно поцеловал Мари-Лу и улыбнулся всем остальным. — До часу, Саймон, но, если случайно ты заснешь, я буду дежурить, пока не наступит время Рекса. — Он взмахнул чистыми листами бумаги и совершенно новым карандашом. — Это на всякий случай. Если делать будет нечего, буду писать статью о том, чем кормить домашнюю птицу в годы войны. Я отнюдь не писатель, так что это займет у меня не один час.

— У тебя всего-то и будет три часа, — с улыбкой заметил Саймон. — Я буду здесь ровно в час. Тебе ж

хорошо известно, что я никогда не ложусь раньше двух.

— А сегодня, Саймон дорогой, ляжешь, — решительно заявила Мари-Лу, — потому что на дежурство ты должен прийти свежим как огурчик и, даже если ты спать не хочешь, все-равно ложись и немного подремли. Я вам с Рексом дам будильники, так что вы не проспите.

Когда Мари-Лу, Саймон и Рекс вышли из библиотеки, Ричард запечатал дверь в комнату и развел огонь в камине, а герцог выключил весь свет и зажег от старинной трутницы пять длинных белых свечей. Затем они оба вошли в пентакль.

Герцог совершил процедуру по защите девяти отверстий собственного тела, делая при этом таинственные знаки, и произнес краткую молитву, испрашивая у Сил Света защиты и покровительства во время своей астральной прогулки. Затем он лег в свою постель, а Ричард уселся рядом на надувном матрасе.

Они пожелали друг другу спокойной ночи, и герцог повернулся набок. Тишину нарушало только легкое царапанье карандаша, которым Ричард начал писать свою статью, и едва слышимое шипение огня. Де Ришло сказал, что маловероятно, чтобы на первом этапе его ожидала какая-либо опасность, но Ричард не был в этом уверен. Он до сих пор еще помнил то ужасное прыщавое, похожее на мешок, зловещее Нечто, раздражающееся хрипящим отвратительным смехом, которое он видел в этой самой комнате при аналогичных обстоятельствах всего лишь несколько лет назад. Ему хотелось избежать и галлюцинаций и сна, поэтому он и решил написать небольшую статью на чисто прозаическую тему о кормлении домашней птицы. Таким путем он надеялся как-нибудь занять себя, чтобы не посматривать на часы. Однако чуть ли не после каждого предложения он делал

паузу, быстро осматриваясь по сторонам.

Откуда-то из глубины дома доносилось едва слышимое тиканье часов. Временами полено с громким стуком падало на каминную решетку, но вскоре эти шорохи ночи сменились гробовой тишиной, таинственной и звенящей. Как ни странно, но создавалось такое ощущение, что эта тихая, восьмиугольная комната больше не является частью дома. Было что-то ненастоящее, мистическое, в огромном меловом пентакле, в центре которого они отдыхали, в чашах со святой водой, в пучках трав и подковах, расставленных здесь и там, зато пять длинных, конических свечей, отбрасывавших ровный свет, были Ричарду хорошо знакомы.

Вдали пробили часы. Прошло всего полчаса. Ричард бросил взгляд на герцога. От расслабленного его тела исходило ровное дыхание. Эта неукротимая душа оставила свою смертную плоть и отправилась в самое странное путешествие во времена Второй мировой войны.

5 АДМИРАЛ УСТРЕМЛЯЕТСЯ ВВЕРХ

Заснув, герцог недолго повисел над своим телом, взирая сверху на него и на то, как Ричард, сидя рядом с его импровизированной постелью, спокойно пишет. Затем он почувствовал, как вся сила его души заполнила его астральное тело. Простой мысли было вполне достаточно, чтобы он выскользнул из дома и устремился по направлению к Лондону.

В считанные секунды оказался он над огромным, расползающимся в стороны городе. Был налет, и он остановился, какое-то мгновение с интересом наблюдая за Лондоном, представляя его себе глазами нацистского летчика. Отчетливо виднелась широкая, извилистая змея Темзы. Этого вполне было достаточно, чтобы летчик мог распознать многие районы; вдали же от реки только в ночь, когда светит яркая Луна, нацисты могли сообразить, где они находятся и какие они бомбят цели. Затемнения было явно недостаточно. Вспыхивавшие здесь и там крошечные, чуть ли не с булавочную головку, тусклые огоньки позволяли определить не только их местонахождение, но и расположение широких магистралей, железнодорожных станций и огромных зданий.

Орудийная стрельба велась единичными выстрелами, которые временами вспыхивали таким ярким пламенем, что освещали чуть ли не всю пространство, где

располагались основные зенитные батареи. Раздалось два взрыва. Один по соседству с Челси, а другой — чуть подальше, вниз по реке, видимо, в Бермондси, а, может быть, и где-то поблизости. Небольшие вспышки, красный отблеск которых был затемнен появившимся дымом, вряд ли оказали дополнительную услугу германским бомбардировщикам. Появилось еще несколько огоньков. Возможно, на земле разорвалась бомба или артиллерийский снаряд, подобный тому, который с ужасным, раздирающим воздух, свистом пронесся у самых ног герцога.

Если бы де Ришло в этот момент оказался бы там в своем обычном физическом облике и спускался бы, скажем, на парашюте, его бы просто разнесло по кускам, а так он даже не почувствовал никакого шока. Пока он рассматривал раскрывшуюся под сцену действию, рядом прогудел нацистский самолет-убийца. Герцог едва сдержался, чтобы самолично не задушить его пилота и вызвать тем самым крушение самолета. Он совершенно спокойно мог в него пробраться, но в этом не было никакого смысла, потому что астральное тело нельзя видеть или чувствовать, а лишение авиатора разума посредством психического воздействия противоречило Закону, который создал все предметы такими, как они есть.

В этот момент самолет сбросил тяжелую бомбу и де Ришло, решив, что ему нечего бестолку висеть и следует заняться своим собственным делом, быстро спустился вниз и полетел над самыми крышами домов. Бомба угодила в огромное здание, посыпались стекла и штукатурка, а в дальнем углу развалин вспыхнул пожар. Как понял герцог, несколько человек погибло. Их души взмыли вверх из дымящихся руин. Один из умерших явно был знаком с тайным искусством, ибо он издал радостный крик, который заметил де Ришло, и сразу же унесся в

сторону, полный счастливых намерений. Другие, однако, выглядели потрясенными, несчастными и одинокими, явно не понимая, что произошло с ними и что на самом деле они уже мертвы, но это с ними продолжалось недолго.

Прежде чем пожарники и спасательные команды с грохотом появились на улице, чтобы придти на помощь к оставшимся в живых, если таковые остались среди дымящихся развалин, примчались небесные спасители, которые бросились помогать душам, лишившемуся своего телесного существования. Некоторые из этих помощников, что было хорошо известно герцогу, не имели каких-либо форм воплощения, в то время как другие были подобны ему самому. Их земные тела, как ни в чем ни бывало, продолжали спать внизу. Что это были за люди, не было никакой возможности разобрать. Просто в обязанность посвященных входила помощь непосвященным, когда те испытывали состояние шока от неожиданной смерти. Сам герцог неоднократно занимался подобной же работой, оставляя во сне свое тело и отправляясь в туда, где без всякого предупреждения, в результате войны или стихийного бедствия, гибли огромные массы людей. Бросился бы он на помощь и на сей раз, если бы его собственное дело не было более важным и если бы не было очевидно, что добровольные помощники вполне уже справлялись с новыми умершими.

Многочисленные темные крыши наверняка бы сбили с толку любого человека, но герцог прекрасно ориентировался и сразу же сообразил, что находится в Кенсингтоне, правда, точное место он определить не смог. Окинув взором огромный, приплюснутый купол Альберт-Холла он повернул на север, в сторону Гайд-парка, и, пролетел немного, оказался на Орм-Сквер.

Необычность путешествия не испортила его настроения, и он испытывал ту же самую радость, что переживают и большинство людей во время своих ночных прогулок. Он как птица парил в воздухе всего лишь в нескольких метрах от поверхности, совершенно не чувствуя своего тела, поворачивая направо или налево одним лишь желанием мысли.

Оказавшись на площади, он сразу же заметил, что северозападная часть ее была разрушена взрывом бомбы. Тут он вдруг вспомнил, что совершенно не знает, где находится дом номер 22. Выяснить это через какого-нибудь полицейского или члена местной противовоздушной охраны, что бы он сделал в другой обстановке, он тоже не мог. Однако, проблема не составила особой сложности. Сконцентрировав все свое духовное зрение, он смог видеть в темноте и вскоре нашел нужное ему здание.

Влетев в занавешенное окно на первом этаже, он оказался в неосвещенной гостиной, где на стенах висели эстампы на морские темы. Далее следовал холл. Освещенный, но очень тускло. Вновь сконцентрировав свое зрение, герцог разглядел, что на небольшом столике лежало несколько писем для адмирала. Это его вполне удовлетворило, поскольку он понял, что находится там, где нужно. Невидимый и неслышимый он поплыл над лестницей.

Он поднялся вверх, на второй этаж, где располагалась самая большая спальня. Там он обнаружил пожилую даму, в которой сразу же признал жену адмирала, которая читала, сидя в постели. Адмирала, похоже, еще не было дома. Быстро осмотрев все остальные комнаты и убедившись в этом, герцог вернулся в спальню.

Он не опустился в кресло, как бы сделал, если бы был во плоти, потому что необходимости в отдыхе из-за

отсутствия конечностей не было. И он в ожидании прихода адмирала остался парить в воздухе, под самым потолком. Седая дама, безусловно, даже не догадывалась о том, что по соседству с нею, в самой спальне, присутствует нечто странное и продолжала спокойно читать.

В течение трех четвертей часа никто из них не двигался. Только один раз, когда где-то по соседству раздались взрывы бомб, жена адмирала слегка повела плечами. Она явно была благородного происхождения, бесстрашной женщиной, давно уже решившей про себя, что, если ей судьбой уготовано погибнуть в результате бомбежки, то лучше уж встретить смерть в своей собственной постели, нежели в холодном и неудобном убежище.

Наконец, после длительного ожидания, со стороны лестницы раздались шаги. Дверь открылась, и в комнату вошел адмирал. В руке он держал сумку с бумаги, которую сразу же сбросил на ближайший стул. Он бодро приветствовал свою жену, хотя и выглядел уставшим и несколько расстроенным.

Поднос с напитками и сэндвичами давно уже стоял в ожидании его на небольшом столике. Он сразу же проглотил несколько сэндвичей, которые запил виски с содовой, а потом начал говорить, освобождая себя от повседневных забот. Было ясно, что он никак не может избавиться от постоянной тревоги, вызванной огромными потерями британского флота. Его пожилая жена слушала его с интересом, но де Ришло заметил, что, хотя адмирал и говорил о тяжести ситуации, он размышлял в целом, даже своей жене не раскрывая деталей и подробностей последних потерь. Было очевидно, что это человек благо-разумный и осторожный.

Потом он разделся, залез в постель, в нежностью и любовью поцеловал свою жену и погасил свет. Десять минут спустя он погрузился в сон.

Герцог, вновь сконцентрировав все свое внутреннее зрение, пристально уставился на две фигуры, лежащие под одеялами, думая при этом, какую же форму примет астральное тело адмирала.

У непосвященного его астральное тело является точной копией его телесной формы и, пока его душа не достигнет определенной степени совершенства, оно зачастую даже не имеет силы, чтобы накинуть на себя какую-нибудь одежду, или просто забывает об этом, вот почему многие люди приходят в замешательство, когда во сне видят себя обнаженными в каком-нибудь обществе. Но как только душа узнает, в чем дело, она по желанию может моментально одеться. По мере дальнейшего роста ее сил она получает возможность менять свой пол, возраст и даже принимать любую форму, то есть делать все то, на что был способен де Ришло.

Если бы в этот момент там оказалось другое астральное тело, оно бы увидело герцога в образе красивого тридцатипятилетнего юноши в белых ниспадающих одеждах. Он всегда считал любопытным то обстоятельство, что астралы, добившиеся возможности менять свою внешность, редко возвращаются к облику своей первой молодости — юношам и девушкам лет двадцати. Вместо этого они останавливаются на том времени, когда, по их мнению, они достигают настоящей зрелости, что для мужчин обычно соответствует возрасту сорока лет, а для женщин — где-то лет двадцати восьми.

Жена адмирала беспокойно заворочалась в постели. Она все еще не могла заснуть, хотя сам адмирал уже

погрузился в сон. Герцог увидел, как над ним появилось мерцающее свечение. Вскоре астральное тело адмирала приобрело форму. Он вытянулся и сел на постели.

Де Ришло усилием воли мгновенно сменил свой внешний облик, обратившись в мальчика лет двенадцати-тринадцати. В отличие от смертных, которые, за редким исключением, не способны видеть астральных тел, сами астралы хорошо различают друг друга, и он не хотел, чтобы адмирал узнал его. Правда, он не стал улетать, потому что при виде незнакомца в своей спальне, адмирал не удивился бы, — на астральном уровне интимных связей не существует, — и пролетел бы мимо, как проходит живой человек мимо незнакомца на улице.

Адмирал встал во весь рост, дружески кивнул герцогу и вышел из комнаты. Он явно не осознавал, что совершенно обнажен, однако, благодаря этому обстоятельству, де Ришло сразу же получил ответ на один из наиболее волновавших его вопросов. Душа адмирала была молодой, и все тайны Великой Вселенной были еще для нее закрыты.

Это в значительной степени облегчало расследование, поскольку существует семь плоскостей или уровней существования сознания, на самом низшем из которых располагается Земля, на втором обычно парят спящие, а вот чтобы подняться выше, необходимо более высокое знание Таинственного. Де Ришло добирался до четвертого, в редких случаях — до пятого уровня, но если бы адмирал отправился в дальнейшее путешествие и решил бы подняться к областям наивысшего Блаженства, герцог не смог бы последовать за ним. Среди лиц, проживающих на Земле, число способных достичь высших сфер крайне ограничено и лишь немногие в своих ночных полетах поднимаются выше третьего уровня. В случае же с адми-

ралом по его обнаженности было очевидно, что, покинув свое тело, он все еще держался поблизости от Земли.

Поскольку пожилая дама продолжала ворочаться, де Ришло из сострадания к ней сделал в воздухе специальный знак, и она моментально погрузилась в спокойный сон, но он не стал дожидаться материализации ее астрального тела и, покинув комнату, поплыл по воздуху вслед за ее мужем.

Адмирал на мгновение завис над Орм-сквером, чтобы посмотреть сверху на бомбежку города. Выругавшись по адресу немцев, он пожал плечами и, повернув на восток, помчался туда на огромной скорости. Де Ришло последовал за ним, держась на некотором расстоянии. По пути, в стратосфере, они сталкивались с многочисленными душами, которые по мере дальнейшего увеличения скорости путешественников теряли свои очертания, превращаясь в слабые полоски света, пока в конце концов перестали выделяться среди окружающей тьмы.

За короткое время — меньше, чем необходимо, чтобы пешком добраться до Хеймаркета, — они далеко позади оставили Землю. Чернота стала таять, и герцог увидел, что они пролетают над страной, являющейся астральным эквивалентом Китая. Вспыхнул свет, а адмирал опустил на рисовом поле поблизости от города и двинулся в сторону ближайших домов. Де Ришло продолжал следовать за ним, но на сей раз он сменил костюм и внешность, обратившись в пожилого китайца.

Окружающий ландшафт свидетельствовал, что они действительно находятся в Китае. Идти по земле было тяжело. Дул слабый ветерок, шуршала листва бамбуковых рощ. Только одно указывало на то, что они находятся не на Земле, а на астральной планете. Дело в том, что адмирал, хотя и вышагивал слишком энергично и реши-

тельно для своего возраста, был все еще совершенно гол.

Примерно в сотне ярдов от него, среди кустов чайной плантации, работала группа кули. Стоило адмиралу подойти к ним, как они сразу же, прекратив работу, стали над ним смеяться и показывать на него пальцем. Взглянув на себя, он вдруг понял, в чем причина, и, явно вспомнив трюк, с которым ознакомился в своих ночных похождениях еще будучи юношей, пожелал немедленно облачиться в белую тропическую униформу британского гардемарина.

Вскоре он вошел в китайский город, а герцог следовал за ним по многочисленным кривым улочкам, пока они не добрались до очаровательного домика, окруженного садом. Уверенный, что никто его не узнает в обличье китайца, де Ришло почти нагнал свою жертву и увидел, что тот, хотя его сила воли оказалась не столь большой и юношей он не стал, умудрился сбросить лет двадцать. Он перестал сутулиться, обратившись в мужчину лет сорока почти без живота. Для гардемарина, конечно, он был староват, но вполне приемлем, учитывая его явные намерения, ибо, не успел он постучать в дверь маленького домика, как ее открыла улыбающаяся и удивительно красивая молодая женщина, чьи миндалевидные глаза и золотистая кожа выдавали ее восточное происхождение.

Де Ришло уселся под цветущим персиковым деревом у калитки. Вполне естественно предположить, что по той или иной причине адмирал желал остаться с этой девушкой наедине и наверняка бы стал выражать недовольство, если бы другой астрал прервал его свидание. Тем не менее, герцогу необходимо было убедиться в том, что его жертва не собирается передавать информацию. С этой целью он, покинув астральный, устремился на самый высокий уровень сознания, который удален от астрала

также, как тот от Земли. Сделавшись невидимым и неслышимым для адмирала, он проплыл в открытое окно и сразу же стал бесстрастным свидетелем вполне ожидаемых и совершенно неоригинальных поступков гардемарина-адмирала, который, вновь обнажившись, обнимал с ее полного согласия очаровательную даму с миндалевидными глазами. Герцог незаметно удалился, придя к заключению, что шестьдесят процентов из ста, что вольно или невольно адмирал по ночам передает неприятелю британские секреты.

Однако, герцог был человеком, который всегда опирается на не вызывающие сомнения факты, а было весьма сомнительно, что адмирал, отдав желтолицей красавице должное, может обратить ее внимание на более серьезные проблемы. Тем не менее, пока он не вернулся в свое тело, следовало вести за ним наблюдение. Ожидая его возвращения, де Ришло решил убить время, вызвав своего друга. Оказавшись на улице, он вернул себе прежний облик — европейского джентльмена, путешествующего в тропиках, — несколько раз тихо произнес какие-то заклинания и стал ждать.

Буквально несколько мгновений спустя на улице показался полный, добродушный священник римско-католической церкви, который сердечно приветствовал де Ришло. Этот священник на сей раз не находился в состоянии инкарнации и не имел нового телесного воплощения, но де Ришло знал его уже много столетий, видел его в самых разнообразных воплощениях на Земле. Одно время они были даже сестрами-близнецами, преданными друг другу.

Поблизости находилась чайная, с веранды которой герцог мог вести наблюдение за маленьким домиком и заметить, когда адмирал будет уходить. По его предложе-

нию, он вместе со священником туда и направился. В чайной они сели за стол и заказали чай.

Священник, хотя и был рад видеть герцога, сразу же высказал недовольство, что его отвлекли от его обязанностей. Годами ужасные массовые убийства совершались в Китае, и он был одним из многих, кто день и ночь помогал непосвященным, которые сотнями покидали свои тела. Де Ришло объяснил цель своей миссии и попросил совета у своего мудрого друга, на что тот отвечал:

— Я не думаю, что есть лучший способ чем тот, которым ты решил воспользоваться в настоящее время. В том, что твоя версия верна, я ничуть не сомневаюсь. Нацисты — мощнейшая сила Зла, которую Хозяин Зла умудрялся внедрять в мир в течение довольно значительного времени. Вполне очевидно, что многие из их главарей осознают это и специально этим пользуются, чтобы иметь возможность всегда призвать к себе на помощь силы Тьмы. Но я умоляю тебя быть осторожным, мой дорогой друг, поскольку, как только ты узнаешь, кто, под каким таинственным покровом, выступает их агентом, ты сразу же окажешься в ужасной опасности.

— Мне это известно, — кивнул герцог, — но если бояться, то это значит открыть дорогу Злу и потерпеть поражение.

— Все верно, — согласился священник. — Бесстрашие — наше единственное оружие. И, тем не менее, когда испытание приходит, оно может оказаться просто ужасным.

После этого, попивая чай, они заговорили об общих знакомых, как будто находились на Земле. Наконец дверь небольшого домика на противоположной стороне улицы открылась, и на улице появился пожилой гардемарин, которому махала рукой его маленькая китайская

подруга. Де Ришло поспешил распрощаться со своим другом и на расстоянии устремился вслед за адмиралом.

Когда они прошли несколько ярдов, герцог заметил, что обстановка вокруг него начала блекнуть, становясь расплывчатой как в тумане. Вступив с помощью мистических средств в непосредственный контакт с адмиралом, он узнал, что тот собирается покинуть астральный эквивалент Китая. Они взмыли в воздух почти одновременно и на всей скорости помчались сквозь пространство, пока перед ними не открылась совершенно новая картина. Тихая сельская местность в Англии. Герцог последовал за адмиралом, который, войдя через ворота, пошел в глубину сада, откуда доносились веселые, смеющиеся голоса.

Шли они, как увидел герцог суть позднее, со стороны теннисного корта, где собрались молодые люди. Он остановился и стал наблюдать за тем, как адмирал, одетый во фланелевый спортивный костюм, двинулся вперед, размахивая теннисной ракеткой, и был встречен радостными криками собравшихся, по всей видимости, его друзей.

Затем последовало достаточно утомительное для герцога бремя, поскольку адмирал, будучи довольно посредственным игроком, с необычайной резвостью сыграл в теннис шесть сетов. Де Ришло, тем временем, как старая, наделенная опытом душа решил воспользоваться своим знанием тайных сил и устремился вверх, на третий уровень сознания, с высоты которого он продолжал свое наблюдение, сам оставаясь невидимым.

Он почувствовал облегчение, когда картина вновь стала меняться, и адмирал отправился дальше, пока не оказался на верфи. В форме капитана-лейтенанта он поднялся на борт эсминца. Было ясно, что адмирал вновь переживает радость своего первого командования, по-

сколько корабль был устаревшей конструкции с весьма примитивным радиопередатчиком и совершенно без зенитных орудий.

Герцог вновь, как и во время игры в теннис, начал скучать. Кроме того, он уже испытывал усталость от пребывания на третьем уровне. Так же как человек может спать только какое-то время, так и пребывание на более высоких уровнях ограничено. Возможности герцога по пребыванию на этой широте стали резко уменьшаться, и ему ничего не оставалось как спуститься на астральный уровень и спрятаться под новой личиной. Наиболее подходящим, казалось, стать незаметным членом команды, поэтому он обратился в молодого юнг, в силу своих обязанностей постоянно околачивающегося у капитанского мостика. На астралов совершенно не действуют погодные условия Земли, но они прекрасно воспринимают климат любой местности, где бы не оказались. Было холодно, шел дождь, но де Ришло радостно приветствовал адмирала, когда тот решил вывести эсминец в открытое море. Они вышли из порта, хотя уже надвигался шторм, и герцог просто разъярился, потому что он вынужден был долгие, чуть ли не равные земным, часы проводить на мостике тяжелого судна, в то время как адмирал, явно переполненный неуывдаемой энергией и безграничным восторгом, осуществлял бесконечные маневры.

И, естественно, герцог издал вздох облегчения, когда увидел, как адмирал вдруг покачулся, ухватившись за ограждения, и картина вновь исчезла. С невероятной быстротой они вернулись в спальню на Орм-сквер, и де Ришло увидел, как и предполагал, что жена адмирала осторожно трясла своего мужа за плечо и говорила:

— Проснись, дорогой, проснись. Уже семь часов.

Не тратя больше времени, де Ришло вернулся в КардиналзФолли, спустился в свое земное тело, на мгновение замер, а затем, открыв глаза, зевнул и сел.

— Ну, — поинтересовался Рекс, сидевший рядом с ним. Как прошло?

— Прекрасно, — сонным голосом пробормотал герцог. Адмирал — приятный и простой человек. Утечка информации явно ст него не исходит, хотя временами, сам того не сознавая, он может стать орудием силы Зла. Следующую ночь я проведу с капитаном Феннимером. Надеюсь, он не сходит с ума по своей работе, поскольку я поклялся больше не разыгрывать моряка «золотые руки», способного на все во время шторма.

— Эй! Что ты имеешь в виду? — спросил удивленный Рекс.

Де Ришло улыбнулся.

— Я абсолютно уверен, что сэр Пеллинор ни за что бы мне не поверил, если б я рассказал ему о своих ночных похождениях, но есть, как тебе известно, старая пословица, которая гласит: «На небесах и на Земле происходят такие таинственные события, что они даже нашей философии не снились».

6 КАПИТАН СПУСКАЕТСЯ ВНИЗ

Было еще рано, так что герцог и Рекс решили еще поспать часа два. Тихо закрыв за собой дверь в библиотеку на замок и вытащив ключ, чтобы слуги не проявляли излишнего любопытства и случайно не повредили пентакль, они поднялись наверх в свои спальни.

Несмотря на свою ночную активность, де Ришло совершенно не чувствовал себя уставшим. Напротив, он ощущал удивительную бодрость, поскольку проспал с половины одиннадцатого до семи, значительно больше, чем обычно, и спокойствие его сна не нарушали ни разрывы снарядов ни орудийная стрельба. Во время своего астрального путешествия он напрягался не более адмирала. Единственная между ними разница заключалась в том, что он был в состоянии полностью и во всей последовательности восстановить события, тогда как адмирал проснувшись вряд ли вспомнил что-нибудь из своих ночных развлечений. В лучшем случае это было бы смутное и путаное воспоминание о том, как он играл в теннис на палубе своего первого корабля, над которым получил командование, а затем любезничал в довольно доверительном плане с некоей восточной дамой прямо в середине теннисного корта. Тем временем, пока они прибывали вне своих телесных оболочек, их эфирные тела, которые являются точными копиями земных и остаются

такowymi вплоть до смерти своих владельцев, зарядились новой энергией подобно тому, как заряжаются электрические батареи, ибо ради этого мы и погружаемся в сон каждую ночь.

Поскольку Итоны и их гости привыкли завтракать в постели, то все они собрались в длинной гостиной только перед ленчем. Вот тогда-то и попотчевал их герцог, с юмором рассказывая о шалостях адмирала, невольным свидетелем которых он стал.

— Как бы рассердился старик, если б узнал, что ты подсматривал за ним! — рассмеялась Мари-Лу.

Де Ришло улыбнулся.

— У него очень молодая душа, поэтому я абсолютно уверен, что он бы не поверил ни единому слову, если бы ему это рассказали.

— Как бы то ни было, я полагаю, его невиновность тем самым полностью установлена? — заметил Ричард.

Де Ришло в сомнении покачал головой.

— Едва ли мы получили доказательства того, что неизвестный, кем бы он ни был, устанавливает связь с противником как только засыпает; поэтому, если сегодня ночью, в действиях капитана Феннимера, когда он покинет свое тело, не окажется ничего подозрительного, я вынужден буду вновь подвергнуть этих двоих ночной проверке.

День был пасмурным и тоскливым. Все решили на улицу не выходить и провели весь день за чтением, а также забавляясь разговорами, которые они обожали вести, как только оказывались вместе. После обеда они вновь прошли в библиотеку, и герцог восстановил пен-такль. Были расписаны часы дежурства. Первым на него должен был заступить Саймон, вторым — Рекс, ну а третьим — Ричард. Была проделана та же самая проце-

дура, что и в предшествующую ночь, и к десяти часам вечера де Ришло, рядом с которым на страже сидел Саймон, забрался в постель, готовый отправиться в свое астральное путешествие.

В половине одиннадцатого он уже был над Лондоном, как раз наступило временное затишье во время обстрела. После предшествующих ночей тишина огромного города казалась несколько зловещей, а, если учитывать, что лишь немногие из миллионов лондонцев могли заснуть, просто неестественной.

Хотя ночь была темной и дождливой, герцог без особого труда определил Риджентс Парк и, спустившись к нему, устремился на север, пересек канал и оказался перед огромным затемненным зданием — Норт-Гейт-Меншнз. Несколько дверей вели в дом, к солидным, шикарным квартирам. Вскоре герцогу удалось разыскать лестницу, на которой находилась 43-я квартира. Воспользовавшись шахтой лифта, он поднялся наверх и проник в квартиру капитана Феннимера, где сразу же убедился, что тот не на дежурстве и убивает время, обедая с весьма очаровательной молодой девушкой.

Из их разговора вскоре стало ясно, что она не является ни женой капитана ни его невестой, хотя их отношения уже достигли определенной степени близости. Незадолго до одиннадцати в квартиру заглянул лакей, чтобы поинтересоваться, не нужно ли чего капитану, и получив от того отрицательный ответ, отправился спать. Капитан затем без особого труда уговорил свою гостью снять платье, чтобы не помять его, и они довольные уселись на широкий диван, который они пододвинули прямо к камину.

Герцог взирал на эти приготовления с достаточной долей сожаления, не потому, что был каким-нибудь пури-

танином или сам желал принять участие в том развлечении, к которому они склонялись, а потому, что предвидел длительное для него и утомительное ожидание, прежде чем появится какая-либо надежда на то, что капитан собирается лечь спать.

Было маловероятным, что эти молодые совершенно здоровые люди закончат свой несколько судорожный и совершенно никчемный разговор часа через два. Заранее было ясно, что моряк отправится провожать свою даму домой. Вероятно, он сможет покинуть свою телесную оболочку не ранее двух-трех часов утра.

Но по мере продолжения их разговора герцог понял, что эта парочка, явно влюбленных друг в друга, уже не первый раз занимаются амурами и вполне возможно разомкнул свои объятия в первые же утренние часы. Он готов был поспорить, что дело дошло до более-менее привычной стадии, когда наступало наслаждение, а за следовало расставание без особой головной боли. Вследствие этого, герцог решил оставить их в покое и вернуться через полчаса, тем временем занявшись в этом доме чем-нибудь более полезным.

Он посетил несколько квартир. Некоторые из них были оставлены их обитателями, а в других он наблюдал привычные домашние сцены, что совершенно не имело отношения к цели его поисков.

Потом он оказался в спальне, где на кровати беспокойно спала маленькая девочка. Она страдала от боли в ухе. Он сделал несколько пассов над ее головой. Боль отпустила ее, и она моментально заснула. Но едва ее астральное тело приняло форму, как она обратилась в мужчину среднего возраста с благородными чертами лица, явно одного из «посвященных». Прежде чем отправиться по своим делам он искренне поблагодарил герцога

за его доброту.

В другой квартире де Ришло увидел пожилую женщину с ужасной раной в плече, вызванной осколком снаряда. Он также усыпил ее, но ее астральное тело оказалось тупым и почти слепым повторением ее смертной оболочки, которая стояла обнаженной и вызывала у него отвращение. Она подозрительно уставилась на него. Он поспешил удалиться и вернуться к капитану Феннимору, чтобы посмотреть, что у него происходит.

Оказалось, что герцог правильно рассчитал время, так как очаровательная гостья капитана уже одевалась, а сам хозяин, которого не было в комнате, появился несколько мгновений спустя и стал держать перед нею зеркало, чтобы она могла причесать свои волосы. После того как она навела марафет, они выпили виски с содовой, выкурили по сигаретке, съели несколько пирожных и осторожно обнялись, чтобы не повредить прическу дамы. Де Ришло был немало удивлен, когда увидел, что проводив свою гостью до входной двери, капитан не стал одевать китель и фуражку, а лишь выпустил девушку из квартиры и, бросив с улыбкой «спокойной ночи», смотрел как она садится в лифт.

«На редкость негалантное поведение для морского офицера, — подумал герцог. — Он не заслуживает подобного счастья». Однако, мгновение спустя, он понял, что был просто несправедлив по отношению к капитану, так как лифт, не дойдя до первого этажа, остановился, опустившись всего двумя этажами ниже, и из него вышла девушка. Движимый праздным любопытством, де Ришло устремился за нею и через открытую дверь проник в квартиру, которая явно была ее домом. В гостиной сидел пожилой мужчина. Он читал. Герцог немалое позабавился, наблюдая за тем, как подружка капитана, войдя в

комнату, радостно воскликнула:

— Привет, Папуля! Надеюсь, ты не беспокоился за меня? Улицы в Лондоне совсем не освещены, и я думала, что такси никогда не довезет меня до дома. Ну, как бы то ни было, мы с Мюриэл провели немало часов, делая эти ужасные перевязки, так что, надеюсь, завтра мы сможем сдать экзамен по оказанию первой медицинской помощи.

— Первой медицинской помощи, — хмыкнув, чуть слышно пробормотал герцог. — Вот уж воистину первая медицинская помощь! Вот хитрюля!

Затем, покинув очаровательную лгунью, прямо через потолок и квартиру над нею, он устремился в жилище капитана Феннимера.

Капитан уже наполовину разделся и плескался в тазу, установленном в ванной комнате. Пять минут спустя он был уже в постели. Его сознание явно не тревожили угрызения совести относительно того, как он мерзко поступил по отношению к соседской дочке. Не беспокоили его и потери британского флота. Так что вскоре он уже спал.

Как только он начал тихо храпеть, его душа, выскользнув из постельного белья, устремилась вверх, обретая астральную форму. Де Ришло сразу же убедился, что это более опытная душа, чем у адмирала. Феннимер моментально принял облик удивительно красивой женщины с высоким лбом, правильным подбородком, умным и решительным лицом. Она была в ниспадающей складками одежде, правда, совершенно не похожей на ту, что на герцогине, а волосы ее были зачесаны (скручены) в многочисленные завиточки, на манер прически римской эпохи.

Герцог быстро отвернулся, чтобы она его не узнала; астральное же тело капитана, бросив быстрый взгляд в его направлении, решительно устремилось к выходу. Из

того что последовало затем, герцог понял, что они путешествуют обратно во времени. Когда туман рассеялся, дама в ниспадающей одежде гуляла в саду римской виллы, окруженной высокими кипарисами и расположенной над каменистым пляжем, который омывали теплые синие воды Средиземноморья. Герцог быстро взмыл вверх, на более высокий уровень сознания, чтобы стать невидимым, но иметь возможность оставаться поблизости от поросшей мхом балюстрады, которая огибала террасу, и продолжать наблюдение за выбранной жертвой.

Капитан, очевидно, во времена своего воплощения в римскую эпоху, прожил удивительно счастливую жизнь, вот почему, чтобы восстановить силу и спокойствие своего ума, он вернул себе облик женщины, которой тогда был. Герцог, однако, был абсолютно уверен, что продолжаться это будет недолго, потому что для «посвященных», души которых не склонны к потаканию своим собственным слабостям, всегда найдется какая-нибудь работа.

Предположение его оказалось верным. Побродив немного среди вечнозеленого падуба и кустарников с пахучими цветами, устремив при этом задумчивый взгляд на чудесный залив, римская дама чуть вздрогнула, и окружающая обстановка сразу же изменилась. Они вновь отправились в путешествие во времени.

Падали бомбы, стреляли зенитные пушки. Неожиданно наступила тишина, и герцог понял, что они парят над большим городом. Это явно был не Лондон. В конце концов он пришел к выводу, что это находится где-то в провинции. Астральное тело капитана без всяких колебаний устремилось к месту, где только что разорвалась бомба. Совместно с другими душами, спустившихся сюда из более высоких сфер, он бросился помогать только что

погибшим отыскать свои вещи.

Капитан явно предпочитал женское обличье. Де Ришло увидел, как принял образ больничной сиделки, на удивление удобный, если учитывать, чем он занимался на сей раз оказывал помощь погибшим, которые так еще и не осознали, что уже мертвы. В этом нет ничего странного, ибо души, не владеющие Тайным Искусством, ничего не осознают, за исключением того, что они пережили ужасное потрясение и что им очень холодно, вот почему они с большей готовностью отдавали себя на попечение сиделки, нежели другого человека и радостно принимали горячий суп и теплую одежду, которую им выдавали, не имея ни малейшего представления о том, что они такой же астральной формы, как и окружающие их.

Придя к заключению, что капитан, по всей видимости, был опытным помощником и большую часть ночи наверняка проведет, посвятив себя работе милосердия, капитан решил, что лучшее, что он может сделать, это заняться тем же, поэтому он принял облик хирурга в белом халате и сразу же принялся за дело.

В сопровождении и других помощников он переходил от развалин одного здания к другому. На протяжении долгих часов, после того как бомбежка закончилась, они оказывали первую помощь смертельно раненым, облегчая им переход из Земной жизни и отправляя в больницы.

Уже ближе к рассвету сиделка, с которой де Ришло не спускал своих глаз, прекратила свою работу. Вскоре изображение страдающего провинциального города стало таять, и герцог вновь убедился, что капитан Феннимер путешествует обратно во времени. Когда он наконец настиг его, капитан уже имел облик богача восемнадца-

того века, входящего в длинный музыкальный салон в огромном, шикарно обставленном здании. Понятно, это тоже было одно из его воплощений и, вероятно, последнее, когда капитан был известным музыкантом, а, возможно, даже и композитором. Он уселся за рояль и сразу же принялся исполнять очаровательные вещи, явно стремясь восстановить спокойствие духа после всех ужасов, свидетелем которых он стал в эту ночь.

Проиграв в течение получаса, капитан Феннимер вдруг резко остановился и со скоростью молнии вернулся в свое брненное тело. Де Ришло последовал за ним и оказался в его квартире в Норт-Гейте в тот самый момент, когда горничная ставила капитану поднос с его утренним чаем на ночной столик, а сам он с сонным видом приподнялся на локте. Две минуты спустя герцог возвратился в Кардиналз Фолли, усилием воли проснулся и рассказал Ричарду обо всем, что с ним происходило. И это ночное путешествие оказалось бесплодным.

Но в отличие от предшествующего утра, де Ришло после сна чувствовал себя уставшим. Так бывает всегда, когда астральное тело спящего вместо того, чтобы развлекаться, работает. Поднявшись в свою комнату, он сразу же лег в постель и проспал еще два часа, восстанавливая свои силы в праздном времяпровождении в самых приятных местах.

Позднее, в тот же день, когда герцог рассказал своим друзьям о своих ночных авантюрах, Ричард заметил:

— Странно, что адмирал, которого в этом мире все считают образцовым и преданным мужем, сбросив свою оболочку, сразу же торопится развлекаться и забавляться с какой-то ничтожной китайкой, в то время как капитан, настоящий ловелас, оказавшись в другом мире,

посвящает себя благородным делам.

— В этом нет ничего удивительного, — ответил герцог. Человек может находиться на сравнительно низкой стадии духовного развития, однако, проявляя удивительную энергию и целеустремленность, может добиться вполне солидного положения во время своего пребывания на Земле, что мы и имеем в случае с адмиралом. С другой стороны, люди, продвинувшиеся в своем духовном развитии вперед, могут оставаться сами собою. Каждый раз, когда они рождаются заново, их истинные познания затемняются плотью, и, пока в результате какого-нибудь контакта не произойдет пробуждения их знаний о вечных истинах, они могут себя вести, как будто все еще находятся на низшей стадии своего развития, могут даже умереть, так и не добившись большего прогресса.

— Но это же ужасная потеря времени, — запротестовал Рекс.

— О, нет. Совсем нет, потому что в течение своей жизни каждый из нас уплачивает определенные долги и в то же время что-то узнает. Я знал однажды старого пахаря, который не умел ни писать ни читать, на самом же деле он переживал последнюю свою земную ипостась и его ожидало восхождение в буддхаистскую сферу. Он даже не имел об этом представления, когда душа его находилась в теле, но я это знал и не раз на астральном уровне обращался к нему за покровительством. Ему осталось познать только один урок — унижение — и он сам пожелал, чтобы его последнее земное воплощение было в образе бедного крестьянина, который в течение всей своей жизни на Земле не имеет ни малейшего представления о Тайной Науке.

— Выходит, при рождении любая душа может воплотиться во что пожелает, — прокомментировал Саймон.

— Не совсем так. Вы сможете это сделать только тогда, когда ваши жизни на Земле подходят к концу и вам осталось узнать совсем немного. Вот тогда-то вам даруется возможность выбрать себе такое земное воплощение, чтобы суметь освоить последние уроки за более короткое время. Это напоминает случай с преуспевающим студентом в университете, которому предоставляется свобода выбора изучаемых предметов и времени занятий. Наш Господь, к примеру, пошел на крайний шаг выбрал мучения и наказания, чтобы прожить свои последние три жизни за одно земное воплощение. За короткий период в тридцать лет он выплатил все свои оставшиеся долги, которые наделал во время своих многочисленных предшествующих жизней на этой материальной планете и с непревзойденной силой духа выдержал все последовавшие за этим испытания, чтобы раз и навсегда освободиться от плоти.

— Но у него явно была превосходная память, если судить по его многочисленным высказываниям, — заметила Мари-Лу.

— Конечно. Большинство людей, которые постоянно расширяют границы своих тайных познаний, в каждом своем земном воплощении временами испытывают ощущение, как бы пробуждения после сна. Возможность познать — путем общения с кем-то или через литературу — дана многим. Те, кто не готов, отказываются от этого, а вот те, кто готовы, сразу же осознают, что все религии содержат только частицу подлинной истины, что в каждой из них есть нелогичные положения, которые не одолеть, в то время как подлинная мудрость совершенно логична и справедлива. Никто, обладающий знанием, не пытается навязывать его другому, потому что это пустая потеря времени, но делится им, если человек готов его

воспринять.

— Интересно, был ли я готов к этому, когда несколько лет тому назад ты нам донес это учение? — спросил Ричард. — Я всему поверил, потому что все, что ты не говорил, находило свое подтверждение. Поверил я в закон Кармы, согласно которому сколько посеешь, столько и пожнешь, то есть ни атомом больше ни атомом меньше, что вполне справедливо. Это перечеркивает безнадежное и мрачное учение, по которому после нашей короткой жизни — я уж не говорю о тех, кто умер в детстве — душа либо получает доступ в рай либо осуждена на вечные муки в Аду. Ни один здравомыслящий человек не может опираться на веру, которая является пародией на справедливость. И, тем не менее, за очень редким исключением, я так никогда и не смог вспомнить ни одного своего сна, хотя одно время мы вместе с Мари-Лу пытались заниматься этим. Ей-то это давалось сравнительно легко, а я так и не смог добиться успеха.

— Ричард, дело в том, что Мари-Лу в своих прежних воплощениях немало тренировалась и была, что называется, «смотрительницей» в храме, поэтому для нее это не составило труда. Ты же, напротив, хотя, вполне возможно, не сознаешь этого являешься «врачевателем», так как в течение длительного времени в прошлом ты развивал свои возможности именно в этом направлении.

— Интересно, — с улыбкой произнес Ричард, — а ведь действительно, сколько раз я снимал головную боль у Мари-Лу всего лишь за несколько минут массажа.

Де Ришло кивнул.

— Если ты вновь начнешь совершенствоваться в этом направлении, вполне возможно ты научишься снимать боль у тех, кто страдает от зубов, ревматизма и так далее. В любом случае лишь по чистой случайности

Мари-Лу продвинулась в своих познаниях дальше тебя, и то обстоятельство, что она с такой ясностью воссоздает свои сны, не имеет к этому никакого отношения.

— Ну а мне что делать? — спросил Саймон. — Утром я могу вспомнить только обрывки сна и то, когда проснусь. Мне никогда не удалось полностью воссоздать его.

— Ты идешь в правильном направлении, так в своих прошлых жизнях ты был неофитом, новичком.

— А я? — поинтересовался Рекс.

— У тебя, Рекс, самая молодая среди нас душа. Возможно, этим и объясняется то, как ты успешно осваиваешь все современные предметы этого материального уровня, такие как гоночные автомобили и аэропланы. Только сейчас ты дошел до той стадии, когда можно предоставить тебе первую возможность постичь мудрость. В этом, вне всякого сомнения, и есть причина того, почему мы с тобой стали друзьями.

После короткого молчания Саймон сказал:

— Возвращаясь к нашему делу. Похоже, твой план сорвался. Наблюдение за адмиралом и капитаном ничего не дало. Что ты теперь собираешься делать?

— Я больше не будут тревожить капитана, — ответил герцог. — Из того, что видел вчера ночью, ясно, что он — постоянный помощник, явно один из них. Не думаю, что он помнит свои сны, но на астральном уровне он прекрасно осознавал свои прошлые жизни. Его духовное развитие идет по восходящей. Трудно вообразить, чтобы человек такого уровня мог неосознанно предать свою страну. Я уверен, что со своей стороны он оказывает достаточное сопротивление попыткам сил зла втянуть его в действия, противоречащие его желаниям. А вот, что

касается адмирала, за ним придется немного понаблюдать, тем более, что его астральная жизнь коротка и вполне возможны моменты, когда он попадает в лапы нашего противника, даже не сознавая, что с ним происходит.

В последующие семь ночей де Ришло вновь сопровождал адмирала во всех его немыслимых путешествиях. Старик усердно пытался овладеть искусством омоложения и возвращения молодости, о чем, очевидно, имел весьма поверхностные знания. Впрочем, один раз, ему повезло, и герцог с любопытством наблюдал за тем, как адмирал с криками энергично гоняет шары в Кенсингтон Гарденс. В другой раз, уже в достаточно зрелом возрасте, он появился в Итонском костюме в спальне черноглазой испанской танцовщицы. Несмотря на эти небольшие недоразумения во все вносил он энергию своей воистину правдивой личности, от души наслаждаясь своими ночными путешествиями. Подруг у него было много и самые разные. Многочисленные сеты в теннис сменялись встречами со знакомыми, иногда он отправлялся купаться, обожая плескаться в воде, но чаще всего и с наибольшей радостью, которую никак не мог разделить герцог, появлялся он различных кораблях, которыми когда-то командовал, причем, как правило, самую неподходящую погоду.

После недели путешествий в компании с адмиралом, когда ничего, по крайней мере подозрительного, не произошло, герцог окончательно пришел к заключению, что этот отважный моряк вряд ли является бессознательным средством связи, благодаря которому нацисты получают свою информацию, и решил, что необходимо вести расследование в другом направлении. С этой он целью он

отправился в Лондон, на встречу с сэром Пеллином.

Он не стал описывать пожилому баронету астральные похождения адмирала и капитана, ибо прекрасно понимал, что, стоит ему сделать это, скептицизм сэра Пеллина возродится по-новой. Бессмысленно требовать от него понимания этих явно фантастических приключений, вполне естественных на астральном уровне. Вместо это герцог представил сухой, деловой, чуть ли не научный доклад о том, как он воспользовался своими знаниями Тайной Науки, чтобы проверить подсознание двух морских офицеров во время их сна и сообщил, что пришел к выводу, что ни один из них не несет ответственности за утечку информации.

— Но если не они, то кто, черт побери? — проворчал сэр Пеллинор.

— Одному Господу известно, — ответил герцог. — Мы сейчас в том же самом положении, что было несколько дней тому назад, когда вы высказали сомнение в надежности этих двух морских офицеров. Они единственные люди, знающие все маршруты, которые дают различным конвоям. Глупо считать, что командир каждого конвоя — предатель, якобы имеющий средства связи с неприятелем, с которым он вступает в контакт примерно на расстоянии семиста миль от порта своего назначения.

— Ну а если допустить, учитывая, что ваша версия возможно неверна, что в Адмиралтействе действует немецкий агент, который находится вне всякого подозрения. Что если он имеет возможность сфотографировать феннимеровские приказы конвоям после того как они составлены?

Де Ришло передернул плечами.

— Но адмирал же рассказывал нам, что сразу же после их составления и написания они запечатываются Феннимером в конверты с грузилами и закрываются на замок в стальных почтовых ящичках. Кроме того, Феннимер дал нам клятвенное слово, что эти ящички не раскрываются до тех пор, пока он собственноручно не вручит их капитанам эскортов, сопровождающих конвои, и я готов поверить ему на слово.

Голубые глаза сэра Пеллинора превратились в щелочки.

— Я хотел сказать, что указанные приказы могут быть сфотографированы в рентгеновских лучах прямо через феннимеровский почтовый ящик в тот момент, когда они находятся в Адмиралтействе или же когда он сам по пути в один из портов.

— Вряд ли. — Де Ришло покачал головой. — Даже учитывая, что изобретена рентгеновская аппаратура, которая позволяет делать снимки через сталь, не следует забывать, что приказы складываются прежде чем запечатываются в конверты, поэтому на такой фотографии появятся замысловатые совершенно непонятные фигуры. Я абсолютно убежден, что расшифровать такой документ практически невозможно.

— Черт побери! — воскликнул сэр Пеллино, — а ведь вы правы. Но все-равно мы обязаны как-то разобраться в этом. Это просто ужасно! На прошлой неделе мы потеряли целых сто тысяч тонн. Потери британского флота в Атлантике — вот главный вопрос всей этой войны. Если мы сможем нанести здесь поражение немцам, все остальное со временем утрясется, а вот если — нет, тогда мы окажемся не в состоянии создать ВоенноВоздушные Силы, достаточные для сокрушения

противника. Мы лицом к лицу столкнемся с голодом и, Бог его знает, какая всех нас ожидает судьба.

Он привстал, слегка трясаясь всем телом, давая понять, что разговор закончен, а потом медленно произнося каждое слово добавил:

— Я благодарен вам за все, что вы попытались для нас сделать, но, учитывая, что ваши попытки потерпели поражение, мы вынуждены обратиться к другим методам расследования. А сейчас, я надеюсь, вы простите меня. У меня масса срочных дел.

— Минуточку, — спокойно произнес герцог. — Моя версия, может быть, и неверна, но это совсем не означает, что я собираюсь отказываться от борьбы. Поскольку вы оказали мне честь, обратившись ко мне лично, я обязательно разыщу источник, через который происходит утечка информации астральным путем или физическим, это не имеет значения.

— Это благородный поступок с вашей стороны, но я не вижу, что еще вы можете сделать.

— Потерпев поражение на одном конце, я ухвачусь за другой, если, конечно, вы предоставите мне точные данные относительно времени отправления следующего конвоя и пути его следования.

— Понимаю. Вы желаете провести расследование в обратном направлении, т.е. от места, где потонул корабль?

— В этом и заключается идея. Но я должен знать, по крайней мере приблизительно, их местонахождение, чтобы быть в состоянии отыскать их ночью на огромных пространствах Атлантики, ведь мои возможности, как я уже говорит, не безграничны.

Сэр Пеллинор медленно кивнул головой.

— Ну что ж, просьба не из легких — одна из тех, с которыми обращаются к первому лорду Адмиралтейства, но в сложившихся исключительных обстоятельствах я не сомневаюсь, что мне удастся все уладить. Естественно, я не собираюсь упоминать весьма необычный способ, которым вы осуществляете ваше расследование. Но на пути все-таки будет ужасное препятствие. Я почти уверен, что меня спросят, для какой цели вам нужна эта информация.

— Не думаю, что вам стоит тревожиться, — ответил герцог. — Просто скажите им, что у меня есть версия, раскрывать которую в данный момент я не намерен, относительно того, как перехватываются радиопослания, но чтобы выяснить это, мне нужно знать примерное расположение кораблей.

— На первый взгляд все звучит вполне убедительно, хотя на практике все окажется не так. Я полагал, что вы понимаете, что ни один наш корабль не пользуется радиосвязью после того как суда охранения оставляют его, в противном случае противнику не стоило бы труда определить их положение.

— Все верно, — с улыбкой ответил де Ришло. — Но я полагаю, что кто-то пользуется новой маркой переносного передатчика, о чем еще пока неизвестно в Адмиралтействе. Вот это я хотел бы попытаться выяснить.

— Гм, — хмыкнул баронет, — неплохо. А вы хитрая бестия, герцог. Ну ладно. Сегодня вечером я встречу со всеми заинтересованными лицами; нужную вам информацию я постараюсь вам передать завтра утром.

Рано утром на следующий день сэр Пеллинон позвонил де Ришло и сообщил ему, что договорился об его аудиенции в Адмиралтействе на одиннадцать часов. Поя-

вившись в министерстве, герцог, как полагается, расписался в книге посетителей и был сразу сопровожден в кабинет адмирала.

Некоторое время они обсуждали вопрос о шпионах, пользующихся портативными передатчиками и возможность того, что так и происходит во время следования конвоев. Не раз адмирал безуспешно пытался сбить своего посетителя, чтобы выяснить истинное направление его расследования. Но герцог был тертый калач. И, хотя он сам имел весьма приблизительное представление о радио, он сразу же понял, что имеет дело с гражданским радиоэкспертом с весьма оригинальными мыслями в этой области и официальным доступом к аппаратуре Би-Би-Си, которая позволит ему осуществить любую необходимую проверку.

— Следовательно, вам придется передать радисту детали маршрута, — недовольно произнес адмирал.

— Нет. В этом нет необходимости, — быстро заверил его де Ришло. — Вполне достаточно будет, если я буду знать ее.

— Слава Богу, — проворчал адмирал. — Это дело совсем выбивает нас из колеи, но чем меньше людей знает о тяжести нашего положения, тем лучше. Я вам рассказывал с какой тщательностью мы держим в секрете каждый маршрут вплоть до решающего момента. По этой причине я попрошу вас просто запомнить всю ту информацию, которую я вам дам. Ни в коем случае даже впоследствии вы не должны ничего записывать или делать каких-либо пометок, чтобы они, не дай Бог, не попали в ненужные руки.

— К счастью, я обладаю прекрасной памятью, — с улыбкой произнес герцог.

— Ну и прекрасно. Значит, ситуация такова. Наши конвои состояются в различных портах, главным образом на западном побережье Англии и на северо-восточном побережье Шотландии. Конвой отправляется каждые два-три дня. Следующий поднимет свой якорь в Мерсее сегодня ночью в одиннадцать-пятнадцать. Он будет следовать со скоростью приблизительно девять узлов, это самая малая скорость у корабля, в северо-западном, а затем западном направлениях в сторону южной оконечности острова Мэн. Затем по Северному каналу он пройдет между Ольстером и Шотландией в сторону Малин-Хэд, Северная Ирландия, как раз по направлению течения, а затем повернет на северо-запад и север в сторону точки с координатами 58 градусов северной широты и 12 градусов западной долготы. Вот в этом месте суда сопровождения оставят конвой и двинутся на юг и будут следовать в этом направлении, пока не достигнут 20 градусов западной долготы, и затем повернут на юго-запад. Мне нет необходимости давать вам остальные данные следования эскорта, ибо к этому времени конвой должен будет миновать опасную зону.

Ришло несколько раз повторил маршрут следования, а затем спросил:

— Как я понимаю, немцы начинают топить конвой через дватри дня после того, как суда сопровождения оставили его?

— Совсем не обязательно, хотя, конечно, примерно восемьдесят пять процентов гибнет именно в течение сорока восьми часов, после ухода эскорта.

— А не лучше ли было сделать так, чтобы эскорта продолжали сопровождать конвои в последующие два дня?

Адмирал печально покачал головой.

— Это, конечно, очевидное решение, но ничего сделать нельзя. Благодаря нашим обязательствам в Средиземноморье и необходимости постоянно держать сильный флот во внутренних водах, чтобы отразить любую попытку нашествия, у нас просто не хватает эсминцев. В прошлую весну мы в буквальном смысле находились под угрозой ведения подводной войны, но поражение Франции все изменило. Итальянцы никогда бы не осмелились сюда сунуться, если б не рухнула Франция и как бы мы не презирали трусость итальянских моряков, нельзя игнорировать того, что у Италии есть военные корабли, способные выйти в открытое море и нести на себе пушки, угрожая нашим кораблям в Средиземном море или же прибрежным городам наших союзников.

Повернувшись на стуле к огромной карте на стене, он продолжал:

— Одного взгляда вполне достаточно, чтобы убедиться, что береговая линия Италии, Сицилии, Сардинии, Ливии, Додеканезов, Эритреи и Итальянского Сомали тянется в буквальном смысле на тысячи и тысячи миль. Эти требует немало судов наблюдения, чтобы предотвратить переброску итальянских сил из порта в порт и их концентрацию в самом неожиданном месте, откуда они, захватив нас врасплох, могли бы наносить удары по частям нашего средиземноморского флота. Но и это не все. В то время, когда Италия вступила в войну, взвалив огромную дополнительную задачу на наши плечи, Франция из нее вышла. Правда, в Британию кое-какие легкие корабли во главе с Де Голлем, но основная часть французского флота оказалась для нас потерянной. Наш Флот никогда не сталкивался с такой

воистину геркулесовой задачей по поддержанию в одиночку свободы передвижения в морях, имея противниками два весьма значительных флота, оснащенных кроме всего прочего мощными бомбардировщиками на дальние расстояния.

Де Ришло прикурил одну из своих длинных и толстых турецких сигарет.

— Н-да. У меня никогда не было иллюзий относительно влияния на Британию падения Франции. Сам я по рождению француз и считаю, что после окончания войны первым шагом должно быть самое суровое наказание, без всякой пощады, людей Бордо и Виши. Не только политики-обманщики типа Лавалья должны нести ответственность. Без помощи других они ничего не смогли бы сделать. Должен сказать, что, если учитывать высших офицеров армии, авиации и флота, политиков и государственных служащих, то по крайней мере две тысячи французов должны быть расстреляны за то, что обесчестили святое имя Франции и подвергли опасности свободу всего мира.

— Вы правы, я лишь надеюсь, что наши вожди не проявят глупой сентиментальной слабости, как только мы сможем привлечь этих типов к ответственности. Но черт побери, хотя, конечно, за пределами этих четырех стен я ничего подобного не говорю, наша победа все еще остается ужасно неопределенной. Признаюсь вам, герцог, в последние несколько недель я не раз просыпался по ночам, обливаясь холодным потом. Именно сейчас, когда мы терпим ужасные потери в Западной Атлантике, начинает проявляться результаты предательства Франции. Когда я думаю о том, как ночь за ночью гибнут наши корабли с тысячами честных матросов и сотнями грузов,

безопасное прибытие которых могло бы дать нам силу для разгрома нацистов, я готов чуть ли не с радостью перерезать каждому французу горло без разбора.

Адмирал сделал паузу, а затем решительно продолжал:

— Что толку оглядываться назад. Это предательство уже история. Только люди, подобные нам с вами, могут понять весь ужас ситуации. Пусть меня повесят, если я понимаю, как вы собираетесь добиться успеха там, где мы потерпели поражение. Я совершенно не верю вашей болтовне о передатчиках, однако, как утопающий я готов ухватиться за любую соломинку, предложенной вами в дикой надежде, что вместо соломинки хватаюсь за солидное бревно. — Он встал и протянул руку. Ради Бога, сделайте все, что только в ваших силах.

— Постараюсь, — ответил герцог и добавил фразу, истинный смысл которой был понятен только ему одному. — Я дойду до дна, даже если мне придется отправиться прямо в Ад.

7 ПРИЗРАКИ НАД АТЛАНТИКОЙ

Возвращаясь днем в Вустершир, де Ришло немало позабавился про себя, думая о том, как бы поступил генерал, если бы при расставании он сказал ему:

— Я совершенно не собираюсь экспериментировать ни с каким лучевым радио или нечто подобным, напротив, то, что я буду делать, не имеет к этому никакого отношения, зато это позволяет мне, несмотря на то что вы в одежде, разглядеть у вас на левом плече, ближе к спине, большую красную родинку.

Но он прекрасно понимал, что такой озорной поступок был бы не к месту. Наоборот, лучше, если власти, за исключением сэра Пеллинора, считали бы его просто разведчиком-любителем, к которому обратились так, на всякий случай, вдруг ему в голову придет что-нибудь оригинальное и это позволит найти ключик к проблеме, которая довела их чуть ли не до сумасшествия.

Добравшись до Кардиналз-Фолли, он попросил Мари-Лу приготовить для него раньше обычного времени легкий обед, чтобы иметь возможность устроиться в пентакле на ночь не позднее девяти часов вечера. Он давно уже научился засыпать по желанию и собирался отправиться в свое ночное путешествие раньше обычного, чтобы увидеть отправление конвоя. В четверть десятого, когда

рядом с ним на страже сидел Рекс, он задремал и несколькими секундами позже был уже над Ливерпулем.

Он понятия не имел, где располагается штаб-квартира Адмиралтейства, но по наитию бросился к большому зданию у доков, незаметно пробрался в него и стал осматривать все помещения первого этажа, уверенный, что командный пункт адмирала находится где-то здесь.

Де Ришло полагал, что именно у адмирала происходит вручение запечатанных распоряжений командующему эс-кортом, сопровождающим конвой. Но поиски герцога были безуспешны. Тогда он решил, что возможно из-за воздушных налетов, которым подвергался Ливерпуль, ставку перенесли в подвальный этаж, где было меньше риска того, что важные бумаги, к которым имели доступ адмирал и его самое ближайшее окружение, пострадают в результате пожара или бомбежки.

Спустившись вниз, герцог увидел, что эти этажи укреплены дополнительными опорами и снабжены кондиционерами. Помещения верхнего этажа, который явно использовался для рутинной работы, на две трети пустовали, а вот в самом низу, несмотря на поздний час, царил суета. Повсюду были морские офицеры, хлопали стальные газонепроницаемые двери кабинетов. Картина полностью напоминала ту, что царит на нижних палубах военного корабля.

Пролетев несколько кабинетов, напоминающих собою тюремные камеры, он наконец оказался в комнату адмирала, где к его удовлетворению присутствовал не только адмирал, но и капитан Феннимер. Адмирал — худой, недовольный чем-то человек с черными волосами, зачесанными назад, — высморкался в платок, в уголке которого, как заметил де Ришло, вместо привычных инициалов был вышит маленький черный крабик. Феннимер

сидел рядом с адмиралом и держал на коленях стальной почтовый ящик. Он так вцепился в него, будто от этого зависела вся его жизнь. В кабинете также присутствовали два старших офицера, один из которых, судя по ленточке его ордена, был командующим противолодочными силами в Западной зоне.

Затем к ним присоединился невысокий капитан с солидной проседью, и вскоре стало ясно, что он и есть командующий эскортом. Один из штабных офицеров вручил ему конверт с приказами, который он обязан был вскрыть не раньше, чем устье Мерси исчезнет с горизонта, а Феннимер — стальной ящик, который, как вспомнил герцог, он должен был передать командующему конвоем три ночи спустя, когда суда сопровождения будут готовы повернуть обратно. Адмирал сказал несколько слов относительно введенных новых мер предосторожности и пожелал седовласому мужчине удачи, после чего тот отдал честь и удалился.

Де Ришло последовал за ним, сперва над лестницей, а потом в холл, где капитана встретили лейтенант морской пехоты и два рядовых со штыками, явно выступавших в качестве его охраны. Все четверо сели в автомобиль, который медленно по затемненным улицам двинулся в сторону порта. Там они пересели на морской катер и высадились на флагмане флотилии. Капитан сразу же прошел в свою каюту и закрыл почтовый ящик в сейфе. Полчаса спустя после того как он поднялся на палубу, большой эсминец вышел в море.

Затем большую часть часа де Ришло парил над темными водами, осматривая одно судно за другим, пока не увидел капитанов всех восемнадцати кораблей конвоя. Что же касается двух остальных эсминцев, входивших в суда сопровождения, они его мало беспокоили, поскольку

он был абсолютно уверен, что не один из членов их команды не имеет отношения к утечке информации. Источник этого следует искать в окружении командующих эскортом или конвоем. Решив, таким образом, что на сей раз он свою задачу выполнил, герцог быстро вернулся в Кардиналз-Фолии, проснулся, переговорил в Саймоном, который дежурил в данный момент, и они вдвоем поднялись наверх, где и провели остаток ночи в удобных постелях.

На следующий вечер де Ришло отошел ко сну в пентакле в свое привычное время и сразу же отправился на поиски конвоя. Он увидел его выходящим из Северного пролива совсем рядом с мысом Малин-Хед. Море бурлило. Грузовые судна с трудом продвигались вперед, в то время как эсминцев медленно кружили вокруг, охраняя их. Сосчитав корабли, де Ришло увидел, что ни один из них не пропал, потому он отправился на головное судно и сразу же поднялся в каюту капитана. Седовласый моряк спокойно дремал на койке, правда полностью одетый, готовый в случае тревоги моментально вскочить, броситься на мостик и взять на себя командование.

Бросив на него взгляд, де Ришло сразу же двинулся в сторону сейфа. Поскольку в своей астральной форме он мог совершенно спокойно проходить сквозь любые стены, стальной сейф не представлял для его сверхчеловеческого зрения никакого труда. Герцог сразу же увидел, что стальной почтовый ящик лежит на второй полке, на том самом месте, куда его положил капитан ночью накануне и что к документам внутри никто не прикасался. Удовлетворившись на этот счет, герцог вернулся домой, проснулся и отправился наверх спать.

На следующую ночь он совершил такой же облет конвоя с теми же самыми результатами. Почтовый ящи-

чек никто не открывал и даже не трогал. Он совершенно не ожидал, что это займет совсем немного времени, поэтому решил в оставшееся осмыслить все имеющиеся в его распоряжении факты.

Согласно расчетам, основанным на средней скорости движения судов в девять узлов, конвой достигнет места, где суда сопровождения должны оставить его, приблизительно в пять часов утра после истечения третьей ночи. Правда, это может произойти на несколько часов раньше в случае благоприятных обстоятельств или позже, если погода окажется плохой. Герцог решил, что в независимости от времени, когда конвой доберется до указанного места, где происходит передача и вскрытие запечатанных приказов, именно с того момента и следует ожидать предательства.

Поскольку трудно представить, что все командующие конвоев — предатели, вероятно, германцы внедрили в составы команд флагманских кораблей своих людей, имеющих доступ к секретным инструкциям относительно маршрута движения судов. Далее, учитывая отсутствие признаков, указывающих на то, что нацисты осуществляют связь посредством оккультизма, — герцог чувствовал, что здесь не все ясно, — вполне возможно, решил он, нацистским агентам удалось пронести на корабли маленькие, но мощные радиопередатчики, с помощью которых они сообщали о своем местонахождении.

Но вне зависимости от того, как осуществлялась связь, посредством оккультизма или радио, — маловероятно, что они могли бросить взгляд на секретные приказы, сразу же после того как командующие конвоями сами знакомились с ними. Многие часы, а, может быть, даже день и ночь могли пройти, прежде чем им подворачивалась такая возможность. Следовательно, чтобы обна-

ружить противника, необходимо держать командующего и секретные приказы под пристальным наблюдением с того самого момента, когда они будут вручены ему, примерно часов двадцать, а, может быть, и больше. И вот здесь возникало препятствие: время бодрствования де Ришло было ограничено.

Обычно он редко отправлялся спать раньше двух часов ночи и вставал в восемь утра. Хотя он научился продлевать по желанию периоды своего сна, в последние десять дней он не раз пользовался своими способностями на грани возможного, опасаясь, что вот-вот впереди появится красный сигнал тревоги. Со времени начала своего расследования в среднем каждую ночь он спал на три часа больше, чем обычно, что во время пребывания в Кардиналз-Фолли составило почти целых тридцать часов. Это стало сильно нарушать законы природы, которыми связаны человеческие существа, каковы бы ни были оккультные силы, к которым они прибегали в особых случаях.

Герцог решил, что на всякий случай ему стоит быть на флагмане флотилии не позднее двух часов утра, хотя, скорее всего, секретные приказы будут вскрыты не ранее, чем несколько часов. И вполне вероятно, вражеский агент сможет приступить к своей работе еще значительно позже.

Но тогда, подумал герцог, если он вынужден будет в предстоящую ночь проспять более двенадцати часов — а таков его лимит времени — он подвергает себя опасности: он может быть вынужден проснуться либо в самый критический момент, либо когда германский агент только приступит к делу. И пройдет, по крайней мере, шесть часов прежде чем он сможет снова, хотя бы на короткое время, заснуть. Если утечка информации произойдет в

этот период, вся предшествующая работа будет потеряна впустую. Следовательно, пришел к выводу герцог, с этого момента у него должен быть помощник на астральном уровне.

В тот же вечер он посоветовался со своими друзьями и объяснил им сложившуюся ситуацию. Хотя среди присутствующих только Мари-Лу могла прекрасно вспоминать сны, все они готовы были во время своего пребывания на астрале прийти на помощь де Ришло в его наблюдении за конвоем и сообщать ему необходимую информацию при его появлении на дежурстве и перед своим возвращением в свою материальную оболочку. Затем встал вопрос, кто лучше всех подходит для такого дела.

Саймон во весь рот оскалился.

— Ну, это мое дело. Никто не станет отрицать, что мне известно об оккультизме больше всех вас. Никогда не думал, что настанет день, когда у меня будет причина радоваться тому, что провел столько месяцев, обучаясь под руководством той свиньи Моката, что узнал от него многое, прежде чем герцогу удалось заарканить его и отправить прямо в Ад.

— Напротив, — возразил Рекс, — лично я считаю, то обстоятельство, что ты чуть не стал Черным Магом, вычеркивает тебя. В деле с Мокатой я стал первым помощником герцогом. Думаю, я имею это право и на сей раз.

Ричард в задумчивости постучал пальцами по столу.

— Я полностью поддерживаю Рекса в том, что данное дело не для Саймона.

— Молодец! — воскликнул Рекс.

— Но с другой стороны, — ехидно продолжал Ричард, — я не уверен, что эта работа для тебя, поскольку

среди нас ты самый молодой душой и, следовательно, самый неопытный. Если мы действительно столкнемся с Черной Магией, посредством которой, как мы считаем, осуществляют передачу разведанных нацисты, это может оказаться чрезвычайно опасным. Так уж получилось, но вы все у меня в доме, а я не могу позволить рисковать своим гостям, когда сам могу сделать это; итак, вполне ясно, что именно я должен быть этим человеком.

— Н-не, — покачал головой Саймон. — То, что я когда-то чуть не стал Черным Магом, было снято Властителем Света, который явился нам в старом греческом монастыре. Он полностью простил мне мою глупость. Но ты прав относительно возможной опасности, Ричард, и в этом случае следует учитывать наличие опыта.

— Хорошо, мы предоставим тебе такую возможность, ухмыльнулся Рекс, — но если я не ошибаюсь, ты наверняка нам понадобишься позднее, когда все карты будут раскрыты. А эту легкую партию, пока игра еще только начинается, ты бы лучше уступил мне. В конце концов еще нет даже уверенности в том, что в своих мерзких делах фашисты используют оккультизм.

— Если вы все высказались, — вкрадчиво заметила Мари-Лу, — я попрошу вас всех выйти и погулять в саду, пока Сероглазый даст мне свои указания.

Она движением руки остановила возгласы протеста и продолжала:

— Мои претензии бессмысленно оспаривать, потому что, за исключением милого Сероглазого, я — самая посвященная среди вас и, хотя в своем нынешнем земном воплощении я, в отличие от Саймона, почти не имею никакого представления о теории оккультизма, на астральном уровне я намного могущественнее любого из вас; и поскольку требование Ричарда как вашего хозяина

вполне разумно, оно имеет ко мне прямое отношение, так как я ваша хозяйка. Я права, Сероглазый?

Де Ришло кивнул.

— Ты победила, принцесса. Но я полагаю, что, по крайней мере в это первое путешествие, было бы хорошо, если бы у тебя был напарник, и, по-моему, в этом плане для тебя лучше Саймона не найти.

Мари-Лу замурлыкала победную песню, а Саймон откинулся на стуле и с кривой усмешкой уставился на потолок. Ричард и Рекс всем своим видом выражали протест, но это было только внешне, потому что из опыта они прекрасно знали, что, приняв решение, герцог от него не откажется.

— Я стремлюсь к следующей цели, — вновь заговорил де Ришло. — Сегодня вечером я лягу спать позднее, чем обычно и буду над конвоем часа в два. Трудно сказать, когда документы будут точно вручены командующему, но я полагаю, что это произойдет перед самым рассветом, именно к этому времени они должны достичь намеченного места. Я пока еще не знаю, какое судно головное; вполне возможно, это самый большой корабль. В любом случае я буду следовать за тем кораблем, куда доставлены запечатанные приказы, и держать под наблюдением не только их, но и самого капитана. Поскольку мне, по всей вероятности, предстоит подобное путешествие и на следующую ночь, я полагаю, что мне не стоит переутомляться и спать более восьми часов; следовательно, мы вновь сойдемся вместе завтра примерно в десять часов утра.

Мари-Лу и Саймон сменяют меня. Если уже к этому времени произойдет предательство, я сообщу им об этом. Если же нет, они будут продолжать вести наблюдение за командующим конвоем и за приказами, которые к этому

времени наверняка уже вскроют. Важно, чтобы один из них держался как можно ближе к капитану на тот случай, если он решится поделиться содержанием приказов с кем-нибудь из своих офицеров или других людей, присутствующих на корабле. Если подобное произойдет, следует держать этого человека под наблюдением, потому что может оказаться, что именно он и находится в связи с противником. Однако, скорее всего, как только приказы будут вскрыты, кто-нибудь из членов команды ради своих гнусных целей во время сна капитана или его отсутствия постарается взглянуть на них. Как только кто-нибудь из вас обнаружит этот акт предательства, вы должны немедленно дать мне знать и я сразу же присоединюсь к вам.

— Но если это случится через час с небольшим после твоего возвращения, вряд ли ты сможешь снова быстро заснуть, — заметил Ричард.

— Это так, — согласился герцог, — но я могу вогнать себя в транс. Мне бы хотелось этого избежать, поскольку это вызывает дополнительное напряжение сил, но я готов пойти на это, так как быть свидетелем этого акта еще важнее. Как ты считаешь, — обратился он к Мари-Лу, — сколько часов сна можешь ты выдержать?

— Все зависит от усталости, — разумно заключила Мари-Лу.

— Вот именно, — кивнул Саймон. — Лично я готов не спать всю ночь.

— А это мысль, — согласилась Мари-Лу. — Если мы не будем спать до десяти часов утра, это будет означать двадцать шесть часов бодрствования, после чего мы легко сможем позволить себе часов десять сна.

— В любом случае, чтобы не произошло, я вас снова сменю в семь часов вечера, — сказал герцог. — Это

всего девять часов, но рисковать не стоит. Теперь о дежурстве. Саймон и Мари-Лу будут сидеть со мной всю ночь, не давая друг другу заснуть. Ричард и Рекс лягут спать в обычное время и будут спать всю ночь, в девять им лучше спуститься вниз и уложить остальных спать по обе стороны от меня, чтобы они могли заснуть к десяти часам. Естественно, я буду продолжать свое дежурство, пока Саймон и Мари-Лу не сменят меня. Все понятно?

Его вопрос вызвал хор одобрения и Мари-Лу вышла за чистым бельем, чтобы приготовить в пентакле постели по обе стороны герцога.

После обеда вечером они наслаждались игрой в «двадцать одно». В час ночи Ричард с Рексом отправились спать в свои комнаты, в то время как остальные трое стали укладываться в библиотеке. Мари-Лу вытащила новую колоду карт, чтобы они с Саймоном во своего долгого бдения могли не только вести приятный разговор, но и сыграть в безик или двойной пасьянс. Без четверти два герцог расположился на своей лежанке, а к двум часам ночи он уже спал.

Скользя над холодными темными водами Северной Атлантики, он думал о том, какая грандиозная задача встала перед Британским флотом в годы войны. На любой карте синие пространства кажутся сравнительно небольшими; можно подумать, что несколько военных кораблей, разбросанных здесь и там, в состоянии держать под наблюдением огромные пространства, но, оказавшись в море, сразу же понимаешь необъятные просторы океанов и даже так называемых «прибрежных вод».

Прямо под ним лежало обширное, пустынное, тихо вздыхающее зеленоватое море, простирающееся от Северной Ирландией до Исландии. Пролетая над ним, до самого конвоя он заметил только два небольших патруль-

ных судна. Конвой все еще продолжал двигаться прежним курсом. Спустившись вниз, герцог опустился в капитанскую рубку флагманского корабля и, зависнув там, не чувствуя никакой усталости, он стал терпеливо ждать развития событий.

В четыре часа капитан вышел на мостик и из его разговора с вахтенным офицером герцог узнал, что конвой идет хорошо и достигнет пункта, где суда сопровождения оставят его и повернут назад, примерно через полчаса. Капитан собирался продолжать командовать вплоть до самого рассвета, пока у него не появится возможность убедиться, что впереди конвоя лежит чистый горизонт.

Сразу же после семи стало светать. Небо было серым, бледным, каким-то зыбким. Но до восьми часов никакой необычной активности на флагманском корабле не проявлялось. Зато после этого был отдан приказ, сигнальщик передал его флажками, и эсминец наполовину снизил скорость.

Де Ришло увидел, что самый большой корабль конвоя лайнер водоизмещением примерно в 12000 тонн с шестидюймовыми пушками на носу и на корме — начал спускаться на воду лодку. Это было довольно рискованно, учитывая, что приближалась буря, но матросы знали свое дело, так как вскоре лодка покачивалась на волнах, направляясь в сторону флагмана. Временами она чуть ли не полностью исчезала среди вздымающихся волн, но это была моторная спасательная лодка и она уверенно продвигалась вперед. Эсминец, тем временем, еще больше сбавил скорость, умело лавируя, чтобы дать ей возможность подойти с боку. Были сброшены веревки, на корме лодки показалась фигура в штормовка, которая по спущенной вниз веревочной лестнице поднялась наверх.

Благодаря штурмовке, скрывавшей его нашивки, герцог не мог узнать его звания, но слышал, что его называет Каррутерсом капитан эскорта, который сразу же пригласил его себе в каюту, угостил виски с содовой, а затем, вскрыв сейф, передал ему почтовый ящик. Затем они пожали руки, пожелали друг другу удачи, и человек в штурмовке вернулся на лодку, которая доставила его обратно на корабль. Де Ришло незаметно следовал за ним по пути на лайнер, что заняло примерно четверть часа. Эсминец отдал новый сигнал, все корабли конвоя ответили ему, как бы прощаясь, и военные корабли, сделав большой круг, повернули на юго-восток, увеличили скорость, поднимая своими носами чуть ли не целые волны, и устремились к Англии.

Герцог по лестнице последовал за Каррутерсом, который сразу же прошел в свою каюту, где снял штурмовку и остался в форме морского капитана. Вынув ключ из кармана, он открыл почтовый ящик, вскрыв письмо, лежащее там, быстро пробежал глазами секретные инструкции, вновь положил их в ящик и, закрыв его на ключ, запер в сейфе, после чего поднялся на мостик и отдал приказы относительно дальнейшего маршрута движения.

Небольшая флотилия эскадренных миноносцев исчезла за горизонтом. Сигнальщик лайнера передал приказ, получив который все суда конвоя развернулись и, как увидел де Ришло, двинулись юго-запад. Этот маневр, как он понял, явно умышленная политика со стороны Адмиралтейства, чтобы никто из команды эскорта не мог догадаться о дальнейшем маршруте конвоя.

Герцог держал капитана Каррутерса под постоянным наблюдением, так как понимал, что наступает критический момент в расследовании. Во всяком случае ему, вне

всякого сомнения, удалось установить, что утечка информации происходит не в Лондоне и не в период, когда запечатанные приказы находятся в ведении командующего эскортом, а, скорее, после передачи их и вскрытия. Вот сейчас вполне существовала возможность, что Каррутерс упомянет о содержании приказов одному из своих офицеров, который, в свою очередь, станет распространяться о деталях предстоящего им маршрута. Если такое произойдет, решил герцог, ему придется из всех сил стараться не заснуть, поскольку надо будет следить в одно и то же время за массой людей, правда он был абсолютно уверен, что это не составит для него особого труда, даже если они будут в различных местах, поскольку он обладал властью быстрого передвижения из одного места в другое.

Но отдав приказ об изменении курса, Каррутерс больше ни с кем не говорил. Это был краснолицый, с тонкими губами человек. Герцог быстро пришел к заключению, что он — не из тех, кто любит поболтать. Похоже, что нацистский агент, если он вообще присутствовал на борту, завладевает информацией в результате получения доступа к приказам во время отсутствия капитана, и такая попытка могла быть предпринята в ближайшие несколько часов.

Стрелка часов быстро приближалась к десяти часам, и де Ришло стал высматривать признаки появления Мари-Луи или Саймона. Он уже чувствовал необходимость вернуться в свое тело и надеялся, что они не опоздают, так как отрицательные последствия задержки могут быть значительными.

Сразу же после десяти Мари-Лу появилась рядом с ним. Она намеренно сохранила в своей астральной форме черты, столь знакомые де Ришло по Земной жизни,

чтобы он сразу же узнал ее, но она была значительно выше, чем в своем плотском воплощении, и под яхтенной шапочкой, как заметил он, скрывались золотистые волосы, а не привычные рыжеватые локоны.

Естественно, люди на мостике не могли видеть и слышать их астральных форм, которые между собою совершенно спокойно разговаривали во весь голос:

— Послушай, — с улыбкой глядя на Мари-Лу спросил герцог, — принцесса, почему ты увеличила свой рост? Ведь в земном воплощении ты была само совершенство. Мне это совершенно не нравится.

Она выглядела несколько обиженной.

— Впервые я такое слышу вместо обычного комплимента от тебя, Сероглазый, дорогой. Я всегда хотела быть выше. На Земле я кажусь себе маленькой дурочкой, а рост придает мне чувства собственного достоинства.

— Глупышка, — рассмеялся герцог. — Ну, кого это волнует? В любом случае, если ты решила стать выше, то обратись, по крайней мере, к своему зеркалу прежде чем примешь свою астральную форму. Неужели ты не видишь, что, несмотря на то, что эти длинные ноги удивительно прекрасны, они совершенно не соответствуют пропорциям твоего тела?

Несколько сконфуженная, Мари-Лу посмотрела вниз и постаралась принять свой естественный облик.

— Ну, а как тебе мои волосы? — спросила она, снимая шапочку. — Нравлюсь ли я тебе как блондинка?

Он внимательно всмотрелся в нее.

— Да. Не лучше, но вполне подходяще. Ты все-равно будешь очаровательна, какого бы цвета ни были у тебя волосы.

— Благодарю тебя. Иногда мне даже хочется, чтобы они были цвета голубой пудры, но мне кажется, это

несколько не к месту.

— В общем-то да, — согласился герцог, — чересчур экзотично. Но я могу себе представить ситуации, когда такой цвет просто бесподобен.

— Надеюсь, пока еще ничего не произошло, иначе бы ты совершенно не обратил внимания на мою внешность.

— Нет, ничего. Каррутерс — фамилия командующего конвоем. Это вон тот краснолицый тип, который стоит на мостике, уставившись на воду. Сразу же после возвращения на корабль он вскрыл приказы, прочитал их и положил в сейф, который находится рядом с его койкой в его каюте. За исключением вахтенного офицера, которому он дал новое направление маршрута, он не разговаривал ни с единой душой, так что к настоящему моменту он остается единственным человеком во всем конвое, который знает весь маршрут движения.

В этот момент к ним присоединился Саймон. Он задержался, поскольку не смог сразу же заснуть, как Мари-Лу. Герцог и принцесса сразу же признали его, потому что он также сохранил свои земные черты лица, но во всем остальном его астрал совершенно отличался от его брэнного тела. Вместо сутулого, с узкими плечами парня, которого они знали, перед ними предстал великолепный образец мужчины тридцати лет с темными, жгучими глазами и гордо поднятой головой на широких плечах. Одет он был в теплый, кожаный спортивный костюм, — подобную одежду он никогда не носит на Земле, — а по энергичности его движений можно было не сомневаться, что он получит свои Cresta цвета, если только пожелает.

— Ну, как дела? — спросил он могучим голосом, подходя к ним.

— Я только что сказал Мари-Лу, — начал герцог, — что приказы находятся в сейфе, что их пока никто не видел, кроме самого капитана, что о них он никому не рассказывал и пока что ваша задача ясна: вы должны наблюдать за сейфом и капитаном.

— Хорошо, — сказал Саймон. — Тогда мы принимаемся за дело, а тебе лучше возвращаться. Мы будем ожидать тебя вновь сегодня вечером в семь часов вечера.

— Договорились, — согласился герцог, — но, если вы увидите, что кто-то занимается нечто странным, немедленно вызывайте меня всей силой своей воли, и я постараюсь побыстрее присоединиться к вам.

Едва он произнес эти слова, его астрал стал таять, и они поняли, что он вернулся в свое брненное тело в Кардиналз-Фолли.

День был серым и пасмурным. На огромной площади в несколько миль восемнадцать судов медленно бороздили холодные зеленые воды Атлантики. На каждом судне был дозорный, высматривавший вражеские подводные лодки, в то время как другие члены экипажа стояли у зенитных орудий, через бинокль обозревая небо, чтобы не пропустить появления немецких самолетов. В остальном никакой особой активности на судах не наблюдалось. Члены экипажей делали свою привычную, хотя и опасную работу.

В половине двенадцатого дня капитан Каррутерс отправился на инспекцию части кают, после чего разговаривал со своим вторым помощником Но Саймон, находившийся всего в нескольких футах от них, обратил внимание, что капитан в разговоре даже не упомянул о новом маршруте движения. К этому времени вновь проглянуло солнце и штурман без особого труда определил их местонахождение, о чем сразу же доложил Каррутерс.

су. Капитан предложил немного изменить курс и повернуть на несколько градусов к югу. В час дня капитан в полном одиночестве поел и сразу же после этого, не раздеваясь, прилег на койку отдохнуть.

Вскоре после трех корабль, находившийся по правому борту от флагмана конвоя, неожиданно дал сигнал пушечным выстрелом. Сразу же после этого все корабли увеличили скорость и пошли противолодочным зигзагом.

Каррутерс сразу же выбежал на мостик, но выстрелов больше не было. Вскоре все успокоилось, и Каррутерс отправился опять в каюту. Весь переполох был вызван тем, что дозорный корабля, выстрелившего из пушки, подумал, что заметил перископ вражеской субмарины, но оказалось, что среди волн просто периодически появлялось бревно.

В течение дня Саймон и Мари-Лу очень сильно устали, однако продолжали свое тяжелое дежурство. В пять часов стюард принес чай капитану в каюту. После чая Каррутерс вновь поднялся на мостик. Над беспокойными водами уже спускались сумерки, других судов было уже почти не видно. За весь день они не заметили ни одного чужого корабля, пролетел только британский патрульный самолет, но в половине шестого они слышали гудение моторов, и матросы немедленно устремились к зенитным орудиям.

Как оказалось, это была эскадрилья новых бомбардировщиков, которые перегонялись из Канады в Великобританию. Увидев в темном море конвой, командир эскадрильи отсалютовал ей, пройдя на бреющем полете прямо над мачтами, встреченный внизу радостными приветствиями моряков.

Около шести в рубку зашел второй помощник и сообщил Каррутерсу о моряке, серьезно заболевшем накануне.

не. Судовой врач опасался, что больной умрет, но теперь его состояние несколько улучшилось. Два офицера выпили, немного поговорили о текущих делах, а потом послушали шестичасовые новости по радио. К этому времени Саймон почувствовал беспокойство, потому что обычно он спал мало и девяти часов сна было для него более чем достаточно. Хотя он и считал, что вполне смог бы проспать и больше, учитывая, что всю предшествующую ночь он провел на ногах. Мари-Лу сказала ему, что он может отправляться домой, если пожелает, сама же она в состоянии подежурить еще пару часов, тем более что герцог должен был появиться задолго до этого срока. Но Саймон заявил о твердой решимости не возвращаться в свое тело, пока не появится герцог.

Де Ришло появился в семь часов, в тот момент, когда зазвучал корабельный колокол. Его друзья сообщили ему, что ничего не произошло. К этому времени уже стемнело, и все трое стояли в темноте на мостике. Герцог уже хотел предложить своим товарищам отправляться домой, как вдруг ощутил приближение холода.

Астральные тела не зависят от земных погодных условий. Одежда их не служит какой-то защитой от физического холода или жары, а является только внешним проявлением того, как они сами представляют свой облик. Но на своем уровне сознания астралы ощущают и холод и жару и другие астральные события, в которых участвуют — отсюда и дискомфорт, который испытывал герцог, когда в первую ночь, приняв облик морского волка, предстал перед адмиралом, под руководством которого позднее отправился в астральное морское путешествие на астральном корабле.

— Вы ничего необычного не чувствуете? — резко спросил герцог своих друзей.

— Да, кажется, становится ужасно холодно, — ответила Мари-Лу, до этого вообще не сознававшая, какова температура пространства, окружающего ее.

Саймон обернулся и бросил взгляд через плечо.

— Откуда-то дует ветер, причем не земной. Должно быть, что-то ужасное проносится мимо нас в эту минуту.

Де Ришло кивнул.

— Может быть, проносится, но почему-то я так не думаю. Лучше было бы, если б вы какое-то время еще побыли со мной.

Холод все больше усиливался, превращаясь в астральный мороз, отвратительный ветер явно указывал на присутствие еще не проявившегося Зла. Окончательно убедившись, что его версия верна и нацисты действительно используют оккультные силы, герцог крикнул:

— Вперед! Быстрее! Это именно то, что мы ждем.

8 КОШМАР НАЯВУ

И вот сейчас, когда присутствие таинственного зла было так ощутимо, де Ришло понял, что астрал, работающий на нацистов, может появиться в любую минуту. Если они останутся на месте, он увидит их и, если поймет, что за ним шпионят, либо исчезнет либо будет сражаться — все зависит от его мощи. В любом случае они лишатся возможности увидеть, как он работает, поэтому, когда они пробрались в каюту капитана, герцог, зная, что его напарники не в состоянии подняться на более высокий уровень, приказал им немедленно изменить свой облик. Отдав приказ, он превратился в муху. Его друзья сразу же последовали его примеру.

Пока что никакого странного астрального тела видно не было, и ничто не указывало на присутствие Зла, за исключением зловещего, неестественного холода, пронизывавшего их. Капитан, казалось, напротив ничего не ощущает — в его каюте было тепло, а сам он был одет легко.

Каррутерс сидел за столом, привинченным к стене каюты, на котором лежал бортовой журнал. Рядом стоял стакан с выпивкой.

Какое-то время ничего не происходило. Затем Мари-Лу, у которой чувство озорства пересилило тревогу по поводу источника холода, решила немного развлечься и

поднять настроение моряка. Растопырив в сторону все свои шесть лап, она спикировала на кончик его носа.

Вопреки ее ожиданиям, он даже не поморщился и не попытался согнать ее. Не обращая на нее никакого внимания, он продолжал сидеть, уставившись в дно своего стакана. Мари-Лу даже исполнила танец, чтобы как-то встряхнуть его, но сразу же услышала оклик де Ришло:

— Сейчас не время дурачиться, — с неожиданной резкостью бросил он, — и ты могла бы понять, что он не может ни видеть тебя, ни чувствовать, потому что, какой бы облик ты не приняла, ты все еще находишься на астральном уровне. Я приказал сменить внешность только для того, чтобы мы меньше бросались в глаза любому злему созданию в случае его появления.

Со словами раскаяния Мари-Лу прекратила свое озорство и устремилась к одной выкрашенных в белый цвет балок на потолке каюты. Едва она уселась там, как в каюту вошел стюарт и поставил перед капитаном еду.

Ужин был подан в обычное время, но, очевидно, у капитана совершенно не было аппетита, потому что он не столько ел, сколько ковырялся в тарелке, глубоко погруженный в свои мысли.

Закончив ужин, Каррутерс прилег на койку. Со стола все унесли. В течение часа странный холод продолжал усиливаться, и Саймон с трудом сохранял состояние сна. Никаких иных признаков присутствия или приближения Зла, кроме холода, пока не было.

Вечером, в девятом часу, капитан поднялся с койки, подошел к сейфу и зазвенел связкой ключей.

Де Ришло дал знак своим спутникам приблизиться к нему и взяться с ним за руки, точнее, переплестись с ним своими мушиными лапками, дабы в случае появления Зла в этот критический момент их сопротивляемость

ему усилилась.

Каррутерс открыл сейф, вынул оттуда ящичек для документов, отпер его и достал оттуда приказ с координатами дальнейшего пути следования конвоя. Взяв его в руки, он вновь сел на койку и стал его внимательно изучать.

Холод все больше усиливался, пока не превратился в жгучий мороз. Саймон чувствовал, что силы его слабеют, и он вот-вот проснется. Но, ощутив слабое пожатие руки герцога, он воспрянул духом и тут вдруг заметил, что над головой капитана появляется непонятное Нечто.

В следующее мгновение все осознали, что это такое. Показалось негроидное лицо с толстыми губами и высоким лбом, проступили мощные плечи.

Стало ясно, что это и есть астральный враг. Выглядывая из-за плеча капитана, он всматривался в текст, запоминая все детали маршрута движения конвоя.

Де Ришло моментально превратился в огромную голубую ядовитую стрекозу, обитающую в тропических лесах Амазонки. Почти так же быстро Мари-Лу обратилась в жирную желто-черную осу-матку.

Вдвоем они набросились на негра. Саймон же в это время, будучи менее опытным в превращениях на астральном уровне, пытался хоть как-то помочь своим друзьям.

Несмотря на то что они старались действовать незаметно и набросились на негра сзади, он, видимо, сразу же почувствовал присутствие неприятеля, так как моментально изменил свой облик, превратившись в огромного черного летающего жука, и взмыл под самый потолок каюты, так что стрекоза и оса оказались ниже его, под угрозой его прямого нападения. Упав вниз как молния, он наверняка бы перекусил Мари-Лу своими мощными

челюстями, если б в этот момент не столкнулся с Саймоном, которому наконец-то удалось поменять свой облик и превратиться в шершня. Четверо крылатых астралов гонялись друг за другом в небольшом пространстве каюты. Происходившее напоминало воздушную битву. Трое ярких приверженцев Света стремились сломать оборону жука и вонзить свои жала в его тело, однако подобраться к нему они практически не могли, спина его была защищена мощным панцирем, а атаки спереди он отгонял ударами своих мощных клещеобразных челюстей.

Неожиданно формы жука стали расплываться, он стал расти и превратился в огромную черную птицу с грифообразным клювом. Одним ударом такого клюва он мог перекусить любого из них пополам. Он так быстро бросился вперед, что Мари-Лу и Саймон едва успели рвануть вверх и спрятаться между балками, куда огромная птица не могла добраться своим клювом.

Пока два друга думали, в кого бы обратиться, герцог уже сменил свой облик, превратившись в золотистого орла, который одним ударом своих мощных когтей вырвал половину перьев из хвоста черного грифа. Тот закричал от гнева и в следующее мгновение бросился вон из каюты. Орел моментально устремился следом за ним.

И Саймон и Мари-Лу догадались, что астральное сражение будет продолжаться не на Земле, а на других уровнях. Они обратились в мощных птиц и бросились вдогонку за другими. Покидая кабину, Мари-Лу в последний раз обратила взгляд на капитана Каррутерса. Тот явно не подозревал, что над его головой произошла ужасная битва, и продолжал сидеть, читая приказ и, очевидно, пытаясь запомнить все его детали.

Злое существо привело их на астральном уровне в мрачную страну, которая явно не имела повторения на

Земле. Появились черные горы, глубокие ущелья, долины с богатой, вроде бы тропической, но странной растительностью. Многие растения напоминали кактусы, другие — гигантские поганки. Поверхность же этой загадочной местности была покрыта не травой, а ядовитым плющом и насекомоядными растениями. И всюду кишели ядовитые насекомые и рептилии.

Поскольку его противник не сбросил своего облика и продолжал оставаться черным грифом, летящим через темные долины, освещенные жутковатым лунообразным светом, де Ришло тоже продолжал сохранять образ орла.

Неожиданно гриф как камень упал вниз и растворился среди таинственной растительности. Де Ришло рванул за ним и тоже исчез из виду.

Чтобы иметь возможность продолжать преследование и не потерять своего противника из виду Мари-Лу и Саймону необходимо было принять формы, которые позволили бы им пробираться сквозь непроходимые на вид заросли. Они приняли прежнюю форму: Мари-Лу вновь обратилась в осу, а Саймон, с большим усилием напрягая свою уставшую волю, — в шершня.

Быстро промчавшись среди иголок кактусов и гигантских грибов, они неожиданно оказались на небольшой каменистой площадке, где их взору предстало ужасное сражение. Оно было в самом разгаре. Щелканье клыков, мелькание лап и хвостов, летящий пух не давали возможности определить, кто из этих двух животных является герцогом, а кто — астралом Зла. Трудность объяснялась и тем, что оба зверя постоянно, по несколько, чуть ли не десять раз за минуту, меняли свой облик.

Наконец, после агонизирующего рычания один зверь оторвался от другого и попытался удалиться, приняв облик королевской кобры, которая заскользила между

камней. В мгновение ока де Ришло превратился в мангуста и с быстротой молнии бросился за змеей.

Кобра встала на хвост, зашипела и ударила своего преследователя тяжелой пятнистой головой, но промахнулась. Мангуст всадил свои зубы в чешуйчатое тело змеи, которая начала молотить хвостом по земле, а затем сменила облик, превратившись в гигантского тарантула с волосатыми ногами.

Мангуст мгновенно превратился в броненосца, толстая броня которого защищала его от ядовитых укусов тарантула. Неожиданно тарантул исчез. Броненосец стал носиться между камнями и едва избежал укуса в ногу со стороны крошечного скорпиона. Легким движением броненосец чуть не придавил скорпиона к камню, но тот превратился в краба, который стал увеличиваться в размерах прямо-таки с фантастической быстротой, поднимая камень своим крепким панцирем и пытаясь в то же самое время схватить морду броненосца своими мощными клешнями.

Броненосец пронзительно завизжал, но Саймон как пуля рванул вперед и вонзил свое жало в мягкую часть огромного тела краба. Тот не издал ни звука, но его круглые глаза на длинных стебельках от неожиданности дернулись вверх и он выпустил броненосца, который сразу же превратился в орла, чтобы спасти свою морду путем быстрой трансформации ее в мощный клюв.

Какое-то мгновение орел кружил вокруг краба, стараясь выклевать ему глаза, но краб превратился в огромную черную пантеру, которая взмыла вверх, чтобы схватить орла, и вот здесь Мари-Лу решила, что настала ее очередь и превратилась в льва. Они все сцепились вторым, в стороны полетели шерсть и перья, а Саймон, не умеющий так быстро изменяться, летал над ними, делая

отчаянные круги.

Пантера, преследуемая двумя мощными противниками, царем зверей и царем птиц, спасла свою жизнь только путем быстрого превращения в смертельно ядовитую маленькую паучиху. И лев и орел сразу же в страхе отпрянули от нее, а в следующую секунду уже заяц с такой скоростью рванул от них, что они были вынуждены вновь обратиться в стрекозу и осу, чтобы поспеть за ним.

Новое преследование было для Саймона не под силу. Он уже совершенно выдохся и, хотя, всячески напрягая свою волю, пытался поспевать за ними, все-равно стал отставать. Изображение мрачных долин в его сознании стало таять.

Де Ришло обогнал зайца и, вновь приняв форму орла, бросился на него, но заяц увернулся, избежав удара клювом, и продолжал нестись вперед. В следующее мгновение он исчез под землей.

Мари-Лу была впереди них. Она поняла, что их ожидает испытание, которого она больше всего опасалась на астральной планете. Они должны будут следовать по длинному узкому тоннелю глубоко под землю, остро ощущая, что в любой момент стены могут обвалиться, и они окажутся заживо погребенными. Хорошо сознавая, что в астральной форме она не может погибнуть, она, тем не менее, испытывала животный страх, который шел от ее телесной оболочки и не был еще преодолен, поэтому и воспринимался как настоящий. Настроившись на испытание, она последовала примеру герцога и, обратившись в хорька, вслед за ним исчезла в норе.

Туннель был достаточно узким, и они с трудом пробирались по нему. Уменьшаться в размерах не имело смысла, потому что каждый раз, когда они делали это, зло существо, следовавшее впереди их, становилось меньше,

и стены еще больше сближались, делая тоннель более узким. Было невыносимо жарко и душно, тьма царила непроницаемая даже для их астрального зрения, потому что они были окружены, скажем так, за отсутствием лучшего термина, — астральной материей, через которую ничего нельзя было увидеть. Еще ниже воздух стал вообще ядовитым, насыщенным миазмами разлагающихся тел.

Гонка, казалось, не будет конца. Минуты не прошло, как у обоих преследователей возникло ощущение, что они просто закопаются под землей и не смогут двигаться дальше. Только крайнее напряжение силы воли позволяло им продолжать преследование.

Неожиданно Мари-Лу уловила приглушенный предупреждающий крик со стороны герцога, и почти сразу же он упал на нее, сбитый с ног мощным потоком воды, хлынувшим снизу и затопившим их обоих.

Они вскрикнули, осознав весь ужас утонуть под землей, пока не обратились в рыб и не стали решительно сопротивляться потоку.

Когда они продвигались вперед, Мари-Лу уловила мысль, которую де Ришло послал ей, чтобы подбодрить: «Мы его почти загнали. Он наверняка устал, если пошел на такие трюки».

Немного дальше туннель стал расширяться, превратившись в широкую расщелин, которая привела их в пещеру, куда доходили отблески света с поверхности.

Едва они вынырнули, как огромный спрут схватил их, но по одновременному наитию, прежде чем он попытался их раздавить, они превратились в электрических угрей. Мерзкое чудовище моментально разжало свои щупальца и скрылось, выпустив облако чернил. Де Ришло бросился за осьминогом, приняв облик меч-рыбы, а Мари-Лу пре-

вратилась в акулу.

По мере приближения к выходу из пещеры свет становился ярче, насколько это было возможно в том тусклом мрачном мире. Прошло всего несколько тревожных секунд с тех пор, как они потеряли моллюска, но Мари-Лу успела заметить, что он обратился в маленькую креветку, и бросилась вперед, схватив ее своими огромными челюстями. Какое-то мгновение креветка действительно была у нее в пасти, но прежде чем она успела ее перекусить всеми семью рядами своих зубов, та выскользнула и начала увеличиваться, принимая форму огромной молот-рыбы. Такой гигант не смог бы проглотить своих противников, обладая слишком узкой глоткой, зато с легкостью имел возможность прихлопнуть их ударом своего мощного хвоста.

Мари-Лу вонзила свои острые зубы в один из его плавников, но де Ришло мысленно приказал ей: «Оставь его. Он нам не нанесет зла. Раз уж он перешел к обороне, значит, мы его одолели, но мы должны следовать за ним, пока не выясним, куда он направляется».

Пока кит скользил по волнам, взбивая пену, преследователи немного отстали от него. Затем черный астрал, понимая, что не может одолеть их, оставил воду и принял человеческий облик.

Морской пейзаж исчез. Она увидели его стоящим далеко впереди — плечистого негра в белом облачении, с человеческими черепами, привязанными к поясу, и с ожерельем из акульих зубов на шее. У них не было возможности проверить является ли эта форма подлинным земным обликом их антагониста, или же это новая маска его астрала, но они тоже сразу же обратились в людей, готовых к сражению на астральной планете и продолжили свою погоню.

С необыкновенной быстротой перед ними открылась новая картина, свидетельствовавшая о том, что это не астральное создание, а что они возвратились в какой-то район Земли. Далеко внизу под ними, омываемая ласковым морем, показалась земля.

Повсюду были разбросаны города и деревни, вдали виднелись неровные вершины гор, пляжи казались огромными и пустынями. Такая картина предстала перед их астральным взором, но они поняли, что Земля еще окутана покрывалом ночи.

Устремившись вперед, они скоро оказались над огромным заливом, своей формой напоминающем клешню омары. И вот здесь, оказавшись на пустынном берегу, их противник внезапно обернулся и набросился на них.

Де Ришло моментально принял удар на себя и был сразу же повержен на землю. Его воли не хватало, чтобы сопротивляться воле своего таинственного противника. Но Мари-Лу во время своих прежних астральных путешествий в предшествующие столетия не раз сталкивалась с творениями Зла и кое-что о них смогла узнать, в частности, что они страдают вожделением к человеческим существам. Поэтому, не долго думая, она сбросила с себя одеяние воина Света и приняла свой настоящий облик, представ перед противником во всей своей красоте и совершенно обнаженной.

Большие глаза негра загорелись красным огнем. Он на мгновение отпустил герцога и протянул вперед огромную руку, пытаясь схватить Мари-Лу. Секунды передышки было вполне достаточно, чтобы де Ришло пришел в себя.

Еще минута и Мари-Лу вновь приняла облик молодого воина и вместе с герцогом набросилась на противника. Он в ужасе отступил назад, но они успели схватить его и

стали связывать, готовясь повергнуть его в пропасть Небытия. В отчаянии он обратился к последнему средству и во весь голос на каком-то древнем наречии призвал своего хозяина — Сатану.

Едва его крик о помощи пронзил воздух, над землей, казалось, возникло темное облако. Де Ришло было известно, что все адепты Тропы Левой Руки в этом районе спешат на помощь своему собрату, попавшему в беду.

Против такого численного преимущества он с Мари-Лу был совершенно бессилен. Слишком поздно осознал он, что, загнав создание Зла в угол, виновен в самой ужасной спешке, и, когда воинство Сатаны бросилось на них, он с содроганием понял, что, возможно, они не смогут спасти себя.

9 ПЕРЕПОЛОХ В КАРДИНАЛЗ-ФОЛЛИ

Даже на Земле мыслительные процессы протекают достаточно быстро. Человеческий разум в состоянии в считанные мгновенья охватить огромные расстояния, но это ничто по сравнению с той скоростью, с которой работает разум, освобожденный от материи, на астральном уровне. За считанные секунды де Ришло успел подумать о многом.

Получить определенные навыки в оккультизме можно лишь в результате постоянного обучения и практической деятельности, как в любом искусстве, но искусством нельзя овладеть за короткий период одной земной жизни. Требуется постоянная приверженность какому-либо предмету в течение ряда земных инкарнаций, чтобы достичь в этой области уровня гения, и нет ничего удивительного в том, что некоторые дети поражают своих родителей и воспитателей, проявляя необычайные способности к музыке, рисованию или языкам. Просто во время своих последних инкарнаций они достигли потрясающей сноровки в определенных умениях, что и превращает их при новых рождениях в вундеркиндов. В своей последующей инкарнации они могут увлечься любым другим предметом, что характерно для человеческого существа, и прожить еще несколько земных жизней, добиваясь в нем мастерства. Так что через период инкарнаций в течение

многих тысячелетий мы овладеваем всеми искусствами, становимся гениями в каждой области и до мельчайших деталей познаем самих себя, свою душу, но осознаем мы это только во время сна или смерти.

Оккультизм — искусство, лежащее за пределами Земли, только ничтожная часть его может быть усвоена, когда душа пребывает в процессе своих земных инкарнаций. Но даже здесь знания постепенно наслаиваются, накапливаются с каждой последующей жизнью. Даже если кто-то был адептом, несмотря на то что тайны оккультизма могут быть затемнены от него в течение целых инкарнаций, каждый раз, когда возникает необходимость вернуться к предшествующему знанию, загорается как бы искра, и восстановление полученного прежде представляет относительно легкий процесс.

Никто, будучи в материальном теле, не в состоянии полностью осознавать свою астральную жизнь, если не посвятил этому процессу многие предшествующие инкарнации. Но Земля так стара, что найдутся лишь немногие из нас, кто не посвящали такой цели тот или иной период своих воплощений, так что воссоздание этих познаний не представляет особого труда, если мы действуем в этом направлении решительно.

При этом не следует забывать, что огромное множество предметов заранее запланировано, как в любом крупном университете. Если человек, проводший в Оксфорде шесть семестров за изучением истории, вдруг решит заняться математикой и в последующие два года будет осваивать исключительно высшую математику, а в конце этого периода его вдруг неожиданно вызовут и попросят написать работу по истории, не будет ничего удивительного в том, если она вдруг окажется совершенно несостоятельной. То же самое происходит и в космическом

университете, где каждая земная жизнь — не более чем семестр, а сама Жизнь в ее истинном астральном смысле — вечна.

Прошло много инкарнаций с тех пор, когда де Ришло в течение ряда своих земных воплощений занимался серьезным изучением оккультизма, в конце концов достигнув такого уровня знаний тайного искусства, который едва мыслим для человеческого уровня. Но в последние свои земные жизни он обратил свое внимание на другие области познания, тем не менее сохранив знание великих оккультных истин и возможность постоянно сохранять связь со своим астральным существованием. И хотя он до сих пор мог еще исполнять кое-какие магические ритуалы, прошло много столетий с того времени, когда он выступал в качестве могущественного Белого Мага, и он на время забыл, что ему было известно относительно высших истин.

Сейчас он осознал, что они оказались в ситуации, когда, как принято говорить, даже ангелы боятся шаг сделать. Уже не вызывало и тени сомнения, что нацисты пользуются оккультизмом, но он полагал, что они задействуют оккультиста с весьма ограниченной мощностью, как у него, или работающего через медиума в состоянии транса, в то время как стало ясно, что у них на службе находится какой-то великий мастер Левого Пути. Герцог ужасно корил себя за то, что не предвидел такой возможности, хотя, как понимал, обязан был сделать это, учитывая тот факт, что сам Гитлер планировал все свои действия, добиваясь максимального благоприятного для него расположения звезд, и что сам символ нацистской партии указывал на их фундаментальную связь с силами Тьмы. При наличии нации в восемьдесят миллионов, все черные элементы которой автоматически становились на

сторону фашизма, германские вожди воспользовались услугами ряда первоклассных адептов Зла.

Когда сатанинское множество появилось на темном, омытом морскими водами, берегу, де Ришло понял, что для того, чтобы вызвать такую рать, его противник должен быть, по крайней мере, Магистром Храма. Странно, как ему удалось загнать и чуть ли не одолеть такого мощного врага с помощью всего лишь Мари-Лу и Саймона. Герцог также осознавал, что сделать это они смогли только благодаря своей внезапной решительности дать сражение и силе своего натиска.

По существу их астральная битва имела свою земную параллель, когда совершенно безоружные легкие крейсера «Аякс» и «Экзетер» сразились с явно более мощным «Графом Шпее». Но вместо того чтобы искать убежище в порту Монтевидео, «Граф Шпее» добрался до самого Киля и вновь объявился, уже в окружении легких крейсеров и чуть ли не полусотни эсминцев. Конечно, у «Аякса» и «Экзетера» не было возможности вынести ту лавину огня, которая обрушилась на них. Единственный их путь спасения заключался в бегстве. В подобной же ситуации оказались и герцог с Мари-Лу. Спасти их могло только бегство.

«Немедленно возвращаясь в свое тело», мысленно приказал герцог Мари-Лу и бросился бежать. Она последовала за ним.

Триумфальный рев пронесся среди эмиссаров Ада. Едва рассеялся воздух, они кинулись в яростную погоню. Следующие секунды показались преследуемым настоящими годами кошмара. Силы Зла воспользовались всей своей мощью, пытаясь поразить их астральными снарядами, злобной волей затащить беглецов обратно, испугать их, воздвигая перед ними самые разнообразные астраль-

ные преграды.

Мари-Лу и герцог чувствовали, как их притягивает к себе таинственная сила. Вдруг поднялся ужасный ветер, их закружило, как сухие листья. Вспыхнула яркая молния, ударил гром, грохот которого напоминал массированную бомбардировку.

Оба преследуемых прекрасно понимали, что это только только внешние проявления, которые не могут нанести им никакого вреда, если они, конечно, не поддадутся страху и будут продолжать бежать. Но молнии, направленные на них, могли испугать самых бесстрашных, и они неслись, летели вперед, шарахаясь из стороны в сторону, пытаясь избежать их.

Неожиданно картина изменилась и вместо бурлящих черных облаков, пронизываемых ужасными вспышками, перед ними появилась огромная стена огня, не имеющая конца ни сверху, ни снизу. Эта стена напоминала содержимое огромного кипящего, ревущего и бурлящего очага, отбрасывающего ослепительный свет и источающего такой жар, что, казалось, их астральные тела вот-вот съедятся.

От ужаса Мари-Лу вскрикнула и остановилась, но де Ришло понимал, что, если они не вернутся в свои тела, они умрут во сне. Такова цена, которую они обязаны будут заплатить за то, что осмелились выступить против сил Зла, более мощных, чем они сами. Своей поспешностью они привели собственные инкарнации чуть ли не до последней точки, совершая, по существу, своеобразное самоубийство, а это значит, что они будут отброшены назад на своем астральном пути, назад на несколько инкарнаций.

Схватив ее за руку, герцог втащил Мари-Лу прямо в кипящую массу. Какое-то мгновение боль была совершен-

но невыносимой, затем огненная стена растворилась, уступив место тишине, которая была почти ощутима. Вздыхнув с облегчением, они отбросили в стороны одеяла и проснулись, сидя на своих лежанках. Ричард, Рекс и Саймон стояли рядом с ними в пентакле, преклонив колени и опустив головы в молитве.

Услышав, что они проснулись, Ричард открыл глаза и прижал Мари-Лу к своей груди.

— Слава Богу, Слава Богу! — бормотал он. — Наконец-то вы вернулись! Саймон рассказал нам о том, что там происходило, и я чуть не сошел с ума от ужаса в ожидании, пока вы проснетесь.

Саймон пристыженно посмотрел на герцога.

— Я никогда не прощу себе, что оставил вас в такой заварухе, но я больше не мог заставить себя спать, — произнес он.

Де Ришло смахнул пот со своего лица, а затем положил руку на плечо Саймону.

— Мой дорогой друг, не говори глупости. Я вообще поражаюсь, что ты так долго держался. Готов поспорить, что ты даже не сможешь вспомнить, когда в последний раз проспал на одном дыхании целых одиннадцать с половиной часов! Ты спас меня от чудовища, когда тот в облике краба схватил меня за нос.

— Черт побери, а ведь действительно! — воскликнул Саймон. — Теперь я припоминаю. Я пробрался ему под панцирь и ужалил его прямо в живот. Мне просто ужасно повезло.

— Это было не просто везенье, Саймон, — сказал герцог, а настоящее мужество. Ты всегда уверял нас в том, что ты трус, но когда дело дошло до испытания, ты оказался самым храбрым из нас. Одним ударом своей мощной клешни это чудовище могло настолько изувечить

твой астрал, что ты никогда бы не смог возвратиться в свое земное тело.

— А что там вообще произошло? — спросил Рекс. — Когда Саймон проснулся, он ничего рассказать толком не мог. Единственное, он помнил, что вы оказались замешаны в какую-то заваруху. Вот и все. Нам ничего не оставалось, как только молиться.

— И вы не могли сделать ничего более нужного, — ответил герцог. — Теперь ясно, что только благодаря вашим молитвам мы смогли удачно вернуться. В следующий раз молитесь стоя, как это делали в глубокой древности, устремив свои руки в пространство. Колено преклонное положение, введенное христианами, свидетельствует о ложной покорности, а поскольку каждый из нас несет в себе Бога, мы не должны преклонять свои колени ни перед чем ни на Земле, ни на небесах.

Ричард накинул ночной халат на плечи Мари-Лу, но, несмотря на то что в комнате было тепло и от камина отдавало жаром, ее временами прохватывала дрожь.

— Хотя мы в буквальном смысле вышли из самого горнила огня, — сказала она, — мне все равно ужасно холодно.

— Ну, это мы быстро вылечим, — улыбнулся герцог. — Нам нужно основательно поесть. Давайте займемся этим.

— Черт побери! — воскликнул Рекс. — Я настолько привык к вареной рыбе и к пище кролика, что даже не помню, как питаются настоящие христиане. Надеюсь, вы не признали себя побежденными?

— Нет, совершенно нет, — уверенно заявил де Ришло. — Просто я не собираюсь вновь отправляться в астральные путешествия до тех пор, пока не восстановлю в памяти более мощные методы защиты. Ну а тем време-

нем мы можем жить нормальной человеческой жизнью.

— Ты что же, хочешь сказать, что мы можем даже чего-то выпить? — спросил Ричард.

— Конечно, — кивнул де Ришло, — только в умеренных дозах.

— Ну надо же! — рассмеялся Рекс. — Я сегодня такой коктейльчик приготовлю...

— А у меня в Лондоне, кстати, есть довольно неплохие запасы редкого вина, — похвастался Саймон. — Я мог бы привезти его сюда. Но перед тем, как отправиться в Лондон, я хотел бы знать, что же с вами произошло после того, как я вынужден был покинуть вас? — спросил он, обращаясь к вернувшимся.

— А сколько сейчас времени? — поинтересовался герцог.

— Чуть больше полуночи, — ответил Ричард.

Де Ришло бросил взгляд на Мари-Лу.

— Следовательно, слуги все уже спят. Но я уверен, принцесса, ты не будешь возражать, если мы совершим налет на твою кладовую и что-нибудь подберем для ужина. — Конечно нет, Сероглазка дорогой. Слуги решили, что со времени приезда сюда мы все чокнулись. Наше неожиданное увлечение вегетарианской диетой, отказ от спиртного, постоянно закрытые на ключ комнаты, наши многочасовые бдения за их дверьми, вскоре убедили их, что, если даже нас всех посадить в сумасшедший дом, мы совершенно не почувствуем разницы.

— Кухарка терпеть не может, когда кто-то хозяйничает у нее на кухне, — с сомнением произнес Ричард.

— Я думаю, одного слова с моей стороны будет достаточно, чтобы все пришло в норму, — заметил со смехом де Ришло. — Мы с кухаркой всегда были в самых дружеских отношениях. С того самого дня, когда я

ей показал, как делать яйца-пашот, причем так, чтобы они запекались внутри сырного суфле, она признала во мне коллегу-виртуоза.

— Я знаю, что означает одно лишь слово с твоей стороны, — быстро вмешалась Мари-Лу. — Фунтовую банкноту. Ты портишь слуг, давая на чай. В этом, Сероглазка, нет необходимости. Поскольку в своем доме я хозяйка, я буду делать на своей кухне все, что посчитаю нужным.

— Ура! — закричал Рекс. — Получил! Ну ладно, пойдемте. Лучше поищем, чего бы нам поесть.

Но когда они дошли до кухни, выяснилось, что им хотелось отнюдь не деликатесов из кладовой Мари-Лу. Воздержание в последние дни от еды упростило их вкусы. К счастью, недавно с местной фермы поступило много провизии, и они единодушно решили, что наилучшее на данный момент — яичница с ветчиной и оладьи.

Пока Рекс с Саймоном накрывали на стол, Мари-Лу готовила яичник, а де Ришло размешивал тесто для оладий, который собирался печь сам. Ричард исчез в подвале, объявившись несколько минут спустя с двумя большими бутылками шампанского.

— «Круг 26», — пробормотал Саймон с видом знатока, бросив взгляд на пыльные этикетки. — Ей богу, я даже не помню, когда их видел в последний раз.

Ричард ухмыльнулся.

— В то время, когда появилось это вино, я сразу же понял, что оно из лучших в нашем столетии, и я сделал основательные запасы. Я уверен, что мы сможем раздать еще не одну бутылочку после того, как Гитлер осушит свой последний бокал апельсинового сока.

— Ну раз ты затронул эту тему, — вмешался Рекс, — мы просто сгораем от нетерпения услышать

последние известия с астрального фронта.

— Когда мы поедим, Мари-Лу расскажет об этом, — сказал герцог.

Три четверти часа спустя она изложила им в общих чертах о встрече с противником.

— Ну и какие задачи перед нами теперь? — спросил Рекс, когда она закончила.

— Моя версия о том, что нацисты используют оккультизм, оказалась верной, — сказал герцог. — Наша задача заключается в том, чтобы найти во плоти черного оккультиста, который работает на них.

— Ну и как ты собираешься это сделать? — поинтересовался Ричард.

— Нам известно, что он — негр, черный колдун, а подобных людей в Германии немного, — заметила Мари-Лу.

— Может быть, — влез в разговор Рекс, — вы способны направиться в Германию на астральном уровне, но пока вы на нем пребываете, убить человека вы не в состоянии. Так в чем заключается ваша грандиозная дея? Или вы собираетесь проникнуть в Германию живьем?

— Внешне это выглядит все так и с помощью сэра Пеллинора, я не сомневаюсь, кто-нибудь из нас мог бы пробраться туда. Однако я полагаю, Мари-Лу ошибается, считая этого человека обязательно негром. Вполне вероятно, что он только принял такой облик, когда мы его увидели, а на самом деле он, скорее всего, светловолосый голубоглазый гунн.

— Это еще больше усложняет задачу, — мрачно заметил Ричард, — поскольку в Германии светловолосых голубоглазых гуннов хоть пруд пруди. Кроме того, он может оказаться и темноволосым жителем Рейна, и даже

рыжеволосой женщиной. Похоже, вы до сих пор еще не имеете ясных следов.

— Нет, имеем, — возразил герцог. — Кое-что мы знаем точно. Он выходец с острова, береговая линия которого в одном месте напоминает клешню омара с тупыми концами. Вне всякого сомнения, эта местность находится где-то на Земле, и если бы я снова ее увидел или нашел по очертаниям на карте, я бы узнал ее.

— А ты абсолютно уверен, что это был остров? — спросила Мари-Лу.

— Клятвенно утверждать этого я не могу, потому что место занимало огромное пространство. Что находилось вдали, было невозможно разглядеть, но такое у меня сложилось впечатление.

— А вот мне показалось, — сказала Мари-Лу, — что это морской берег огромного полуострова. Но я согласна — увидев эту часть побережья, ее будет нетрудно узнать.

— Возможно, ты и права относительно полуострова. Это н мог быть один из Фризских островов, они слишком плоские и маленькие, но в то же время почти наверняка это часть европейского континента. Поскольку немцы сейчас держат под контролем Данию и Норвегию, вполне возможно, что противник осуществляет свою операцию с одного из островов в Балтийском море или даже скорее с Норвежского побережья.

— Вот именно! — воскликнула Мари-Лу. — Я видела, что вдали от берега местность была гористая, так что вполне возможно, это был большой мыс, выступающий между двумя какими-нибудь норвежскими фьордами.

Закончив еду, они вернулись в библиотеку и, взяв атлас Ричарда, стали очень внимательно изучать береговую линию северной Европы, но так и не смогли найти

ни одного участка берега, сходного с тем, что они наблюдали в предшествующую ночь на астральном уровне.

— Это лучший из существующих сейчас атласов, но для того чтобы найти то, что нам необходимо, понадобятся крупномасштабные карты, — сказал герцог. — Поэтому завтра же я поеду в Адмиралтейство. Мне все равно необходимо побывать в Британском музее, чтобы ознакомиться с имеющимися там старинными работами по магии. Надо же как-то восстанавливать свое умение защищаться на астральном уровне.

Был уже пятый час утра, поэтому они решили отправиться спать. Ричард и Рекс — действительно спать, а остальные просто отдохнуть. Герцог предупредил Мари-Лу и Саймона, что, если несмотря на многочасовой сон, который у них был на протяжении всего дня, они почувствуют, что засыпают, следует держаться у своих тел, потому что противник, преследовавший их до самого Кардиналз-Фолли, наверняка уже знает, где они живут. Возможно, он затаился где-нибудь поблизости и ждет момента, чтобы неожиданно атаковать их, как только они окажутся на астральном уровне.

Когда они встретились на следующее утро, Саймон сообщил, что он только немного подремал и никаких тревог не испытывал, но Мари-Лу спустилась вниз по лестнице совершенно бледная и больная. Она заявила, что заснула около пяти часов утра и вопреки своим желаниям оказалась в каком-то лабиринте, похожем на Хэмптон-Корт. Все это место буквально было пронизано Злом. Как она не пыталась, она не могла найти выхода. Совершенно отчаявшись в поисках выхода, она в ужасе носилась по бесчисленным тропинкам, огражденным высокими стенами, чувствуя при этом, что нечто ужасное толкает ее из коридора в коридор. Она уже совсем

потеряла надежду, как вдруг в самом центре лабиринта в облике паркового зрителя появился Ричард, который помог ей выйти. Оказавшись на свободе, она тут же проснулась, вся в холодном поту. Де Ришло с грустью посмотрел на нее.

— Мне очень жаль, принцесса. Это моя вина. Если бы я не был совершенно выбит из колеи событиями прошлой ночи, я бы вскоре сам догадался, что нечто подобное может произойти. С этого момента все из вас должны спать только в пентакле, а во время сна ваши астралы не должны далеко удаляться. Только это даст вам возможность избежать подобных испытаний.

— А что ты делал во время сна?—поинтересовалась Мари-Лу.

— Ничего, — спокойно ответил герцог. — Скорее всего это объясняется тем, что я наиболее мощный астрал среди вас. Естественно, они пытаются сперва уничтожить наиболее слабых из нас. Кроме того, засыпая, ты наверняка продолжала думать о происшедшем, в то время как я предпринял определенные меры предосторожности и намеренно забыл все это дело. Сейчас я ужасно обвиняю себя за то, что не посоветовал всем вам сделать то же самое.

Мари-Лу устало пожала плечами.

— Это уже не имеет значения, Сероглазка дорогой, раз уж сегодня ночью пентакль даст нам достаточную защиту.

— Конечно, даст, если вы его сделаете правильно. Я буду в Лондоне и смогу сам о себе позаботиться. Но за последние две недели вы так часто видели, как я его черчу, что без труда справитесь сами. Как ты считаешь, сможешь ты это сделать?

— Смогу. Как-никак, я не одна. Остальные помогут мне и подскажут, если заметят ошибку. Тебе не кажется странным, что с Саймоном ничего не случилось?

— Нет, не кажется. Похоже, он действительно только дремал. И, кроме того, наш противник в лицо его не видел. Для него он был только шершнем, в то время как мы столкнулись с ним лицом к лицу. Но поскольку сражение продолжается, я не удивлюсь, если астралы всех присутствующих в доме людей даже слуг — подвергнутся нападению.

— О Господи! — Мари-Лу наморщила лоб. — А чем мы можем им помочь?

— А ничем, — смеясь ответил герцог. — Конечно, если мы не заставим их всех спать в пентаклях. Но, говоря по-честному, я даже не представляю себе, как это можно сделать, ведь им придется рассказать о военных сражениях на астральном уровне. Трудно даже вообразить последствия такого разговора. Мне кажется, Малин и ваши горничные наверняка еще больше укрепятся во мнении, что мы все спятили, и сразу же заявят о своем уходе.

— Похоже, они так и так это сделают, — мрачно заметил Ричард. — Но главный вопрос в другом — не будет ли им причинен какой-либо вред? Если будет, я просто обязан их сразу же отослать.

— Вряд ли в этом есть необходимость, — ответил де Ришло. — Силы, орудующие против нас, довольно быстро выяснят, кто из присутствующих в этом доме оказывает активное содействие Мари-Лу и мне. Естественно, он сконцентрирует все свое Зло против таких лиц, оставив слуг в покое, или, в худшем случае, одарив их парочкой исключительно неприятных кошмаров.

— Кошмары никому вреда не причиняют, а раз дело только в этом, то слугам ни о чем таком говорить не будем, — заявил Ричард. — Во время же твоего отсутствия мы все будем держаться в рамках пентакля.

— Ну и хорошо, — согласился де Ришло. — Это оказалось более неприятное дело, нежели я ожидал. Даже не задавая вопросов, я вижу, что вы все готовы пройти это испытание.

Пронесся одобрителный шепот, а герцог продолжал:

— Возможно, я буду отсутствовать дня три-четыре, знакомясь с рукописями в Британском музее. Ради Бога, во время моего отсутствия ничего не предпринимайте. Постарайтесь спать по двое. Это даст каждому из вас напарника во время астрального путешествия и в то же время два человека все время будут на страже, чтобы не дать возможности силам Зла сломать оборонную мощь пентакля, пока двое других спят. Ко времени своего возвращения я, надеюсь, буду лучше оснащен для встречи с неприятелем, чем когда я поспешно ввязался в это невероятное дело.

После ленча герцог на машине отправился в Лондон и в тот же вечер за обедом встретился с сэром Пеллинором. Самым простым и доступным языком, опуская детали, из-за которых дело могло показаться совершенно невероятным, он рассказал пожилому баронету о том, что произошло и попросил договориться в Адмиралтействе, чтобы у него была возможность ознакомиться с крупномасштабными картами побережья северной Европы.

Сэр Пеллинор отнесся к этому вопросу со всей серьезностью. Временами, вспоминая о том, что де Ришло рассказывал ему относительно оккультизма и имея возможность переговорить об этом с некоторыми лицами, разбирающимися в предмете, он пришел к заключению,

что версия де Ришло, какой бы невероятной она не казалась, имеет под собой основания, и чем больше он вникал, тем более логичной она ему казалась. И хотя он задавал своему старому другу, убежденному стороннику реинкарнации, вопрос за вопросом, на каждый из них давался удовлетворительный, без всяких неясностей, ответ. Несмотря на свои постоянные заявления, что особым умом он не блещет, сэр Пеллинон обладал удивительным чувством логики. По существу, только благодаря этой прямооте мысли и абсолютному доверию к своим собственным суждениям, он смог добиться успеха в жизни. Вот почему он предстал перед де Ришло более покладистым, заинтересованным и ожидающим дальнейшего развития событий, чем тот ожидал. Договоренность о посещении Адмиралтейства была достигнута без особого труда. Было выбрано следующее утро.

На следующий день герцог провел более трех часов с капитан-лейтенантом, заведующим картографическим отделом, в одном кабинетов Адмиралтейства. И хотя он просмотрел все побережье Норвегии от Арктики до пролива Каттегат, значительную часть Балтики, всю Данию, побережье Германии, Голландии, Бельгии и Франции, он так и не смог найти ни одного острова или мыса, по своим очертаниям напоминающим берег, который они с Мари-Лу видели в час опасности.

Сделав все возможное в этой области, он получил разрешение от одного из кураторов Британского музея, который был его другом, ознакомиться с некоторыми бесценными старинными манускриптами, которые специально для него доставили из подвалов, где они хранились на случай опасности от воздушных налетов. Последующие три дня он посвятил изучению этих древних писаний, делая обильные выписки. Затем он посетил Калпе-

рер-хаус на Брутен-стрит и у одного из самых знаменитых специалистов по травмам приобрел странный набор предметов. На четвертый день он провел ленч с сэром Пеллинором.

Когда он сообщил о своей неудаче в Адмиралтействе, баронет поинтересовался, что же он собирается делать.

— Я должен вновь отправиться туда и, используя все свои возможности, попробовать выяснить личность человека, работающего на нацистов на астральном уровне. Кем бы он ни оказался, где был не был, мы обязаны выследить его и убить.

Сэр Пеллинор понимающе кивнул головой.

— Вы ставите перед собой немалую задачу и, как я понимаю, подвергаетесь значительной опасности. Я очень бы хотел поблагодарить вас официально, от имени правительства, но, говоря по правде, они наверняка подумают, что я спятил, если я попытаюсь рассказать им о той необычайной работе, которой вы занимаетесь. Как бы то ни было, я уверен, вам доставит огромное удовольствие узнать, что сегодня утром было сообщение о конвое, свидетелем отправки которого вы были. Этот конвой избежал нападения и уже миновал опасную зону.

— Значит, мы хоть что-то, но сделали, — с улыбкой произнес де Ришло. — Очевидно, мы помешали астральному агенту запомнить детали маршрута. Но признаюсь откровенно, сражение только начинается. Я очень тревожусь, как бы чего-нибудь не произошло в Кардиналз-Фолли во время моего там отсутствия.

— А чего вы опасаетесь?

— Даже не знаю. Вряд ли можно допустить, что противник оставит моих друзей в покое. Плохо, что в ту ночь, преследуя нас, ему удалось узнать откуда мы работаем. Есть и другое обстоятельство. Поскольку в Герма-

нии пользуются астральной связью, в Берлине уже в течение нескольких дней известно, что мы раскрыли их метод. Следовательно, гестапо наверняка отдаст своим агентам указание уничтожить нас физически. Фашисты никогда не останавливались перед убийствами.

— О Господи! Неужели вы хотите сказать, что они зашлют в нашу страну своих агентов, которые будут охотиться за вами?

— Конечно. Если уж моя цель заключается в том, чтобы физически покончить с их разведчиком-оккультистом, то нет ничего удивительного в том, что они будут стремиться к тому же — расправиться со мной и моими друзьями, чтобы мы им просто не мешали.

Сэр Пеллинор издал длинный свист и, плеснув себе очередную порцию старого бренди, сказал:

— Боюсь, мне следует обеспечить вам полицейскую охрану.

Де Ришло отрицательно покачал головой.

— Это потребует ненужных объяснений, а чем меньше народу знает об этом деле, тем лучше. Чтобы Берлину связаться со своими агентами, действующими в Британии, а тем более выйти на нас, потребуется какое-то время, так что я думаю несколько дней в запасе у нас есть, и полицейское охранение, пока не возникла острая в этом необходимость, нам не требуется. Просто в настоящее время я опасаюсь, что мои друзья могут подвергаться нападениям на астральном уровне.

Когда в тот же вечер герцог вернулся в Кардиналз-Фолли, он сразу же понял, что не зря тревожился. Четверо его друзей в мрачном молчании сидели в гостиной, но стоило ему войти, как они все разом заговорили.

Оказалось, что со времени его отъезда в Лондон, пребывание в доме стало почти невыносимым, благодаря,

судя по словам Ричарда, целой армии полтергейстов, которые били посуду, рвали занавески, выливали воду на постели, хлопали дверьми, пока у всех от этого шума не начинали раскалываться головы, и каждой ночью, пока держалась тьма, вытворяли самые невероятные вещи. Все слуги заявили о своем уходе, за исключением преданного Ричарду дворецкого, Малина, который совершенно спокойно относился в происходящему и с обычной вежливой улыбкой впустил герцога в дом.

— Я и опасался, что нечто подобное произойдет, — признался герцог, с сокрушающимся видом посмотрев на Мари-Лу. — Даже не могу выразить, насколько чувствую себя виноватым в том, что принес столько тревог в твой дом, принцесса.

Она улыбнулась ему печальной улыбкой.

— Не надо тревожиться, Сероглазка дорогой. По крайней мере мы чувствуем, что хоть что-то делаем. Временами немножко страшно, неудобства просто бесят, но разве это можно сравнить с тем, какой опасности подвергаются наши летчики или моряки.

— Это верно, — согласился де Ришло. — Но, надеюсь, в физическом плане у вас никто не пострадал? Никаких нападений или покушений не было? Подозрительные незнакомцы здесь не появлялись?

— Сегодня утром здесь шатались какие-то два странных человека... — начал было Ричард, но закончить свою мысль не успел.

В этот момент послышался звон бьющегося стекла и что-то влетело в окно. В следующую секунду из-под занавеси выкатился большой круглый черный предмет. В душе у всех оборвалось. Это была лимонка, осколочная граната.

10 ВЗРЫВ

Нападение было таким неожиданным и в то же время так связано по времени с вопросом герцога о подозрительных личностях, что каждый сразу же понял, что произошло. По всей видимости, их противник на астральном уровне связался с германскими агентами в Англии, которые не теряя времени устремились в Кардиналз-Фолли, чтобы быстрее уничтожить де Ришло и его друзей. Кинутая ими в гостиную граната могла в любую минуту разорваться на тысячи смертоносных осколков.

Если бы портьеры были раздвинуты, герцог мог попытаться выбросить ее в окно, надеясь, что она взорвется только после того как вылетит из дома. Но портьеры были задвинуты, а сама граната долетела чуть ли не до середины комнаты. Единственный выход, понял герцог, броситься на нее всем телом и ценою своей жизни спасти друзей.

Но не успел он броситься вперед, как Саймон, находившийся ближе всех к гранате, ударил по ней ногой и отшвырнул в сторону. Отчаянным усилием сохраняя спокойствие, герцог схватил кресло, ударил им по книжным стеллажам, висевшим над тем местом, куда закатилась граната, и свалил на пол часть книг. Мари-Лу, сидевшая в кресле у камина, чуть-чуть приподнялась и сдавленно крикнула от неожиданности, когда Ричард всем телом

навалился на нее сверху, чтобы защитить собой от смертельных осколков.

В следующую секунду раздался ужасающий грохот. Весь дом вздрогнул. На какое-то мгновение очертания комнаты исказила вспышка света, а потом все погрузилось во тьму.

Герцога и Саймона с силой отбросило в сторону. Кресло с Мари-Лу и Ричардом упало набок, и они покатились по полу. Затем темнота осветилась. Камин продолжать гореть, хотя часть поленьев взрывной волной выбросило за каминную решетку и несколько головешек упало на персидские прикаминные коврики. Запахло паленым.

— Дорогая, дорогая, ну как ты? С тобой все в порядке? раздался тревожный голос Ричарда.

— Да, — задыхаясь произнесла Мари-Лу. — А ты не пострадал?

— Нет, кажется. — Он вскочил на ноги. — Саймон, Ришло, где вы?

— Здесь, — ответил Саймон, поднимаясь с другой стороны камина. — У кого-нибудь спичка найдется?

Но герцог не подавал ни звука. Секунду спустя из-за двери послышался голос Малина:

— Мистер Ричард, сэ, мадам, что произошло? Кто-нибудь пострадал?

— О нет, Малин, нет. Хотя, впрочем, похоже его сиятельство пострадал. Скорее, Малин, принесите свечи.

Когда Малин удалился, Мари-Лу стала подбирать горящие поленья и кидать их в камин, а двое мужчин в полутьме стали искать тело де Ришло. Они видели, что полки свалились на него и дрожащими руками стали откидывать деревянные обломки.

— Где Рекс? — неожиданно крикнул Ричард. — Рекс! Где тебя черти носят!

Но отозвалась Мари-Лу.

— Его здесь нет. Я видела, он стоял у двери и бросился в холл. Это было перед самым взрывом.

В этот момент в гостиную с зажженными свечами вошел Малин, и они впервые увидели нанесенный ущерб. Взрыв разнес в щепки нижние полки, остальные же, свалившись сверху, лежали кучей чуть ли не в центре комнаты, с перевернутым креслом под ними. В нижней части стены, там, где были полки, зияла дыра. С потолка во многих местах обвалилась штукатурка. Камин был полон сажи. Все предметы в комнате были либо разнесены в куски либо покоржены.

Когда Малин поднял зажженные свечи над головой, они увидели, что герцог лежит под перевернутым креслом и грудой книг. Через несколько секунд напряженной работы они высвободили его.

Первоначально они опасались, что он мертв, но скоро убедились, что опасения были напрасны, и он дышит. Лицо его были сильно порезано осколками стекол от книжных полок, а в правой ноге была серьезная рана. По всей видимости, в своей последней отчаянной попытке спасти друзей он бросился с креслом вперед, пытаясь креслом и своим телом ослабить взрыв, в результате которого кресло перевернулось и свалилось на него сверху, защитив тем самым от осколков гранаты, за исключением одного-единственного, угодившего ему в ногу.

— Нам стоит перенести его в библиотеку и положить в пентакль, а то эти свиньи попытаются достать его, пока он без сознания на астральном уровне.

Малин помогал нести герцога. Он впервые очутился в библиотеке с того времени, как господа заперлись в ней.

Заметив его неодобрительный взгляд, брошенный на все атрибуты пентакля, Ричард спокойно заметил:

— Наверняка, малин, ты думаешь, что мы, как обезьяны, забавляемся со спиритизмом и поэтому сами виноваты в том, что происходит в этом доме в последние дни, но даю тебе слово, мы это делаем не ради собственного развлечения.

— Не мое дело критиковать вас, мистер Ричард, сэр, печально ответил пожилой слуга, — но я всегда считал, что спиритизм к добру не приводит.

— Я полностью с тобой согласен, — с чувством ответил Ричард, когда они укладывали герцога на постель. — Тем не менее, это взрыв не имеет никакого отношения к духам. Он был вызван ручной гранатой, брошенной в окно каким-то германским агентом.

— О Господи, сэр! Выходит, как принято говорить, мы находимся прямо на передней линии фронта.

— Все это действительно так, Малин. И хотя сейчас едва ли есть время для объяснений, но все эти предметы, а также эти непонятные явления, нарушающие спокойствие в нашем доме, все это имеет отношение к одному и тому же делу. Я был очень тронут, когда ты остался, но сейчас, раз уж противник перешел к прямым действиям и пытается нас уничтожить, полагаю, ради собственной безопасности тебе следует последовать примеру остального персонала.

— Даже не подумаю этого делать, сэр, пока у вас есть нужда во мне. Мне вполне достаточно знать, что вы все боретесь против фашизма. Но должен признаться, у меня бессонница от постоянного хлопанье дверей по ночам. С вашего позволения я бы на время занял комнату в коттедже мистера Макферсона и приходил бы сюда каждое утро.

Макферсон был у Ричарда старшим садовником. Ричард нашел план превосходным и предложил Малину собрать свои вещи и расположиться в коттедже этим же вечером.

В комнату торопливо с тазом горячей воды, полотенцами и перевязочными средствами вошла Мари-Лу. Она смыла кровь с лица де Ришло, и, как только он пришел в себя, он с облегчением увидел, что никаких серьезных повреждений, кроме царапин и синяков, у него нет.

Сняв с его правой ноги башмак и носок, она увидела, что осколком у него вырван кусок из ступни. Рана была болезненной, но сухожилия не пострадали, поэтому все пришли к выводу, что он еще легко отделался. И вот сейчас все гадали, что же случилось с Рексом. Мари-Лу еще перевязывала герцогу поврежденную ногу, когда тайна исчезновения Рекса сама собой разрешилась.

В холле послышался топот ног, голос Рекса, отдающий приказания, и затем в библиотеку с трудом проковылял маленький человечек, чуть ли не согнувшийся пополам под тяжестью верзилы, которого тащил на своих плечах. Рекс победителем вошел вслед за ними.

— Слава Богу, с вами все в порядке, — выдохнул он, быстро зыркнув взглядом по сторонам. Затем он могучей рукой толкнул мужчину, стоявшему перед ним, и тот вместе со своей ношей растянулся на полу.

Неожиданно Рекс рассмеялся.

— Я все-таки взял этих голубчиков. Стояли снаружи и ждали, когда рванет, чтобы потом войти и убедиться, что с нами покончено.

— Молодец, Рекс, просто молодец! — воскликнула Мари-Лу, и все взоры обратились на мрачных пленных.

Один из них, которого Рекс заставил нести такую чудовищную ношу, был невысоким жилистым японцем, а

другой, который все еще был без сознания, — высоким, тощим, с песчаного цвета лицом европейцем. Захватить двух пленных непростая работа, но Рекс, в общем-то, и был человеком необычным. Он вышагивал огромным шагом и никто почти не мог за ним поспеть, и горе тому, кто осмеливался хоть раз обидеть его. Этого было достаточно, чтобы обидчик испытал на себе всю мощь его гигантских мускулов.

Как бы между прочим, Рекс рассказал, что сперва поймал японца, схватив его за шею, а затем, пользуясь им как тараном, свалил с ног второго. Европейец, когда Рекс подошел к нему, пытался пырнуть его ножом, но Рекс нокаутировал его, и тот свалился бездыханным. Тем временем японец попытался сбежать, но был схвачен и после хорошей трепки стал подчиняться приказам.

Все согласились, что это настоящий подвиг, а де Ришло, уже достаточно пришедший в себя, решил допросить пленных. Но вскоре он понял, что поскольку у него еще слишком шумит в голове, эта работа не для него. Мари-Лу настояла, чтобы он лег отдохнуть и предоставил заниматься этим другим.

Европейец застонал и вскоре с трудом поднялся на ноги, и вот тогда пришло решение, что пленных следует запереть в одном из подвалов, которые находились под старым крылом Кардиналз-Фолли. Ричард пошел показывать дорогу, а Рекс грубыми пинками сопровождал своих подопечных. Саймон же стал помогать Мари-Лу готовить обед.

Обедать в пентакле значило уничтожить его оккультную силу, поэтому де Ришло помогли добраться до столовой, где вскоре собрались все. Малин уже удалился в коттедж садовника, так что все сами обслуживали себя. Наступила ночь, а вместе с ней полтергейсты возобно-

ли свою деятельность, сообщив об этом ужасным хлопанием двери в служебном крыле вскоре после того, как друзья уселись за стол. Все постарались не обращать внимания на этот звук, когда обсуждали сложившуюся ситуацию. Несмотря на то что одна из лучших комнат в доме была полностью разрушена, Ричард был в хорошем настроении, уверенный в том, что от пленных удастся получить всю необходимую информацию, но герцог не был столь оптимистичен.

— Я сомневаюсь, что им вообще что-либо известно об астральной стороне этого дела, — сказал он. — Наш настоящий противник связался с руководителем шпионской сети в Британии и попросил, чтобы нас уничтожили. Эту задачу возложили на этих двух типов, но я не уверен, что у них есть хоть малейшее представление, почему им приказали убить нас.

— И все же, — заметил Саймон, — если мы передадим их полиции, военная контрразведка быстро вытряхнет из них имя того, от кого они получили свой приказ. Вся беда в том, что в этой стране боятся запачкаться. Без бархатных перчаток к шпионам не подходят, ну, конечно, за исключением тех случаев, когда опасаются быть уволенными.

— Это действительно так, — с горечью пробормотал Ричард. — Правда, недавно расстреляли одного или двух шпионов, но мы уже пятнадцать месяцев в состоянии войны и даже нового министра внутренних дел заимели, а с ними продолжают цацкаться. Многие до сих пор не могут понять, что если Гитлер решил вести против нас тотальную войну, то и мы обязаны, если желаем победить, вести точно такую же войну против него.

— Как я понимаю, нам все-равно от этого не легче, прокомментировал Рекс. — У нас тут есть два типа.

Почему бы нам не устроить здесь частный допрос? Я терпеть не могу наносить вред людям, но я готов не спать, лишь бы показать этим типам хороший пример, например, дать по морде.

— Ну и дай, если то тебе так нравится, — согласился де Ришло. — Посмотрим, что из этого получится. Меня-то самого качает, так что я пойду лягу. Путешествовать в астрале я сегодня не собираюсь и всю свою волю сконцентрирую на восстановлении своих сил. Как бы то ни было, я был бы очень благодарен, если бы кто-нибудь подежурил рядом со мной.

— Угу, — кивнул Саймон. — С того времени, как ты уехал в Лондон и начались все треволнения, мы взяли за правило, по твоему совету, делать все парами. При наступлении темноты двое ложатся спать в пентакле, а двое остаются дежурить. Лично я никогда не любил выяснений отношений, поэтому я оставляю наших гостей нежным заботам Рекса и Ричарда.

— Ну а я посижу с тобой, — сказала Мари-Лу. — Слышишь, опять эта чертова дверь. От нее можно просто сойти с ума.

Прислушавшись, они услышали хлопанье двери где-то в западном крыле дома. Она хлопала постоянно, с интервалом примерно секунд в тридцать, как будто кто-то открывал ее, отводил назад, а затем с силой хлопал ею.

— Пойдемте, — резко произнес герцог. — Завтра, если буду чувствовать себя лучше, я проведу изгнание духов, и вы от этого избавитесь. Сами по себе эти духи не опасны и являются низшими формами элементалов, стихийных духов, которые наш противник наслал на нас, чтобы вывести из себя. Так что я не думаю, что будет очень трудно избавиться от них.

Когда он в сопровождении Мари-Лу и Саймона похромал в библиотеку, чтобы приготовить на ночь огромный пентакль, Рекс и Ричард зажгли свечи и вдвоем спустились в подвалы дома, которым было не одно столетие. Своими толстыми стенами и тяжелыми дверями они почти ничем не отличались от средневековых подземных тюрем и, вполне возможно, использовались как таковые в мрачные старые времена, когда епископы обладали не только духовной, но и светской властью на землях, примыкавших к Кардиналз-Фолли.

Один из таких подвалов сейчас использовался в качестве винного погреба. Два других — как склад разных старых вещей, а вот четвертый был пустым, и в нем Ричард запер двух вражеских агентов. Сняв огромный ключ с гвоздя у двери, он отпер ее и они вошли, освещая свой путь свечами.

Японец сидел, скрестив ноги, прямо посередине. Другой же лежал, забившись в угол. Они шурились от света, потому что провели в полной темноте почти два часа.

— А вот теперь слушайте, вы, двое. Будет лучше, если вы это сразу поймете. Никакой басен мы не допустим. Вы собирались с нами разделаться. Если вы не ответите на наши вопросы, мы разделаемся с вами.

— Не понимай аглиски, — пролепетал японец.

— Ничего подобного, все ты понимаешь. Более того, будешь говорить! — рявкнул Рекс. — А не будешь, оторву тебе голову.

— Не понимай аглиски, — бесстрастно повторил японец.

Рекс перевел взгляд на другого пленного.

— Ну а ты? Ты-то говоришь немного по-аглиски или мне для начала вышибить тебе все зубы?

Мужчина с трудом поднялся на ноги и тупо кивал головой.

— Эти ребята явно напрашиваются на неприятности, — сказал Рекс Ричарду. — Ну ничего, через минуту мы их вразумим.

Ричард положил ему руку на плечо и тихо сказал:

— Прежде чем ты начнешь, позволь мне попробовать. Готов поспорить, они прекрасно все понимают. Когда идет война, ты неизбежно попадешь в руки полиции в первые же двадцать четыре часа своего пребывания в Англии, если не умеешь достаточно вразумительно объясняться по-английски. По внешнему виду японца можно сказать, что он вынесет многое, даже не пискнув, поэтому мне кажется, будет лучше, если мы окажем на них психологическое давление.

— Делай как хочешь. — Рекс пожал плечами. — Лично я не собираюсь пачкать руки об эту грязную желтую крысу.

Затем Ричард обратился к пленным. Он говорил очень медленно твердым, холодным тоном.

— Слушайте меня внимательно. Это мой дом. Здесь нет слуг, и никто не спустится в эти подвалы, что бы ни случилось. Можете кричать, пока не охрипнете. Никто вас не услышит, и, если вы действительно настаиваете, что забыли, как разговаривать, я на самом деле сделаю так, что вы это забудете, потому что больше не спущусь сюда. Еды здесь нет, воды тоже, спать не на чем. Более того, каменный пол влажный и холодный. Если вы будете отказываться отвечать на наши вопросы, мы с другом вас оставим и больше сюда не придем. Ни еды, ни воды вам приносить не будут, так что дня через два вы умрете от жажды. Очень неприятная смерть, сами сможете убедиться. Ну а сейчас, как вы намерены поступить? Про-

явите благоразумие или все-таки предпочитаете умереть?

Поскольку пленные продолжали сохранять тупое молчание, выждав немного, Рекс произнес:

— От этого, Ричард, толку мало. По крайней мере, в настоящий момент это нам ничего не даст. Они наверняка будут часов двадцать молчать, прежде чем расколоться. Надо придумать что-нибудь другое, если мы хотим сразу же получить результаты.

В подвале было очень холодно и тихо. Единственным звуком, нарушавшим тишину, было едва слышимое хлопанье дверью где-то в западном крыле. Прохлада, царившая здесь, навела Ричарда на новую мысль.

— Кажется, я знаю, что надо делать, чтобы ускорить события, — жестко сказал он. — Чтобы мы не узнали, мы все равно не можем воспользоваться этим до завтрашнего утра. В любом случае нам надо обыскать их одежду, вдруг мы найдем там что-нибудь интересное. Давай разденем их и оставим голыми на всю ночь. Спорю, что ко времени нашего завтрака они будут готовы разговаривать.

— А что, — согласился Рекс, — неплохая идея. Если они потом умрут от пневмонии, ну и черт с ними. От немецких налетов погибают ни в чем не повинные люди, чего же здесь церемонится. Давай так и сделаем. Ради теплой одежды и чашки горячего бульона они готовы будут завтра утром продать собственных мамаш.

Осторожно поставив на пол у дверей свои свечи, они двинулись по направлению к японцу. Считая, что они вполне в состоянии сами справиться с двумя пленными, никто из них даже не подумал о необходимости прихватить пистолеты. Видя, что они не вооружены, японец встал, явно приготовившись защищаться. Европейец же подвинулся немного в сторону, как будто готовый вот-вот

рвануть к двери. Наблюдая за ним краем глаза, Рекс даже позволил ему сделать несколько шагов, и, когда тот почти готов был уже кинуться вперед, Рекс развернулся и изо всей силы ударил его в ухо. Глотая воздух, он отлетел к стене и свалился на пол.

Японец воспользовался этим и бросился на Ричарда. Они сцепились, и Ричард сразу же оказался под ним. Поэтому, как японец схватил его, вызвав нестерпимую боль, он понял, что этот тщедушный человечек — самый настоящий дьявол, специалист по дзюдо.

Но никакие японские методы борьбы не могли устоять перед геркулесовской силой Рекса. Схватив японца своими гигантскими руками за воротник и сзади за брюки, он оторвал его от Ричарда и отбросил в сторону, прямо на каменную стену подвала.

Когда Ричард, дыша с натугой, поднимался на ноги, Рекс нагнулся, вновь схватил японца и стал его трясти, напоминая терьера, трясущего крысу.

— Давай, Ричард, — крикнул он. — Эта маленькая хрюшка у меня в руках. Срывай с него одежду.

Извиваясь и отбрыкиваясь, японец безуспешно пытался вырваться. Они сорвали с него всю одежду и бросили его, задыхающегося, в угол.

— Ну а теперь займемся другим, — сказал Рекс, ударом ноги отбрасывая одежду японца к двери. Вдвоем они подошли к европейцу, который, явно будучи в полусознательном состоянии, стонал, лежа на полу. Рекс усадил его, а Ричард содрал с него пальто и в этот момент за спиной у Рекса Ричард увидел нечто, от чего кровь застыла в его жилах.

11 ЗАГАДОЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ В ПОДВАЛЕ

То, что увидел Ричард, само по себе не вызывало тревоги. Если бы он оказался в этом подвале месяца два тому назад, он бы просто ломал голову, что это такое, поскольку Это напоминало собой крошечную капельку пурпурно-красного цвета, размером со светлячка, парящего под потолком. Тогда бы он наверняка подумал, что это просто какой-нибудь фосфоресцирующий жучок, но сейчас он сразу же понял, что это нечто более опасное.

С того времени как герцог начал свои операции на астральном уровне, Ричарду было известно, что они могут подвергаться опасности со стороны различных воплощений Зла, и последние несколько дней явно свидетельствовали о том, что военные действия перенесены в их лагерь. Эта блестящая точка красного света могла быть низшей формой Элементала типа полтергейстеров, которые так раздражают, но сами по себе сравнительно безобидны. С другой стороны, это могло быть ужасным Саатским (Saatii) проявлением из Внешнего Круга, выступившем на сцену, чтобы защитить этих двух ничтожеств, которые были просто пешками в его игре на физическом уровне. Если это так, в ближайшие несколько секунд он может вместе с Рексом, поскольку они не защищены астральными барьерами, потерять разум.

Со сдавленным криком «Рекс! Быстрее! Бежим!» Ричард бросился бежать от человека, с которого сдирал одежду.

Рекс резко обернулся и сразу же увидел это Нечто. К этому времени капелька красного света выросла, достигнув размеров шара для игры в гольф; стала намного ярче, освещая целый угол подвала и бросая красноватую тень на обнаженное тело японца, скорчившегося в нем. В то же самое мгновение Рекс заметил, как яростно затрепетало пламя двух свечей, которые они поставили у дверей, хотя в замшелом подвале не было даже сквозняка.

В мгновение ока оказался он вместе со своим другом у двери.

Когда они рванули ее на себя, свечи вспыхнули и погасли, хотя подвал в темноту не погрузился. Бледноватое красное сияние освещало его, а Нечто еще больше выросло в размерах. Содрогаюсь от ужаса, друзья бросились в коридор и побежали, чувствуя при этом, что что-то удерживает их.

С колоссальным трудом поднимали они ноги, как будто пересекали бегущий поток, а темный коридор, открывшийся перед ними, казался бесконечным, хотя был едва двадцать футов длиной. С усилием напрягая свою волю, они продвигались вперед. Они уже одолели почти половину расстояния, как вдруг Рекс со глухим стоном споткнулся и упал.

Время, казалось, остановилось в этот ужасный момент. Ричард наклонился и, схватив Рекса за руку, попытался поставить его на ноги. Поднимая могучее, неподвижное тело своего друга, он попытался вспомнить заклинания против явлений Зла, которые слышал от де Ришло много лет тому назад, но потуги его оказались напрасными, в голове шумело и не возникало ни одной-

единой мысли.

Тогда, чисто инстинктивно, он взмолился: «Господи, защити нас! О Господи, огради нас!» и его призыв был услышан.

Он вдруг вспомнил, как де Ришло рассказывал ему, что наилучшая форма защиты от зла — синяя вибрация. Человеку просто надо представить, что он окружен овальной аурой синего света, а на лбу у него распятие внутри подковы, повернутой концами вверх. Вот эти символы и предстали у Ричарда перед глазами в ярко-синем сиянии света.

При одной мысли о «синем», казалось, новые силы влились в его жилы. Резким рывком ему удалось поднять Рекса на ноги.

— Вспомни о синей ауре, Рекс, — прошептал он хрипло. Он подкове и кресте. Вспомни о них!

— Да, да, — с трудом выдохнул Рекс.

И они опять вместе поковыляли по коридору. Но загадочное Нечто не собиралось отказываться от своих жертв. Друзья чувствовали, даже не оборачиваясь, что Оно выскользнуло из подвала и украдкой последовало за ними, всячески пытаясь удержать.

Несколько мгновений они оба видели Синий Свет, окружавший их, но постепенно он начал гаснуть, и к тому времени, когда они оказались у подножия лестницы, зловещий Красноватый Свет за их спиной одолел его. Ступеньки резко поднимались вверх, как будто устремленные в бесконечность, а ноги невозможно было поднять, будто огромная тяжесть притягивала их к земле. Ужасный груз давил им и на плечи, так что они не могли больше выпрямиться. Они согнулись чуть ли не наполовину и могли видеть только первые ступеньки.

— О Господи, защити нас! О Господи, огради нас! — вновь зашептал Ричард, и с новым приливом сил они одолели первые три ступеньки, рухнув на четвертой.

Волна красного света, пройдя над их головами, ослепила их. Она обволакивала их, душила. Стучанье их сердец становилось все тише и тише, а краснота в глазах стала превращаться в пурпурную темноту. Оба друга уже чувствовали, что конец близок, как неожиданно сквозь затуманенное сознание до них донесся крик Саймона.

— Ричард! Рекс! — кричал он с верхней площадки лестницы.

Увидев их мертвым грузом лежащими внизу, он испуганно ойкнул, а затем звонким голосом произнес слова, которые Ричард безуспешно пытался вспомнить:

— *Fundamenta ejus in montibus sanctis!*

Сразу же Красноватый Свет стал таять, тяжесть отпустила их конечности, а в следующее мгновение Саймон, бросившийся к ним вниз по лестнице, стал как попало тащить их наверх. С трудом переводя дыхание, все еще дрожа при одном воспоминании о том ужасе, который они пережили, они проковыляли через холл в библиотеку.

Де Ришло уже спал внутри пентакля, а Мари-Лу в пижаме сидела рядом с ним. Когда они ввалились в комнату, она сделала недовольный жест, чтобы они не нарушали тишину и не разбудили герцога. Тут она обратила внимание на их бледные, испуганные лица.

— Что случилось? — резко спросила она.

Прежде чем ответить, Саймон быстро прикрыл дверь и перекрестил ее.

— Я как раз поднимался по лестнице в свою комнату, чтобы лечь спать, — вымолвил он, — как вдруг мне

пришло в голову, что Ричард с Рексом слишком уж долго находятся в подвале. Встревожившись, — вдруг что-нибудь произошло, — я спустился вниз, и там я увидел такое...

Выражение лица Саймона трудно даже описать.

Ричард смахнул пот со лба и, выдавив из себя улыбку, продолжил рассказ:

— Пленные не желали отвечать на наши вопросы, поэтому мы с Рексом решили оставить их до утра без одежды в этом сыром и холодном подвале. Мы разделили япошку и уже собирались приняться за другого, как вдруг Черный Тип, против которого мы с вами сражаемся, решил вмешаться в это дело. То ли он появился самолично, то лично наслал на нас что-то, не знаю. Главное, никогда еще в жизни я не испытывал такого страха.

— И я тоже. — Дрожь пробежала по могучему торсу Рекса. — Одному Господу-Богу известно, что бы с нами случилось, если б старина Саймон не вытащил нас из этого мерзкого пурпурного тумана.

— Храни тебя господь, Саймон! — воскликнула Мари-Лу, а потом вдруг вздохнула. — Не могу вам даже объяснить, насколько мне нравится это дело. Как только я подумаю о том, что стоит нам хоть на одну секунду расслабиться и мы все потеряем свой рассудок, мне становится просто страшно. В будущем мы должны быть как можно более внимательны.

Саймон закивал своей клювообразной головой и, бросив взгляд на лица друзей, сказал:

— Вот именно, и не должны расслабляться не на секунду. Вам двоим лучше раздеться здесь. Я сбегаю наверх и принесу ваши пижамы, а потом мы все ляжем в

пентакле.

Но друзья не пожелали, чтобы он один выходил из комнаты, поэтому они все втроем поднялись по лестнице наверх, зайдя сперва с комнату Рекса, а потом Ричарда. Ричард уже было схватил чистую пижаму, приготовленную на эту ночь, как вдруг сообразил, что до сих пор держит в руке пальто, которое он содрал с пленного европейца.

Бросив его на кровать, он быстро просмотрел содержимое карманов. Внутренние были пустыми, а в нагрудном была небольшая пачка бумаг. Взяв их в одну руку, а пижаму в другую, он бросился из комнаты, а затем вместе с друзьями поспешил в библиотеку.

Поскольку Саймон и Мари-Лу заново сделали пентакль еще до того, как де Ришло лег спать, оставалось только опечатать двери и окна комнаты, что Саймон и сделал, пока два друга переодевались и готовились отойти ко сну. Блаженно вздохнув, они растянулись на своих лежанках, которые были направлены в сторону лучей пятиконечной звезды головами к центру и ногами к плоскостям пентакля.

Бумаги, которые прихватил Ричард, включали в себя паспорт на имя некоего Альфонса Родена, рядового вооруженных сил движения «Свободная Франция», а также несколько писем на его имя. Кроме того, там было четыре фунта десять шиллингов в британских казначейских билетах. Мари-Лу, зная французский лучше своих друзей, внимательно прочитала все письма. Были они все от троих разных женщин и представляли собой странную смесь, где речь шла и о любви и о деле. Сперва Мари-Лу ничего не могла понять, но, когда она перевела их Ричарду, тот сказал:

— Думаю, я знаю, что это такое. Эти письма от трех различных проституток, которые занимаются своим ремеслом в лондонском Уэст-Энде. Этот тип — один из тех негодяев, которые охраняют таких женщин, одновременно за предоставление квартир и одежды изымая у них большую часть того, что они получают. Бедняжки из кожи лезут вон, даже пытаются уверить себя в том, что в их жизни есть какая-то романтика, пока постепенно не сходят с ума. Как правило, всю свою любовь они обращают на своего так называемого «защитника» и, по существу, продаются ради его же выгоды. Вот этим и объясняются любовные пассажи в этих письмах, которые перемежаются с отчетами о том, какие дневные суммы были внесены в банк.

— Н-да, пожалуй так, — согласился Саймон. — В одном из них даже упоминается штраф в тридцать шиллингов, правда, не говорится за что. Явно за приставание к прохожим. Ну а выдан штраф полицией.

— Какая мерзость! — пробормотал Ричард. — Если бы я сообразил и занялся бы им вплотную, я бы ему морду так разукрасил, что ни одна бы шлюха Марсея не захотела бы на него работать. Но, похоже, в этих письмах никаких адресов не упоминается.

— Нет, не упоминается. — Мари-Лу тряхнула своими кудрями. — Но интересно, что этот торговец белыми рабами делал в вооруженных силах де Голля?

— Скрывался, конечно, — ответил Ричард. — Он, может быть, уже годами орудует в Лондоне, но каждый француз обязан сейчас служить в армии. Этот тип, по всей видимости, решил, что, если он не просочится в легион де Голля, английские власти могут просто вышвырнуть его из страны.

(Мнение Ричарда Итона по поводу поражения Франции было высказано в столько крепких и соленых выражениях, что мистер Уитли из уважения к де Голлю и его движению «Свободная Франция» посчитал возможным их опустить).

— Скорее всего, это так, — согласился Рекс. — Де Голль кажется отличным парнем, да и многие его люди просто прекрасные товарищи, но наверняка им нелегко определить, кому следует доверять, а кому нет. Прошлым летом не только политики подложили нам свинью. Нацистская гниль затронула всю нацию. Мне кажется, даже основная часть французской верхушки и сейчас маневрирует, пытаясь остаться на плаву.

— Вот именно, — быстро поддакнула Мари-Лу. — Конечно, когда победа будет склоняться на нашу сторону, они всячески будут просачиваться в наши ряды, чтобы спасти свое лицо, но сейчас наше положение значительно хуже, чем у немецких колбасников, итальянских гангстеров или французских плутов. Ну да ладно, нам уже пора спать. Кто будет первым дежурить?

— Я, — вызвались Рекс и Саймон.

— Рекс, пусть это будет Саймон, — сказала Мари-Лу. После сегодняшних волнений тебе с Ричардом следует хорошо отдохнуть. Саймон будет дежурить до часа, я сменю его и буду на страже до трех. Это вам даст, по крайней мере, по пять часов сна прежде чем наступит ваша очередь дежурить. Затем, с трех до пяти будешь ты дежурить, а с пяти до семи — Ричард.

На этом и порешили. И все, за исключением Саймона, уютно устроились под одеялами.

Большую часть своего дежурства Саймон, используя карты, которые он принес в пентакль, раскладывал очень сложный пасьянс. Каждые несколько минут он поднимал голову и осматривался по сторонам. Где-то вдали попрежнему монотонно и раздражающе продолжала хлопать дверь. Затем он услышал, как на кухне бьется посуда — там явно действовал другой полтергейст, но в основном дежурство прошло спокойно и в час ночи Саймон разбудил Мари-Лу.

Она пожелала ему прекрасных сновидений, осторожно сняла нагар со свечей, проверила, чтобы маленькие кубки со святой водой, подковы и кучки трав находились на своих местах, а затем села и стала читать совершенно новую книгу, которую Ричард купил днем специально для нее.

Как у большинства женщин с красивыми и выразительными глазами, зрение у нее было слабым, поэтому, читая, она всегда надевала очки, но тут она с раздражением заметила, что забыла их взять. Поскольку шрифт в книге был достаточно крупным, она некоторое время читала, напрягая зрение, но, почувствовав боль в глазах, отложила книгу.

Не зная, чем себя занять, она пришла к выводу, что дежурить достаточно скучно. Она уже решила разложить пасьянс, но отказалась от этого, потому что, чтобы достать карты Саймона, пришлось бы перелезть через него. Он спал, и она опасалась его разбудить.

Дверь вдали наконец перестала хлопать, и мертвая тишина опустилась на старый дом. Даже привычных ночных звуков не было больше слышно. Яркий огонь продолжал гореть в камин, а пламя свечей не колыхалось. Комната была теплой и уютной.

Мари-Лу совершенно перестала беспокоить мысль о холодном отвратительном Зле. Казалось, под охраной защитных сооружений все они были от него в безопасности. Четверо друзей спали, но она прекрасно понимала, что все они находятся рядом с нею, что никто из них в эту ночь не осмелится покинуть границы пентакля.

В течение часа размышляла она о той необыкновенной войне, которую они начали против Гитлера, и гадала, чем все это может закончиться. От чтения глаза ее немного устали, и она позволила себе на несколько мгновений их закрыть.

Когда она вновь открыла их, все было попрежнему, поэтому она вновь их закрыла. Как долго она пробыла с закрытыми глазами, неизвестно. Обхватив руками колени и опустив голову на грудь, она, пожалуй, спала, хотя это не совсем так. Она гадала, сколько еще надо сказать, прежде чем поднимать Рекса на дежурство, как вдруг обратила внимание на то, что буквально за считанные секунды температура в комнате резко изменилась. Приятная теплота уступила место холоду, который, казалось, пронизывает до костей.

Она сразу же очнулась и в тревоге стала оглядываться по сторонам. В ужасе увидела, что огонь погас, а пламя свечей едва мерцает, так что комната была почти в темноте.

Резко вскочив, она уже собралась было будить других, как вдруг от ужаса даже крик застрял у нее в горле. Ее глаза уже несколько привыкли к полутьме, и она увидела, что над грудью де Ришло склонилась какая-то ужасная темная тварь, похожая на огромную, не меньше собаки. летучую мышь-вампира. В фосфоресцирующем отблеске, падавшем из глаз чудовища, было видно, что зубы его впились в глотку герцогу.

Временный паралич прошел. Мари-Лу пронзительно закричала. Ричард, Рекс и Саймон вскочили со своих импровизированных постелей, а де Ришло только стонал и, казалось, сражался во сне.

Ни у кого из них не было оружия, но Рекс схватился голыми руками за это мерзкое создание. Оно выпустило герцога, проскользнуло мимо пальцев Рекса и, расправив свои мощные крылья, бросилась прямо в лицо Мари-Лу.

Она вновь закричала и отшатнулась назад. Ричард ударил летучую мерзость и свалил на пол.

Какое-то мгновение эта тварь извивалась, затем вдруг изменила свой облик, превратившись в огромного змея с семью головами.

Саймон схватил герцога под мышки и стащил с постели.

— Все прочь из пентакля! — завопил он. — Вон из пентакля!

Встав на хвост, змий зашипел и все его семь голов одновременно ударили в разные стороны. Мари-Лу опрометью бросилась прочь. Рекс тоже метнулся в сторону, но Ричард поскользнулся и упал. Голова змия оказалась над ним. Ричард лежал неподвижно, в ужасе думая, какая же из этих голов ударит первой.

«О господи! — мысленно взмолился он. — Помогите мне!»

Протянув руки в стороны, он нащупал один из кубков со святой водой. Обмакнув в нее пальцы, он брызнул на чудовище. Когда капли попали на кожу змия, они зашипели как на раскаленном металле. Змий отпрянул назад с меньшей скоростью, чем Ричард бежал от него.

И вот все пятеро сидели вне пределов пентакля. Рекс, Ричард и Мари-Лу, уставившись на чудовище, все еще содрогались от ужаса, но Саймон, который когда-то чуть

не стал Черным Магом, понимал, что на время они в безопасности. Пентакль был территорией, обладающей мощной силой, однако работать она могла в двух направлениях. С одной стороны, она не позволяла Злу проникнуть в него, а с другой — не позволяла Злу выйти наружу, если оно случайно оказывалось внутри. Попав в клетку, чудовище кидалось из стороны в сторону, но не могло пересечь границ пентакля.

Де Ришло проснулся, как только Саймон вытащил его из пентакля. С первого взгляда он понял, что они опять едва избежали серьезной опасности. С трудом поднявшись на ноги, он прохромал к своему чемоданчику, который стоял в углу комнаты. Вытащив оттуда полную бутылку святой воды, которую он держал на всякий случай, он открыл пробку и стал разбрызгивать воду, большая часть которой попала в центр пентакля. При этом он произносил какие-то латинские заклинания.

Еще несколько мгновений чудовище металось в пятиконечной клетке, пытаясь избежать жгучих капель, но наконец отказавшись от борьбы, злобно зашипело и исчезло в облике зловонного зеленого дыма.

Долго они не могли отдышаться. Наконец, с трудом разжав губы, де Ришло поинтересовался, что же произошло.

— Эта мерзость, которую ты видел, — сказала Мари-Лу, — сперва была огромной летучей мышью, впившейся тебе в горло.

— Угу, — подтвердило Саймон. — Вот, смотри. У тебя даже остались две небольшие ранки.

Де Ришло нащупал пальцами место укуса.

— Да, я чувствую их. Через минуту я проведу очистительный ритуал. Какое счастье, что она вонзила в меня свои клыки всего на несколько секунд, иначе я сейчас

чувствовал бы себя намного слабее. Меня, правда, беспокоит другое. Как силам Сатаны удалось проникнуть в пентакль? Вы, видимо, при его сооружении совершили какую-то ошибку.

Мари-Лу покачала головой.

— Этого не может быть. Прежде чем лечь спать, мы с Саймоном вместе проделали все необходимые процедуры.

— Значит, вы тогда пронесли в пентакль что-то нечистое. — Точно! — воскликнул Ричард. — Моя вина! Это же письма и паспорт, которые я вытащил из карманов одного из задержанных. Дело вот в чем. Вчера вечером мы с Рексом ходили в подвал, чтобы допросить их. Ну и натерпелись мы там, нужно сказать! В общем, если б все было нормально, я конечно бы подобного не сделал, а после того, что там произошло, я совершенно обо всем забыл и притащил эти бумаги с собой. Мы еще их перед сном просмотрели, прежде чем лечь спать. Я ужасно виноват.

Де Ришло кивнул.

— Этого было вполне достаточно, чтобы материализовалась Злобная Сущность. Ну, по крайней мере, теперь причина ясна.

— Я еще больше виновата, — добавила Мари-Лу. — Я забыла принести свои очки и не смогла долго читать. Я чуть было не заснула. По крайней мере, ненадолго прикрыла глаза, и это дало возможность Злу принять вещественные формы, прежде чем я смогла предупредить вас. Увидев эту пакость, я просто струсила.

— Не стоит вам с Ричардом бить себя в грудь, — с улыбкой сказал герцог. — Виноват-то главным образом я, так как обещал на астральный уровень не подниматься и быть рядом с пентаклем, но свое обещание не сдержал.

Если бы я остался здесь, я сразу же увидел бы, что происходит, и успел бы вернуться в свое тело до того, как это чудовище набралось нужной силы и смогло напасть на меня. А случилось вот что. Заснув, я решил, что вряд ли какая опасность предвидится, поэтому можно спокойно отправиться на очередную разведку в поисках необходимой мне информации.

— Это было довольно рискованно, — заметил Саймон.

— Знаю, и, если бы Мари-Лу не успела поднять тревогу, даже не представляю, чем это могло закончиться. Но, тем не менее, я узнал то, ради чего отправился на поиски. У меня для вас потрясающая новость — я знаю, где находится наземная база нашего противника.

Со всех сторон послышались заинтересованные голоса.

— Я был прав относительно формы побережья. Это часть острова. Думаю, на фашистов на астральном уровне работает крупный шаман культа Вуду. Островом же является негритянская республика Гаити в Вест-Индии. Если мы собираемся положить конец угрозе, нависшей над британским флотом, мы должны отправиться туда, на Гаити.

12 ПРЕСТУПЛЕНИЕ НЕ СТОИТ ТОГО

— Бесподобно! — воскликнул Рекс. — Там, в Вест-Индии, мы хоть немного забудем об этой мерзкой войне. Вы только представьте себе! Загар на солнце, купание, танцы, большая охота, рыбная ловля, масса самых разнообразных кушаний и напитков — все то, ради чего в добрые мирные времена мы отправлялись на юг Франции.

— А мы с Мари-Лу, — со вздохом произнес Ричард, — ужасно скучаем о зимних солнечных днях. А сколько мы мечтаем о том, как вновь вместе со всеми вами отправимся путешествовать на яхте. И все же, мне кажется, покидать Англию в разгар войны нехорошо. Готов поспорить, что если бы мы сейчас задумали поразвлечься, мы не смогли бы этого сделать, потому что мы все время думаем о том, что здесь происходит.

Мари-Лу взяла его под руку.

— Дорогой, не глупи. Ты же прекрасно понимаешь, что мы едем туда не развлекаться.

— Вот именно, — поддакнул герцог. — Это совсем не бегство от опасности, а совсем наоборот — война за Британию.

— Наверное, ты прав, — согласился Ричард, хотя несколько неохотно. — Как-никак ты всегда был нашим руководителем, и мы все время делали то, что ты говорил.

— Ну, спасибо, Ричард, — с несколько кривой улыбкой произнес герцог. — Приготовления наши мы начнем завтра утром, ну а сейчас нам немало следует сделать — во-первых, убрать следы опасности, которой мы едва избежали, а потом кое-кому из нас было бы неплохо хоть немного поспать.

В последующий час все были заняты тем, что убирали следы проявления Зла, которое атаковало их. Весь пол был тщательно вычищен. Тем временем герцог произнес какие-то заклинания и заново воссоздал пентакль. Бумаги пленного француза отнесли в холл. Герцог обработал рану на своей шее. Дверь была вновь запечатана и все заняли свои места внутри звезды. Трое улеглись спать, а Ричард и Рекс остались дежурить.

Когда спящие проснулись, Ричард, Рекс и Саймон все еще с защитными венками и распятиями на груди спустились в подвал, чтобы посмотреть, на месте ли пленные. Но во время суматохи в предшествующую ночь дверь подвала осталась незапертой. Естественно, как все и ожидали, француз и японец сбежали, не оставив даже следов.

Тем временем Мари-Лу помогла герцогу подняться в спальню и стала заново перевязывать его раненую ногу. Во время перевязки он заметил:

— Только не очень много бинтуй, надо, чтобы ботинок влез. Мне необходимо съездить в Лондон повидать сэра Пеллинора.

— Сероглазка дорогой, ты никуда не поедешь, — быстро возразила она. — Вчера у тебя была веселенькая ночка, а от взрыва ты пострадал значительно больше, чем нас уверяешь, и нога у тебя не вылечится, если ты будешь утруждать ее. Ты никуда сегодня не пойдешь и весь день будешь отдыхать.

Де Ришло был одним из самых решительных людей в мире, но по своим прежним столкновениям с Мари-Лу он знал, что спорить с нею бесполезно. Он с тревогой смотрел на нее, когда она продолжала:

— Вместо тебя в Лондон поедет Ричард. Ты скажешь ему, что делать. Он встретится с сэром Пеллиномором и договорится о нашем путешествии. Тебе также хорошо, как и мне, известно, что в таких делах на него можно положиться.

— Все это так, — согласился герцог, — но мне важно лично увидеться с Пеллиномором.

— Выходит, это вопрос Магомета и горы, — съязвила МариЛу. — Но, поскольку я не разрешаю тебе ехать туда, значит, он должен приехать сюда.

— Это просто невозможно. Он очень занятой человек, поторопился заявить герцог, на что Мари-Лу, к его удивлению, ответила:

— Ну что ж, если он такой занятой, как ты говоришь, и не может приехать, тогда мне придется тебя отпустить, но я настаиваю, чтобы ты был в постели до завтрака.

— Договорились, — улыбнулся де Ришло, хотя и испытывая некоторую подозрительность относительно ее уступки, что, как оказалось впоследствии, не было лишено оснований.

Примерно час спустя, когда он заканчивал завтракать, Мари-Лу вошла в его комнату и с озорной улыбкой произнесла:

— Ну вот, больше тебе тревожиться не о чем. Мне повезло, и я без особого труда дозвонилась в Лондон и переговорила с сэром Пеллиномором. Он заявил, что дело, которым мы занимаемся, самое важное на данный момент. А поскольку ты слег, он приедет к нам на машине

к ленчу.

Герцог засмеялся, взял ее маленькую ручку и поцеловал. — Я должен был догадаться, что ты обведешь меня вокруг пальца, но, по правде говоря, я об этом не жалею. От этой гранаты мне действительно досталось.

Вскоре после часа к ним приехал сэр Пеллино́р. Когда Мари-Лу показала ему разрушения гостиной, он выказал истинное беспокойство и стал настаивать, раз непонятная война привела к физическим покушениям, на необходимости выставить полицейское охранение.

Де Ришло энергично запротестовал, заявив, что в доме полицейские совершенно бесполезны, так как после наступления темноты они все-равно не смогут никого охранять, а придется охранять их самих, а забот и без этого достаточно. Однако сэр Пеллино́р продолжал настаивать, требуя, чтобы полиция по крайней мере расставила патрули, чтобы незнакомцы не приближались к дому. Он сразу же позвонил в специальное подразделение Скотланд-Ярда и утряс этот вопрос, одновременно сообщив данные на двух вражеских агентов, бросивших гранату и впоследствии сбежавших из подвала.

Учитывая просьбу герцога, он добавил, что дежурный офицер ни в коем случае не должен заходить в дом и задавать какие-либо вопросы. В его функции входит лишь следить, чтобы неизвестные люди не приближались к дому ближе чем на двести ярдов.

Во время ленча герцог вновь сделал сообщение, что противник действует с Гаити и что им необходимо туда направиться.

— Зачем? — недоумевающе спросил сэр Пеллино́р. — Из того что я слышал от вас, я понял, что во сне вы можете с легкостью путешествовать куда вам заблагорассудится, так какой смысл вам живьем отправляться в

Вест-Индию?

— Существует лишь один способ, каким можно закончить с этим делом, — быстро ответил герцог. — Адепт Левой Тропы, поднимающийся в своей астральной форме на борт флагмана каждого конвоя, запоминает детали разработанного маршрута. Затем он связывается с каким-то оккультистом в Германии. Позднее, проснувшись, нацист передает полученные во сне данные в свое Морское министерство, которое передает по радио шифрованные инструкции о местонахождении конвоев своим немецким подводным лодкам в Атлантике и бомбардировщикам, действующим с побережья Франции, которые и уничтожают британские суда. Но адепт, каким бы мощным он не был, должен каждое утро возвращаться в свое материальное тело на Гаити. Вот с этим типом мы и собираемся расправиться.

— Я не могу понять, — сказал Саймон, вопросительно изогнув шею, — если адепт, пребывающий на Гаити, может раздобыть эту информацию, то почему немецкий оккультист, которому он передает эти сведения, не может сделать этого сам?

Де Ришло пожал плечами.

— Кто его знает. Возможно, причина заключается в степени могущества. Вы наверняка помните, что, когда я взялся за это дело, для работы мне были необходимы определенные факты. Я знал время и место отправления конвоя и маршрут его движения. Таким образом, каждый раз, отправляясь на поиски, я приблизительно знал район, где их вести. У нашего же противника такой информации не было, а искать небольшую группу кораблей в огромных просторах Атлантики без уточняющих данных относительно их местонахождения все-равно что искать иголку в стоге сена. И, кроме того, напомню вам, что они

обязаны осуществлять всю свою операцию в течение двадцати четырех часов с того времени, как суда сопровождения, т.е. эскорт, оставили конвой, в противном случае конвой окажется вне пределов их досягаемости. Если бы такую работу возложили на меня, я наверняка упустил бы девять из десяти конвоев, возможно даже немецкий оккультист оказался бы более удачливым.

— В то время как тип, против которого мы боремся, умудряется установить место нахождения каждого конвоя в тот запас времени, который у него имеется, — вставил Ричард.

— Вот именно. Как он это делает, даже не представляю, но он явно адепт, обладающий большой мощью. Именно поэтому, как мне кажется, немцы предпочитают действовать через него, а не самостоятельно.

— Звучит достаточно убедительно, — произнес сэр Пеллино, — если, конечно, в том, что вы сказали, есть какой-то смысл. Но я все равно не понимаю, почему вы все должны ехать на Гаити, чтобы разделаться с этим парнем. Ведь сражение, насколько я понимаю, идет на астральном уровне?

— Дело в том, — терпеливо продолжал герцог, — что единственный способ решить эту проблему — убить гаитянского адепта, а то мы можем сделать только живьем, в своем физическом воплощении.

— Ладно. С этим все ясно. Нам необходимо ехать туда, если мы желаем стереть его с лица Земли, — сказал Рекс. — Но убив его, можем ли мы помешать его астралу проводить свою мерзкую работу дальше, то есть продолжать передавать во время сна информацию своим нацистским друзьям?

— Каверзный вопрос, Рекс, — с улыбкой заметил герцог. Ответ на него лежит в законах Вечности, благо-

даря которым все существа, все предметы созданы такими, как они есть. Я недавно рассказывал об этом и Пеллинору, да и вам это известно.

За счет постоянного развития мы через ряд инкарнаций или воплощений достигаем непрерывности сознания, то есть, когда мы спим, мы сознаем, что принадлежим определенному физическому телу, хотя бы и временно, а проснувшись, мы в состоянии, благодаря длительной тренировки и практике, вспомнить, что делали на астральном уровне. Более того, когда мы достигаем истинной памяти, мы в состоянии оглянуться назад и вспомнить буквально все, что делали во время многочисленных наших земных воплощений. Вот почему подлинный адепт, является ли он адептом Левого Пути или Правого, может взглянуть на свое существование, телесное или астральное, как на единое целое.

Саймон кивнул.

— Поэтому-то так трудно поймать в ловушку подлинного мощного адепта Зла. Благодаря вот этой самой непрерывности сознания, о которой ты только что говорил, он постоянно начеку и поймать его врасплох практически невозможно. Находится ли он в теле или вне его, он всегда настороже, чтобы успеть отразить любое нападение, которое может быть предпринято против него.

— Вот именно, — согласился де Ришло. — Но Силы Мудрости предвидели подобное и приняли меры предосторожности. Какой бы мощной ни была личность, всегда есть момент, когда она совершенно бессильна. Это происходит в конце каждой земной жизни и не зависит ни в малейшей степени от того, умер ли человек в постели вследствие преклонного возраста или погиб в результате насилия в самом расцвете сил. После завершения каждой инкарнации следует короткий период времени, когда аст-

рал ничего не чувствует, находясь в полной темноте, и вот в этот момент, если дело связано с Черным Магом, могут появиться Воины Света и заковать его.

Сэр Пеллинор провел ладонью по своим прекрасным седым волосам.

— Это все вне пределов понимания такого человека, как я, и все же я не сомневаюсь, что вы знаете, о чем говорите⁷. Как я понимаю, вы собираетесь расправиться с типом, который устраивает все эти тревоги, и захватить... э... душу, кажется, так вы это называете — ради всего хорошего. А что с ним происходит потом? Это не значит, что меня волнует судьба этого типа, просто мне интересно. Душу его тоже убить можно?

— Нет, — с улыбкой ответил герцог, — но ее можно посадить в заключение. Каким бы плохим не был человек, adeпты Черной Магии — это люди, которые только несколько отклонились от прямого пути в результате ряда своих инкарнаций. Можно провести аналогию — сравнить их с теми, которые в своей жизни стали случайными преступниками. Большинство мошенников начинает свою преступную карьеру еще молокососами, которые или имеют перед собой плохой пример или случайно, под действием порыва, залезают в чей-то карман или грабят кассу, а затем смываются. Они прекрасно сознают, что подвергаются риску, что рано или поздно их поймут и накажут, но они испытывают искушение, вызванное ленью, амбицией, а чаще всего — ложной гордостью, когда им приятно сознавать, насколько умны они были и догадались, как раздобыть деньги нечестным путем, вместо того, чтобы заработать их. Иногда потрясения, испытанного при поимке или легкого тюремного заключения вполне достаточно, чтобы привести их в чувство, и они меняют свой образ жизни. В других же случаях они

будут получать один срок за другим, пока в конце концов не приходят к выводу, что преступление не стоит того.

— Не может быть! — запротестовал сэр Пеллинор. — А как же тогда преступники-рецидивисты? Настоящие тертые калачи никогда не отказываются от своей профессии, даже если их постоянно сажают в тюрьму.

— Минутку. Средней человеческой жизни примерно в семьдесят лет недостаточно, чтобы излечить самые тяжелые случаи, но если человек живет семь тысяч лет, думаю, вы согласитесь, что даже наиболее закоренелый преступник устанет от тюрьмы, в которой провел, допустим, не менее двух тысяч лет, учитывая, что каждое новое заключение было длиннее предыдущего.

— Ха, ха, — захохотал сэр Пеллинор. — Неплохо. А вы, пожалуй, правы.

— Вот именно это и происходит на астральном уровне. Каждый из нас когда-то в одной из своих жизней баловался черной магией. Одно время я, также как и многие, занимался колдовством, но большинство из нас отказываются от всего подобного после того, как их поймали и предупредили, в то время как наиболее закоренелые могут прожить не один десяток жизней, прежде чем их накажут на действительно значительный срок. Если и этого недостаточно, в следующий раз при поимке они получают еще более строгое наказание, при этом каждое заключение отбрасывает их назад в их движении по пути совершенствования, которое, желаем мы этого или нет, мы все равно рано или поздно должны достигнуть.

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— А то, что душа, попавшая в заключение за то, что пошла по Левому Пути, автоматически лишается любой возможности нового жизненного воплощения в течение всего срока своего заключения. Причем на астральном уровне эти сроки значительно длиннее, чем здесь, на Земле, так что Черный Маг может легко заполучить тысячу лет. Это отбросит его на три или четыре жизни назад с длительными промежутками между ними, когда мы все находимся вне инкарнации. И поскольку затем он все-таки обязан прожить эти промежутки времени, он поднимается на более высокую сферу своего развития значительно позднее. Таким образом, потерянное время является серьезной помехой.

Однако, поскольку вам надо возвращаться в Лондон, думаю, не стоит вдаваться в дальнейшие подробности. Как я понял, вы утрясли вопрос о поездке на Гаити?

— Конечно, — с готовностью ответил сэр Пелли-нор. — Вы сперва полетите в Лисабон, там сможете пересестись на другое воздушное судно — «Клиппер», следующее в Нью-Йорк. Оттуда-то на самолете кампании Пан-Амэрикан вы долетите до Кубы, а затем — морем. Хотя подождите. Если вы поступите подобным образом, вы можете задержаться на Кубе на неделю, а то и больше. Торговли с республикой негров практически нет, поэтому суда из Гаваны ходят туда достаточно редко. Будет лучше, если вы из Нью-Йорка вылетите на самолете в Майами, там наймете частный самолет и полетите к месту назначения. О деньгах, конечно, не беспокойтесь. Главное — скорость.

— Выходит, положение страны достаточно серьезное? осмелился спросить Саймон.

— Серьезное?! — эхом отозвался сэр Пеллинон, устремив свои глаза к небу. — Господи, если б вы только знали! Контрразведка вся сбилась с ног, а наша «тайная» служба просто вынуждена признать, что зашла в тупик и не знает, что делать. До настоящего момента премьер-министр был терпелив, несмотря на все трудности, но я чувствую, скоро его терпение лопнет. Вот тогда-то я не позавидую Гитлеру!

— Но ведь потери наших грузов за последнюю неделю значительно сократились, так ведь? — заметил Ричард.

— Да, но только благодаря мастерству наших моряков, а также, безусловно, тому факту, что де Ришло поставил палку в нацистское колесо, и это дало возможность одному нашему конвою пройти маршрут беспрепятственно и избежать нападения. Однако опасность все еще достаточно велика. Британия вошла в войну с морскими судами общим водоизмещением в двадцать один миллион тонн, разбросанными по всему свету, и ежемесячно, начиная с сентября, мы теряем только в одной Атлантике множество судов в несколько сот тысяч тонн. Так не может больше продолжаться. Дело не только в кораблях, но и в сотнях великолепных моряков, которых вообще ничем не заменишь. Это соль нашей островной нации. А многие из них — молодые люди, не оставившие даже сыновей, чтобы передать кровь тех, кто в течение столетий делал Англию Владычицей морей. Кроме того, нужно учитывать и потери грузов. Сокращение экспорта ведет к потере свободной валюты, а это очень важно, мы и так уже чуть ли не наполовину сократили импорт из Америки таких жизненно необходимых товаров, как продовольствие, пулеметы и самолеты, благодаря которым

мы рассчитываем одолеть немцев.

— Ну что ж, можете на нас полностью рассчитывать. Мы сделаем все, что в наших силах, — серьезно заявил герцог.

— Знаю. Я не буду говорить о том, что поставлено сейчас на карту, но все потрясающие успехи нашего флота в Средиземном море, превосходная работа в Ливийской пустыне нашей армии, наконец-то восстановившей доверие нации, — ничто по сравнению с теми потерями, которые мы несем на Атлантике. Западный район военных действий в Атлантике стал центральной точкой всей войны, а по мере приближения весны Гитлер безусловно усилит свои атаки. Я прекрасно понимаю, на какое дело вы отправляетесь, но вы в этом разбираетесь и являетесь в Британии единственными людьми, способными на такое, поэтому умоляю вас не жалеть себя. Если вы одержите победу, мы, конечно, никогда не сможем рассказать обществу, как была сломана фашистская блокада, но вы все-равно будете испытывать удовлетворение от сознания того, что впятером принесли нашей стране такую же победу, как любой командующий со всеми своими армиями на поле боя.

Саймон хихикнул в кулак.

— Это приравнивает нас чуть ли не к десяти дивизиям. Неплохо, да?

— Именно это я и имел в виду, — с серьезным видом сказал сэр Пеллино. — Ну а теперь, когда вы можете отправиться в путь?

— Как только вы закончите все приготовления к нашему путешествию, — сказал герцог, бросив взгляд на своих друзей, которые в молчаливом согласии закивали головами.

— Прекрасно. Значит, тогда послезавтра. «Клиппер» отправляется из Лисабона по пятницам. Думаю, вам нет смысла целые сутки торчать там, ожидая времени отлета. Вы с большей пользой можете подождать здесь.

— А вы сумеете за такое короткое время раздобыть нам места? — поинтересовался Рекс. — Насколько мне известно, «Клиппер» в эти дни просто переполнен.

Сэр Пеллинор протестующе замахал руками.

— Слава Богу, ваши земляки, Ван Райн, в этом деле с нами заодно. Мне будет достаточно обратиться к одному из официальных лиц в Военном Кабинете и попросить связаться с американским посольством, а они уж проследят, чтобы у вас были места в самолете.

Вскоре, искренне пожелав им всяческих успехов в их странной миссии, сэр Пеллинор отбыл в Лондон. Герцог заявил другим, что собирается заняться изгнанием из дома полтергейстов.

Мари-Лу стала разубеждать его, заявив, что у него повреждена нога и ему следует отдохнуть. Он же обратил ее внимание на то, что перед отъездом — а предстоит еще многое сделать, учитывая, что они покидают Кардиналз-Фолли на следующий день ранним утром — он хотел бы убедиться в том, что дом вновь стал обитаем и слуги вернулись в него.

Видя разумность его слов, она ему уступила, но попросила ответить на вопрос, который тревожил ее уже не один день.

— Объясни, почему, когда мы находимся вне наших тел, нас не видно и не слышно, а с полтергейстами этого не происходит?

— Потому что это не люди, а элементары, стихийные духи, — ответил он. — Они отличаются от духов людей

так же, как медуза от человеческого существа. Все эти низшие формы неприятны и лишены разума. Они могут дать о себе знать, хотя уничтожить их не представляет труда.

Последующие два часа герцог в сопровождении своих друзей ходил из комнаты в комнату с колокольчиком, библией и кропилом. В каждом помещении он произносил экзорцизмы заклинания по изгнанию духов, а затем кропил углы комнаты, дверь и очаг. И всюду, как только завершалась эта церемония, появлялся отвратительный зловонный запах, и они были вынуждены, открывая окна и впуская свежий морозный воздух, проветривать комнаты. В одном месте западного крыла ужасный запах гниющего мяса был настолько силен, что Мари-Лу чуть не стало дурно, пока де Ришло не сказал ей, что, если б она была в своей астральной форме, при виде происходящего она не смогла бы сдержаться от смеха. Полтергейсты — «небольшие злючки», по форме напоминающие шары типа футбольных мячей. Каждый раз, как на них попадает святая вода, они взрываются, превращаясь в клубы астрального дыма, издающего ужасный запах земных непристойностей, из которых они извлекают свою силу.

В ту ночь они снова спали в пентакле, дежуря по очереди. Астралы спящих тоже не покидали его пределы, в итоге они провели спокойную ночь, а за пределами библиотеки царил тишина, подтверждавшая, что изгнание духов прошло успешно.

На следующее утро они встали очень рано, оделись, собрались. Пока Мари-Лу укладывала вещи Ричарда, он разговаривал с Малином, дворецким, дав ему несколько чеков, чтобы он мог управлять домом в отсутствие его хозяев. Малин также должен был убедить слуг, желаю-

щих вернуться, что никакие неприятности им больше не угрожают.

В девять часов дворецкий почтительно попрощался с ними и пожелал удачи. Они сели в автомобиль Ричарда и направились в Лондон.

Для всех это был очень хлопотливый день. По просьбе герцога Саймон позвонил сэру Пеллинору и попросил предоставить им специальное финансовое разрешение, позволяющее им перевести значительные фонды в банк Порт-о-Пренса, столицы Гаити.

Мари-Лу днем быстренько пробежалась по магазинам и накупила самых очаровательных легких ярких платьев, как нельзя более подходящих к жаркому климату, какие она и не надеялась надеть до окончания войны. Рекс позвонил в штаб-квартиру ВВС и убедился, что ему действительно предоставили бессрочный отпуск. Де Ришло закупил дополнительную партию редких трав в Калперал-Хаус, а Ричард, самый практичный из всех, позаботился о вооружении пятерки. У них остались еще после прежних приключений револьверы, на ношение которых у них были разрешения. Ими, правда, давно уже не пользовались, и нужно было купить еще запас патронов.

Вечером они встретились в квартире герцога, выпили по коктейлю и решили пообедать в Дорчестере, чтобы так отметить свой последний вечер пребывания в дорогом, но израненном Лондоне.

Убедившись, что ничего не забыто и все приготовления завершены, они уже были готовы выехать в Дорчестер, как раздался телефонный звонок. Де Ришло взял трубку и услышал могучий голос сэра Пеллинора:

— Де Ришло, это вы? Послушайте, могу ли я попросить вас об одной любезности?

— Конечно. А в чем дело? — спросил герцог.

— Это касается одной молодой женщины, дочери одного моего знакомого. Ее имя Филиппа Рикарди. Так вот, мой знакомый очень беспокоится за нее и хочет вывезти ее из Англии. У него имение на Ямайке. Выращивает сахар или что-то в этом роде. Хозяйничает там его сестра. Он уже договорился отправить ее туда в пятницу на «Клиппере». Паспорт и все документы в порядке. Однако, она путешествует одна, и я подумал, может быть миссис Итон возьмет ее под свою опеку до Майами? Это было бы очень любезно с ее стороны.

— Минуточку, не вешайте трубку. — Де Ришло обернулся и повторил просьбу Мари-Лу.

— Конечно, конечно, — согласилась она, а герцог передал сэру Пеллинору, что все в порядке.

— Прекрасно, — ответил баронет. — Передайте миссис Итон мою искреннюю благодарность. Мисс Рикарди встретит вас завтра утром на вокзале Ватерлоо. О, я, правда, вам забыл сказать еще кое-что. Извините, меня зовут к другому телефону. В общем, бедная девушка немая. Глухонемая.

13 ПРЕКРАСНАЯ НЕМАЯ

Когда на следующее утро они проезжали через Лондон, еще царила ночь. Моросил дождик, а тусклый свет выхватывал из темноты унылую картину. Привычная суeta на улицах Лондона уступила место запустению. Разрушений было мало, на большинство домов были либо заколоченными, покинутые своими хозяевами, либо стояли без окон, вышибленными в результате бомбежек. И все же Лондон с мрачной решимостью, судя по небольшим толпам людей, выходящих из автобусов и станций метро, продолжал жить и работать.

На вокзале «Ватерлоо» их сразу же провели к пульмановскому вагону, заказанному для пассажиров, отправляющихся на лисабонский авиарейс, и среди небольшой группы людей, толпящихся на платформе, они сразу же выделили Филиппу Рикарди. В числе пассажиров была только одна пожилая женщина, поэтому они были абсолютно уверены, что стоящая чуть поодаль от нее в сопровождении высокого седовласого мужчины девушка и есть их подопечная. Когда они подошли поближе, мужчина сделал шаг вперед и, приподняв шляпу, обратился к Мари-Лу.

— Вы, наверняка, и есть миссис Итон, — сказал он и с улыбкой продолжал: — Очень любезно с вашей стороны взять на себя заботу о моей дочери. Поскольку

она немая, ей ужасно трудно путешествовать в одиночку, и оба благодарны вам.

— Ну что вы, — запротестовала Мари-Лу. — Мне приятно сознавать, что мы хоть как-то можем облегчить ее положение.

Она быстро повернулась к девушке и протянула руку.

Ничто внешне не указывало на ужасный недостаток Филиппы, девушки среднего роста с черными волосами, кудряшками выглядывавшими из-под изящной шляпки, одетой в опрятный и дорогой твидовый костюм. У нее были большие, темные, умные глаза, толстые губы и чувственный рот. Кожа у нее была гладкой, нежной и слегка темноватой. В ее венах явно текла и кровь чернокожих. На вид ей было двадцать три, хотя она могла быть и моложе, но, если бы они заранее не знали о ее связи с Ямайкой, вряд ли они догадались, что она — цветная.

Оказаться вот так вдруг лицом к лицу с глухонемой — ситуация не из легких, но Мари-Лу заранее раньше решила, что лучше всего стараться не замечать недостатка девушки. Она представила ей всех остальных, как будто Филиппа мог расслышать то, что ей говорят, а девушка при знакомстве кивала головой.

Вскоре их попросили занять свои места. Филиппа нежно простилась со своим отцом, и они все вошли в вагон. Две минуты спустя раздался свисток, и поезд медленно покинул станцию.

Когда Филиппа уселась, повернувшись спиной к окну, все заметили, что у нее в глазах стоят слезы, и она с трудом сдерживается, чтобы не расплакаться. Все стали делать вид, что заняты своими вещами и бумаги, чтобы только не смотреть в ее сторону. Затем Саймон достал из кармана небольшую грифельную доску со специальным

покрытием, на котором можно было писать любым остроконечным предметом. Написанное легко стиралось особой тряпочкой, прикрепленной к этой доске.

Он написал:

«Выше нос! Мы едем к солнцу!»

Глядя на него, Мари-Лу подумала, как это характерно для доброго, умного Саймона все предусмотреть, сообразить, что, раз девушка не говорит и не слышит, значит, с нею можно переписываться и суметь, возможно не без хлопот, раздобыть ради этой цели такое удивительное средство.

Вытащив из своей сумочки подобную же доску, Филиппа написала:

«Вы правы, но мне не хочется покидать Лондона».

«Но почему?» — поинтересовался Саймон.

«Это похоже на бегство, — ответила Филиппа. — А почему вы все пишете? Я прекрасно слышу.»

Несколько сбитый с толку, Саймон вслух произнес:

— А я почему-то думал, что вы... э-э... глухонемая.

Она покачала головой и написала на доске:

«Только немая!»

Другие, с огромным интересом следившие за этим разговором, даже не стали скрывать своего облегчения при этом известии и сразу же все заговорили, как они надеются, что Филиппе понравится путешествовать с ними по Уэст-Индии.

Не успел Лондон покинуть мрачные лондонские пригороды, как они испытали еще одно потрясение.

Когда Филиппа узнала, что Рекс — летчик-истребитель, находящийся в бессрочном отпуске по поводу тяжелого ранения в ногу, она написала:

«В качестве медсестры я ухаживала за многими летчиками. Специализировалась я в массаже, так что смогу

помочь вам вылечить вашу ногу».

Когда де Ришло выразил удивление, как это ей удалось стать медсестрой, будучи немой, она ответила, что этот недостаток у нее не от рождения, просто в прошлом году, в сентябре, госпиталь, в котором она работала, разбомбили, и, когда спасательная команда вытащила ее из-под обломков, выяснилось, что в результате шока она потеряла речь. После этого она долгие месяцы лечилась, сменяя одного врача за другим, но безуспешно, пока последний из них не сказал, что, несмотря на то что ее случай кажется совершенно безнадежным, речь может вернуться к ней, если она уедет за границы и долгие месяцы не будет слышать бомбежки и взрыва снарядов.

Еще шел дождь, когда они прибыли в безымянный порт, расположенный на южном побережье. Этот порт на время войны был засекречен, так как отсюда ежедневно в Лисабон стартовали самолеты-амфибии, так называемые «летающие лодки». С формальностями — таможенной и эмиграционными властями — было покончено быстро. Это вообще характерно для авиапутешествий, вследствие небольшого количества их пассажиров. Полчаса спустя большой катер доставил их к большой «летающей лодке», которая мерно покачивалась на якоре в серо-зеленых беспокойных водах.

Не успели они подняться на борт, как катер отчалил, якорь был поднят и заработали двигатели. Летающая лодка мили полторы пересекала залив, затем развернулась носом к ветру и помчалась вперед. Пассажиры чувствовали как волны бьют в борт корабля, прямо в иллюминаторы, но ничего не видели, потому что окна были затемнены. Затем неожиданно это все прекратилось, двигатели сбавили обороты, как будто лодка собиралась остановиться, и все вдруг поняли, что она взмыла

в воздух.

Де Ришло был уверен, что, даже если они столкнуться с вражескими самолетами, вряд ли они подвергнутся нападению, потому что суда лисабонского рейса перевозили разнообразные английские бумаги, откуда значительную часть своей информации черпала их разведка. По прибытии в Португалию они немедленно отправлялись в Германию и Италию, в то время как обратными рейсами для английской разведки из Лисабона в Англию копии всех секретных германских и итальянских бумаг. Так что это путешествие было сравнительно безопасным, так как нацисты не желали лишаться потока информации через этот нейтральный канал.

Погода была хорошей, и все неплохо переносили путешествие, но оно было скучным. В окна нельзя было выглянуть, они специально были затемнены, чтобы пассажиры случайно не узнали военных секретов. Так что ничего не оставалось, только читать и дремать. В половине пятого самолет пошел на резкое снижение, и две минуты спустя со всплеском они приводнились в устье реки Тахо.

Пересаживаясь в катер, все были поражены переменной климата. Казалось невероятным, что такое изменение могло произойти за какие-то пять часов лета. Португальская столица в отличие от северной ветреной Британии нажилась на солнце, а после полупустынного Лондона суета лисабонских улиц, переполненных транспортом, наполняла сердце радостью. Они проехали мимо переполненных кафе, выходящих на красивейшие площади, и остановились перед шикарным отелем, где были забронированы номера для пассажиров «Клиппера».

Лисабон, как им было хорошо известно, был битком набит дезертирами и различными военными эскапистами.

Сюда после поражения Франции устремились многие богатые французы. Немало здесь было и еврейских беженцев из Германии, Италии и отчасти из Англии, куда они попали — к своему стыду — после того, как их выудили из их надежных убежищ на юге Франции.

Единственным свидетельством войны в Лисабоне, за исключением, конечно, необычной переполненности отелей и кафе, являлась серьезная нехватка продовольствия в Португалии. Страна была нейтральной и официально не подвергалась блокаде ни с одной из воюющих сторон, но голодала, поскольку немцы предательски топили торговые корабли.

Отдохнув после своего путешествия, они спустились вниз и постарались, по возможности, как можно лучше пообедать, а затем решили насладиться жизнью и увидеть огромный город во всей его красоте.

Они немного поблуждали по переполненным улицам, а потом де Ришло, который не плохо знал Лисабон, затащил их в ночной клуб «Метрополь», который поразило его друзей своими огромными, дворцовыми размерами.

Огромный холл при входе, украшенный изразцами, напоминал собою мавританскую коллонаду. Под каждой аркой располагался небольшой магазинчик, где торговали цветами, шоколадом, духами, дамскими сумочками, веерами, украшениями, ну и тому подобным. Все эти товары любезно предлагали продавцы-мужчины, а наверху располагались по одну сторону — игральные комнаты, а по другую — ресторан с огромным танцевальным залом, где они позднее выступало необыкновенно искусное кабаре.

Рекс был просто в ярости, когда из-за больной ноги не мог танцевать. Герцог, несмотря на то что его рана

довольно быстро заживала, вообще никогда не танцевал. Но Ричард, Мари-Лу, Филиппа и Саймон от души наслаждались вечером и, скользя по полу среди других танцующих пар, на время забыли о войне.

После кабаре, оставив их в зале, герцог с Рексом отправились в игральные комнаты. Шутя и посмеиваясь над своими соседями, Рекс продул значительную сумму в рулетку; герцог же, играя в баккара с непроницаемым видом профессионала, за какие-то считанные часы выиграл более пятидесяти фунтов.

Они имели намерение вернуться в отель сразу же после полуночи, так как уже в половине пятого утра они должны были отправляться в дорогу, но вечер был настолько хорошо, и они получили такое наслаждение, что пробыли в «Метрополе» до трех часов, решив, что они только заглянут в отель, чтобы принять горячую ванну и позавтракать, а затем сразу же отправятся на самолет.

Наступило утро. Уставшие, но счастливые они поднялись на борт гигантского американского самолета-амфибии, стоявшего в аэропорту в Кубу-Руйву. Едва красноватые лучи солнца окрасили восточную половину неба над очертаниями Торрес-Ведрас, где когда-то Веллингтон разбил в заливе флот Наполеона, американский лайнер отправился в свой длительный полет над Атлантикой.

Погода была хорошей. Заняв чуть ли не лежачее положение на зубоврачебных креслах, которыми был забит самолет, усыпляемые постоянным гудением моторов, они вскоре заснули. Хотя они были в воздухе всего лишь три часа, погода изменилась к худшему. Они проснулись от того, что самолет стало швырять в стороны, и Мари-Лу и Саймон почувствовали тошноту.

Казалось, непогоде не будет конца. Но вот наконец показалось, самолет сделал разворот, и они обрадова-

лись, когда он приземлился в Орте, столице Азорских островов.

Капитан сказал, что погода слишком плоха, чтобы пытаться сделать за день второй перелет, поэтому они отправились на берег, отыскиали отель и, поскольку практически не спали после отлета из Британии, завалились прямо днем в кровать.

Встретившись позднее за обедом, они увидели, что нехватка продовольствия, вызванная гитлеровской блокадой, сказалась даже далеко за пределами раздираемой войной Европы. После довольно скромной еды они в прошли в комнату отдыха, где выпили кофе с ликером, а Филиппа, узнавшая, что они направляются на Гаити, поинтересовалась, известно ли им что-нибудь о Черной Республике.

— Только в общих чертах, — ответил герцог. — Это один из первых островов, открытых Колумбом. Колонизировали его испанцы, которых впоследствии изгнали французы. Почти двести лет этот остров процветал. Затем его население, вдохновляемое примером французской революции, восстало и, перебив всех богатых колонизаторов, добилось у Национального собрания во Франции признания своей независимости. Французские аристократы, избежавшие смерти, призвали на помощь Англию, но раб по имени Гуссен-Лувертюр поднял новое восстание и большинство белых было перебито. Наполеон предпринял отчаянную попытку вернуть остров под французское правление. Лувертюр был арестован и вывезен во Францию. Однако, похоже, император был слишком занят событиями в Европе, чтобы беспокоиться о своих владениях в Вест-Индии. Революция, тем не менее, нарушила порядок на острове. Как бы то ни было, в 1804 году рабы вновь восстали, и европейцы были окончательно изгнаны.

Так началась история Негритянской Республики.

— Я даже не представлял, что на острове рабы получили свободу так давно, — заметил Ричард. — Интересно посмотреть, чего добились цветные за сто пятьдесят лет своего правления.

— Если ты надеешься увидеть расцвет острова, боюсь, ты будешь сильно разочарован, — с усмешкой сказал Рекс. — Как справедливо заметил герцог, при французах это был один из богатейших островов Вест-Индии, хотя и сейчас на нем немало естественных источников для процветания, но негры довели его до полного разорения и разрухи.

— Ты что, уже бывал на нем? — поинтересовалась Мари-Лу.

— Нет, но мой друг, который служил в морской пехоте, провел на нем несколько лет и много чего мне порассказал. Когда дело доходит до взятки, то все наши политики по сравнению с их президентами просто сопляки. Ни один из этих президентов не смог продержаться на своем месте положенные четыре года. Добившись избрания с помощью какой-нибудь банды, он сразу же начинал хапать и за шесть месяцев успевал награть столько, что оставалось либо бежать на Ямайку либо пасть под ударом ножа своего преемника. Вот почему Штаты через какое-то время захватили остров и разместили там свою морскую пехоту.

— И как это мы вам позволили? — с улыбкой сказал Ричард. — Я полагал, что это исключительное право Британии. Боюсь, старушка в конце концов потеряла свою хватку.

— Так уж получилось, что вы тогда воевали, — рассмеялся Рекс. — Мы высадились на Гаити в 1915 году. В любом случае вашим загребущим британцам все равно

бы не позволили орудовать там. Возможно, ты слышал о доктрине Монро? Между прочим, вы были даже рады, что мы вмешались. Долгие годы германцы давали в долг этим черномазым мошенникам в надежде уцепиться за этот остров, но Соединенные Штаты поломали все их замыслы, предпочитая британские интересы. В течение девятнадцати лет мы сохраняли мир между своими бедными черными собратьями, затем вернули им самостоятельность и спокойно покинули остров.

— Выходит, вы совсем недавно ушли оттуда?

— Да, во время первой администрации Рузвельта. Это было частью нашей добрососедской политики. Черные хотели вернуть себе остров, обещая быть паиньками, ну мы и ушли. Но с того времени у всех, в особенности у политиков, голова болит. Неграм постоянно не хватает долларов, которые когда-то наши мальчики тратили в их городах. Эти цветные бездельники совершенно не признают никакого порядка. Весь остров сейчас напоминает огромную тропическую трущобу. Если бы не климат и масса фруктов — стоит только руку протянуть — они давно бы уже все подошли с голоду.

Мари-Лу состроила гримасу.

— Да, картина не из приятных. А я-то думала, что это вроде Кубы. Город, конечно, не такой, как Гавана, но с приличными отелями, управляемыми полукровками. А на самом деле, похоже, нас ожидает ужасный клоповник.

Рекс кивнул.

— Пожалуй, ты права. Сами негритосы живут в хижинах, напоминающих шалаши, сделанные из банановых листьев, а в городах большинство домов просто разваливается. Сравнить это с Гаваной все равно, что поставить провинциальный городишко на Среднем Западе на один уровень с Нью-Йорком.

— Гавана — действительно другое, — вставил герцог. Это огромный город, где можно жить с таким же комфортом, как в мирное время на юге Франции. Но я никогда не думал, что Гаити настолько отсталый остров, если судить по словам Рекса. Правда, там все стоит необычайно дешево, так что в случае необходимости мы можем снять дом и за небольшую плату туземки вылижут его со всех сторон.

Филиппа что-то написала на своей дощечке и показала Саймону. Он вслух прочитал: «А умеете ли вы говорить на креольском?»

Все с надеждой посмотрели на герцога, который был лингвистом необычайных способностей, но он отрицательно покачал головой.

— Нет, боюсь, креольский выше моего понимания. Это испорченный французский, но, думаю, на острове найдется немало людей, говорящих на нормальном французском или английском.

Филиппа написала другую фразу: «Очень немногие. Когда американцы покинули остров, местный президент не умел ни читать ни писать».

— Боже мой, — пробормотал де Ришло, — какой кошмар! Но я не сомневаюсь, что нам в качестве переводчика удастся нанять мулата, говорящего по-французски.

В тот вечер они рано отправились спать. В случае улучшения погоды «Клиппер» должен был отправиться в полет очень рано.

Когда они поднимались в свои спальни, Мари-Лу спросила герцога, стоит ли принять меры предосторожности против астральных нападений во время сна, но он отрицательно покачал головой.

— Нет. Как я уже говорил вам в Лондоне, поскольку мы покинули Кардиналз-Фолли среди бела дня, один шанс из миллиона, что противник напал на нас след. Сомнений нет, он, вне всякого сомнения, интересуется, куда это мы делись, и даже мог проследить наш путь вплоть до моей квартиры, но поскольку ничто не указывает на существо наших намерений, он может скитаться по свету хоть тысячу ночей, все равно ближе к нам не станет. Мы, конечно, должны носить наши священные амулеты, но я уверен, что причин для беспокойства нет.

Их подняли в половине пятого. Вскоре после рассвета они снова были в пути. Несколько часов спустя, совершив посадку на Бермудах, они были рады немного размять ноги, пока проверяли их паспорта и осуществлялись обычные формальности. В тот же вечер без каких бы то ни было инцидентов они прибыли в Нью-Йорк.

Рекс еще из Лисабона позвонил своему отцу и сообщил об их прибытии. Они еще были на летном поле ярдах в двухстах от выхода, когда заметили огромную седовласую фигуру старого Чэннока Ван Райна, возвышавшуюся над небольшой группой встречающих. Герцог был его давнишним другом. Они с Чэнноком обнялись, как братья, бывшие в разлуке и наконец-то обретшие друг друга.

Рекс представил остальных своему отцу. Затем банкир отвез их в свой огромный особняк на Риверсайд-Драйв.

Когда Рекс сообщил отцу, что они в Нью-Йорке только проездом, поскольку их миссия связана с военными действиями и поэтому на следующий день они обязаны быть уже в Майами, старик помрачнел. Он сообщил, что на следующий день назначил большой прием в честь награждения своего сына британским орденом, но де

Ришло сказал, что, как это не печально, их визит будет кратковременным, поскольку крайне важно, чтобы они не задерживаясь ни на минуту как можно быстрее добрались до Вест-Индии.

Мгновенно оценив сложившуюся ситуацию — умение, которым так знамениты американцы, старик сразу же сказал:

— Ну ладно. Тогда придется провести прием сегодня.

И немедленно по прибытии домой он дал указания своим двум секретарям и дворецкому засесть за телефоны и сообщить по возможности всем его друзьям, что сразу же после обеда состоится неофициальный коктейль.

Рекс пытался остановить его, умолял не делать этого, потому что будет чувствовать себя полнейшим дураком, если его будут выставять как знаменитость, чего бы ему меньше всего хотелось. Однако огромный старик, бывший даже выше ростом, чем его сын-гигант, повернулся и произнес голосом, от которого содрогались даже государственные секретари:

— Послушай, сынок, не говори глупостей. Я знаю, что ни один порядочный человек не будет выставять своих заслуг, но здесь совершенно иное. Это не показуха, а прием в интересах Британии, с целью оказать ей помощь. К половине одиннадцатого соберутся с полсотни удивительно влиятельных людей. Большинство из них настроено пробритански, но некоторые продолжают колебаться. Если ты расскажешь им о том, что происходит на другом берегу океана, это будет иметь гораздо большее значение, чем даже с полдюжины сбитых «мессершмитов». Расскажешь о том, как стойко держатся англичане, о том, какие дьявольские средства в войне используют фашисты. Когда ты был в воздухе час назад и пролетал

над островов Эллис, ты наверняка заметил к югу от Манхэттана как прямо из воды поднимается во весь свой рост статуя Свободы. Так вот, забудь о том, что ты видел. Нет ее больше там. Сегодня статуя Свободы стоит в Дуврском проливе, и от тебя только зависит убедить наших друзей в том, что за свободу следует сражаться.

Рекс пожал руку старика.

— Хорошо, отец. Я все понял и сделаю так, как ты сказал.

Из-за своей немоты Филиппа, естественно, избегала всяких вечеринок, поэтому после обеда она извинилась и попросила разрешения удалиться, но Саймон стал умолять ее изменить свое решение.

— Послушай, — с чувством говорил он, — ты удивительно храбрая и благоразумная девушка. Если ты не можешь говорить, это совершенно еще не значит, что ты должна избегать человеческого общества. Буквально вчера, в Лисабоне, ты была с нами в «Метрополе». Ты же получила удовольствие, разве не так? И какая при этом разница, если будут присутствовать еще несколько человек. Только не пытайся меня убедить, что собираешься всю свою жизнь избегать человеческого общества. Все равно придется встречаться с людьми, так почему не начать сейчас?

Она написала на дощечке:

«Твои друзья меня знают, поэтому в их обществе я чувствую себя нормально, но я терпеть не могу, когда, уставившись на меня, все вдруг начинают жалеть. Это просто невыносимо».

— Н-не... — Саймон со всей силы замотал своей головой. Все будет нормально. Это необходимо во имя Британии. Ты же говорила, что тебе противно бежать из Англии во время войны. Так докажи это делом. Старик

попросил Рекса и нас рассказать тем, кто придет на прием, что происходит в Британии, как фашисты издеваются над бедным Лондоном. Ты можешь сделать больше одним своим молчанием. Конечно, нехорошо пользоваться твоим несчастьем, но ты только представь себе, какой это может оказать эффект на американцев. Все вокруг будут говорить: «Вон смотрите. Видите там прекрасную девушку? Она из Англии. Работала медсестрой в госпитале, который разбомбили фашисты. Когда после налета ее откопали из руин, оказалось, что она потеряла речь. Вот что эти свиньи делают с женщинами! Они то же самое сделают с Нью-Йорком, если у них представится такая возможность». Ты понимаешь, что я имею в виду?

Филиппа немного побледнела, затем улыбнулась и написала на своей доске:

«Благодарю за «прекрасная». Очень не хотелось бы, но я приму участие в этом спектакле, только если ты пообещаешь все время быть рядом со мной».

— Превосходно. — Саймон взял ее руку и нежно поцеловал. — Конечно, я буду с тобой, даже на секунду не покину тебя.

Прием прошел с огромным успехом. Подбадриваемый герцогом, Рекс вскоре преодолел смущение и рассказал о своих подвигах. А тот факт, что он был еще и американцем, заставило каждого гостя почувствовать благодарность к нему как к представителю их народа за то, что он принял участие в героической обороне Британии и был награжден за мужество самым английским королем. Но присутствие Филиппы, как и предвидел Саймон, оказало еще больший эффект. Он договорился с Мари-Лу, Ричардом и герцогом, что все они будут рассказывать окружающим историю Филиппы, но так, чтобы она ничего не слышала. Можете представить, как гневались гости Чэн-

нока Ван Райна и какие кары они обещали герринговским убийцам.

На следующее утро отец Рекса отвез их на автомобиле в ньюйоркский аэропорт. Сердечно простившись со старым человеком, они сели в большой американский авиалайнер и отправились в свое путешествие на юг. Полет был значительно интересней, чем в предшествующие дни. Иллюминаторы не были затемнены и большую часть времени они обозревали береговую линию, любясь как меняется пейзаж. Они пролетели над Мерилендом, Вирджинией, Северной и Южной Каролиной, пересели большой залив к югу от Флориды и наконец приземлились в Майами.

Еще в Нью-Йорке Рекс выдвинул предположение, что, раз они не знают, сколько времени пробудут на Гаити, то лучше всего арендовать самолет, который он сам и поведет. Они смогут пользоваться этим самолетом, сколько им понадобится. Тогда же Чэннок Ван Райн отдал распоряжение раздобыть им в Майами для этой цели самолет.

Едва они приземлились в Майами, как прямо на летном поле их встретил агент Рекса. Он показал им шестиместный самолет, нанятый, согласно полученному из Нью-Йорка приказу, для полета на Гаити. Рекс минут двадцать тщательно осматривал мотор, а затем, довольный результатами, велел механику залить бак горючим и подготовить самолет к полету на следующее утро, к девяти тридцати.

Поблагодарив агента, они заказали такси, и Рекс, хорошо знакомый с достопримечательностями знаменитого американского курорта, отвез их в отель «Пенкоуст», расположенный на некотором расстоянии от города среди пальмовых рощ и садов, прямо на краю пляжа, о который разбивались волны Атлантического океана.

Только здесь они впервые почувствовали, что находятся вне пределов огромных территорий, затронутых войной. Отель был переполнен богатыми развлекающимися американцами. Всего было вдоволь — самые изысканные кушанья, самые утонченные напитки. Все энергично предавались удовольствиям. Мускулистые юноши и очаровательные девушки в летней яркой одежде и шикарных пляжных костюмах разъезжали в сверхмощных автомобилях, не зная, что такое нехватка бензина, катались по озеру близ отеля или загорали на пляже.

Для них война была одной из многочисленных картинок в иллюстрированных журналах, которые они при случае лениво просматривали.

Для герцога и его друзей, только что прибывших с берегов воюющей Британии, эта приятная красочная картина их довоенной жизни, с ее леностью и весельем, казалась нереальной, как сцена, поставленная в музыкальной комедии. Но когда они зарегистрировались, побывали в своих номерах и, расслабившись, уселись в залитом солнцем саду, они попытались примириться с мыслью о том, что по-существу это тот же самый мир, мир, в котором вот уже восемнадцать месяцев миллионы ранее свободных людей, мужчин и женщин европейского континента, были в буквальном смысле обращены в рабов, избивались, заключались в тюрьмы, подвергались, голодали, замерзали, расстреливались, сгорали или разрывались на части бомбами из-за жестокости и ненасытной жажды власти со стороны фанатичных нацистских орд.

Освежившись холодными напитками, друзья решили, что было бы неплохо искупаться, поэтому они распаковали свои чемоданы, вытащили купальные костюмы и отправились на пляж. Больше часа ныряли они друг за

другом, плескались в небежавших волнах, а затем легли загорать.

Саймон разузнал для Филиппы, что еженедельный пакетбот, на котором она должна была отправиться в Кингстон на Ямайке, уже два дня как покинул Майами. Они же отправлялись на Гаити уже на следующее утро, и их совместное путешествие приближалось к концу, поэтому за обедом в тот вечер настроение у всех было не из лучших. Хотя они были знакомы с нею всего четыре дня, она чуть ли не все время была с ними, и они достаточно хорошо ее узнали. Их поражало ее необычайное мужество и самообладание после такого несчастья.

Во время прощального вечера Саймон был настолько молчалив, что, танцуя с ним, Мари-Лу с улыбкой заметила, что он, по всей видимости, влюбился в их прекрасную молчаливую спутницу.

Саймон сильно покраснел и стал с жаром отрицать это, хотя и признался, что нашел Филиппу очень привлекательной. Однако позднее, когда все пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись, он невольно вздрогнул, когда, войдя в свой номер, увидел на столе письмо от нее.

Это оказалось достаточно длинное послание, в котором говорилось:

Дорогой Саймон,

Прежде всего хочу поблагодарить тебя за ту доброту, с которой ты относился ко мне во время нашего путешествия. Все остальные тоже были очень милы и любезны по отношению ко мне, но своим естественным человеческим отношением и благоразумием ты в тысячу раз превосходишь то,

что я вообще могла бы ожидать от мужчины.

Я привыкла к тому, что мужчины ко мне внимательны, и раньше я воспринимало это как должное, но после того, что со мною произошло, я стала относиться к этому иначе. Не быть в состоянии разговаривать с человеком, который приятен, — просто ужасная помеха. Многие люди стараются быть необычайно любезными, но после того как я потеряла речь, я вдруг заметила, что все мои знакомые мужчины, оставаясь со мной наедине, становились молчаливыми и, возможно я несправедлива к ним, похоже испытывали раздражение от того, что несчастная девушка должна отвечать письменно на каждое их слово. Надеюсь, ты понимаешь, насколько я признательна тебе за последние дни.

А теперь о другом, более важном. Вы рассказывали мне о причинах своей поездки на Гаити, но я не дуручка, и, познакомившись со всеми вами, буквально через несколько часов пришла к выводу, что пять человек с такими чувствами, как у вас, ни за что и никогда не покинут свою дорогую Англию во время войны, если, конечно, на это нет какой-то особой причины. А если и покинут, то не ради такого мрачного места, как Гаити.

Все ясно. Вы выполняете какое-то особое поручение, возможно секретное. Даже ребенок мог бы это сообразить. То что вы не знаете креольского, может явиться ужасной преградой на вашем пути.

Я прожила на Ямайке до войны пять лет и все это время вместе с дядей немало путешествовала по Вест-Индии и побывала почти на всех островах. Дядя занимался изучением аборигенов, и я помога-

ла ему, научилась довольно быстро говорить по-креольски и немало узнала о странных людях, представляющих собой смесь местных жителей с неграми и европейцами.

Гаитяян приятными не назовешь. Почему они отличаются от других — простых, счастливых людей — не знаю, но они действительно отличаются. Возможно, у них не было примеров для подражания, но как бы то ни было каждый гаитянин кажется прирожденным вором и лжецом, а жестокость, с которой они относятся не только к животным, но и к себе подобным, просто немыслима.

Вы, конечно, можете поступить, как предлагал герцог, и нанять переводчика, но скорее всего он обманет вас и не раз подведет. Так почему в таком случае не взять меня?

Хотя я не могу говорить, я могу слышать то, что говорят аборигены, записывать это для вас и писать для вас ответ, который следовало бы сделать. По правде говоря, я могу вам быть более полезной, чем дюжина платных переводчиков. Кроме того, на Ямайке на тетушкиной плантации меня ждет довольно унылое существование. Я могу дать ей телеграмму и сообщить, что немного задержусь у друзей. Будь так любезен, сообщи о моем предложении другим.

Искренне благодарная тебе
Филиппа Рикарди

Закончив чтение письма, Саймон сразу же поспешил к герцогу.

— Ну и что ты думаешь о ее предложении? — осведомился он, когда де Ришло в свою очередь ознакомился с посланием Филиппы Рикарди.

— Даже не знаю, что сказать. Надо подумать. Она, конечно, права, когда утверждает, что может быть полезнее любого мулата, говорящего по-французски, но уж больно мне не хотелось бы вовлекать ее в наше рискованное предприятие.

Саймон кивнул. Его самого раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, ему ужасно хотелось, что бы предложение Филиппы приняли, — тут сказывались чисто эгоистические соображения, желание видаться с нею; а с другой, он опасался за ее жизнь, боялся подвергать ее опасности.

— Конечно, — заметил Саймон, — мы можем предоставить это решать самой Филиппе, но, все-таки, лучше будет, если решение мы примем сами. Вряд ли можно за один короткий разговор объяснить ей, какие опасности ее поджидают. Лучше нам самим решить это.

— Давай посоветуемся с другими, — предложил герцог.

Прихватив по дороге Рекса, они отправились к Мари-Лу.

Когда ей рассказали о сложившейся ситуации, она не долго думая заявила:

— Конечно мы ее возьмем, а почему бы и нет? Бедняжка хочет воспользоваться шансом и быть хоть чем-то полезной своей стране. Было бы нехорошо отказать ей в этом.

— Ну, а если действительно, — добавил практичный Ричард, — гаитяне такие непорядочные люди, как она пишет, было бы просто потрясающе, если бы с нами был человек, понимающий их язык.

— Вот именно, — согласился Рекс. — В нашем деле было бы глупо отказываться от подобного предложения.

— Итак, вы все втроем склоняетесь к принятию ее предложения, но должен добавить, что вы рассуждаете с чисто рациональной точки зрения. Лично я не хотел бы брать эту девушку. Не знаю, почему, но у меня такое ощущение, что если мы это сделаем, то она попадет в еще большую неприятность, и мы будем не в состоянии ее защитить.

— Если у тебя подобное предчувствие, то, безусловно, ее следует оставить, — со вздохом произнесла Мари-Лу. — А вот если его нет, то это просто глупо.

— В том-то и дело, что это не предчувствие, — ответил герцог. — Возможно, меня просто беспокоит тот факт, что в случае опасности она просто не сможет позвать на помощь. Нам придется постоянно смотреть за нею.

— Если она поедет, — улыбнулся Саймон, — она будет все время у меня на глазах.

— Теперь понятно, откуда ветер дует, — засмеялся герцог. — Ну ладно, значит решено. Мари-Лу пойдет к Филиппе и поговорит с нею. Ей нужно как можно лучше объяснить сложности, ожидающие беззащитную душу на астральном уровне. Если она отнесется к твоим словам с недоверием и легкомысленно, я ее не возьму, но если она проявит понимание и пожелает все-таки пойти на риск, тогда она поедет.

Мари-Лу отсутствовала чуть ли не целый час, остальные в это время курили и разговаривали. Вернувшись, она сказала следующее:

— Все улажено. Я постаралась как можно яснее объяснить Филиппе, чем мы занимаемся. В ходе разговора выяснилось, что она столько читала по фольклору и теософии, что имеет некоторое, хотя и смутное, представление о Тайном Искусстве. Она явно готова расширить свои знания, и я думаю, именно по этой причине она нам и ниспослана. Как бы то ни было, все, что я ей рассказала, вызвало у нее еще большее желание поехать с нами, и она клятвенно мне обещала, что беспрекословно будет подчиняться всем приказам, какими бы фантастическими и невероятными они не казались ей.

На следующее утро они отправились вглубь острова, в аэропорт, где Рекс вновь быстро осмотрел арендованный самолет и к половине десятого они уже были в воздухе.

Рекс не летал с тех пор, как получил ранение, и был вынужден выпрыгнуть с парашютом. Вскоре он заметил, что несмотря на поврежденную ногу и потерю быстрой реакции, необходимой летчику-истребителю, он вполне пригоден к обычным полетам.

Миновав песчаные отмели Флориды, они в течение часа летели над многочисленными островами Багамского архипелага, сверкавшими посреди тропического моря. Затем, без двадцати одиннадцать, миновав южную оконечность самого большого из этих островов — Андроса, они устремились к Гаити. Через полтора часа лета на горизонте появилось восточное побережье Кубы. Пролетев над ним, они продолжали двигаться дальше и около часа уже подлетали к Гаити между двумя мысами, по форме напоминающих клешню, огромного залива Гонаив, на

берегу которого находится Порт-о-Пренс.

Выглянув в иллюминатор, де Ришло и Мари-Лу сразу же узнали странный клешнеобразный по форме берег, который они видели в ту самую ночь, когда преследовали Черного Мага вплоть до его дома.

Ни разу еще за время своего долгого путешествия из Англии не почувствовали они присутствия Зла, окончательно убедившись, что их неприятель даже не подозревает, что они переносят военные действия на его территорию. И вот сейчас, пролетая над обширным заливом, загадочные мысы которого виднелись вдали, де Ришло вдруг почувствовал приближение опасности.

Не успел он повернуться к Рексу, рядом с которым сидел, как самолет угодил в воздушную яму, провалившись вниз как камень на несколько сот футов. Рекс даже открыл рот от изумления.

Ни один летчик не ожидает воздушных ям над спокойным пространством открытого моря, так как возникновение этих ям связано со строением земной поверхности.

Сразу после того как они провалились в воздушную яму, откуда ни возьмись появился порыв сильного ветра, которым их чуть было не перевернуло.

Удивленный Рекс с трудом выровнял самолет, а внизу как ни в чем ни бывало блестело на солнце синее спокойное море. Казалось, оно даже не колыхалось, а наверху бушевал настоящий ураган.

Де Ришло знал наверняка, а остальные просто догадались, что то явление не природного происхождения. Каким-то образом их противнику все-таки стало известно об их приближении и, используя все свои таинственные силы, он попытался погубить самолет, который бросало из стороны в сторону, поднимало носом кверху или,

наоборот, устремляло вниз, как будто невидимая гигантская рука шутя играла с ним. Пассажиров трясло и швыряло, они были все в синяках, казалось вот-вот и их души будут вытряхнуты из их тел.

Безуспешно Рекс пытался выправить самолет. Никто не смог бы сладить с этим ужасным неестественным нападением.

Самолет быстро терял высоту, наконец сорвался в штопор и устремился носом к воде.

Сверхъестественным напряжением Рексу удалось выйти из штопора, но запас высоты был уже недостаточен, и самолет на скорости коснулся воды, клюнул носом вниз и ушел под воду.

От удара одно из стекол треснуло, и вода стала просачиваться в кабину.

Бессильная ярость и жгучая ненависть — вот чувства, одолевавшие де Ришло в этот критический момент.

Врагу удалось перехитрить его, в самом начале пути, вызвав ложное чувство безопасности, и вот они тонут, как бессильные котята, попавшие в ловушку.

14 В СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ

Когда самолет резко накренился носом вниз и ударился о воду, пассажиры попадали друг на друга, влекаемые силой инерции. Рекс и герцог оказались в самом низу, затем Ричард и Мари-Лу, а сверху них, венчая эту кучу-малу, приземлились Саймон и Филиппа, до этого сидевшие в хвосте самолета.

Самолет, все еще не потерявший скорость, погружался глубже и глубже, и пассажирам в страхе казалось, что он будет тонуть, пока не достигнет самого дна океана. Переднее стекло кабины, треснувшее от удара, пропустило все больше воды, и она под давлением затекала внутрь, пенясь и пузырясь среди переплетшихся рук и ног попавших в беду пассажиров. Самолет продолжал свое ужасное погружение, а они были бессильны как-то бороться с силой, сгрудившей их в передней части салона.

Море продолжало оставаться кристально чистым, и Мари-Лу, которую бросило вперед прямо лицом к боковому иллюминатору, видела подводные сцены, мелькавшие перед ней, как будто она смотрела в стеклянный аквариум.

В мирное время она не раз, путешествуя в тропиках, каталась на лодках со специальным застекленным дном, чтобы иметь возможность наслаждаться красотами бога-

той подводной флоры и фауны многочисленных островов. Она также много часов плавала с маской, через которую обозревала удивительные коралловые сады, бесчисленное разнообразие анемонов, следила за стайками ярких рыбок, снующих среди колыхающихся морских растений.

Теперь она с совершенно иным чувством наблюдала эти красоты. Вот промчалась стайка маленьких оранжевых рыбок, преследуемых ужасной барракудой, медленно раскрывающей свои жуткие челюсти. А вот желто-синяя полосатая ангельская рыбка. Казалось, протяни руку и сможешь до нее дотронуться. Но Мари-Лу с горечью думала, что пройдет несколько минут и она вместе со своими друзьями станет добычей всех этих рыб.

Прошла, казалось, целая вечность, хотя на самом деле всего несколько минут, и самолет перестал погружаться. Саймон схватился за спинку одного из сидений и с трудом оторвался от своих товарищей. Ухватив Филиппу за руку, он притянул ее к себе. После них и Ричард с Мари-Лу проползли в хвост все еще наклоненного самолета. Освободившись от груза, Рекс и герцог смогли выпрямиться. Они были наполовину в воде, все еще поступающей из треснувшего стекла. Рекс попытался своим могучим телом прикрыть хотя бы часть пробоины, но от этого было мало толку.

Очень медленно самолет начал подниматься к поверхности, затем скорость его всплытия увеличилась, и наконец его хвост с плеском вынырнул из воды.

— Все в хвост! Немедленно в хвост! — закричал Рекс. Своим весом мы можем выправить его.

Кое-как, с трудом, они перебрались в хвост. Самолет уравновесился и закачался на волнах в горизонтальном положении. Вода, первоначально скопившая в носу, растеклась по всей кабине.

Де Ришло, спотыкаясь, — вода доходила до колен — дошел до середины салона и дернул шнур аварийного выхода, расположенного в потолке, и с большим трудом выбрался наружу. Ричард посадил Мари-Лу, а герцог сверху помог ей подняться, затем последовала очередь Филиппы, потом Ричарда, Саймона и Рекса. Шестеро друзей сгрудились на крыше. Прошло не более пяти минут с момента падения, хотя минуты эти казались часами.

— Да, чуть было не отдали концы, — выдохнул Ричард.

— Вот именно. Интересно, черт побери, что же нас так шарахнуло?

— Астральный торнадо, — сказал герцог, — или что-то подобное ему неземного происхождения. Иного быть не может, потому что море все время было спокойным. Видимо, нашему врагу как-то стало известно о том, что мы приближаемся к Гаити, и он решил, используя все свои возможности, погубить нас. Но предпринятые усилия, похоже, вымотали его, так что на время, думаю, нас оставят в покое.

Рекс пожал плечами.

— Хоть какое-то утешение, а вот, где мы находимся, черт его знает. Как же нам добраться до берега?

Когда астральный торнадо первый раз обрушился на них, они были в самом центре клешнеобразного Гаитянского залива, огромные клешни которого находились теперь в восьмидесяти милях от них. Оказаться в таком месте все-равно что потерпеть крушение в Северном море где-нибудь на полпути между Маргейтом и Лоустофтом. Они, однако, проникли довольно далеко в глубину этой клешни и Рексу удалось пройти над северной частью

залива Гонаив, который подступает к Порт-о-Пренсу, так что они догадывались, что находятся где-то на двадцатимильном отрезке пути между Сен-Марком, расположенном на самом острове, и северной оконечностью клешни.

Сперва они не видели никакой земли, но Рекс, самый высокий из них, огляделся по сторонам и заявил, что как только самолет поднимается на волне, в южной части горизонта видна какая-то дымка, видимо, отмечающая собой остров Гонав, до которого, похоже, не меньше семи-восьми миль.

Между Порт-о-Пренсом и внешним миром суда ходили редко, и друзья прекрасно понимали, что единственная их надежда на местных рыбаков, но море было пустынно.

Герцог достал из-под крыши самолета надувную резиновую лодку.

— По крайней мере море спокойно, — сказал он с воодушевлением, которого вовсе не испытывал, — а лодка выдержит двоих. Часа за три можно добраться до берега и вызвать подмогу.

Невольно всех стали одолевать тревожные мысли: кого послать? Сколько времени самолет сможет удержаться на плаву? А вдруг он затонет, прежде чем лодка доберется до берега и придет помощь?

Наконец де Ришло произнес:

— Бессмысленно посылать двоих девушек. У них не хватит сил, чтобы грести все время, а больше двоих лодка не выдержит.

— Филиппа должна ехать, — сразу же сказала Мари-Лу. Она самая молодая из нас и, кроме того, находится здесь по нашей вине.

Немая девушка не могла спорить, но она стала энергично качать головой и указывать на Мари-Лу и Ричарда.

— Да, — заявил герцог, — Мари-Лу права. Мы втянули тебя в это, так что ты просто обязана отправиться. Кроме того, ты понимаешь язык аборигенов и, с кем бы ты поехала, ты всегда сможешь помочь раздобыть помощь как можно быстрее. А вот, кто поедет с тобой, это вопрос. Лучше, если б это был Рекс, — он самый сильный из нас.

— Ни за что в жизни, — воскликнул Рекс. — Чтобы добраться до берега, лодка мне не нужна. В хорошую погоду я могу преодолеть такое расстояние, даже если одну руку привязать к туловищу.

Все прекрасно знали, какой это пловец, какой гигантской силой он обладает, и понимали, что в отличие от всех других Рекс вряд ли потонет в этом чудесном тропическом море.

— Лучше будет, если поедет Сероглазка, — сказала МариЛу. — Мы не должны забывать, ради чего мы здесь находимся. Крайне важно его спасти.

— Теоретически ты права, принцесса, — с улыбкой ответил герцог. — Но как руководитель группы я считаю себя как бы капитаном корабля, и ничто не заставит меня покинуть его раньше вас.

— Тогда проблему решить несложно. Ричард сильнее меня, а скорость — самое главное, так что он должен ехать.

Но Ричард покачал головой.

— Неужели ты думаешь, я покину Мари-Лу? Не глупи, Саймон. Это твое дело. Ты достаточно силен и сможешь грести всю дорогу.

— Не-е... — начал было протестовать Саймон, но де Ришло резко прервал его.

— Я совершенно согласен с Ричардом. И давай не будем тратить время впустую. Скоро здесь и так будет весело, если учитывать, что мы находимся под тропическим солнцем. Каждая минута на учете, если ты хочешь помочь нам, прежде чем самолет опустится на дно. Так что давай в дорогу. Все, в путь!

Пока все спорили, Рекс надувал лодку. Осознав необходимость спешить, Саймон больше не стал спорить и помог Филиппе забраться в хрупкое суденышко, а затем залез туда вслед за нею. Сильно оттолкнувшись от фюзеляжа самолета, они пустились в сторону земли, которой еще не видели.

До них еще долго доносились прощальные крики и пожелания удачи. Саймон оглядывался назад чуть ли не каждые десять ярдов.

На его глаза навertyвались слезы и у него щемило сердце от расставания с друзьями. Он с ужасом думал, что, может быть, никогда не увидит дорогих ему людей.

Сколько раз они выпутывались из самых сложных ситуаций, но сейчас обстоятельства были иными — они ничем не могли помочь себе. Совершенно бесполезными были и могучая сила Рекса, и здравый смысл Ричарда, и женская мудрость Мари-Лу, и даже утонченный разум герцога. Единственная их надежда заключалась в том, чтобы как можно дольше продержаться на плаву и дожидаться помощи.

Они также понимали весь ужас своего положения и гадали, увидят ли они когда-нибудь Саймона, его добродушное лицо и застенчивую улыбку. Печально смотрели они ему вслед, пока наконец лодка не скрылась из виду.

Де Ришло встряхнулся и взглянул на часы. Самолет потерпел крушение ровно в час. Сейчас была четверть второго. Прошло всего пятнадцать минут, но тропическое солнце уже дало себя почувствовать. Как раскаленный шар, оно висело в безоблачном синем небе прямо над их головами. Все они оказались на крыше потерпевшего крушение самолета, где не было ни пятнышка тени, чтобы спрятаться от палящих лучей. Их намокшая одежда просохла моментально и заскорузла от морской соли. Шляпы они потеряли во время суматохи в кабине и теперь инстинктивно повязали головы носовыми платками, но де Ришло опасался, что это мало поможет и они могут получить солнечный удар. Для того чтобы себя обезопасить, нужно было вытащить что-нибудь из кабины. Герцога уже давно беспокоило, что случилось с их багажом.

Когда они выбрались из самолета после падения, первое, что они сделали, — это задраили люк, чтобы сохранить там давление воздуха, препятствующее дальнейшему поступлению воды, а багаж остался в специальном отделении хвостового помещения.

Следовало проверить, есть ли возможность достать его. Герцог вместе с Рексом открыли люк, откуда сразу же со свистом вырвался воздух, и спустились вниз. Вода уже поднялась до уровня груди, и давление ее было настолько велико, что, несмотря на ярость, обуревавшую де Ришло, они не смогли открыть багажное отделение.

Положение было отчаянным. Самолет мог погрузиться на дно в любую минуту. Тем не менее, они методично обыскали всю кабину, поднимая наверх все подряд, что могли найти. Они нащупали сумку Ричарда, в которой находились его паспорт, пистолет, деньги, фляжка бренди, шоколадки и пачка сигарет. Они также выудили

несколько промокших ковриков, макинтош Рекса и всеобщую гордость — несессер Мари-Лу. Вода в кабине стала заметно подниматься, поэтому они прекратили дальнейшие поиски, выбрались наверх и закрыли люк. Сигареты и многие предметы в несессере промокли насквозь, но, чувствуя, что многие из них могут пригодиться, их для просушки разложили на раскаленной крыше. Тем временем Мари-Лу достала из несессера баночки с кремом, которые стали настоящим божественным подарком. Все открытые части их тел уже покраснели от загара, и друзья прекрасно понимали, что их ожидает впоследствии. Не откладывая ни на минуту, они стали жирно намазывать крем на обожженную кожу.

Радио осталось внутри, толку от него не было никакого, но вдоль кабины на некоторой высоте была натянута проволока антенны от фюзеляжа до хвостового оперения, и они развесили коврики в виде шалаша, чтобы получить хоть немного тени.

Почти сразу же от ковриков пошел пар. Влага испарялась. Друзья разместились так, чтобы де Ришло и Рекс могли смотреть в разные стороны — вдруг появится возможность на спасение.

Было уже около двух часов. В последующие четверть часа они молча сидели скрючившись под этим жалким прикрытием от солнца. Вскоре стало невыносимо душно. Где-то в половине третьего Рекс вдруг закричал, вскочил и замахал руками. Вдали он заметил большую моторную лодку, которая двигалась в их сторону. Другие тоже повскакали и стали кричать и махать руками. Все были уверены, что их заметили и они уже почти спасены.

Тем горше было их разочарование, когда люди в лодке не ответили на их сигналы, и, приблизившись к ним на расстояние примерно в четверть мили, вдруг резко раз-

вернулись и направились в другую сторону.

Злые, разочарованные, они опять спрятались под тент, но появление надежды привело к тому, что каждые несколько минут кто-нибудь из них вскакивал и всматривался в ту сторону, куда ушла лодка. Они все больше и больше обгорали на солнце, не обращая на это внимания, поскольку вопрос стоял об их жизни. Они все сознавали, но не упоминали об этом в разговоре друг с другом, что самолет тонет и вода с каждой минутой все ближе и ближе приближается к ним.

Наконец де Ришло сказал:

— Нам надо как-то облегчить самолет, иначе до возвращения Саймона не продержимся. Сделать легче за счет нашего веса.

— Это что, отправиться купаться, да? — Ричард от души рассмеялся. — Впрочем, идея не так уж и плоха. По крайней мере, немного охладимся.

Мужчины, повернувшись спиной к Мари-Лу, разделась и прыгнули в воду, прохлада которой по сравнению с раскаленной крышей самолета принесла блаженное облегчение. Она ласкала их задубевшую кожу и возвращала им силы. Цепляясь за фюзеляж самолета, они получили возможность воспользоваться хоть небольшим кусочком тени.

После двадцатиминутного нахождения в воде Ричард предложил, чтобы кто-нибудь взобрался на самолет и посмотрел, не видно ли какой-нибудь лодки. Рекс посадил его. Поднявшись наверх, Ричард, прикрыв глаза ладонью, осмотрелся и закричал, что видит лодку примерно в миле от них.

Он махал руками и кричал, пока не оглох, но его явно никто не замечал. Он решил, что рыбаки слишком заняты рыбной ловлей и не обращают ни на что внимания.

— Дорогой, спускайся в воду, а то от тебя одни головешки останутся, — позвала Мари-Лу.

Ричард нырнул, а на его место стал подниматься Рекс, но вдруг до крови оцарапался о какую-то зазубрину на фюзеляже самолета. Он не обратил на это совершенно никакого внимания и безуспешно в течение десяти минут пытался привлечь внимание людей, находившихся в лодке. Затем ему на смену пришел де Ришло.

В свою очередь герцог тоже покричал, и вновь без результата. Прекрасно понимая, что легче им заметить лодку, нежели рыбакам заметить их, потому что самолет был почти полностью погружен в воду.

Стоя наверху, он прекрасно понимал, что даже если их спасут, веселиться им не придется, учитывая, сколько времени они пробыли под ярким солнцем. Пребывание на солнце коварная вещь. Начинать загорать следует понемногу, чтобы не получить солнечные ожоги, а все они не загорали уже с самого начала войны. Тела их были совершенно белыми, даже без признаков пигментации, оставшейся от прежних загаров, и за последний час они просто обгорели, во многих местах кожу болезненно саднило.

В этот момент мысли герцога были прерваны. Рекс отплыл на некоторое расстояние от самолета. Вдруг футах в двадцати от него на поверхности воды показался зловещий треугольный плавник.

— Акула! — закричал герцог. — Берегись, акула!

Рекс, похоже, его не услышал, но в следующий момент угрожающий плавник мелькнул перед ним, и он осознал опасность и кролем поплыл к самолету, вспенивая воду мощными гребками.

Ричард вскарабкался наверх и втащил Мари-Лу за собой. Когда Рекс уже почти подплывал к самолету, де

Ришло заметил, что плавник, бывший всего в нескольких ярдах от ног Рекса, неожиданно исчез, и герцог понял, что акула нырнула, чтобы, развернувшись, атаковать Рекса снизу. В отчаянии герцог стал искать что-нибудь, могущее послужить орудием и задержать проклятую тварь, пока Рекс вылезает из воды, но вокруг ничего подходящего не было, кроме той мелочи, которую они подняли над кабиной.

Рекс был уже в футе от самолета. Еще несколько усилий и он наверху. Подтянуть ноги — и спасен.

В то самое мгновение, когда Рекс схватился за хвост самолета, де Ришло увидел акулу прямо под ним. Эта хищница длиной почти в двадцать футов перевернулась на спину, показав свое белое брюхо, и раскрыла свою огромную пасть с семью рядами острых, как пила, зубов. Левая нога Рекса, казалось, была уже в самой пасти.

Ричард стоял за спиной де Ришло. Дрожащими от волнения пальцами он открыл свою сумку. В следующую секунду он выстрелил из пистолета, послав три пули прямо в брюхо акуле.

Хищница забила по воде хвостом с такой силой, что самолет закачался, де Ришло потерял равновесие и упал на колени. В смертельной агонии акула лязгала зубами, скользнув ими почти по пятке Рекса, но он успел отдернуть ногу и, взобравшись на самолет, растянулся, пытаясь отдышаться. Секунд тридцать все приходили в себя, как вдруг Ричард закричал:

— Смотрите!

Показались новые остроконечные плавники, быстро двигавшиеся в сторону самолета. В следующую минуту новые хищницы устроили между собой отчаянное сражение за тело своей умирающей подруги.

Вода помутнела от акульей крови. Дрожь прошла по телу Мари-Лу. Она отвернулась, поэтому и не видела окончания этого каннибальского пира — появилась еще дюжина акул, которые устроили новую драку за куски акульего мяса. Бурлящая вода стала ярко-красной.

— Их привлекает кровь, — с отвращением в голосе произнес герцог. — Видимо, какой-то инстинкт. Чувствуют ее чуть ли не за милю.

Рекс посмотрел на небольшую ранку на руке, которая еще кровоточила.

— Это все из-за нее, — сказал он. — Мне следовало бы догадаться. Я порезался, когда вылезал из воды несколько минут тому назад, и, видимо, эту кровь почуяла первая хищница. — Он засмеялся и с горечью добавил: — Сейчас бы мне медаль за плавание не дали бы. Эти дьяволы загонят любого.

Никто не отозвался. Все смотрели на воду. Она стала светлее. От первой акулы не осталось и следа, однако, окончив банкет, хищницы не удалялись. Штук пятнадцать кружили вокруг, ожидая новой добычи.

Четверо друзей в своих морских путешествиях покрывали тысячи миль и видели, как акулы неделями сопровождают суда в ожидании отбросов. День это или ночь, для прожорливых тварей это не имело значения. Они не жалели времени, как только до них доносился запах их жертвы. Они будут выжидать до тех пор, пока не доберутся до них, лежащих полуобнаженными на потерпевшем крушение самолете.

Было уже почти три часа. Саймон наверняка еще не добрался до берега. Самолет почти сровнялся с уровнем воды, в любое мгновение угрожая опуститься на дно и сделать их добычей прожорливых гостей.

15 ЗАГАДОЧНЫЕ БОЖЕСТВА

В течение длительного времени наблюдали друзья за своими терпеливыми врагами, в ожидании добычи медленно кружившие вокруг самолета. Рекс, также как и все изнывавший от солнечной жары и опасавшийся ожогов, недовольно проворчал:

— Лучше, пожалуй, одеться, а то совершенно изжаримся.

Всех мучила жажда. Из напитков была только фляжка бренди, но герцог сказал, что пить спиртное в жару, это значит вызвать еще большую жажду.

С большим трудом натянули они на себя высохшую, заскорузлую от морской соли, одежду. Затем они разместились в различных местах фюзеляжа, уповая, чтобы он пробыл на плаву как можно дольше. Рекс переполз на хвост, который несколько возвышался над уровнем моря. Де Ришло остался на месте посередине самолета, в то время как Ричард и Мари-Лу уселись по обе стороны от кабины, там, где начинаются крылья.

Во время своего перемещения они не спускали глаз с акул, прекрасно понимая, что любое неосторожное движение может оказаться фатальным — стоит упасть в воду, и они будут разорваны на куски. Им было не красот тропического моря. Волны, тихонько лижущие фюзеляж самолета с чмокающими звуками, казались

злыми и опасными, затаившимися перед нападением. Они думали только о своих обгоревших спинах, жажде и о том, что смерть близка и ожидает их в этих голубых водах.

В течение часа они были увлечены наблюдением за акулами, что не смотрели по сторонам. Затем герцог усилием воли покинул свое тело, чтобы отыскать, где находится Саймон. С облегчением он заметил, что надувная лодка уже пристала к покрытому галькой берегу и Саймон с Филиппой бегут по пляжу почти в полумиле от нее. Однако вокруг них даже не было признаков человеческого существования. Наверняка пройдет не один час, прежде чем они лодку и смогут организовать спасательную группу. Какая-то неожиданная суматоха на самолете побудила герцога вернуться в свое тело.

Оказалось, потерпевшие крушение не заметили, как появилось туземное рыбацкое суденышко и устремилось в их сторону. Услышав слабый приглушенный крик, друзья от неожиданности вздрогнули, а потом почувствовали настоящее облегчение. Обернувшись и увидев лодку ярдах в двухстах от них, они закричали, и их радость, побудившая герцога вернуться в свое тело, была так велика, что они едва сохраняли равновесие.

Лодка была небольшой. В ней находилось три негра, один из которых стоял на самом носу и махал рукой.

Едва ли наши герои осознавали, насколько быстро пришло их спасение — всего лишь на одиннадцатом часу с момента падения самолета.

Затем они заметили, что за рыбацкой лодкой движется моторное судно. Оно также повернулось и пошло в их направлении... Очевидно, бывшие в ней только сейчас обратили внимание на их крики.

Прошли пять долгих минут. Друзья гадали, продержится ли на плаву самолет еще некоторое время, пока их не снимут. Герцог постарался поднять настроение своих товарищей, сообщив им, что Саймон с Филиппой благополучно добрались до берега.

Когда моторная лодка подошла поближе, они все увидели, что это мощный баркас. Промчавшись мимо рыбацкой лодки, он закружил вокруг самолета, отгоняя акул, а потом, сбавив обороты двигателя, чтобы не потопить самолет, баркас осторожно пристал к фюзеляжу.

В баркасе был очень высокий, в очках, мулат с типично негроидными чертами лица, но со светлой кожей, и команда из четырех негров. На голове у мулата была панама и одет он был в белоснежный парусиновый костюм, как бы подчеркивающий, что он — человек с определенным положением в обществе.

Когда им помогли забраться на борт этого судна, самолет еще больше всплыл и, казалось, избавившись от их веса, сможет продержаться не меньше получаса, хотя на самом деле он мог опуститься на дно в любую минуту их пребывания на нем.

Поблагодарив своего спасителя, они опустились в благословенной тени, отбрасываемой рубкой баркаса, и заговорили на английском. Мулат отвечал им на ломаном языке.

— Меня очень счастлива помочь вам спастись, — любезно сказал он. — Вы очень плохо била. Акула некорошо. Бистро ядят. Меня доктор. Сатэрдей. Очень рад вама познакомиться.

— Огромное вам спасибо, — хрипло произнес де Ришло и тут же спросил по-французски: — Вы говорите по-французски, месье доктор?

— О да, конечно, — с улыбкой ответил высокий мулат, обнажив два ряда огромных, похожих на надгробные плиты, белых зубов, и с этого момента разговор пошел на французском.

Понимая, что они вскоре окажутся на Гаити, герцог представил себя и своих друзей под вымышленными именами. Затем они рассказали доктору, как в течение почти двух часов видели его баркас и подавали ему сигналы. Услышав это, он был явно опечален и казался по-настоящему искренним в своих извинениях, заявив, что он со своей командой чересчур увлекся рыбной ловлей. Впервые они заметили их самолет, только когда слышали крики негров в рыбацкой лодке.

И вот тут-то дело дошло до рыбаков. Доктор Сатэрдей бросил в лодку ухмыляющимся неграм целую горсть мелочи, а Риард, искренне полагая, что именно им он с друзьями обязан своим спасением, передал рыбакам банкноту в двадцать долларов.

Когда баркас по приказу доктора отошел от рыбацкой лодки, оттуда еще долго доносились благодарственные крики на креольском диалекте ухмыляющихся негров, получивших от белых подарок, превышавший их двухмесячный заработок.

Чувство облегчения, испытанное при спасении четырьмя потерпевшими крушение, не сравнить с их огромной радостью, когда они смогли избавиться от лучей палящего солнца, устроившись на удобных диванах в каюте и имея возможность осмотреть свое обожженное тело.

Доктор Сатэрдей, мрачно взирая на них, произнес на прекрасном французском:

— Да, вам ужасно досталось от нашего палящего гаитянского солнца. Боюсь, эти ожоги еще несколько дней

будут вас беспокоить, но я постараюсь вам помочь.

Произнеся эти слова, он подошел к шкафчику, вытащил оттуда вату и большую бутылку молочно-белой жидкости. Протерев кожу этой жидкой мазью, спасенные сразу же почувствовали уменьшение боли.

— Ну и потом, — добавил гостеприимный доктор, — полагаю, вам следует выпить.

Встреченный одобрительными возгласами, он открыл небольшой холодильник и достал оттуда ром, виски, лимонад, лимонный сок, несколько бутылок содовой воды и стаканов. Охлажденные напитки были просто восхитительны на вкус, и наконец-то после тяжелого испытания друзья могли немного расслабиться.

— Ну и куда вы направлялись на своем самолете? поинтересовался доктор. — В Пуэрто-Рико или Гватемалу?

— Ни туда и ни туда, — ответил Рекс. — Мы попали в центр какого-то атмосферного катаклизма, когда были всего в двадцати минутах лета от места нашего назначения Порт-о-Пренса.

— Вот как! — Доктор Сатэрдей изумленно поднял свои белые брови, которые резко выделялись на его желтом лице. — Вы меня поражаете. Европейцы редко посещают Гаити. Вам вообще что-нибудь известно об острове?

— Нет, — быстро ответил де Ришл, постаравшийся опередить других и выразить свою версию о причинах, приведших их на остров. — Я ученый и занимаюсь исследованием обычаев аборигенов. Мне давно хотелось хотя бы ненадолго посетить Гаити и посмотреть, какое же государство удалось создать гаитянам под руководством своего собственного правительства.

Мулат печально покачал головой.

— Боюсь, вы в нас разочаруетесь. Не думаю, что негры по природе ленивы, но работают они хорошо только в более прохладном климате, например, в Соединенных Штатах и Южной Африке. К несчастью, они живут главным образом в странах, где жара не располагает к тяжелой работе и где жить сравнительно легко, благодаря быстро созревающим урожаям и обилию фруктов на деревьях. Люди здесь неизлечимо ленивы, возможно это результат окружающей обстановки. В любом случае, вместо того чтобы продвинуться вперед в культуре и процветании, они наоборот за последние примерно полтора столетия после восстания рабов и обретения ими свободы отстали. Порт-о-Пренс как столица, ничтожен и показывать его гостям неудобно.

— А сами вы здесь живете, доктор? — поинтересовалась Мари-Лу.

— Да, мадам. И это, по крайней мере, позволит мне доставить вас к месту вашего назначения. Я приказал своему рулевому направляться туда на полной скорости, но все-равно пройдет несколько часов, пока мы туда прибудем. Ведь ваш самолет потерпел крушение почти в шестидесяти милях от Порт-о-Пренса.

— Далеко же вы забрались в поисках рыбы, — заметил герцог.

Доктор Сатэрдей пожал своими угловатыми плечами.

— Просто здесь рыбная ловля значительно лучше. Обильные дары моря — это другое обстоятельство, которое Господь даровал нашим островитянам. Большинство береговых жителей питаются в основном рыбой, так что неудивительно, что прибрежная фауна в значительной степени обеднела.

— Ну а какой приличный отель вы бы порекомендовали в Порт-о-Пренсе? — спросил Ричард.

— А там всего только один. — Доктор Сатэрдей блеснул своими зубами в дружеской ухмылке. — Я бы не стал его рекомендовать людям, подобным вам. Правда, бар там неплохой и является важным общественным центром. Многие наши ведущие политики проводят там большую часть своего времени. Зато еда в ресторане неважнецкая, а окна находятся на очень низком уровне, так что если вы будете недостаточно осторожны, любой голодный, проходящий мимо открытых окон, может, протянув руку, стащить все что угодно с вашей тарелки. Такое там частенько случается.

— О Боже! — воскликнул герцог. — В таком случае нам, видимо, придется снять дом.

— Надеюсь, — сказал доктор, — вы окажете мне честь и будете моими гостями. Образованные люди — большая редкость на Гаити, и вы доставите мне величайшее удовольствие, если остановитесь в моем доме. Особняк у меня большой, и я уверен, что даже вам он покажется весьма уютным.

— Это очень любезно с вашей стороны, — ответил с поклоном герцог. — Я уверен, что мы будем очень рады остановиться у вас на день-два, пока найдем для себя пристанище, но не больше, потому что не хотели бы быть вам обузой.

— Надеюсь, что, пробыв у меня несколько дней, вы передумаете, — с улыбкой ответил высокий мулат, — и позволите организовать для вас несколько ознакомительных поездок по острову. Хотя наши города нищие, пейзажи вокруг просто великолепны.

— Интересно, а будет ли у нас какая-нибудь возможность присутствовать при совершении обрядов Ву-ду? — поинтересовался герцог, решив направить разговор в нужное ему русло, чтобы попытаться узнать имена ос-

новых шаманов Ву-ду на острове, один из которых, вне сомнения, и является тем самым врагом, ради уничтожения которого они покрыли столько тысяч миль.

Доктор в удивлении поднял белые брови.

— Так, значит, вы интересуетесь Ву-ду, да? Впрочем, это естественно, если учитывать, что вы изучаете обряды аборигенов. Большинство образованных гаитян совершенно серьезно заявят вам, что последователей культа Ву-ду больше на острове нет, но это не так. Вообще надо сказать, гаитяне большие выдумщики. Вряд ли такие еще в мире найдутся. Они, например, будут уверять вас в том, что бедны только потому, что американцы полностью ограбили их, и, если вы скажете: «Но разве вы не были банкротами и не задолжали огромных сумм Германии и Франции еще до прихода американцев?», вам ответят: «Это неправда. Французы и немцы говорят, что мы должны им, а на самом деле мы ничего не должны. Они нам подсунули какой-то документ, который мы подписали, даже не понимая его содержания». Короче, они расскажут вам все, что им придет в голову, чтобы вы думали, как им тяжело живется и какие они высокопринципальные люди. Зачастую они сами в это верят, однако веры в Ву-ду они искренне стыдятся, потому что знают отношение европейцев к этому культу. Гаитяне будут упорно отрицать, что до сих пор еще имеют место жертвоприношения цыплят и коз старым африканским богам. Но, поскольку я сам в некоторой степени ученый, я считаю глупым отрицать то, что на самом деле существует. А истина заключается в том, что культ Ву-ду до сих пор существует на Гаити.

— Расскажите нам об этом, доктор, — попросила Мари-Лу.

Баркас на полной скорости по освещенному солнцем морю. Доктор налил всем очередную порцию напитков и предложил закурить. Закурил и сам длинную черную сигару.

— Культ Ву-ду принесли африканские негры народа Макололо из Конго, завезенные сюда в качестве рабов лет четыреста назад. Это своеобразное поклонение змию. В Ву-ду существует два пантеона духов или лоа, как они там называются; двух различных семейств богов — Рада и Петро.

Упоминанием о двух пантеонах я хочу подчеркнуть, что вудуских божеств бесчисленное множество. Кроме общих главных богов, в каждой деревне на Гаити есть чуть ли не дюжина своих местных божков, обитающих в реках, водопадах, скалах, гигантских деревьях. А из больших богов, признаваемых почитателями Ву-ду, семейство Рада, родом из Дагомеи, — духи Добра, а семейство Петро — духи Зла. Верховным среди богов Рада является Дамбала, или «Старший среди Богов». Чуть ли не повсюду можно увидеть алтари, посвященные ему. Они обычно украшены зеленым змием — это его символ. Его главными учениками являются Папа Легба, то есть Бог Калитки, проказник, вносящий раздор, которого всегда нужно умиловить, прежде чем иметь возможность взывать к Дамбале; и Папа Локо, покровитель мудрости и медицины. Главный же из богов Петра страшный барон Симетерре.

— Бог Кладбища? — поразился де Ришло.

Доктор кивнул и продолжал:

— Многие обряды, совершаемые в его честь имеют отношение к мертвым и его служители зачастую для совершения своих ужасных ритуалов вторгаются в свежие могилы на кладбищах. Однако ничего ужасного в

поклонении богам Рада нет. Они представляют собой всем известную старейшую из истин источник жизни лежит в сексе.

Для европейцев некоторые из таких обрядов, например танец шти покрывал, аналогичный брачному полету пчелы-матки, во время которого Мамбо — главная служительница — обнажает свои половые органы для всеобщего обозрения, кажется жестоким, хотя, если смотреть честно и без лицемерия, эти ритуалы только выражают радость здоровой страсти.

— В конце концов, — признал герцог, — это Творец Жизни предоставил всем народам без исключения — от арктических снегов до тропических лесов, всем людям, как бы бедны, невежественны и ничтожны они не были, поэтому нет ничего удивительного в том, что люди, чье достояние можно буквально связать в один узелок, рассматривают этот объект поклонения как единственное удовольствие, предоставленное всем без исключения.

— Вот именно. — Их новый друг поклонился де Ришло, явно признательный за его слова. — Боги Рада, такие как божества Здоровья, Плодородия и Сексуальной Активности, требуют себе в качестве жертвоприношений то, что каждый может себе позволить — цветы, яйца, фрукты, нежные напитки, растительное масло. Самому же Дамбале подношения приносятся на белой тарелке, а в качестве жертвы — пара белых цыплят — курочка и петушок.

Что же касается богов Петра, то они умилоствуются главным образом через страх или через обещание поклоняющегося нанести вред ближнему своему. Унган, или служитель, человек, которого боится вся деревня. Он держит всех в своих руках. Допустим, произошла ссора, и одна из сторон отправляется к нему, чтобы он совер-

шил обряд и навлек смерть на врага. Когда по непонятной причине вторая сторона заболевает, его родственники сразу же понимают, что произошло, и идут к унгану, предлагают ему определенное вознаграждение и просят совершить обряд, чтобы снять проклятие. Первой стороне становится об этом известно, и она предлагает еще больше, лишь бы проклятье сохраняло свою силу. Унган берет подачки со всех сторон, и так продолжается до тех пор, пока одна сторона не одолеет другую, и получивший проклятье либо выздоровеет либо умрет.

— А такие служители действительно обладают властью наслать смерть на человека? — поинтересовался Ричард.

— О да. В этом не может быть сомнения. Кроме того, они прекрасно разбираются в ядовитых травах, и это зачастую помогает им выполнить задуманное, если человек, на которого наложено проклятье, обращается за помощью к унгану-сопернику.

— Но ведь эти люди номинально считаются католиками, сказал де Ришло. — Как католические священники относятся ко всему этому?

Доктор Сатэрдей развел в стороны свои длинные руки.

— На Гаити непосвященным трудно объяснить, где кончается римский католицизм и начинается Ву-ду.

— Это довольно сильное высказывание против римскокатолической церкви, — заметил Рекс.

— Нет, нет, — запротестовал доктор, — я совершенно не это имел в виду. Святые отцы, конечно, терпеть не могут эти обряды и боролись с ними не одно столетие. Когда вы побываете в наших городах и деревнях, у вас сложится впечатление, что все население, даже в самых глухих уголках, — истинные католики, хотя на самом

деле это не так.

Мари-Лу нахмурилась.

— Знаете, я ничего не понимаю.

— Дело вот в чем. Гаитяне еще очень примитивны. Лишь немногие из них умеют читать и писать. Письменной литературы так и не сложилось. Из поколения в поколение передаются отдельные сказания и шутки, которые они рассказывают, сидя около огня. Художников среди них тоже нет. Поэтому у них никогда не было даже картин с изображением божеств Ву-ду, которые можно было бы взять как образец. Вот почему они уже давным-давно рассматривают изображения католических святых как образы божеств Ву-ду. Например, Дамбала — это Святой Патрик только потому, что он всегда изображается со змеей. Папа Легба — Иоанн Креститель. Папа Локо — Святой Иосиф, ну и так далее. А результат таков — по всему острову множество алтарей в честь различных католических святых, хотя в действительности они предназначены для другой цели.

— Скажите, в культе Ву-ду имеются только одни боги, или богини тоже есть? — поинтересовалась Мари-Лу.

— Боюсь, мадам, женщины до сих пор занимают слишком низкое положение среди негроидных рас, — с сочувствием ответил доктор. — Это движимое имущество мужчин, которые считают, что цель женщины в жизни — в молодости быть добровольной любовницей, а в старости — выучным животным. Для гаитян неестественно преклонение перед женскими божествами. Хотя у всех богов есть свои женщины — естественный атрибут процветания и власти, являющиеся не более чем служанками. Одно-единственное исключение, однако, есть. Это действительно богиня. Зовут ее Эрзули. Вероятно, ни

одно из женских божеств, почитаемых в настоящее время в мире, не имеет такого влияния на судьбу мужчин.

— Ужасно интересно, — пробормотала Мари-Лу, а доктор продолжал:

— Под нею часто подразумевают Деву Марию, хотя она не имеет ничего общего с матерью Иисуса Христа. Чтобы вам лучше было понятно, вообразите себе живую Венеру, обладающую способностью превращаться в обыкновенную смертную женщин, которая каждый четверг и субботу ночью возлегает на ложе с тысячью своих поклонников. Ее возлюбленные всегда изображают ее удивительно красивой молодой мулаткой, скрупулезно чистой, благоухающей до умопомрачения, с гибким зрелым телом, дышащим ненасытным желанием, к которому добавляется умение и знание искусства любви всех женщин, существовавших когда-то.

Доктор сделал паузу, предложив своим гостям посмотреть в иллюминатор на стаю летучих рыб, показавшихся над волнами в двадцати футах от баркаса. Затем он продолжал:

— Культ Эрзули, полагаю, самое удивительное в Вуду, потому что здесь вопрос не в случайном обряде или поклонении по желанию. Каждый год тысячи молодых гаитян получают от нее известие, на который они обязаны дать ответ — положительный или отрицательный. Первоначально они не понимают, что с ними происходит, — они заболевают и у них появляются тревожные сны. Каждому юноше снятся богатые женские одеяния, приятные запахи, но ничего конкретного они разглядеть не в состоянии. Затем либо сама богиня воочию появляется перед своим избранником либо он обращается к служителю культа, описывая свои сновидения, и тот говорит ему, что Эрзули оказала ему честь и избрала

своим возлюбленным.

Иногда молодого человека это ужасно расстраивает. Оказывается он уже влюблен в земную женщину, зачастую даже женат и счастлив, но это его не спасает, раз Эрзули положила на него глаз. Всевозможные несчастья обрушиваются на него, если он вздумает сопротивляться. В большинстве случаев он сдается добровольно. Для приема богини в своем доме он освобождает комнату с белоснежной чистой кроватью и с приношениями из сластей, вина и цветов. Всем женщинам под угрозой самых жестоких наказаний запрещено входить в эту комнату. Затем он проходит специальную церемонию посвящения богине и становится ее слугой до конца жизни.

— Ужасно несправедливо по отношению к жене, если такой юноша уже женат, — заметила Мари-Лу.

— Это так, мадам, — согласился доктор, — поскольку Эрзули ненавидит всех женщин и способна навлечь самые ужасные несчастья, даже смерть, на любого, кто попытается увести хотя бы одного из ее возлюбленных. Она ужасно ревнива, и ни одна женщина на Гаити, как бы она не возмущалась потерей своего возлюбленного или даже мужа, не осмелится перечить богине.

Еще долгое время они говорили о странных обычаях и вере в сверхъестественное среди гаитян, затем о многом другом. Солнце постепенно клонилось к западу, а баркас все мчался к Порт-о-Пренсу. Доктор Сатэрдей оказался ценным источником информации об острове — о его природе, флоре и фауне. Он часто улыбался, сверкая своими большими белыми зубами, и явно старался быть полезным. Ричардом не понравилось раболепие, с которым члены экипажа выполняли каждый приказ доктора,

но он пришел к выводу, что, возможно, даже лучший из мулатов рассматривает своих негритянских слуг как рабов. Мари-Лу хотелось, конечно, чтобы их новый друг поменьше бы плевал за дверь каюты, но все они пришли к выводу, что им ужасно повезло, так как им попался человек удивительных способностей. Они решили, что если он является типичным представителем высшего класса Гаити, то значит, о самом народе слишком много злословят.

Уже спускалась тьма, когда наконец-то вошел в порт и стал пробираться через целый ряд унылых суденышек. Дневная жара была уже позади, но вечерняя прохлада н слишком смягчала боль от обожженной кожи у герцога и его друзей. Средство, предложенное доктором, помогало хорошо, но все равно они еще чувствовали себя, как будто их поджаривают на медленном огне.

Поскольку все они уже не раз получали солнечные ожоги, они представляли, какая боль ожидает их ночью, но, тем не менее, решили относиться к этому по-философски и благодарить судьбу за то, что остались живы.

На пристани доктор подозвал полуразвалившийся «форд» и велел шоферу следовать за своей машиной, которая его ожидала. Разместившись в автомобилях, они проехали мимо нескольких кирпичных зданий претенциозного вида, расположенных в центре города, выехали в болотистые пригороды, окружавшие его, где виднелись жалкие развалюхи и нищенские хибары, затем несколько миль они поднимались в горы, пока не добрались наконец до длинного приземистого дома с широкой верандой впереди. Извинившись за то, что должен отдать приказание своим слугам, доктор Сатэрдей вошел в дом, после чего пригласил своих гостей, а его черные слуги побежали

забирать рыбу, наловленную за день.

В центре здания был огромный величественного вида зал, открытый со всех сторон. В нем был постоянный очень приятный легкий ветерок. Зал был обставлен в декоративном французском стиле 1890-х годов. Книги, граммофон, радиоаппаратура, безукоризненная чистота — все это свидетельствовало о том, что доктор жил жизнью образованного европейца.

Остановившись только на мгновение, чтобы снять свою панаму и обнажить прекрасную курчавую седую голову, он провел их вдоль веранды к спальным комнатам. Все они были довольно скромно обставлены. На окнах — жалюзи и специальные противомоскитные сетки. Позднее он также показал им, где позади дома располагается душ. Вынув из шкафа чистые простыни, доктор предоставил гостям возможность спокойно приводить себя в порядок и сказал, что пойдет распорядиться об обеде.

Едва они остались одни, де Ришло пригласил всех в свою комнату. С необычайно серьезным видом он произнес:

— Господи, мне даже в голову не приходило, что мы можем попасть в такую идиотскую ситуацию.

— Ситуацию? — повторил Рекс. — Мне кажется, что нам ужасно повезло. Старый док, похоже, честный малый. Вряд ли кто на его месте был бы любезнее. А уж дом, если его сравнивать с тем, что мы видели в этом паршивом городишке, настоящий «Ритц». И вообще нам повезло, что нас подобрали, и не кто-нибудь, а достаточно цивилизованный цветной, который просто жаждет, чтобы мы погостили у него. Нет, нам чертовски повезло!

— Дубина! — рявкнул герцог. — Неужели ты не понимаешь, что все наши средства защиты остались в

самолете. Мы находимся на Гаити, и нашему противнику наверняка об этом уже известно. Как только сегодня ночью мы заснем, мы вновь окажемся полностью во власти Зла.

16 ОСТРОВ ЗЛА

— Дьявольщина! — воскликнул Ричард. — Мне даже как-то и в голову не пришло, что ты мог потерять все свои ритуальные принадлежности.

— А меня это беспокоило с самого начала, — сказала Мари-Лу. — Я думала об этом целый день.

Рекс вытянул лицо.

— Похоже, мы опять влипли.

Де Ришло вновь заговорил с необычайной горечью в голосе:

— Без возможности сделать правильный пентакль мы окажемся такими же уязвимыми, как безоружные люди перед пушечной батареей.

— А я надеялась, что ты сможешь раздобыть все, что нужно, в Порт-о-Пренсе.

Герцог покачал головой.

— Кое-что, вероятно, и можно было бы раздобыть, но мы совсем недавно проезжали через город, и ты же видела, какое это забытое богом место. Потом нужен специалист — ботаник или первоклассный химик. Сомневаюсь, что таковой найдется ближе Кингстона.

— А до Ямайки целых двести миль, — пробормотал Рекс.

— Это по воздуху, а по воде чуть ли не целых триста.

— Так, если отправиться в порт, — быстро подсчитал Ричард, — и взять шхуну с мотором или морской баркас, делающий пятнадцать узлов, мы покроем это расстояние за двадцать часов.

— Вот именно, — подтвердил Рекс, — мы так и сделаем, найдем судно. Слава Богу, мой бумажник при мне, а за американские зелененькие мы купим здесь все, что угодно.

— За них можно также купить и самолет на Ямайке, добавил герцог.

— Самолет? — повторила Мари-Лу. — А зачем он нам?

— Для того чтобы возвратиться обратно, — спокойно ответил герцог. — Я останусь здесь, а вы отправитесь в Кингстон за всем необходимым. Вы должны вернуться как можно скорее, потому что до вашего возвращения мне нельзя спать.

— Сероглазка, дорогой, ты не должен этого делать! запротестовала Мари-Лу. — Это же просто сумасшествие. Даже если мы доберемся до Кингстона за двадцать часов, нам понадобится четыре-пять часов, чтобы купить все необходимое и достать самолет, затем два часа уйдет на обратный полет, так что пройдет не менее тридцати часов, прежде чем мы вновь окажемся здесь, а ты уже двенадцать часов на ногах. Нет, так не пойдет. Мы должны как можно быстрее убираться отсюда и не давать друг другу заснуть, пока не доберемся до Кингстона и не сделаем пентакль.

— Мне кажется, — с печальной улыбкой заметил де Ришло, — что можно это сделать значительно быстрее. Наверняка здесь есть судно, которое делает до восемнадцати узлов. Если это действительно так, то уже завтра, к часу дня, вы будете в Кингстоне. Четыре часа уйдет на

то, чтобы купить все необходимое, два часа — на обратный полет. Добавим еще один час на всякий случай. Итого двадцать четыре часа. Мне очень жаль, принцесса, я понимаю, что подвергаюсь ужасному риску во время вашего отсутствия, но я должен остаться.

— Ради Бога, почему? — воскликнул Рекс.

— Да хотя бы потому, что наш враг не может быть одновременно в двух местах, даже на астральном уровне, а поскольку я — самый мощный астрал среди вас, он, конечно, сконцентрирует всю свою силу против меня. Если я останусь здесь, вы спокойно сможете добраться до Ямайки и вернуться обратно, успев по дороге даже поспать, но если я поеду с вами, вы не только будете вынуждены всю дорогу бодрствовать, но вам придется в ближайшую ночь выдержать его очередное нападение. Он доказал свою мощь сегодня утром, сбив наш самолет, так где гарантия того, что он не воспользуется своими магическими силами, чтобы поднять бурю и разнести в щепки судно, на котором мы попытаемся отправиться в путь?

— Ты прав, — согласился Ричард. — Если мы действительно поедem все вместе, то безусловно окажемся на дне, ну а если нет, учитывая, что главное действующее лицо в нашей компании — это ты, наверняка у него не будет времени на нас. Но Всемогуший Господь! Мы все равно не можем оставить тебя одного. Это даже трудно себе вообразить.

— Но это надо сделать, Ричард. — Де Ришло похлопал своего друга по руке. — Я постараюсь продержаться

Друзья стали вместе с Ричардом отговаривать герцога и позволить кому-нибудь остаться с ним, но он был непреклонен в своем решении и прервал все их мольбы,

указав, что чем скорее они отправятся в путь, тем быстрее вернутся.

— Не теряйте времени на пустые разговоры. Отправляйтесь немедленно, а я подумаю, как объяснить доктору Сатэрдею ваше неожиданное исчезновение.

Поскольку никакого особого багажа у друзей не было, сборы были недолгими. Герцог быстро набросал на листочке список из одиннадцати предметов, необходимых ему, и вручил Ричарду.

Внешне не выказывая своего беспокойства относительно его судьбы, они попрощались с герцогом, выбрались через веранду и отправились пешком в город.

Было уже восемь часов. Ночь вступила в свои права. Стоя на веранде, де Ришло глядел им вслед, пока их фигуры не поглотила мягкая бархатная тропическая темнота. С веток огромной смоковницы, стоявшей у самого дома, послышалось кваканье древесных лягушек, затеявших свой ночной концерт, а среди кустов показались огоньки светлячков. Не чувствовалось ни ветерка. На фоне звездного неба вырисовывались силуэты замерших пальмовых крон. Тишину теплой ночи наполняли запахи цветов.

Внизу вдали виднелись огоньки Порт-о-Пренса. Ночь казалась спокойной, но де Ришло понимал, что это спокойствие ложное, насыщенное смертельным злом. Откуда-то донеслись барабанные удары, призывавшие поклонников жестоких вождедеющих божеств Ву-ду на церемонию, старую как мир. Казалось, на острове царит безмятежность, но герцог интуитивно ощущал, что темнота наполнена эманациями зла и примитивной чувственности.

Легкая дрожь пробежала по его телу. Взяв себя в руки, он повернулся, понимая, что ему потребуется вся

решилось, чтобы выдержать предстоящее ему испытание. Он знал, что пока сон не одолел его, ему ничего не угрожает, кроме нападения на физическом уровне, но он был уверен, что его противник не пойдет на это, по крайней мере в настоящее время. Но тридцать семь часов — слишком долгий срок, ведь нужно было не только бодрствовать, но и быть начеку. Он уже пережил ужасно утомительный день, а еще предстояло продержаться почти два таких срока. Ему придется оставаться на физическом уровне и быть готовым встретить любую опасность вплоть до восьми вечера следующего дня. Но и это не все. Он сказал Рексу, что тот без особого труда наймет самолет в Кингстоне для обратного пути, а сможет ли он действительно это сделать?

Столица Ямайки была связана по воздуху с основными островами Вест-Индии и с Соединенными Штатами, но вряд ли все доллары Рекса помогут ему купить или нанять одну из машин, курсирующих по расписанию. А потом, Кингстон — достаточно маленький город, там не поедешь в аэропорт и за полчаса не наймешь частный самолет. Рексу, по всей видимости, придется искать частного владельца, который просто согласится продать свой самолет, но чтобы найти такого человека и уговорить его пойти на сделку, тоже нужно время.

Если им не удастся вылететь обратно самое позднее до шести часов вечера, им придется лететь в полной темноте, а в Порт-о-Пренсе невозможно приземлиться ночью, следовательно, это неизбежно отложит их возвращение до рассвета, и герцогу придется быть без сна почти сорок восемь часов. Он понимал, на какой идет риск, посылая их, так стоит ли вновь об этом думать, оставшись в одиночестве.

Но мысли его упорно возвращались к этому. И можно ли быть уверенным, что противник оставит их в покое, пока они совершают свое путешествие? Однако, герцог пошел на это, так как чувствовал, что лучше попытаться воспользоваться появившимся шансом, нежели, бессильно опустив руки, чего-то выжидать на Гаити. Он был абсолютно уверен, что враг будет терпеливо ждать час за часом, чтобы напасть на него в тот самый момент, когда он заснет, хотя абсолютной уверенности в этом у него, безусловно, не было, вот почему он больше тревожился о положении своих друзей, в темных водах направляющихся к Кингстону, нежели о своем собственном. Де Ришло всегда сохранял присутствие духа, не взирая на опасность. Он утешал себя тем, что, как бы не были велики опасности, уготованные ему и его друзьям, Силы Света мощнее Сил Тьмы. Если он со своими товарищами в этом суровом, но безоружном сражении выдержит все то, что ниспослано им, даже ценою своих земных жизней, их борьба со Злом все равно им зачтется в их истинной жизни, которая вечна.

Многое бы он сейчас отдал, чтобы иметь возможность принять горячий душ, не только чтобы очиститься от грязи и пыли дня, но и чтобы освежиться духовно, но ожоги были так серьезны, что он не осмеливался на это; ему по опыту было известно, что душ, напротив, усилит боль от солнечных ожогов, поэтому, придя в ванную комнату, он довольствовался тем, что помыл руки и сполоснул свое покрасневшее лицо.

Возвращаясь к себе в комнату, он замер в дверях от изумления — на его кровати сидела Мари-Лу.

Он впился в нее взглядом и заговорил с ней голосом, которого она раньше никогда не слышала:

— Почему ты вернулась?

Она чуть покачала головой.

— Не сердись на меня, Сероглазка, дорогой, я должна была это сделать.

— Почему ты вернулась? — повторил он.

Она устремила к нему свои маленькие руки.

— Когда человек на ногах уже более тринадцати часов, выдержать еще двадцать четыре слишком трудно, а мы все прекрасно понимаем, что этот срок может оказаться намного больше, прежде чем закончится поездка в Кингстон. Будучи в одиночестве, человек за такой срок наверняка заснет, а вдвоем можно продержаться. К завтрашнему дню ты будешь чувствовать себя смертельно уставшим, а к вечеру будешь сидеть в этой комнате час за часом, с трудом открывая глаза. Вот почему я решила вернуться и составить тебе компанию.

— А что Ричард сказал на это? — резко спросил герцог.

— Естественно, ему ужасно не понравилась моя идея, но он сказал, что я права, и я действительно права, и ты это знаешь, Сероглазка. Мы всегда работали вместе, и это единственный шанс в сложившейся ситуации. Другим я полезной быть не могу, а тебе — могу. И потом, слишком поздно отсылать меня к ним, потому что они наверняка уже добрались до порта и вот-вот отплывут. Одному Господу известно, что с нами произойдет, но что бы это не было, мы переживем это вместе.

Выражение лица герцога неожиданно изменилось, голос его смягчился, он взял ее за руку и поцеловал.

— Благодарю тебя, принцесса, за твое удивительное мужество. Я также глубоко признателен Ричарду за то, что он позволил тебе остаться. Ты, конечно, права, вдвоем мы сможем хоть как-то поддерживать друг друга.

Самый факт твоего присутствия уже удваивает мою решимость продержаться.

Мари-Лу встала, поцеловала его в щеку и произнесла:

— Интересно, а что произошло с Саймоном и Филиппой? Я весь день ужасно тревожилась о них.

— Я думаю, особо беспокоиться не стоит, — сказал герцог. — Как я уже говорил тебе, прежде чем доктор Сатэрдей снял нас с тонущего самолета, я уже знал, что они благополучно добрались до берега. Я не думаю, что этот большой остров плотно населен, и им наверняка пришлось пройти немало миль, прежде чем они добрались до какой-нибудь деревни, нашли лодку и отправились на наши поиски. Если произошло именно так, им будет очень трудно найти самолет, если даже ко времени их поисков он будет еще на плаву. И потом, они немало встревожатся относительно нас и, возможно, придут к выводу, что мы все утонули.

— Как ты думаешь, наш враг не может напасть на них ночью?

— Нет. Ну, во-первых, он вряд ли уже знает, что они оторвались от нас. Не так-то просто ему будет определить их местонахождение. Ну, а во-вторых, почти наверняка он сконцентрирует все свое внимание на нас. К счастью, Филиппа понимает язык, так что с ее помощью Саймон без особого труда сможет раздобыть еду и убежище. Пройдет несколько дней, прежде чем они услышат, что мы спаслись. Надеюсь, это произойдет в нужное время и мы сможем все воссоединиться.

Де Ришло так и порывало сказать: «Правда, если будет кому воссоединяться», но он сдержался. Мари-Лу, похоже, догадалась, что у него на уме, быстро сменила тему разговора и спросила:

— Ну, а что мы будем делать с доктором Сатэрдеем? Он ведь скоро появится и увидит, что произошло. Как мы объясним ему исчезновение Ричарда и Рекса?

— Я как раз думал об этом, когда мы руки. Кстати, ты мне напомнила. Пожалуйста, не принимай ванну, как бы тебе ни хотелось, иначе боль от волдырей будет просто невыносимой. Сатэрдей кажется мне честным малым. Он образован и вряд ли связан с обрядами Ву-ду, но наверняка большинство из его прислуги имеют отношение к этому культу. Через них наш враг уже мог узнать о нашем прибытии сюда и очень важно, чтобы до него не дошли слухи, что Ричард и Рекс покинули остров. К счастью, наших настоящих имен и целей путешествия мы доктору не называли, так что ему вряд ли известно, что вы с Ричардом — муж и жена. Поэтому я предлагаю сказать ему следующее: хотя мы все вчетвером путешествовали вместе, делали мы это только ради удобства, а на самом деле мы две самостоятельные партии. Затем мы воспользуемся тем, что Филиппа рассказала нам о своем дяде и о себе. Я — ученый, интересующийся местными аборигенами, а ты — моя племянница. Что касается остальных двоих, нам мало что о них известно, только то, что они занимались какой-то деятельностью, имеющей отношение к войне, точнее, как нам показалось, к предотвращению захвата немецкими субмаринами баз на островах Вест-Индии. Мы должны сказать, что они просили нас извиниться перед доктором и объяснить, что для них крайне важно было не задерживаясь увидаться с британским консулом, поэтому они и поспешили в город.

Когда же они не объявятся, все, естественно, придут к выводу, что они остановились на ночь у консула. Проверить это нельзя, поскольку, как я заметил, телефона

здесь нет. Когда же они не вернутся и не подадут о себе весточки, это будет расценено как дурные манеры, а когда они все-таки объявятся, мы сообразим, что сказать и найдем объяснение.

— Учитывая, что нам крайне важно, чтобы наш враг через слуг не узнал, что они отправились в Кингстон, такое объяснение выглядит вполне приемлемым, — согласилась Мари-Лу.

— Ну и хорошо, — герцог выдавил из себя улыбку. — Тогда моя прелестная племянница должна привести себя в порядок, и мы отправимся к нашему любезному хозяину и сообщим, что число его гостей неожиданно сократилось наполовину.

Одежда Мари-Лу, конечно, была не в лучшем виде после всех перипетий, выпавших на долю друзей в этот день. Мари-Лу рассматривала свое лицо в зеркале. Ее лоб покраснел, нос облупился, и она с грустью поняла, что ее лицо испорчено недели на две, но затем она подумала, что через две недели они уже смогут успешно выполнить свою миссию и быть на пути в Англию, но, скорее всего, в ближайшие сорок восемь часов ее душа уже потеряет свое тело, которое превратится в земной прах.

Такая перспектива ее особенно не тревожила, потому что она не боялась смерти, так как она прекрасно знала, что это только переход к более полному, более яркому существованию, но сама мысль о том, что ее нынешнее воплощение может через несколько часов закончиться, наводила на нее печаль. Немногим молодым женщинам выпало такое счастье, которое она испытала. Ее прекрасное изящное тело приносило ей огромную радость, и ей совсем не хотелось расставаться с ним. Кроме всего прочего, была еще и Флёр, ее дочь, которая останется

одна, без матери, в Англии. Был и ее обожаемый Ричард, которому судьба, возможно, уготовила остаться в одиночестве и быть разделенным с нею, за исключением редких встреч на астральном уровне, потому что записано, что ушедшие не должны занимать умы тех, кто остался, и что осиротевшие не должны вызывать о возвращении тех, кто умер.

Десять минут спустя она присоединилась к герцогу, и они вдвоем отправились в большую гостиную. Доктор Сатэрдей уже ждал их и встречая сказал, что обед вот-вот подадут. Тем временем, он выразил надежду, что они попробуют коктейли, которые он приготовил.

Затем герцог объяснил причину отсутствия остальных. Он оказался виртуозным лжецом и рассказывал свою выдуманную историю с таким мастерством, что у доктора ни разу не возникло и тени сомнения. При этом де Ришло добавил, что двое, покинувшие их, сразу бы, еще в городе, направились к британскому консулу, учитывая спешность и безотлагательность их дел, но после перенесенных за день испытаний были слишком измученными и уставшими. Только, когда немного пришли в себя, почувствовали они всю тяжесть ответственности, которая на них лежит

— И потом, — добавил он не моргнув глазом, — они повсюду искали вас, чтобы извиниться, но безуспешно.

Доктор Сатэрдей выразил крайнее удивление, но потом сказал, что, возможно, в это время принимал ванну. Потом он добавил, что все равно будет рад, когда ушедшие вернутся, но учитывая поздний час и тот факт, что никакого багажа у них не было, это маловероятно. Скорее всего, британский консул настаит на том, чтобы они остановились на ночь у него.

Несколько минут спустя появился слуга. Не говоря ни слова, он кивнул головой по направлению столовой. Она находилась рядом с большим залом. Когда герцог и Мари-Лу сели за стол, доктор Сатэрдей как бы между прочим заметил, что все его слуги немые и что он воспитал их из жалости. Затем он извинился за предлагаемые кушанья, заявив, что знает он об их появлении заранее, он был раздобыл что-нибудь более подходящее, но надеется, что они не откажутся отведать местных блюд.

Трапеза в основном состояла из фруктов и овощей, принесли также блюдо тушеной козлятины, которую де Ришло узнал по запаху, но мясо было таким нежным, а островные фрукты такими восхитительными, что они вместе с Мари-Лу, поскольку не ели очень давно, набросились на все это, как голодные волки, испытывая огромное удовольствие.

Потом в полутьме они сидели на широкой веранде, и герцог, желая как можно дальше увести мысли Мари-Лу от предстоящего им ночного бдения, попросил доктора рассказать об острове все, что ему известно.

— Такого места, как Гаити, не найдешь нигде в мире, начал доктор, — и хотя его история насчитывает всего четыре столетия, вряд ли где есть страна, где бы проливалось столько крови или совершались такие предательства. Я могу рассказывать об этом часами, но боюсь вам наскучить

— Нет, нет, продолжайте, — взмолилась Мари-Лу. Расскажите нам о событиях, происходивших на этом острове.

— Ну хорошо, — улыбнулся доктор, блеснув зубами. — На этом острове, видимо с самого начала его существования, лежало проклятье. В то время, когда

Колумб открыл его, здесь проживало пять индейских племен, которые постоянно воевали между собой. Испанцы силой заставили их принять христианство и поработили их, но карибский индеец — странное создание, сильно отличающееся от негров. Он примитивен, но совершенно независим, и в большинстве случаев аборигены предпочитали смерть, нежели работу на иностранных хозяев. В итоге для работы на местных плантациях европейцы вынуждены были привезти сюда большое число африканских рабов.

Гаити — это местное название острова, означающее «гористый», но Колумб переименовал его в Эспаньолу, а позднее, при французах, он получил название Сан-Доминго. Большая, западная часть острова, как вам, наверное, известно, представляет собой самостоятельную республику, которая до сих пор называется Санто-Доминго. К середине семнадцатого века этот остров стал любимым пристанищем пиратов, которые в то время бороздили Карибское море и грабили суда, направляющиеся в Испанию. Их основной базой был небольшой остров Тортуга, расположенный недалеко от северной оконечности Гаити. Этот остров с песчаными пляжами как нельзя лучше подходил для кренгования кораблей, то есть очистки их днищ от ракушек и всякой растительности, нарастающих в теплых водах и препятствующих быстрому ходу парусного судна.

Последующие почти два столетия хозяевами на Гаити были французы. Во времена правления во Франции Людовика XV и Людовика XVI многие аристократические семьи имели здесь богатые плантации, но французская революция положила тому конец. Лувертюр, Кристоф, Десалин и Петийон, которых мы считаем своими нацио-

нальными героями, организовали серию восстаний и к 1804 году европейцы были окончательно изгнаны.

Но, к несчастью, получение независимости принесло Гаити мало хорошего. Вскоре разгорелась война между неграми и мулатами. Мулаты были богаче и намного умнее. Они одержали победу, несмотря на численное превосходство негров. Однако, ненависть между цветными и полуцветными частями населения до сих пор не угасает. Этот внутренний раздор явился причиной падения нашего народа. Вместо того чтобы сообща работать и пользоваться прекрасным наследием, которое оставили нам французы, мы ссорились и дрались, так что девять десятых окультуренных земель заросли бурьяном, а прекрасные особняки французских колонистов превратились в переполненные многоквартирные дома, постепенно приходящие в упадок, потому что никого не волнует их состояние.

Но еще худшим проклятием была бесчестность наших самозванных правителей. Вряд ли кто-нибудь из них думал о положении своего народа. Они плели интриги, убивали с однойединственной целью — добиться власти и наложить руки на казну. Добиваясь этого и видя, что она пуста, они хватали своих противников, заключали их в тюрьмы, подвергали пыткам и даже убивали, пока не получали более-менее приемлемые выкупы, а потом, прикрываясь темнотою ночи, бежали на Ямайку, а оттуда — в Париж, поскольку его бульвары с ярким освещением и белыми женщинами — мечта всех гаитян.

— Удивительно, что никто из них не попытался извлечь что-нибудь из самого острова, — заметил герцог. — Земля здесь так щедра, что без особого труда

могла бы приносить очень хороший доход. И, насколько мне известно, здесь огромные запасы полезных ископаемых, стоит только правильно их добывать.

— В том-то и дело, — согласился доктор. — Золото, серебро, медь, железо, сурьма, олово, сера, уголь, никель и много чего другого — только бери. Но для этого нужны капиталы. Но как только какое-нибудь гаитянское правительство занимало с той целью деньги у европейцев, наши президенты быстро их присваивали, оставляя народ в еще худшем положении, учитывая новые долги.

— Вашему правительству просто необходимо было предоставить концессию какому-нибудь европейскому или американскому горнодобывающему синдикату, — сказал герцог.

Доктор покачал головой.

— Нет, они отказались от этого, и по-своему были правы. Такая концессия означала бы предоставление постоянного статуса на острове белым инженерам и бизнесменам. Если бы это произошло, пришел бы конец злоупотреблениям наших доморощенных политиков. Белые бизнесмены сразу же стали бы сообщать своим правительствам по официальным каналам о том, какие здесь царят убийства, взяточничество и вообще всяческие «вольности», что вскоре явилось бы весьма существенным основанием для заинтересованного правительства послать сюда военные корабли для захвата острова. Местное же население острова, негры и мулаты, богатые и бедные, всегда были полны решимости, что бы ни случилось, противостоять этому. Вот почему в течение многих лет белым в буквальном смысле этого слова даже не давали сойти здесь на берег.

— Тем не менее, американцы, в конце концов, захватили остров, — заметил герцог. — Что явилось поводом для этого?

— Это произошло в 1915 году, когда нашим президентом был Жан Вилбрен Гильом Сэм. В то самое лето генерал Бобо восстал против него на севере страны и двинулся на столицу. Согласно достигнутому соглашению, Сэм должен был прихватить казну и удалиться на Ямайку. Никто не должен был препятствовать ему, потому что так заканчивали все президенты, избежавшие смерти. Но то ли денег в казне было мало, то ли по какой иной причине, но президент отказался бежать. Когда его армия какосов, так называют здесь крестьян, вооруженных мачете, сдалась его противнику, он приказал своему старшему военному советнику Шарлю Оскару Этьену с помощью дворцовой гвардии перебить всех политических противников, которых ему удалось захватить и бросить в тюрьму за время своего президентства. Что это была за резня, вы представить себе не можете. Это даже нельзя сравнить со знаменитыми сентябрьскими казнями, вошедшими в историю французской революции. Заключенных расстреливали, затем добивали ножами. Улица за стеной тюрьмы превратилась в настоящую реку крови. Только троим из почти двухсот человек удалось спастись.

— Какой ужас! — прошептала Мари-Лу. — А что произошло потом?

— Весь город восстал против президента Сэма. Он укрылся во французском консульстве, но толпа вытащила его оттуда, отрезала ему руки, разорвала его на куски. Известия об этом кровавом побоище побудили правительство Соединенных Штатов послать на остров адмирала Капертона с морскими пехотинцами.

— Кажется, один из ваших президентов взорвал дворец, в котором находился вместе со своими людьми, разве не так? спросил герцог.

Доктор Сатэрдей утвердительно кивнул своей беловолосой головой.

— Да, но только это было несколько раньше, в 1912 году. Вы говорите о президенте Лекомте. Действительно, считают, что он подорвался, но лично я в это не верю. Есть вполне убедительные факты, свидетельствующие о том, что его преемник Танкред Огюст выманил его из дворца какой-то запиской, и он был убит ночью в своем экипаже. Но генерал Лекомт был популярен и его убийцы опасались мести со стороны его близкого друга Сансарика, бывшего министром внутренних дел. Вот почему в ту же самую ночь, позднее, под угрозой пистолета, они заставили какого-то молодого инженера подорвать большой склад боеприпасов, который находился в подземелье дворца, потому что ни один президент Гаити не доверял армии, за исключением своей личной охраны. Взрыв потряс весь город и повывтряхивал всех из постелей в радиусе шести миль. Триста солдат и офицеров погибли от этого ужасного взрыва, только немногие остались в живых.

Наступила небольшая пауза, а затем доктор Сатэрдей продолжал:

— Пожалуй, самое невероятное событие в нашей истории относится к двадцатому веку, ко времени, когда нами правил козел.

— Неужели и такое было? И когда же? — смеясь, спросил герцог.

— В 1908 году, когда президентом стал Франсуа Антуан Симон. Это был жестокий солдат, попавший к власти благодаря бесчестным политикам, жаждавшим

править страной от его имени. Ну, конечно, он стал, как заведено, президентом в ходе гражданской войны. Симон был настолько глуп, что я весьма сомневаюсь, смог бы он одолеть своего противника, если бы не его дочь Селестина и ее козёл Симало. Она была мамбо, то есть служительница Ву-ду, необычайной силы, а козел был ее возлюбленным. Она даже совершила бракосочетание с ним по обряду Петро. Селестина, несмотря на свои черные дела, была женщиной исключительного мужества и необычайных способностей. Люди прозвали ее «наша черная Жанна д'Арк», поскольку именно она возглавляла кампанию в поддержку отца. Армия крестьян бежала в ужасе перед Селестиной и ее козлом.

Симон, Селестина и Симало поселились затем во дворце, и грязные политики вскоре поняли, что ничего они не добились, так как без совета Симало генерал Симон ничего для них не делал, а взгляды Симало зачастую расходились с тем, что хотели политики.

При этом режиме нередко возникали самые невероятные и ужасные ситуации. На верхних этажах дворцовых апартаментов представители ведущих семейств на острове, а также европейцы из консульств обязаны были присутствовать на государственных приемах в качестве гостей президента, который не умел пользоваться вилок и напивался как свинья, а в то время внизу — и всем это было хорошо известно — в апартаментах Симало проходили самые отвратительные церемонии Ву-ду. На банкетах все должны были делать вид, что с удовольствием поглощают богатые яства, выставленные перед ними, хотя никогда не было заранее известно, какая мерзость могла скрываться в этих густых соусах. Говорят, иногда таким образом подавалась человеческая кровь.

— Какой ужас! — воскликнула Мари-Лу.

— Вот именно. История не из приятных. К падению же отца с дочерью привело их собственное честолюбие. Став президентом, Симон решил, что может найти Селестине богатого мужа. Они даже организовали официальный развод ее с козлом. Говорят, что потеря жены разбила сердце Симало, и он умер, но скорее всего его убили по распоряжению генерала Симона. Как бы то ни было, хоронили его чуть ли не с королевскими почестями. Им даже удалось каким-то образом заставить католического священника провести заупокойную службу в соборе, при этом все делали вид, что в гробу лежит человек. После того даже самые презренные из богачей Гаити отказывались взять Селестину в жены. Со смертью козла удача отвернулась от Симона. Говорят, это произошло потому, что Селестина нарушила свою клятву перед богами Вуду и тем самым потеряла могущество. Вскоре после этого генерал Лекомт восстал против президента Симона, который бежал на Ямайку. Что же касается Селестины, то она до сих пор живет на острове — старая женщина, которой больше никто не боится и до которой никому нет дела.

Доктор Сатэрдей еще час с небольшим развлекал своих гостей странными легендами о грабежах и убийствах, имевших место в беспокойной истории Гаити. Однако он им сказал, что не стоит думать, будто все гаитянские политики — мошенники и убийцы, а большая часть населения — невежественна и жестока. Со времени американской оккупации у честных и просвещенных гаитян появился шанс улучшить положение своих соплеменников. И хотя еще только начало, многое уже сделано. Вся энергия молодых цветных, большинство из которых прошло обучение в США, отдается центрам здоровья, сельского хозяйства, образования, санитарии и социального

обеспечения. Он скромно заметил, что благодаря своей увлеченности флорой острова, он не в состоянии отдавать много времени работе на прогресс, хотя свою небольшую лепту он тоже внес. Нашел работу для многих местных немых и даже помог некоторым из них восстановить свою речь.

Вскоре после полуночи, чувствуя, что у них больше нет оснований задерживать его дольше, герцог предложил отправиться спать, после чего доктор проводил их в их комнаты, где уже были разложены свежие пижамы и халаты.

Когда доктор ушел, они разделись в своих комнатах, почувствовав огромное облегчение. Несмотря на интерес к рассказам хозяина, они испытывали такую боль от ожогов, что временами едва могли его слушать.

Немного смазав ожоги мазью доктора, надев пижаму и халат, Мари-Лу выскользнула из своей комнаты и по веранде пробралась к герцогу, поскольку они еще раньше договорились провести ночь вместе.

Она увидела, что он уже сдвинул всю мебель к стенам и подметает пол свернутой циновкой.

— Ты что, собираешься сделать пентакль? — прошептала она.

— Да. Лучше хоть что-то, чем ничего, — ответил он, держа в руке графин со свежей водой, которую только что налил в ванной. — Я освящу эту воду и, учитывая, что мы будем бодрствовать, полагаю, этого будет достаточно, чтобы оградить нас от любых проявлений зла.

Мела у них не было, поэтому Мари-Лу отыскала огрызок карандаша и, используя край простыни в качестве рулетки, начертила на полу два круга, вписав в них пятиконечную звезду.

Де Ришло тем временем сел, поставив на пол перед собой графин с водой. Протянув пальцы в направлении графина, он мысленно передавал всю свою силу воде. Спустя несколько секунд он взял графин, обмакнул пальцы в воду и провел широкую мокрую линию по границам, отмеченным Мари-Лу.

Когда они положили подушки и чистые постельные принадлежности в центр пентакля, он сказал:

— Будет лучше, если мы вообще не будем говорить о нашем деле, так что когда враг объявится, а это неизбежно произойдет, и подумает, что мы вот-вот заснем, он не сможет получить из нашего разговора никакой новой для себя информации. Я никогда еще не был в такой дурацкой ситуации, но мне кажется, что лучшая наша защита — абсолютно игнорировать все, что бы не произошло. Давай будем вспоминать прекрасные довоенные дни, рассказывать различные анекдоты, проводить умственные тесты. Самое лучшее — разговаривать и делать вид, что мы абсолютно даже не подозреваем, что рядом с нами находится враг.

Скрестив ноги и уставившись друг на друга, они опустились на свои импровизированные постели прямо под масляной лампой, освещавшей комнату. В доме воцарилась тишина. Только кваканье древесных лягушек нарушало ее. Первая стадия серьезного испытания, предстоящего им, началась.

17 БОРЬБА СО СНОМ

— Во-первых, — сказал герцог, — пока наш разум еще не затуманен, я думаю, нам следует распланировать нашу ночь, определить, что конкретно мы будем делать каждый час, о чем мы будем разговаривать или в какие игры играть. Это позволит нам заняться и не утруждать себя излишними мыслями, что особенно важно, когда у нас осталось не так много жизненных сил.

В конце концов они набросали небольшой список. Первый час они решили посвятить своим воспоминаниям. Второй отгадыванию слов. Третий — рассказам о первой любви, ну и в таком духе. И так до самого утра, до шести часов, когда они спокойно могут выйти из пентакля.

Первые три четверти часа ничего странного не происходило, хотя и было неприятное чувство, как будто присутствует некий невидимый третий, со спокойной злобой рассматривающий их и обдумывающий, с чего бы начать.

Вскоре после часа пламя в лампе стало тускнеть. Герцог встал и подвернул фитиль, но это ничего не дало. Свет становился все слабее и слабее, затем замерцал и погас.

Тьма казалась насыщенной зловещими шорохами. В течение нескольких минут после того как свет погас, было ни зги не видно, но постепенно их глаза привыкли

к темноте, и оказалось, яркие тропические звезды дают достаточно света, чтобы они могли разглядеть друг друга, очертания комнаты и даже предметы мебели, отодвинутые к стенам. Затем они обратили внимание, что те половицы, по которым были проведены линии святой водой, отливают фосфоресцирующим светом, и это явилось для них немалым утешением.

Еще из прежнего опыта они знали, что свет наверняка погаснет, поэтому и продолжали разговаривать как ни в чем не бывало. Каждый смотрел в глаза другому, стараясь не оглядываться.

Спустя какое-то время Мари-Лу заметила, как за плечом герцога сгущаются тени, принимая очертания астрала-лилипута с очень большой головой. Она знала, что это только малое Зло, и поэтому не обращала на него внимания.

Де Ришло тем временем тоже видел за ее спиной движущиеся тени. Они искривлялись, изгибались, принимая форму гигантской руки с длинными пальцами, казалось, готовыми вот-вот ухватить Мари-Лу за шиворот и вытащить из защитных границ.

Любой, менее опытный, чем герцог, наверняка бы испугался и крикнул, предупреждая ее об опасности, но он понимал, что единственный путь к спасению зависит от их полнейшего равнодушия, поэтому он специально рассказал какую-то шутку, Мари-Лу рассмеялась, образ гигантской руки дрогнул и исчез.

После этого немало странных видений проносилось вокруг пентакля, явно с намерением выманить их оттуда, но чем больше их появлялось, тем спокойнее становился герцог. Он все больше и больше убеждался, что освященной воды, использованной для организации астральной обороны, вполне достаточно, даже при отсутствии много-

численных предметов, которые он использовал в Кардиналз-Фолли, для удержания эманаций Зла, по крайней мере, пока они с Мари-Лу продолжают бодрствовать. Для того чтобы поддержать силу пентакля, каждый час герцог обновлял линии, проведенные по полу, водой из графина.

В половине третьего, похоже, враг понял, что его не боятся, поэтому видения прекратились. В течение примерно двух часов вообще ничего не происходило, и де Ришло пришел к заключению, что противник решил не досаждать им какое-то время, пока они не устанут от разговоров и не заснут.

А на самом деле они совершенно не хотели спать, потому что каждый чувствовал присутствие союзника, на которого можно положиться. Их тела, обнаженные днем под палящим солнцем, временами так саднило, что казалось стоит только сорвать сгоревшую кожу и отбросить ее в сторону и сразу же наступит облегчение. Боль была достаточно сильной, еще когда они сидели и разговаривали с доктором Сатэрдеем, потом, когда они прошли в свои комнаты, немного полегчало, но сейчас стало намного хуже. Вряд ли они смогли бы уснуть, даже если бы были в безопасности и в удобных постелях.

Вскоре после половины пятого их противник, вероятно, понял, что они совсем не собираются спать, и изменил свою тактику.

Станный, тяжелый запах наполнил всю комнату. Головы их отяжелели, конечности налились свинцом, и они почувствовали огромное желание расслабиться, чтобы волны сна унесли их прочь.

Де Ришло дотронулся рукой до Мари-Лу. Они продолжали говорить, но речь их замедлилась, они с трудом вспоминали события прошлого и зачастую замолкали.

Как только это происходило, один из них вонзал ногти в ладонь другого, пока тот, вздрагивая от боли, не отвечал, и разговор кое-как продолжался.

Сколько это длилось, никто из них не смог бы сказать, они потеряли ощущение времени. Казалось, они часами борются против какой-то ужасной неосязаемой вещи, давящей на них. В конце концов, однако, запах стал слабее, и они поняли, что выдержали и это испытание.

Последовала очередная пауза, во время которой они смогли немного восстановить свои силы, а затем последовало новое нападение — попытка загипнотизировать их, звуком вызвать сон и в то же время прервать их разговор.

Сперва очень тихо, а затем все громче и громче раздавался стук барабанов Ву-ду. Они были не переставая, монотонно, действуя на нервы, все время усиливаясь, пока Мари-Лу с герцогом с трудом стали слышать друг друга. Поскольку бой барабанов становился все громче, они говорили между собой тоже все громче и громче, пока не стали кричать друг другу. Они чувствовали, что либо надорвутся, либо сойдут с ума.

Напрасно затыкали они уши пальцами, разницы не было. Ужасный примитивный ритм все равно доходил до них. Они вынуждены были терпеть. И тут вдруг герцог запел песню, Мари-Лу подхватила ее. Обезумевшие, с выпученными глазами, они стали петь отрывки из старых музыкальных комедий, патриотические гимны, марши, нередко в полном несоответствии друг с другом. Ночь превратилась в настоящий кошачий концерт, однако это позволило им ни о чем не думать и освободиться от гипнотизирующего действия навязчивого ритма.

Неожиданно бой барабанов прекратился. Наступившая тишина казалась зловещей. Издали донеслось пение петуха, означавшее окончание ночных чар.

Де Ришло глубоко вздохнул и посмотрел в окно. Звезды побледнели, небо посерело. Наступал рассвет.

Мари-Лу и герцог встали, потянулись, довольные тем, что могут выйти из пентакля, который сослужил им такую хорошую службу. Они почувствовали, как усталость свалилась на них, но это было вполне естественно, и они понимали, что им еще нужно выдержать несколько часов. Де Ришло вновь зажег лампу и они с улыбкой посмотрели друг на друга.

— Ну что ж, все прошло хорошо, принцесса, — сказал он. Было порою довольно тяжело, но все хорошо кончилось. Сомневаюсь, смог бы я один продержаться. Я бы еще смог выдержать барабаны, но не ужасный запах.

— Интересно, — медленно произнесла Мари-Лу, — я такая же страшная, как и ты?

Оба обернулись и посмотрели в зеркало. Эта тяжелая ночь наложила на них свой отпечаток. Лицо де Ришло было серым и изможденным, а Мари-Лу, казалось, постарела лет на десять.

Он положил ей руку на плечо и нежно встряхнул.

— Да не волнуйся ты об этом. Это все временно. Через несколько часов ты будешь в полном порядке.

Тропическое солнце поднялось очень быстро. Буквально через четверть часа после окончания их испытаний все было ярко освещено, поэтому они решили немного прогуляться и освежиться. Ожоги все еще сильно их беспокоили, поэтому они не стали принимать ванну, а только умылись, переоделись и пошли в сад. Далеко удаляться они не стали, потому что рана на ноге герцога еще окончательно не зажила и слегка побаливала.

Вернувшись обратно, они прошли в гостиную и взяли несколько журналов. Это были издания семимесячной давности, но немного их развлекли до восьми часов, когда они решили, что уже вполне прилично отправиться на поиски завтрака.

Найдя одного из слуг, де Ришло знаками показал, что они хотят пить и есть, после чего немой негр указал им на столовую. Десять минут спустя они с удовольствием посвятили свое внимание яйцам с маслом, горячему кофе и богатому выбору сочных тропических фруктов.

Они уже заканчивали завтрак, когда к ним присоединился доктор Сатэрдей. Он пожелал им доброго утра, а затем заметил:

— Для праздных людей вы слишком рано на ногах. Надеюсь, вы хорошо выспались?

— Конечно, — с любезностью солгал герцог, — кровати очень удобные, но мы с племянницей привыкли рано вставать, а ваш великолепный сад побудил нас даже совершить небольшую прогулку.

— Боюсь, что по европейским стандартам мой сад ничего из себя не представляет. Мы здесь не умеем делать прелестных лужаек, а наши садовники неизлечимо ленивы, и трудно заставить их. Мне, однако, удалось собрать довольно хорошую коллекцию интересных растений и цветов. Как вы понимаете, это мне помогает в работе. Ну а теперь, что вы собираетесь делать сегодня? Можете рассчитывать на меня, я полностью в вашем распоряжении.

— Это очень любезно с вашей стороны, — с легким поклоном ответил де Ришло. — Мы будем рады представить себя в ваши руки

— Ну что ж, очень хорошо. Сделаем тогда так. Утром осмотрим город, а днем, поскольку вы так хотите узнать побольше о Ву-ду, я отвезу вас в унфорт.

— А что это такое? — поинтересовалась Мари-Лу.

— Унфорт, мадам, — это вудустский храм или, точнее, место, где проживает унган со всей своей семьей и приверженцами и совершает обряды Ву-ду.

— Это действительно будет очень интересно, — сказал герцог.

Когда доктор закончил завтракать, подали машину, и они все отправились в Порт-о-Пренс. Накануне вечером они были слишком заняты другим, чтобы обращать внимание на город, по которому проезжали, а тут они увидели, что это гораздо более крупное поселение, нежели они сперва полагали.

Доктор сказал им, что население составляет сто двадцать тысяч человек. Это самый большой и, по существу, единственный по значимости город на Гаити, поскольку в других население не превышает двадцати тысяч.

Главные улицы были широкими, но не мощеными. По сторонам возвышались главным образом двухэтажные здания, на верху которых были веранды или крытые балконы, где их владельцы отдыхали во время полуденной жары. В городе существовало несколько миль трамвайных путей. Иногда попадались грузовики, разбитые машины, но движение было небольшим. В основном встречались повозки с запряженными в них быками и маленькие ослики с корзинами, набитыми всякой всячиной.

Они посетили собор, самое настоящее архитектурное чудовище викторианского времени с двумя башнями, и здание Сената, где встречались представители народа и объявлялись решения президента, которому была вруче-

на вся полнота власти. Видели они также рынки. один открытый, очень большой, перед самым собором, а другой крытый, вход в который проходил через четырехбашенную арку — самое нелепое сооружение, которое де Ришло когда-либо приходилось видеть. Воздвигнута она была, по словам доктора Сатэрдея, в память о генерале Ипполите, бывшего президентом Гаити в течение 7 лет — с 1889 по 1896 годы — в истории острова рекордный срок мирного и продолжительного правления.

Странные куски, продававшиеся на мясном рынке, вряд ли вызвали бы желание отведать их со стороны гурманов, зато разнообразие местной рыбы было очень интересным, а обилие овощей и фруктов было просто потрясающим. Тропические разновидности произрастали в основном в низменностях, а виды, характерные для умеренного климата Европы и первоначально завезенные французами, все еще продолжали выращиваться в глубине страны на возвышенностях.

Одежда граждан Гаити тоже была самой разнообразной. Большинство из них для защиты от солнца носило широкополые соломенные шляпы. Две таких шляпы доктор преподнес своим гостям. Что касается женских платьев, они показывали многообразие вкусов; яркие полосатые, пятнистые, цветастые косынки, платки всех цветов радуги. И хотя было всего девять часов утра, становилось уже очень жарко. Только изредка на улицах попадались мужчины в пиджаках, в основной массе они были в белых, как правило грязных, рубашках с открытым воротом.

Когда доктор привез их в отель, они заметили, что представители высших классов Гаити показывают совсем иной вкус в одежде. Женщин, за исключением обслуживающего персонала, не было, так что Мари-Лу почувст-

вовала себя несколько неловко. Все попадавшие на встречу почтительно приветствовали доктора.

Они уселись за небольшой столик недалеко от входа в большом баре. В нем, по крайней мере за ближайшими столиками, было не менее сотни мужчин, одетых в черные сюртуки или военную форму.

Мужчины в черных сюртуках, по словам доктора, были гаитянскими политиками. Остальные же, несмотря на различие в военной форме, все без исключения — генералы. Оказалось, что до начала американской оккупации на Гаити было столько же генералов, сколько и рядовых, а точнее — шесть с половиной тысяч человек. Перед тем как покинуть Гаити, американские офицеры реорганизовали вооруженные силы острова на привычный манер, но все еще было бесчисленное множество генералов, которые получали свой чин еще совсем молодыми и решительно держались за него до конца.

Вообще, на генералов они не были очень уж похожи, скорее напоминали черных лакеев в плохо сшитых и запачканных ливреях, потому что чуть ли не в каждом случае форма носилась годами, а зачастую даже в течение поколений, и передавалась от отца к сыну как драгоценная реликвия. Брюки, пиджаки, плащи были самых странных цветов и самого разного покроя. Но была и общая черта — потускневшие золотые галуны, приметанные на живую нитку и пестрые плюмажи, поддерживающиеся бог знает какой кокардой на киверах или фуражках. Некоторые из этих генералов красовались с револьверами, заткнутыми за пояс, другие звенели рапирами и саблями, некоторые из которых, по всей видимости, были в употреблении во времена французской революции, а, может быть, даже раньше, у пиратов.

Вся эта толпа болтала, не переставая жестикулировать, и де Ришло с Мари-Лу сразу же стало ясно, что это поистине «дом представителей», где решаются все дела острова на ежедневных утренних сессиях вне зависимости от того, заседает Сенат или нет. Находясь в этом заведении, доктор с гостями отведали превосходного плантаторского пунша, состоявшего из охлажденного рома, лимонного сока, сахара и других ингредиентов.

С них не сводили любопытных глаз, поэтому Мари-Лу с облегчением вздохнула, когда они покинули это заведение.

К одиннадцати часам народу на улицах стало меньше, поскольку солнце уже сильно припекало. Спасаясь от жары, все устремились по домам, чтобы там спокойно пообедать, а потом часов до трех отдохнуть, так что рабочий день на острове по существу состоял из двух частей — работа ранним утром и во второй половине дня.

Вернувшись в дом доктора, все в полдень перекусили, после чего доктор сказал, что стоит отдохнуть во время жары. Де Ришло и Мари-Лу поблагодарили его и направились в то крыло дома, где располагались их комнаты.

— Ну как ты себя чувствуешь? — спросил герцог, едва они остались одни.

— Не так уж плохо, — ответила Мари-Лу голосом, явно противоречащим ее словам.

Уже прошло двадцать семь часов с того времени, когда они проснулись в своих удобных номерах в отеле «Пэнкоуст» в Майами. За это время они выдержали больше испытаний, чем многие люди за так называемую «лихорадочную неделю». Они понимали, что пройдет еще

немало часов, пока появится какая-то надежда на помощь Ричарда и Рекса.

— А не кажется ли тебе, — спросила Мари-Лу после минутного молчания, — что ничего плохого не было бы, если бы мы немного поспали в середине дня. Поскольку наш враг всю минувшую ночь занимался нами, сейчас он просто обязан бодрствовать, иначе он не сможет ночью заснуть и нападать на нас.

Де Ришло покачал головой.

— Мне очень жаль, принцесса, но скорее всего, он как все на этом острове отдыхает во время сиесты, так что давай не будем рисковать. Правда, если ты приляжешь и просто подремлешь, я не думаю, что это принесет какой-то вред. Каждые несколько минут я буду дотрагиваться до тебя, чтобы ты случайно не заснула. Лучше полежи и вздремни, это лучше, чем ничего.

Понимая, что им еще предстоит и что ей необходимо набраться сил, Мари-Лу согласилась с этим предложением и прилегла на постель герцога. Но не успела она расслабиться, как сразу же заснула, и де Ришло был вынужден разбудить ее. Через пятнадцать минут им пришлось отказаться от этого эксперимента, потому что постоянное пробуждение в тот момент, когда она собиралась покинуть тело, еще больше утомляло.

Кое-как им удалось просидеть два часа, а затем в их дверь постучал слуга. Они быстро умылись и присоединились к доктору в большой гостиной. Их горло пересохло от жажды, глаза ввалились, в то время как доктор в белоснежном тиковом костюме выглядел бодрым и свежим. Они оба чувствовали, что он заметил их ужасное состояние, но делает вид, что ничего не видит.

Мари-Лу и герцога еще очень беспокоили ожоги, они регулярно пользовались средствами, присланными доктором, но лица все еще были красными и в волдырях. Мари-Лу, чтобы как-то прикрыть хотя бы лоб, повязала на голову белый платок на пиратский манер.

На сей раз доктор повез их в горы. Проехав примерно милю, они оказались в большой деревне, миновав которую, въехали в унфорт, представлявший собой большое огороженное место, где располагалось несколько одноэтажных зданий и множество навесов с крышами из банановых листьев, державшихся на многочисленных кольях. Унган — лысый, в очках, интеллигентного вида негр в длинном белом одеянии, приветствовал доктора и его спутников. Он довольно плохо говорил по-французски, но вполне достаточно, чтобы герцог и Мари-Лу могли обмениваться с ним простыми фразами.

В городе на них постоянно косились, а некоторые мужчины, околачивающиеся на рынках, даже шипели за их спиной, потому что белые не пользуются популярностью в Порт-о-Пренсе. Зато здесь их ожидал совершенно иной прием, полный искренности и доброты, столь характерных для истинного негритянского характера. Мужчины, женщины и дети семьи унгана, а это было не менее сотни человек, окружили их, добродушно улыбаясь. Мари-Лу даже с удовольствием бы поиграла с маленькими негритами, если бы они не были такими грязными.

Вскоре после их прибытия из деревни повалил народ. Была среда, и вскоре должна была начаться еженедельная служба, посвященная Дамбале.

Когда они отошли в сторону, чтобы унган мог начать свою службу, доктор Сатэрдей напомнил им, что Дамбала — главный из благодетельных богов Рада, и многие считают его Моисеем

Почему великий еврейский пророк был обожествлен неграми западноафриканского побережья, не сможет объяснить ни один ученый, но Моисей и Дамбала действительно имеют много общего. К примеру, зеленая змея, являющаяся символом Дамбалы, также присутствует и у Моисея. Считается, что некоторые африканские колдуны обладают умением гипнотизировать змей, они теряют свою гибкость, становятся твердыми как палки и ими можно пользоваться как посохами. По желанию колдуна, змея вновь оживает. Вполне возможно, что посох Моисея — именно такая загипнотизированная змея особого вида, обладающая привычкой нападать и пожирать других змей. Этим можно объяснить, почему посох Моисея, когда тот бросил его перед фараоном, ожил и пожрал всех змей египетских жрецов.

Сама по себе змея, которую они увидели около небольшого водоема и алтаря Ву-ду, не являлась богом, как пояснил доктор, а была скорее его служанкой.

И вообще Мари-Лу и герцог увидели в унфорте не один алтарь, а великое множество, посвященных самым разнообразным богам Ву-ду. На всех алтарях кучей были навалены самые разнообразные предметы — иконы и дешевые гипсовые фигурки различных католических святых, ассоциируемых с теми или иными богами, бутылки рома, маленькие колокольчики и многочисленные грубые фаянсовые блюда с разнообразной пищей и четками. Над каждым алтарем был балдахин из пальмовых листьев, вручную сшитых вместе и похожих на зеленые перья, в которые были вдеты сотни полосок цветной бумаги. В целом эффект нельзя было назвать потрясающим, поскольку все это напоминало прилавки старьевщиков.

Унган уселся в самом центре этой сцены на небольшом стульчике. Сзади него встала мамбо — служитель-

ница — толстая старая негритянка. Затем по одной стороне на тростниковые стулья уселись унчи — адепты Ву-ду, прошедшие первую стадию посвящения, а по другой стороне — кансосы, прошедшие вторую степень посвящения. Между ними сидели барабанщики, причем каждый большой барабан был посвящен определенному богу. Рядом с унганом также стоял оруженосец и знаменосец с двумя шелковыми знаменами, обшитыми серебряной бахромой. Порядок едва поддерживался, поскольку помощники унгана перебегали с места на место, смеялись, спорили и отпускали друг другу шуточки. Собрание тоже вело себя довольно свободно, что характерно для африканцев. Иногда следили за тем, что происходит, иногда пускались в жаркие споры, а то отправлялись к самому унгану и его окружению, чтобы поговорить.

— Будет четыре церемонии, — сказал доктор. — Первая посвящена Папе Легбе, богу Калитки, который проживает в огромном шелковичном дереве, стоящем вон там у входа. Его обязательно надо умиловить, чтобы открылся доступ к другим богам. Затем они будут приносить жертвоприношение Папе Локо богу Мудрости, чтобы он стал менее ревнивым и не покарал их болезнью. Третья жертва будет принесена Мах-Лах-Саху, хранителю Дверного порога, и, наконец, четвертая — самому Дамбале.

Сидя на низеньком стульчике перед алтарем, унган покрыл голову церемониальным платком и запел монотонную литанию, которую подхватило все собрание. Пение было долгим и заунывным, и Мари-Лу с герцогом наверняка бы заскучали, если бы не прелесть негритянского пения.

Затем пение прекратилось. Унган встал и подошел к накрытому столу, уставленному разнообразными напит-

ками и яствами, преподнесенными богам. Потом вновь вышел вперед, мукой нарисовал на алтаре какой-то знак и в центр его вылил по нескольку капель жертвенных напитков и положил небольшими кусочками все предложенные яства, сложив их кучкой в центре рисунка. Затем ему передали двух пестрых цыплят. Он простер их по очереди ко всем четырем сторонам света, призывая при этом Великого Хозяина, затем его ассистенты преклонили колени, и он покачал цыплятами над их головами. Унган также трижды преклонил колени и поцеловал землю. Все присутствующие проделали то же самое.

Забили барабаны, а посвященные Ву-ду начали ритуальный танец. Унган, держа птицу за горло, чтобы она не кричала от боли, сломал ей сначала крылья, а потом лапки. Мари-Лу отвернулась от этой ужасной картины. Когда она взглянула снова, она увидела, что вторая птичка переживает такую же участь. Затем он возложил их обеих на алтарь, посвященный Легбе, и несмотря на свои сломанные конечности, бедные птички продолжали трепыхаться.

Унган вновь поцеловал землю, выпрямился и свернул птичкам шеи, прекратив тем самым их мучения. После чего дородная мамбо взяла их у него и поджарила на огне. Затем положила их в мешок, и он под пение и барабанный бой был повешен на дереве Легбы.

Для непосвященных последующие церемонии отличались от предшествующей только тем, что Папе Локо были принесены в жертву серые петухи, а Дамбале — белые петух и курица, а также тем, что птицам горло перерезали, затем брали их за ноги и собирали их кровь в специальные сосуды.

К отвращению Мари-Лу унган каждый раз выпивал значительную часть свежей крови, предлагал также отве-

дать каждому из барабанщиков, а затем закидывал сосуд с кровью как можно дальше, а ассистенты начинали гоняться за этим сосудом, как в регби, пытаясь прикоснуться к нему и хотя бы пальцем захватить немного чудодейственной крови.

По мере того как продолжались церемонии, негры все больше и больше возбуждались. Казалось, некоторые из них впадали в экстаз и с пеной у рта танцевали до изнеможения. В перерывах ведущие танцоры останавливались и требовали рома. Унган делал вид, что отказывает им, но каждый раз, отойдя немного в сторону, возвращался с бутылкой. После выпивки пляска становилась еще более бешеной, но ничего ужасного или таинственного в службах не было, поскольку они происходили белым днем.

Перед самым жертвоприношением Дамбале произошел один неприятный эпизод. Через собравшихся пробрались две женщины в черном и остановились около герцога и Мари-Лу. Унчи увидели их и сообщили об этом унгану, который бросился на них с угрозами и проклятиями. Когда он несколько успокоился, де Ришло, заметивший, что во время перерывов в обрядах любые желающие имели возможность спокойно переговорить с ним, спросил, что эти женщины сделали. Унган ответил на ломаном французском, что они в трауре, а поэтому не имеют права присутствовать при церемонии, посвященной Дамбале, ибо она для живых. Их связь с недавней смертью вызывает присутствие, где бы они не находились, барона Самеди или «бога Субботы» по-французски.

— «Лорд Сатэрдей»! Бог субботы! — прошептала Мари-Лу, обращаясь к герцогу. — Что за странное имя для бога!

Доктор услышал, что она сказала, и повернулся к ней с улыбкой.

— Это еще одно имя, которое используют для обозначения барона Симметера. Дело в том, что его священный день суббота. И, кстати, многие не устают шутить, что мое имя тоже означает «суббота».

Если бы все происходившее не было бы таким интересным и увлекательным, даже несмотря на некоторые отталкивающие моменты, если бы не громкий бой барабанов и дикое завывание, Мари-Лу и герцог, сидевшие прислонившись к ограде, давно бы заснули, а так это явилось своеобразным тоником для их усталых нервов.

Как-то незаметно спустилась тьма, и помощники унгана зажгли факелы. Вудустская церемония перерастала в настоящую оргию. Унган еще исполнял какие-то обряды, целовал меч, знамена и размахивал своим эсконом — священной тыквой, украшенной бисером и змеиными позвонками — символом его власти, после чего уже все собрание впало в настоящий экстаз. От рома большинство унчи и кансосов были наполовину пьяные, а бой барабанов довел их до умопомрачения. Женщины начали биться в судорогах и, срывая с себя одежды, падали на землю, мужчины их подхватывали и снова заставляли танцевать, и они вновь танцевали с пеной у рта, что-то бессвязно выкрикивали и вновь бились в припадках. Многие танцоры были уже совершенно обнажены. Горячие потные тела сплетались в ритмическом экстазе, все менее и менее похожем на танец.

Доктор прошептал на ухо герцогу, что поскольку с ними мадам, им лучше удалиться. Они вернулись к машине и сквозь теплую бархатистую темноту поехали вниз по холму. Было уже почти восемь, когда они добрались до дома доктора. Мари-Лу и герцог в душе над-

еялись, что увидят в гостиной Ричарда и Рекса. Если их самолет приземлился до захода солнца, у них было достаточно времени, чтобы добраться до дома доктора. Но в гостиной их никто не ждал. С горечью герцог подумал, что произошло то, чего он больше всего опасался. Их друзьям не удалось вовремя раздобыть самолет и покинуть Кингстон до пяти часов, следовательно, маловероятно, что они объявятся раньше рассвета. Придется выдерживать еще одну бессонную ночь.

Обед подали почти сразу же после их прибытия. Во время него де Ришло и Мари-Лу чуть ли не засыпали над тарелкой, с трудом поддерживая разговор. Они почти пять часов наблюдали за ритуалами Ву-ду и, хотя благодаря этому зрелищу они продержались самую тяжелую часть дня, они все-таки сильно устали от шума и криков. После обеда они почувствовали, что готовы чуть ли не кричать от усталости, что они просто не в состоянии хоть мал-мальски поддерживать разговор с их любезным хозяином, поэтому сославшись на ужасную усталость из-за длительного пребывания на жаре, к которой они просто не привыкли, они удалились в свои комнаты.

Едва они оказались в комнате герцога, как с отчаянием уставились друг на друга. Они уже были на ногах почти тридцать восемь часов. Не было ни малейшей надежды на помощь в ближайшие, по крайней мере, десять часов. Как одолеть вторую ночь, они не знали.

С мрачным выражением лица герцог стал заряжать энергией графин со свежей водой. Как только он закончил, Мари-Лу хриплым голосом прошептала:

— Я не могу больше, не могу, не могу.

— Ты должна, — решительно заявил герцог. — Еще несколько часов и мы победим.

— Не могу, — застонала она и разрыдалась.

Герцог подождал несколько мгновений, а затем, возложив свои руки ей на голову и сконцентрировав всю свою оставшуюся силу, стал передавать ей свою энергию. Конечно, будучи сам в достаточно изнуренном состоянии, он мало что мог сделать, только немного прибавить ей сил, но все же древняя церемония возложения рук возымела свое действие. Ее истерические рыдания прекратились. Она успокоилась. Она еще была невыразимо слабой, но опасность немедленного полного упадка сил отступила.

— Извини, — пробормотала она, вытирая свои покрасневшие глаза, — я попытаюсь. Но мы, кажется, еще не разместились в пентакле, так ведь? Сейчас всего лишь девять с небольшим, и чем меньше период нашего пребывания там, тем меньше мы испытываем напряжения.

— Это верно, — согласился герцог. — Мы сейчас так смертельно устали, что было бы опасно расслабиться, но я полагаю, у нас есть не меньше часа, пока нам понадобятся защитные барьеры.

— Ну тогда давай погуляем, — предложила Мари-Лу. — Нет ничего хуже, чем час за часом сидеть на месте.

Де Ришло отдал ей большую часть своей оставшейся энергии и теперь, сидя с опущенной головой на краю постели, обессиленный, с еще не зажившей ногой, он грустно возразил:

— Боюсь, сейчас я не смогу, принцесса. Я должен немного посидеть, чтобы набраться сил к предстоящему испытанию. И если ты не возражаешь, давай с полчаса помолчим.

— А можно, я сама прогуляюсь? — спросила Мари-Лу. — Мне надо чем-нибудь занять себя, но я слишком

устала, чтобы читать. Если я смогу сейчас размять ноги, я буду в состоянии потом выдержать много часов.

— Было бы неразумно разделяться хотя бы ненадолго, но если ты уйдешь недалеко...

— Я слишком устала, — заметила она с улыбкой, — чтобы куда-то уходить. Я просто хотела пройтись вокруг сада.

— Очень хорошо, — пробормотал герцог, — но не уходи далеко, чтобы могла услышать, если я тебя позову. Было бы лучше, если б ты просто погуляла по веранде, где достаточно хорошо освещено.

— Я ненадолго, — сказала Мари-Лу и дотронулась до его щеки кончиками пальцев.

Затем она вышла через дверь в тишину тропической ночи.

Она брела по саду, мимо окон комнат для гостей, затем ускорила шаг и дошла до большой гостиной, расположенной в центральной части дома. Двери ее были раскрыты, в ней горел свет, а доктор читал, сидя спиной к ней в дальнем конце комнаты. Он даже не обернулся при звуке ее шагов, видимо полагая, что мимо проходит один из слуг.

Мари-Лу двинулась дальше. Следующей комнатой была столовая, а затем спальня доктора, потом еще какая-то большая комната и следом за нею небольшие помещения для слуг, располагавшиеся в той части дома, которая была ближе всего к дороге на Порт-о-Пренс.

В комнате, соседней со спальней доктора, горел свет. Мари-Лу задержалась и бросила взгляд в окно.

Это явно был кабинет доктора, в котором было множество книг, кушетка из конского волоса, несколько рядов пробирок на полке вдоль одной стены и какие-то инструменты. Обычная обстановка для любого человека,

занимающегося медициной или научными исследованиями, правда с одним-единственным исключением — одну из стен полностью покрывала крупномасштабная морская карта с изображением северной Атлантики.

Не сводя с нее взгляда, Мари-Лу осторожно толкнула дверь и на цыпочках вошла в кабинет. Ее ум яростно работал. Она вспомнила пару случаев, которые произошли за последние два дня и ранее казавшиеся вполне естественными.

Доктор вышел на баркасе, когда самолет упал в море. Многие часы он не приходил им на помощь, хотя наверняка видел их крушение. Он бросился их спасать, только когда их уже заметили и когда их чуть не взяли к себе на борт местные рыбаки. И вот сейчас казалось просто невероятным, что тогда ему, находившемуся от них всего в полумиле, не было известно, что им грозит опасность пойти на дно.

Затем его имя — доктор Сатэрдей. Лорд Сатэрдей — одно из имен ужасного бога Кладбища, главного из зловещих богов Петро.

Почему доктора также называли Сатэрдей? Многие негры и мулаты острова имеют целую сеть имен, которые получают при крещении католической церковью, хотя они ей преданы чисто номинально. Но другие имеют только одно имя, поскольку их при рождении посвящают одному вудустскому богу. Возможно, это имя появилось как прозвище, которое островитяне дали ему много лет тому назад, когда поняли, что он посвятил себя странной и ужасной практике.

А теперь вот эта крупномасштабная карта северной Атлантики! Тот факт, что на ней были маленькие флажки, отмечавшие места прямо в открытом океане, окончательно и бесповоротно решил вопрос. Доктор на баркасе

появился, чтобы убедиться, что они все мертвы, но поскольку его нападение провалилось, он решил доставить их к себе, чтобы держать под непосредственным наблюдением и, воспользовавшись первой подходящей возможностью, нанести им удар.

Он даже и слова не сказал по поводу их изнуренного вида, хотя и знал, чем это вызвано, а просто ожидал своего часа. Их любезный хозяин не кто иной, как враг, ради поисков которого они сюда прибыли, и вот всего на расстоянии двух комнат от нее он сидит, как паук в паутине и ждет, когда сон одолеет их.

И тут она с ужасом подумала, что он может войти в любой момент и застать ее здесь. Ей следует немедленно уйти и предупредить герцога. Она уже собралась было повернуться, как вдруг услышала приближающиеся шаги. В следующее мгновение дверь за ее спиной открылась.

18 МЕРТВЫЕ, КОТОРЫЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Мари-Лу застыла на месте. Усталость у нее как рукой сняло. В затылке у нее заныло, руки покрылись потом.

Доктор должно быть слышал, как она проходила мимо и, поскольку она не вернулась, решил поинтересоваться, куда же она пошла. А теперь он знает, что она разгадала его тайну. Пора выложить карты на стол. С самого начала знал он причины их приезда на Гаити, поэтому бесполезно делать вид, что она совершенно не понимает значения карты, на которую уставилась. Продолжая смотреть на нее, она в отчаянии думала, какой же шаг он предпримет. Она опасалась, что он ударит ее сзади, и ужасно хотела обернуться, но боялась.

Ей хотелось кричать, но от страха язык прилип к нёбу. Но услышав голос Саймона — такой родной, добродушный и веселый, она вздрогнула, как будто ей вылили на спину ушат холодной воды.

— Мари-Лу! Слава Богу, мы нашли тебя.

От неожиданности она чуть было не упала в обморок. Станные булькающие звуки раздались из ее горла. Дрожа всем телом, она обернулась.

Саймон стоял в дверях, Филиппа рядом с ним.

— О Боже! — вновь раздался его голос, на сей раз несколько встревоженный. — Что с тобой произошло? На тебе просто лица нет.

Мари-Лу покачнулась, затем бросилась к нему и схватила его за лацканы пиджака.

— Саймон, — хриплым голосом прошептала она, — Саймон! О Господи! Ты же ничего не знаешь. Нам нужно как можно быстрее убираться отсюда. Тише, ни звука! Я отведу вас к Сероглазке. Мы должны уходить отсюда! Должны!

Саймон взял ее за плечи и вывел на веранду. Схватив его за руку, она по ступенькам выбежала в сад, Филиппа — следом за ними. Затем они сделали большой крюк по неосвещенным участкам, вновь приблизились к дому и наконец добрались до комнаты герцога.

Де Ришло продолжал сидеть в том же положении, как оставила его Мари-Лу — согнувшись, уставившись бессмысленным взором на противоположную стену. При звуке их шагов он вздрогнул и оглянулся назад.

— Саймон! — воскликнул он, вскакивая. — Слава Богу, мои мольбы о помощи были услышаны!

Улыбка тронула губы Саймона, но в глазах его все еще стояла тревога.

— Да что с вами, черт побери, произошло? Выглядите как будто вышли с того света. А где все остальные?

Де Ришло вздохнул.

— Все мои защитно-ритуальные принадлежности затонули в самолете, а без них мы не можем сделать пентакль, поэтому и вынуждены бодрствовать. За всеми необходимыми нам предметами мы послали на Ямайку еще вчера вечером Ричарда и Рекса, но они прибудут не раньше утра, а мы с Мари-Лу уже на ногах почти сорок часов с того самого времени, как покинули Майами.

— Не это сейчас самое главное, — резко вмешалась в разговор Мари-Лу. — Сероглазка, я сделала ужасное открытие. Доктор Сатэрдей — наш враг.

— Что! Ты в этом уверена?

Де Ришло уставился на нее.

— Да. Абсолютно.

Глотая слова, Мари-Лу рассказала им о карте в комнате доктора и напомнила о том, как он появился на месте крушения самолета, отказываясь прийти им на помощь, пока не появились гаитянские рыбаки.

— Да, ты права, — с мрачным видом согласился герцог. Конечно, вполне возможно допустить, что люди, занимающиеся рыбной ловлей, были так увлечены этим, что совершенно не заметили падения самолета, тем более, что оно произошло очень быстро, а вот карта Северной Атлантики напрямую свидетельствует о том, что доктор и есть наш противник. Любой гаитянский оккультист, работающий на фашистов, просто обязан иметь такую карту, чтобы отмечать результаты своих астральных путешествий и передавать оккультисту в Германии совершенно точную и конкретную информацию. Трудно представить, чтобы в таком незначительном уголке, как Гаити, оказалось две подобных карты. У любого человека в принципе может оказаться карта военных действий Европы или Африки, но не карта Атлантики с разметками на ней.

— Мы должны уходить отсюда. Сразу же! Сию минуту! настаивала Мари-Лу. — Мы совершим большую ошибку, если задержимся здесь хотя бы на минуту.

— Нет, ты не права, принцесса. — Де Ришло покачал головой. — Во-первых, пока мы не сможем сделать правильный пентакль, куда бы мы ни пошли, во время сна мы все время будем в его власти. Во-вторых, твое

открытие дает нам преимущество. Он все еще пребывает в убеждении, что мы считаем его образованным человеком, не имеющим никакого отношения к Ву-ду. Мы можем неплохо сыграть, если будем делать вид, что нам о нем ничего не известно. Если же мы сбежим, он сразу же догадается, что каким-то образом мы его раскусили. Оставаясь здесь, мы, возможно, заманим его в ловушку, прежде чем он решится нанести удар по нам.

Саймон одобрительно закивал головой.

— Угу. В конце концов мы проделали тысячи миль, чтобы найти его, а теперь, когда вы у него в доме, было бы глупо бежать.

Мари-Лу в задумчивости прикрыла глаза.

— Возможно, ты прав. Не знаю. Я так устала, что почти ни о чем не могу думать, а вы с Филиппой, если не считать ваших ожогов, выглядите совсем неплохо. Минувшей ночью вам, по всей видимости, удалось поспать.

— Угу. — Саймон вновь кивнул головой. — Не скажу, что я очень хорошо поспал, поскольку всю дорогу беспокоился о вас. Боялся, что никогда никого из вас больше не увижу. После того как стемнело и искать вас в заливе стало бессмысленно, мы остановились на ночь в доме миссионера римско-католической церкви.

Лицо герцога моментально оживилось, а в его серых глазах вспыхнул такой знакомый блеск.

— Эврика! — закричал он. — О том, как вы нас нашли, расскажете позднее. Самое главное, что сейчас имеет значение, это то обстоятельство, что вы минувшей ночью спали. В настоящий критический момент я более, чем когда-либо уверен в том, что вы посланы в ответ на мои призывы. Мари-Лу и я смертельно устали. Я сомневаюсь, что мы сможем продержаться до утра, но, если

нам дадут хоть короткую передышку, мы это сделаем. Вот, что вы должны сделать.

Вы выйдете из дома и вновь в него войдете через двери большой гостиной. Если доктор Сатэрдей все еще находится там, очень хорошо; если нет, вы будете звать хозяина, пока не появится один из его слуг и не приведет его. Вы расскажете доктору о том, что путешествовали с нами, вместе потерпели крушение, но отделились от нас, отправившись за помощью на резиновой лодке. Затем вы скажете, что, прибыв в Порт-о-Пренс и услышав, что мы находимся здесь, вы поспешили сюда, чтобы поздравить нас с удачным спасением. Доктор, вполне естественно, пошлет за нами и мы разыграем радостную встречу. Потом вы намекнете, что в городе вам устроиться не удалось, и он предложит вам остановиться у него в доме. Вскоре после этого мы с Мари-Лу удалимся под предлогом, что у нас был слишком долгий и утомительный день, а дальше все зависит от вас — вы должны как можно дольше удерживать доктора, чтобы у нас была возможность поспать хоть несколько часов.

— Да, это было бы великолепно, — со вздохом произнесла Мари-Лу. — Просто прекрасно!

— Поговорите с доктором о Гаити, об обычаях острова, продолжал герцог. — Попросите рассказать о Ву-ду, об обществе «Cochon Gris» — «Серая свинья», каннибализме и зомби. Он любит говорить обо всем, что имеет отношение к его любимому делу, так что вы можете удержать его до двух-трех часов утра, а это даст нам передышку. Возможно, когда вы отправитесь спать, вам придется чуть ли не силой вытаскивать нас с постели, но это уже не имеет значения. Мы уже наберемся новых сил и сможем продержаться до возвращения Ричарда и Рекса. Да, кстати, что б вы знали, я — ученый, занима-

ющийся обычаями аборигенов, а Мари-Лу — моя племянница, которая ведет мои записи. Рекс и Ричард — британские агенты, хотя и прибывшие с нами, вынужденные чуть ли не сразу же покинуть нас из-за срочности дела с британским консулом. Доктор считает, что они остановились у него. Все ясно?

— Угу, — произнес Саймон. — Я постараюсь как-нибудь удержать эту свинью до трех часов.

Филиппа никак не принимала участия в этом быстром разговоре и уныло поплелась за Саймоном, когда он вышел из комнаты через окно.

Мари-Лу вернулась в свою спальню, а герцог остался ждать у себя. Минут семь спустя в коридоре появился доктор Сатэрдей. Он зашел к ним в комнаты и сказал, что только что объявились их друзья, потерпевшие вместе с ними крушение на самолете.

Во время ожидания герцог разделся, как будто собирался отойти ко сну. Открыв дверь, он высунул в коридор голову, изобразил радость и сказал, что будет готов через минуту. Только он оделся, как к нему присоединилась Мари-Лу, и они вдвоем поспешили в большую гостиную, где доктор со зловещим гостеприимством усадил Саймона и Филиппу в удобные кресла и готовил для них коктейли.

Все поздравили друг друга со спасением и, выразив радость по поводу встречи, стали рассказывать, что произошло с ними после того как они все разделились.

Оказалось, что берег залива Гонаив находился не так уж далеко, как предполагал Рекс, и Филиппа с Саймоном достигли его менее чем за два часа, но вокруг не было ни души, и им пришлось под палящим солнцем брести чуть ли не полтора часа, пока они добрались до рыбацкой деревни. Там, с помощью Филиппы, Саймону

удалось найти желающих отправиться на поиски потерпевших крушение. Три рыбацких лодки до самой темноты кружили в заливе, но ничего не нашли, даже следов самолета.

Лодка, в которой сидели Саймон и Филиппа, пошла вдоль берега до небольшого порта, Анс-а-Гале, где аборигены доставили их к дому католического священника, единственного белого в этом городишке.

Священник сделал все возможное, чтобы утешить их и облегчить их боль в связи с потерей ими своих друзей, поскольку в тот момент они были абсолютно уверены в том, что их друзья утонули. Тем не менее, Саймон настаивал на проведении поисков и на следующее утро, правда уже вдоль другого берега. Они продолжались вплоть до полудня, когда лодка дошла до Порт-о-Пренса. Допуская возможность, что его друзей подобрали и привезли в этот город, Саймон стал наводить справки в некоторых маленьких кафе, расположенных в порту. В третьем из них он узнал, к своей великой радости, что накануне днем на берег сошли все четверо его друзей в сопровождении доктора Сатэрдей, к дому которого они и направились. Разузнав дорогу, Саймон вместе с Филиппой отправились в горы на встречу с друзьями.

— Значит, в городе вы нигде не остановились? — спросил доктор.

— Н-не. — Саймон покачал головой. — Мы высадились на берег всего лишь час назад и сразу же из порта направились сюда. Надеюсь, мы вам не помешали?

— Нет, ну что вы, — учтиво ответил доктор. — Мне очень приятно видеть вас здесь, и я надеюсь, вы не собираетесь возвращаться в город ночью. Здесь еще есть комнаты для гостей, в которых останавливались двое из

ваших друзей. Вы можете занять их и оставаться там, сколько вам нужно.

— Огромное спасибо. Это очень любезно с вашей стороны.

Своею учтивостью Саймон почти не уступал доктору.

Потом доктор вдруг сообразил, что его новые гости, возможно, еще ничего не ели. Получив на соответствующий вопрос утвердительный ответ, он, несмотря на их жаркие протесты, пошел разбудить кого-нибудь из своих слуг, чтобы они принесли холодных закусок.

Во время отсутствия доктора де Ришло поздравил Саймона с тем, как тот изложил ситуацию, и сказал, что они с Мари-Лу уйдут, как только появится такая возможность, и постараются побольше поспать.

Когда доктор вернулся, герцог немедленно поднялся. Поскольку он с Мари-Лу чуть ли не час назад жаловался на усталость, хозяин не стал их задерживать. Заявив, что они с большой радостью поговорят со всеми утром, они сразу же отправились в свои комнаты. Едва они оказались в них, они тут же со вздохом облегчения, не раздеваясь, легли на свои постели и от усталости моментально погрузились в глубокий сон.

Когда принесли холодные закуски, сопровождаемые многочисленными блюдами с манго, грейпфрутами, бананами, грушами авокадо, дольками ананасов и папайи, Саймон с удовлетворением отметил, что аппетит Филиппы от того что она оказалась в такой зловещей компании совершенно не пострадал, правда особого внимания он на это не обращал, так как ум его был занят совершенно иным.

Закусывая, он вел любезный разговор с доктором и одновременно думал, какие действия может тот предпринять в новой для него ситуации. Допуская возможность

подвоха, он вида даже не показывал; не проявил ни малейшего раздражения, когда герцог с Мари-Лу заявили, что отправляются спать. И, тем не менее, Мари-Лу была права: доктор Сатэрдей действительно был врагом, жаждущим узнать, на что они надеются и чего опасаются.

Он безусловно не клюнул на их рассказ о том, что герцог дядя Мари-Лу, а Рекс и Ричард — английские агенты, приехавшие на Гаити для встречи с британским консулом по важному делу, и на то, что все эти три пары — совершенно самостоятельные группы, объединившиеся только во время их перелета из Майами в Порт-о-Пренс. Ему великолепно было известно, что все они отправились из Англии вместе, за исключением Филиппы, и представляют собою ту самую группу, которая начала действовать против него, еще находясь в Кардиналз-Фолли.

В таком случае он наверняка догадался, что Ричард и Рекс находятся отнюдь не у британского консула, а были посланы куда-то герцогом по особому делу. Отсюда возникает зловещая вероятность того, что сатанисту известно, куда они направились и с какой целью, что, зная это, он попытается нанести им смертельный удар до их возвращения на остров. Если это произойдет, оставшиеся члены группы навсегда застрянут на Гаити без какой-либо надежды на получение новых принадлежностей, которые могли бы обеспечить им соответствующую астральную защиту.

Интересно, думал Саймон, может доктор к этому и стремится — заставить их надеяться на получение помощи, которая никогда не придет, пока они не заснут от полного упадка сил. Интересно, думал он, почему, в течение двадцати четырех часов имея у себя под крышей

ничего не подозревающих герцога и Мари-Лу, доктор даже не попытался отравить их, подмешав им что-нибудь в пищу. Саймону казалось, что он знает ответ на этот вопрос.

Доктор Сатэрдей пойдет на убийство своих противников только в случае крайней необходимости. Отравив их, он сократит свое нынешнее земное воплощение, в то время как выждав и одолев их на астральном уровне, он сможет захватить в плен их души и заставить их работать на себя.

Размышляя над этими возможностями во время их обмена любезностями, когда он также рассказывал выдуманную версию о себе и о Филиппе, прекрасно понимая, что от него этого ждут, Саймон первоначально был уверен, что доктор попытается одурманить наркотиками своих гостей, чтобы быстро сломать их сопротивление. Правда, вскоре он понял, почему тот на это не пойдет.

Почти все сатанисты — садисты по своей природе, испытывающие огромное удовлетворение от причинения физической и моральной боли. Вполне возможно, доктор полагает, что полностью контролирует ситуацию. Если это так, он вне всякого сомнения получал дьявольское удовольствие от сознания того, что Мари-Лу и герцог были вынуждены так долго терпеть подобные мучения. В течение дня он наверняка наслаждался, видя, как тают их силы.

Но если так обстоит дело, сможет ли их теперешний трюк расстроить его планы? Если Рекс и Ричард не появятся в ближайшие двадцать четыре часа, точно ничего не удастся сделать, так как четырехчасового сна из шестидесяти четырех часов совершенно недостаточно, чтобы поддержать силы де Ришло и Мари-Лу. К тому времени и Филиппа с Саймоном дойдут до ручки.

Так обстоят дела, пришел к выводу Саймон. Доктор намеревается не допустить нового появления Рекса и Ричарда, чтобы в течение всего следующего дня иметь возможность спокойно насладиться страданиями всех остальных, безуспешно пытающихся сохранить бодрое настроение и не заснуть.

Следовательно, он обязан по возможности как можно дольше удерживать доктора; но если сатанист осознает, что происходит, вероятно занимать его разговором до двух-трех часов утра не составит труда, так как он прекрасно понимает, что двухчасовой сон де Ришло и Мари-Лу не спасет его жертвы от окончательного изнеможения к следующему вечеру.

Когда остатки ужина унесли, и они опустились в удобные кресла, Саймон, прощупывая почву, сказал:

— Знаете, как ни странно, я совершенно не чувствую желания спать, хотя на ногах с самого рассвета. Я вообще-то редко ложусь в постель раньше часа или двух ночи, так что, доктор, если вы не слишком устали, я бы с удовольствием послушал об истории этого загадочного острова.

— Я буду рад побеседовать с вами в течение часа или двух, — с изысканным поклоном ответил доктор Сатердей. — Я сам не очень много сплю, а когда я один, я порою работаю в своем кабинете чуть ли не до самого рассвета. Поэтому, не обращайтесь на меня внимания и не заставляйте себя спать, если такого желания у вас нет.

Когда они вдвоем улыбались друг другу, Саймон заметил в глазах мулата жестокую усмешку, что его окончательно убедило в том, что он прав. Доктор был настолько уверен в своей победе, что милостиво разрешал им думать, будто они дурачат его, мысленно представляя себя огромной кошкой, которая играет с четырьмя бедными

маленькими мышками и может слопать их в любой момент, когда ей заблагорассудится.

Какое-то время они говорили о самых разнообразных вещах: о необычном плодородии почвы на Гаити, о скрытых богатствах острова, об урожаях, климате, истории, современной форме правления, выдающихся людях. Примерно в половине второго утра Саймон спросил:

— Скажите, действительно ли до сих пор существует каннибализм на Гаити и некоторые из местных жителей употребляют в пищу человеческое мясо, как это делали их предки, когда еще не были рабами и проживали в Африке?

Доктор передернул костлявыми плечами.

— Вам не следует слишком плохо думать о нас. По общему признанию, бедные негры, которые составляют основную массу нашего населения, до сих пор находятся на очень низкой стадии своего развития, но они далеко не дикари. На Гаити, кстати, есть немало образованных людей, которые делают все возможное, чтобы просветить неграмотные массы, и в течение последних двадцати лет они в немалой степени улучшили здесь условия жизни. Первый такой шанс у них появился, когда они получили поддержку правительства Соединенных Штатов, которые оккупировали страну в течение девятнадцати лет и только совсем недавно вернули нам независимость. Однажды приступив к делу, эти добрейшие люди продолжали свою деятельность. В результате на каннибализм, который в прежние времена был здесь вполне привычным делом, ныне смотрят крайне неодобительно.

— А как относительно общества «Cochon Gris»?

Доктор Сатэрдей бросил на него быстрый взгляд из-под дугообразных белых бровей и на вопрос ответил вопросом.

— Откуда вы слышали о нем?

— Прошлой ночью о нем упомянул в своем разговоре священник из Анс-а-Гале, у которого мы останавливались.

Доктор опустил глаза и медленно ответил:

— «*Cochon Gris*» мы обычно в разговорах не упоминаем, это очень опасно, в особенности, когда вокруг народ, но сейчас, в такое время, когда слуги спят, и ты находишься среди друзей, об этом можно рассказать. Это, как вам наверняка известно, тайная организация, члены которой, этого я не собираюсь скрывать от вас, действительно занимаются каннибализмом. Но вы должны понять, дело здесь заключается не в том, чтобы отведать человеческого мяса. Нет. Это древний обряд, связанный с поклонением богам племени Мондонго, которых они принесли с собой из Конго. Все честные люди — как поклонники Ву-ду, так и христиане, — относятся к этому обществу с отвращением, а несколько лет назад самые просвещенные люди Гаити образовали лигу борьбы за его запрет.

— Однако, успеха они не добились, как я понял со слов католического священника.

— Существуют большие трудности, — доктор развел руки в стороны. — Во время французского владычества все негры были рабами, так что эти ужасные обряды они могли осуществлять с большим трудом, но после того как рабы завоевали свободу — это произошло во времена Наполеона перемещаться с одного места на другое оказалось легче и они стали чаще присутствовать на подобных церемониях. Соответственно, влияние этого культа распространялось, и к 1860-м годам оно завладело чуть ли не всем населением. Во время гаитянской революции римско-католических священников убивали, а остальных

белых просто высылали с острова. В течение многих лет европейцам даже не разрешалось приставать к берегу, но католическая церковь очень умна и к 80-м годам она привлекла к своей деятельности немало цветных священников из французских владений в Африке и направила их сюда. Они совместно с белыми священниками, которые появились позднее, когда белым вновь разрешили селиться на Гаити, развернули решительные действия против «Cochon Gris» или «Secte Rouge», «Красной секты», как называют многие это общество. Так что к началу нынешнего века влияние его сильно ослабло, и оно вынуждено было уйти в подполье. Тем не менее, считается, что это общество до сих пор существует. Ходят даже слухи, что в него входят самые богатые гаитяне.

— И что, полиция ничего не может поделать? — спросил Саймон. — В конце концов каннибализм предполагает убийство.

— Вся сложность заключается в том, что никто не знает, кто принадлежит к этому ужасному обществу. Если кто-нибудь из его членов случайно проболтается или будет вести себя беспечно, его ожидает верная смерть. Одного неосторожного слова вполне достаточно, чтобы «Красная секта» придала этого человека смерти. Вот почему здесь все бояться даже упоминать о «Cochon Gris». Члены этого общества абсолютно неразборчивы в средствах и не допускают даже малейшего упоминания об их деятельности или даже существовании. Теперь, надеюсь, вы понимаете, почему любой простой человек просто отрицает, что слышал о существовании такого общества, так как знает, что за такой разговор его могут ночью вытащить из дома и убить самым ужасным способом.

— Каким?

— Предателей или подозреваемых на лодке вывозят в море. Затем по их правому уху ударяют большим камнем. В кровоточащую плоть втирается яд, а потом жертву сбрасывают в воду. Они могут оказаться достаточно сильными пловцами и добраться до берега, но все равно они через час или чуть позднее умирают от действия яда. Почему используется именно этот вид умерщвления пленников, вместо того чтобы убить их ножом или задушить, я не знаю; но говорят такой обычай существует уже многие-многие годы.

— Сами вы... э... когда-нибудь присутствовали хоть на одном из таких собраний? В качестве ученого, я имею в виду, набравшись храбрости, осмелился спросить Саймон.

— Пока я не член «Secte Rouge», сделай я подобное, я бы никогда не смог вам ничего рассказать, — ответил доктор.

Саймон обратил внимание, что, несмотря на интонацию доктора и его улыбку, как бы подтверждающими, что он не принадлежит к членам этого общества, он на самом деле очень ловко увильнул от прямого ответа. Возможно, ему доставляло удовольствие умело играть фразами вместо того чтобы впрямую солгать.

— Однако, — продолжал доктор с необыкновенной откровенностью в голосе, — в отличие от полиции, я обладаю возможностями получать информацию от местных жителей, поэтому — тем более, что я интересуюсь всеми этими обрядами как человек науки — я могу рассказать вам, что происходит на таких встречах

Ночь была очень тихой. Даже цикады перестали стрекотать. Звнящая тишина повисла над этой таинственной землей. Каждое слово доктора отчетливо звенело в возду-

хе. Он начал описывать варварские древние обряды, а в это время, возможно, где-нибудь по соседству, такой обряд уже достиг своей ужасной кульминации.

— Члены общества легко перемещаются на любые расстояния — как они это делают, никому не известно — и собираются со всех частей острова. Каждый приносит с собою мешок с обрядовой одеждой. Встречаются все в унфорте бокора — так называется служитель, осуществляющий обряды поклонения дьяволу. Местный унган может также оказаться бокором, но обычно люди не в состоянии ответить, является ли их унган бокором или нет. Унган может в течение многих лет выполнять привычные ритуалы Ву-ду и никому из его паствы даже в голову не придет, что он одновременно является бокором. С другой стороны, некоторые из унганов такой славой пользуются, хотя не имеют даже возможностей для осуществления таких обрядов.

Незадолго до полуночи все собираются в унфорте, который окружен небольшими тростниковыми хижинами. Со стороны может сложиться впечатление, что идет обычная служба Ву-ду, но подается сигнал и все начинают одеваться. Бокор играет роль императора, а его мамбо — императрицы. Основные adeпты выполняют роли президента, министра, поваров, офицеров и охотников, отобранных за свою скорость и силу. Церемониальные одежды отличаются роскошью и необычностью, придавая всем собравшимся облик бесов с хвостами и рогами. Некоторые из них похожи на собак, коз и петухов, но большинство на серых свиней — отсюда и название общества.

— Напоминает шабаш ведьм в Европе, — сказал Саймон, с содроганием вспомнив, хотя и пытался не подать виду, о ритуале накануне Вальпургиевой ночи на

равнине близ Сэлисбери, в которой он как-то принимал участие.

Доктор кивнул.

— Если судить по книгам о колдовстве, которые я читал, вы абсолютно правы. Когда каждый приобретает соответствующий облик, начинают бить барабаны, но они существенно отличаются от барабанов Рады. Звуки, которые они издают, не глубокие и напевные, как у Рады, а пронзительные и резкие. Под ритм ударов барабанов все начинают танцевать, доводят себя до иступления, затем все зажигают свечи и, восхваляя Сатану, поднимают на плечи небольшой гроб и отправляются к ближайшему перекрестку. Крышку гроба украшает изображение их Ордена и десятки зажженных свечей.

На каждом перекрестке они опускают гроб на землю и совершают ритуал поклонения барону Каррефуру, богу Дорог и Путешествий, умоляя его послать им как можно больше жертв. Вскоре один из адептов доходит до крайнего возбуждения и начинает бесноваться, что является указанием на то, что бог дал положительный ответ на их просьбы.

Затем они танцуют и медленно продвигаются по дороге, которая ведет к кладбищу. Там они начинают звать к барону Симметеру и просят его оказать им содействие в их деле. Положив одну руку на бедро впереди стоящего человека и держа свечу в другой, все проходят через ворота. Самый молодой из адептов растягивается на надгробии, а вокруг него ставят зажженные свечи. Бутылка, сделанная из тыквы, ставится ему на пупок. Сложив ладони вместе, все начинают танцевать и петь, двигаясь вокруг надгробной плиты, пока вновь каждый не оказывается на своем прежнем месте.

Паства закрывает глаза, когда Королева удаляется с кладбища. Самый молодой из адептов поднимается и следует за нею, а за ними все остальные. Затем они прячутся на каком-нибудь уединенном участке дороги между двумя городами, по которой точно ходят люди. Охотники рассылаются в различные стороны, иногда покрывая многие мили, а бокор вместе со своими помощниками в это время устраивают засады на дороге, вдруг там кто пройдет. Охотники имеют веревки, которые сделаны из высушенных кишок человеческих существ. Эти внутренности очень крепкие. Ими связывают и удушают в конце концов несчастные жертвы, которые им удастся поймать. Рано утром охотники возвращаются с добычей, которая насчитывает, как правило, две-три жертвы. Иногда число несчастных доходит до полудюжины. Их затем ведут в унфорт, где бокор осуществляет обряд обращения их в коров, свиней, коз и т.д., после чего их убивают, а их мясо распределяется между участниками ритуала.

— Фью! — Саймон свиснул. — Вот так оргия! Пока буду на Гаити, ни за что не пойду ночью гулять на дорогу. Но если учитывать все эти свечи, весь этот шум, полиции при желании было бы нетрудно определить и накрыть такие встречи?

Доктор покачал головой.

— Если подумать, то можно прийти к выводу, что полиции нетрудно покончить с рэкетирами в Соединенных Штатах, высоко развитой стране, но даже агенты ФБР встречаются с большими трудностями, когда сталкиваются с хорошо организованными и мощными бандами. Из этого вы можете понять, насколько это труднее сделать на Гаити. Каждый человек опасается здесь, что он может привлечь внимание со стороны «Secte Rouge», по существу негритянской полиции. Поэтому все, за

исключением некоторых храбрых одиночек, не осмеливаются связываться с этим ужасным делом.

Затем более часа разговор крутился вокруг рэкетиров и тайных обществ не только в Соединенных Штатах, но и во всех частях света. С удовлетворением Саймон заметил, что уже почти три часа ночи, а доктор все еще не выказывает никаких признаков усталости. Повернувшись, он бросил взгляд на Филиппу.

Он уже привык к постоянному молчанию с ее стороны. После крушения самолета она умудрилась спасти свою сумочку, так что до сих пор имела все необходимые предметы для письма. Саймон удивился, что за весь вечер она не написала ни строчки, ограничиваясь, когда к ней обращались, лишь кивками головы. Она просидела с совершенно равнодушным видом в течение четырех часов, устремив свой взгляд на их зловещего хозяина. Саймону хотелось спросить, не устала ли она, но он не желал задавать ей вопросов в присутствии доктора, поэтому ограничился только тем, что положил ей руку на плечи и просто спросил:

— Ты себя хорошо чувствуешь?

Повернувшись к нему, она посмотрела на него ничего не выражающим взглядом, затем дважды кивнула, отвернулась и закурила сигарету. Поскольку в его задачу входило как можно дольше задержать доктора, Саймон сразу же выкинул Филиппу из головы и вернулся к разговору о Гаити.

— Ужасно оказаться во власти эти Серых Свиней, но еще хуже быть обращенным в зомби.

— Так вам известно и о зомби? — спросил доктор со слегка насмешливым взглядом.

— Угу, — Саймон кивнул. — Немного, но священник мне кое-что о них рассказывал. Это тела без душ, нечто вроде вампиров, так?

— Едва ли. Кстати, это еще одна из тем, на которые существует негласное табу на Гаити, поскольку нам стыдно, что всему миру известно, что подобные вещи у нас до сих пор еще происходят.

— Ну а в чем же разница? — Саймон скользнул взглядом по лицу доктора. — Может расскажете?

— Единственная общая черта между вампиром и зомби заключается в том, что они оба мертвы и похоронены, но покинули свои могилы после того как траурные процессии удалились. Говорят, что вампир продолжает жить в своей могиле и покидает ее только ночью в поисках человеческих жертв, что он поддерживает свою жизнь в теле тем, что сосет кровь живых людей — ну, как летучая мышь-вампир.

Зомби же — это человек, которого вызывают из мертвых. Он сразу же и навсегда покидает свою могилу и продолжает жить как ручной раб колдуна, который держит в плену его душу. Зомби обладает той же самой физической силой, что была у него до болезни и смерти. Он поддерживает свой организм обычной человеческой пищей, которая подается ему в хижину, где он держится в заключении в течение дня. Должен сказать, что слово «тюрьма» здесь не совсем уместно, потому что для удержания зомби не требуются ни решетки ни перегородки. Зомби не могут говорить, они не обладают здравым смыслом и даже не узнают людей, которые были самыми близкими для них во время их жизни. Для них нет спасения, и они его не ищут. Они работают день за днем, год за годом, на банановых плантациях, выполняют любую работу, как бедные слепые животные.

— Какой... какой ужас! — выдавил из себя Саймон. Доктор кивнул своей белой головой.

— Это еще более ужасно для семьи, которая неожиданно начинает подозревать, что один из ее членов обратился в зомби. Вы только представьте себе это. Самый любимый вам человек — ваша жена или сестра, которую вы всегда баловали и окружали всеми удобствами, неожиданно вдруг, к вашей глубокой печали, заболевает и умирает. Даже если вы бедны, вы отдаете все, лишь бы провести самые лучшие похороны, которые вы можете себе позволить, а позднее вы пытаетесь убить свое горе тем, что думаете о том, как этот дорогой вам человек мирно спит в своей могиле, освобожденный от всех земных забот и тревог. Затем, через год или два, до вас доходят слухи, что однажды утром, на рассвете, видели вашу возлюбленную и узнали, что по ней ползали вши, а сама она была в лохмотьях и еле брела, согнувшись от усталости, после работы на какой-то плантации в дальней части острова.

Вся ваша душа кричит от боли, стремится туда, чтобы спасти ваших близких, хотя вы знаете, что они не узнают вас и будут смотреть на вас пустым взглядом. Но вам не следует так делать. Вы знаете, что, если попытаетесь искать их, об этом станет известно колдуну, который поработил их, и вскоре вы тоже заболаете, умрете и станете зомби.

Потрясенный услышанным, Саймон спросил:

— А как отбираются жертвы? То есть, я хотел спросить, есть ли какие-то особые приметы, по которым колдун отбирает для обращения их в зомби?

— Нет, таких примет нет, за исключением, конечно, того, что отобранные жертвы не должны быть слишком старыми для работы, как правило, на плантациях. А вот

причин для обращения в зомби вполне достаточно. Для любого беспринципного хозяина это удобный случай для получения бесплатной трудовой силы, так как платить зомби не надо. Им дают место для ночлега, какие-нибудь тряпки в качестве одежды и немного пищи, чтобы они могли поддерживать свои силы. Потом, если человек насмерть ненавидит кого-то. Это же самая тонкая и удовлетворительная форма мести. Стоит только обратиться к бокару и враг обращается в зомби. Очень часто люди становятся зомби в результате церемонии «бамун».

— А что это такое?

— «Бамун» означает «дай человека». Эта церемония напоминает европейское средневековье, когда человек мог продать себя Дьяволу. Бедный, но честолюбивый человек, понимая, что улучшить свое положение обычными средствами он не сможет, обращается к бокору и испрашивает помощи у богов Зла. Под алтарем каждого унфорта есть кувшины, в которых хранятся души давно умерших унганов. У самых мощных бокоров таких кувшинов очень много. Эти души вызываются специальными заклинаниями. Когда им преподнесены специальные подношения, они начинают стонать; затем вопрошающий знает, кто из богов Зла готов выслушать его мольбы. Он пишет соглашение своей собственной кровью и, приложив к нему денег, опускает все это в один из кувшинов. Затем ему дают небольшую коробочку. Служитель говорит, что в ней находятся части некоторых небольших животных и что он должен заботиться о них и ухаживать за ними каждую ночь, как будто они части его самого.

— Здесь есть сходство с жабами, ящерицами, кошками и совами, которых использовали европейские ведьмы, — вставил Саймон.

Доктор утвердительно кивнул.

— Заключается сделка, по которой боги Зла в течение какого-то времени помогают процветать делам человека, но по завершении этого периода он отдается полностью в их власть. При этом его предупреждают, что, если он этого не сделает, то на третью ночь по истечении срока все эти маленькие животные обратятся в огромные, мерзкие чудовища, которые его сожрут. Есть, однако, способ, благодаря которому он может избежать такого наказания, по крайней мере на время, — это согласиться, чтобы вместо него зомби стал кто-то из членов его семьи, причем человек, который ему очень дорог, т.е. идя на такой договор, он приносит определенную жертву. Соглашение тогда автоматически продлевается на новый срок. Известно, что некоторые люди таким образом отдавали всех членов своей семьи — сыновей, дочерей, племянниц, племянников, родителей, пока вообще не оставалось никого. Каждый раз такие люди надеются, что умрут естественной смертью, когда придет час расплаты. Зачастую они кончают жизнь самоубийством, лишь бы не платить долг самим.

— Ужасная картина, — заметил Саймон, — но надеюсь, эта практика затрагивает только наиболее невежественных из негров?

— Совсем нет. — Доктор Сатэрдей печально улыбнулся, блеснув белыми зубами. — Каждый мужчина и каждая женщина на Гаити опасаются, что однажды обратятся в зомби. Этот страх преследует всех — от самого черного негра до самого светлого мулата. Этот страх присутствует даже у самых богатых, потому что кроме работы на полях есть еще другие способы использования зомби. Совсем недавно на Гаити одна из самых очаровательных молодых мулаток неожиданно таинственно умерла, а восемнадцать месяцев спустя видели, как она бро-

дила ночью по улицам Порт-о-Пренса. Она ни о чем не думала, была нема и не могла рассказать своей истории, но вот странное совпадение: очень богатый негр, предполагавший жениться на ней, когда она была жива, и которого с оскорблениями отвергли ее родители, неожиданно умер буквально за день до того, как она вновь объявилась. У меня есть все основания полагать, что поскольку он не мог добиться ее путем замужества, он заплатил мощному бокору, чтобы тот обратил ее в зомби, добился ее по возвращении ее из могилы и последующего воскресения и, держа ее дома, наслаждался ею в любое время, когда пожелает. Затем, когда умер, его жена, желая избавиться от девушки, просто ее выгнала.

— И что произошло с нею дальше? — спросил Саймон.

— Естественно, ее семья стремилась замять дело, поэтому ее отдали на попечение монахинь, но она умудрилась как-то ночью удрать, пробраться на корабль, шедший во Францию, и там спрятаться в женском монастыре. Но бокор, сделавший ее зомби, до сих пор имеет над нею власть и может при желании вернуть ее на Гаити, а если он еще к тому же и очень сильный оккультист, он может оживить ее разум и вложить в него, даже на очень большом расстоянии, те мысли, что пожелает, хотя и не сможет заставить ее говорить.

Неожиданно поведение доктора изменилось. Он резко встал. Его голос из насмешливого стал открыто враждебным и презрительным.

— Я хорошо позабавился своим разговором с вами, мистер Арон, — сказал он. — Я отправляюсь спать. Когда вы разбудите ваших друзей и они возобновят свою борьбу, стараясь не встречаться со мною на астральном уровне, думаю, они с большим интересом выслушают

все, что я рассказал вам о зомби, в особенности историю о прекрасной гаитянке, отосланной во Францию. Кстати, боком в том случае был я. Чтобы держать вас всех под наблюдением с ее помощью, я вызвал ее на Гаити.

Какое-то мгновение Саймон был даже не в состоянии полностью осознать смысла сказанного доктором Сатэрдеем. Затем его сердце перестало биться. Он медленно повернул голову и посмотрел на Филиппу.

19 ЖИВОЙ ТРУП

Прекрасная немая продолжала сидеть с совершенно бесстрастным выражением лица. Если она даже слышала слова доктора, она не показывала виду, и тут Саймон вдруг подумал, что с того времени, как она оказалась в доме доктора, она не сделала ни малейшего движения.

Даже осознав весь ужас сложившейся ситуации, он, тем не менее, продолжал лихорадочно думать. Если она действительно, как сказал мулат, зомби, чьим разумом он может управлять даже на расстоянии, он при желании мог и умертвить его, лишив всякого содержания. Каждая мысль, которую Филиппа выражала письменно со времени их первой встречи примерно неделю назад на вокзале Ватерлоо, была просто набором разных слов, ни в коей мере не отражавших ее индивидуальности, ее личного «я», каковым она была более двух лет тому назад, а являвшихся совершенно случайными фразами, цель которых — создать перед ее ничего не подозревающими спутниками образ человека, каким она должна была быть по мысли доктора.

Все, что им было известно о ней, они узнали из ее собственных рук. Именно она рассказала им о том, что потеряла речь в результате шока во время бомбежки госпиталя, в котором она работала. Теперь очевидно, что

это была ложь. В то же время на такую историю мог натолкнуть только очень умный противник, понимавший, что, благодаря ей, девушка будет пользоваться всеобщим сочувствием и вниманием. И то, что она жила на Ямайке и вместе с дядей побывала на всех островах Вест-Индии, тоже выдумки доктора, позволившие ей оставаться в их обществе и в его интересах следить за ними.

Калейдоскопическая смена событий за последние несколько дней пробежала перед его мысленным взором. Вот он держит Филиппу за руку, вот он танцует с нею. Если бы не ужасная обеспокоенность за своих друзей, когда в течение многих часов он не знал, живы они или нет, он бы уже вчера вечером наверняка занимался с нею любовью. И вот оказывается, она не человек, а только тело без души, некое существо, вставшее из могилы.

Глядя на ее гладкие, слегка смуглые щеки, полные красные губы, это представлялось просто невыносимым. И, тем не менее, это так. Было что-то отталкивающее в ее быющем через край здоровье. Он чувствовал, что даже прикосновение к ней вызовет у него отвращение. Одновременно ему было ужасно жаль ее, точнее, не ее, а человека, каким она была до того как у нее похитили душу.

Очаровательное существо, на которое он смотрел, было просто куском «человеческой» глины, приведенным в действие необычайно мощной волей. Где-то томится в заточении душа девушки, которая подвергается невыносимым мучениям, имея и одновременно не имея своего земного воплощения. Она не может наслаждаться периодом спокойного парения, наступающим после завершения земной ипостаси, и не может оживить иной человеческий организм, а вынуждена с горечью взирать, как используется тело, которым она уже не в состоянии управлять. И

это будет продолжаться до тех пор, пока в результате какого-нибудь ужасного происшествия или непредвиденной болезни, изъевшей плоть, она станет непригодной для дальнейшего использования ее воплощением Зла.

Другая мысль пришла в голову Саймону. Пока он считал немую девушку своим товарищем, он совершенно не опасался доктора, хотя прекрасно понимал, что мало чем она может помочь ему — ситуация, напоминающего человека, бесстрашно шагающего ночью по джунглям в сопровождении своей собаки, хотя она не может уберечь от укуса змеи или от прыжка пантеры.

Все его друзья спали, и Саймон был абсолютно уверен, что даже самые громкие крики их не разбудят. На Филиппу надеяться было бессмысленно, поскольку она представляла собою лишь куклу в человеческом облике, приводимую в движение волей их противника. Саймон оставался, таким образом, наедине со злобствующим сатанистом.

Все эти мысли молниеносно пронеслись у него в уме. Под конец он даже почувствовал неожиданно желание вскочить со своего кресла и в ужасе бежать из дома, но сдержался. Благодаря правилу, что любое сопротивление Злу придает дополнительные силы, ему сразу же пришла на ум новая мысль. «Дурак! — подумал он. — Твое положение не хуже, чем было в течение всего вечера. Ты придумал план, Филиппе не было в нем места. Таким образом, ужасные саморазоблачения доктора ничего не меняют. Он рассказал тебе о Филиппе, чтобы нагнать на тебя страху. Не поддавайся. Делай так, как задумал. Как будто он только что объявил о своем желании отправиться спать».

План Саймона был очень прост. Он его вынашивал уже в течение нескольких часов. Саймон умел поддержи-

вать разговор и в то же время думать совершенно об ином, а поскольку в течение вечера почти все время говорил доктор, у него были прекрасные возможности спокойно обдумать со всех сторон сложившуюся ситуацию.

Сейчас он был абсолютно уверен в том, что, отправляясь спать, доктор совсем не собирается заниматься противниками, которых заманил к себе в дом, а намеревается выждать появления Рекса и Ричарда. Если он сможет предотвратить их возвращение, другими он займется на досуге, получая в течение предстоящего дня садистское удовольствие от их попыток преодолеть все возрастающую усталость, пока они окончательно не сломаются. Саймон пришел к выводу, лучшее, что он может сделать, и единственное, что дает хоть какую-то надежду на их спасение, это перенести военные действия в лагерь неприятеля. Даже рискуя своей жизнью, он обязан поломать план доктора, чтобы Ричард и Рекс могли избежать его нападения и воссоединиться со своими друзьями.

Согласно тому что рассказал де Ришло, раз два их друга не смогли вернуться до захода солнца, значит, они появятся не раньше рассвета, поскольку в Порт-о-Пренсе нет условий для посадки самолета ночью. Очевидно доктор это учел — отсюда его желание говорить чуть ли не до самого утра. Он понимал, что Ричард и Рекс смогут покинуть аэропорт Кингстона не раньше чем за пару часов до восхода солнца, поэтому, если он ляжет спать в пять или даже шесть часов утра, у него еще будет вполне достаточно времени, чтобы перехватить их на обратном пути. Саймон поставил перед собой задачу попытаться удержать доктора от сна, пока не поднимется солнце, и в течение последних нескольких часов немало об этом думал.

Если бы его пистолет не остался бы в их самолете, он наверняка бы сейчас не выдержал, выхватил бы его и прикончил

доктора прямо на месте, надеясь, что де Ришло и Мари-Лу еще не проснулись и их астралы находятся где-то поблизости. Они бы могли схватить дух Зла в тот самый момент затмения или провала памяти, который следует сразу же за моментом смерти, и заточить его, одержав одним ударом победу, ради которой отправились на это дело. Но если астралов его друзей поблизости не было, дух доктора мог освободиться и, поскольку у них не было мер защиты, завладеть ими. Так что риск был велик, но поскольку средств для убийства доктора у него все равно не было, Саймон решил об этом больше не думать.

Единственный выход — ранить доктора или причинить ему такую боль, чтобы он был просто не в состоянии заснуть. Но это легче сказать, чем сделать. На внешность мулату было лет шестьдесят. Он обладал мощным телосложением, и не хилому Саймону было с ним тягаться. Только неожиданное нападение может вызвать нужное повреждение, но сделать это непросто, тем более когда противник — человек сообразительный, понимает, что его ненавидят, и готов к любым непредвиденным обстоятельствам.

Тем не менее, Саймон — грозный противник. Поставив перед собою цель, он ни за что не отступится. Он стал мысленно исследовать все участки человеческого тела, выискивая среди них тот, неожиданный удар по которому может вызвать резкую и неприятную боль.

В течение нескольких минут после откровений доктора относительно Филиппы Саймон сидел уставившись взглядом в пол, чтобы враг не смог прочесть его мысли.

И вдруг он изо всей силы носком правой ноги ударил по подъему левой ноги сатаниста.

Мулат отшатнулся назад, его лицо исказилось от боли. Острая носок повредила нежные сухожилия подъема, расположенные прямо над ступней. Опуская ногу, Саймон сломал сатанисту одну из маленьких хрупких косточек, которая с треском хрустнула.

С трудом высвободив ногу, доктор, глаза которого источали злобу, даже не попытался ударить Саймона, а только зловеще прошептал:

— Клянусь бароном Симметер, я отплачу тебе за это!

Но Саймон еще не закончил. Нанесение раны представляло лишь ничтожную часть его плана. Схватив со стола большую масляную лампу, он запустил ею в голову сатанисту.

Пригнувшись, доктор избежал опасного снаряда, но под натиском неожиданного нападения он стал отступать назад и пятиться из комнаты. Лампа разбилась, из нее вытекло горящее масло. Пламя стало лизать тонкие занавески. В следующее мгновение Саймон вскочил на стул. С потолка в центре комнаты свисала другая лампа. Сняв ее, он запустил и ее в отступающего врага.

Вторая лампа тоже не попала в доктора, но взорвалась. На полу запылела пламенем целая лужа горящего масла. Огонь стал пожирать соломенные коврики. Еще несколько мгновений и весь дом будет в огне, как и планировал Саймон.

— Будь ты проклят! Попробуй теперь, поспи! — крикнул Саймон и, соскочив со стула, побежал поднимать де Ришло и Мари-Лу.

Они спали прямо в одежде на своих кроватях. Сперва Саймон думал, что ему вообще не удастся их разбудить. Он кричал на Мари-Лу, сажал ее, но она все-равно со

стоном откидывалась назад. В отчаянии он дал ей несколько сильных пощечин. Постепенно она стала приходить в себя. Герцога поднять было не легче. Прошло пять драгоценных минут прежде чем Саймон смог поднять их на ноги, и они выслушали его скомканный рассказ о том, что произошло.

Все еще находясь в полусонном состоянии, они побрели за ним, когда он бросился обратно в гостиную. Во время его стремительного и яростного нападения на доктора, на лице Филиппы не дрогнул ни один мускул. Она продолжала сидеть в своем кресле, тупо уставившись перед собой.

Огонь быстро охватывал деревянные постройки. Когда они вошли в гостиную, они увидели, что вся комната наполнена дымом и пламенем. Кресло Филиппы пустовало, и вдруг девушка появилась из темных клубов дыма. Похоже, она хотела пройти за доктором в его комнату, но не смогла этого сделать.

Когда она шатаясь подошла к ним, они все вздрогнули от ужаса. На ее лице застыли немигающие глаза, широко раскрытый рот исказило от неслышного крика. Волосы и одежда горели, а сама она, казалось, потеряла рассудок.

Де Ришло моментально снял свой пиджак и набросил его на нее, в то время как Мари-Лу и Саймон пытались сбить пламя с ее горящей юбки голыми руками. Им это удалось. Девушка потеряла сознание и упала на пол.

Большая часть комнаты напоминала теперь горящий очаг. Только дверь, ведущую в комнаты для гостей, еще пока не затронул огонь. Подхватив Филиппу под руки, герцог и Саймон вынесли ее на веранду через эту дверь и ближайшую комнату.

Они увидели, что огонь уже достиг столовой и, если его не остановить, вскоре он будет пожирать спальню и

кабинет доктора. Где-то за стеною огня и дыма раздавался его голос, отдающий приказания слугам. Слышались звуки бегущих ног. Саймон не выдержал и торжествующе воскликнул:

— Этой свинье сегодня не придется поспать!

И тут же его внимание вновь обратилось на бедное, бездушное тело, которое они знали под именем Филиппы.

Де Ришло уже осмотрел ее и с отчаянием в голосе сказал:

— У бедняжки ужасные ожоги на голове, руках и ногах. Мы должны как можно быстрее доставить ее в больницу.

— Она... она не человек... она — зомби, — выпалил Саймон. — Об этом мне сам доктор Сатэрдей сказал. Еще до того, как я набросился на него.

— А что такое зомби? — спросила Мари-Лу встревоженно.

— Зомби, — отвечал с мрачным видом де Ришло, — тела без душ. Это мертвые люди, которых вызвали из могилы на служение колдуну, захватившему их души. Какой ужас!

Буквально в нескольких предложениях Саймон поведал им о том, что рассказал о Филиппе доктор.

Герцог кивнул.

— Тогда надо думать, все домашние слуги — тоже зомби. Но хотя зомби не могут говорить, они могут чувствовать, так что несчастное тело, которое мы называем Филиппой, страдает не меньше, чем любое человеческое существо с душой. Мы все равно обязаны доставить ее в больницу. Саймон, подними-ка ее мне на плечи. До города всего четверть часа ходьбы. Если нам повезет, по дороге нам кто-нибудь поможет.

Они водрузили тело Филиппы на спину герцога, как это делают пожарники, и, пригибаясь под ее весом, он стал спускаться по ступенькам веранды. Мари-Лу шла впереди, а Саймон позади, охраняя тыл этой небольшой группы. Нести девушку было для герцога нелегко, и он был вынужден останавливаться каждые несколько сот метров, чтобы немного передохнуть, но когда они прошли с полмили, на пересечении дорог они увидели повозку, направлявшуюся в город.

Хотя они не умели говорить по-креольски, крупная толстая негритянка сразу же уловила ситуацию и помогла положить бессознательное тело на груды овощей. Кнутом заставив несчастного ослика бежать рысцой, она довезла девушку прямо до больницы. Все остальные бежали рядом с повозкой.

Там они освободили ее от этого груза и передали его сиделке-мулатке, которая сразу же вызвала хирурга — местного негра. После всего услышанного о Гаити было приятной неожиданностью увидеть, что больница по своей чистоте, оснащению и персоналу, довольно неплохо говорящему по-французски, ничем не уступает европейскому учреждению в городе подобной величины. С Филиппы быстро сняли всю обгоревшую одежду, а затем девушку на каталке отвезли в операционную. Остальных же попросили присесть и подождать, что скажет хирург, в совершенно пустой, но вполне удобной комнате.

Ожидая, они обсудили события ночи. Де Ришло не поскупился на похвалы Саймону за его хорошо задуманное, храброе и мастерски выполненное нападение на противника.

Герцог сказал, что доктор, как и любой черный оккультист, в состоянии преодолеть боль и ввести себя в транс, но из-за пожара он не сможет этого сделать.

Естественно, он в первую очередь будет стремиться спасти наиболее ценные магические принадлежности, которые хранил где-нибудь в кабинете, и другие предметы, так что пройдет не менее двух часов, прежде чем он отправится к соседям в поисках пристанища на ночь.

Благодаря Саймону, пожар начался двадцать минут четвертого. Было уже почти четыре. Через два часа будет шесть, сатанисту, по крайней мере, понадобится еще час, чтобы привыкнуть к острой боли в ноге, и заснуть. Так что скорее всего он сможет покинуть свое тело не ранее семи, а, может быть, даже значительно позднее. Благодаря мастерству Саймона, его тонкой стратегии, были все основания полагать, что доктор не сможет оказаться на астрале раньше рассвета. Все были абсолютно уверены в том, что Рекс и Ричард покинут Кингстон в самое раннее по возможности время и прибудут в Порт-о-Пренс днем.

Полчаса спустя пришел негр-хирург и сообщил им, что у Филиппы серьезные ожоги и что он не отвечает за ее жизнь. Даже если она выживет, ожоги у нее ужасно тяжелые. Врач был очень приветлив и любезен и, видя, в каком подавленном состоянии они находятся, настоял на том, чтобы одна из сиделок принесла им горячего кофе с ромом, чтобы поднять им настроение. Когда они выпили кофе, он предложил им придти через несколько часов, возможно, к этому времени он сможет сказать им что-то новое.

Была половина шестого утра, когда они вышли на улицу. Небо на востоке, над вершинами гор, стало уже бледно-серым. Выйдя из города, они стали подниматься в горы. Когда они миновали густые заросли, перед ними открылся дом доктора. Было видно, что пожар погасить не удалось. Центр дома обвалился, из развалин валил

густой дым, а боковые крылья были в огне. Еще час, и от них, без сомнения, ничего не останется.

Несколько удовлетворенные тем, что нанесли такой сокрушительный удар по противнику, друзья медленно повернули обратно и, пройдя две мили, оказались в порту. Вскоре после этого начался рассвет, и все небо над холмами стало напоминать таинственное, сияющее море ярко-красных и золотистых красок.

Порт просыпался. На воду спускались рыбацкие лодки с обтрепанными и залатанными парусами, открывались кафе и бары, издали доносилось мелодичное пение негров, тянувших на бечеве пароход в открытое море.

Де Ришло с друзьями тщательно всматривались в западную часть небосклона, надеясь, что вот-вот заметят пятнышко, которое превратится в самолет, нанятый Ричардом и Рексом для возвращения. Более часа всматривались они в обширное небо над голубым заливом, по берегам которого возвышались пальмы некоторые из них были свалены ураганами, но хотя солнце уже было высоко в небе и солнечный свет заливал все вокруг, так ничего и не показалось.

Благодаря стратегии Саймона, Мари-Лу и герцог получили возможность поспать целых пять часов, так что несмотря на ночные волнения, они чувствовали себя вполне прилично, чего нельзя было сказать о Саймоне, который уже не спал более двадцати четырех часов и начинал уже испытывать большую усталость.

Чтобы хоть как-то растормошить его, в половине восьмого де Ришло послал его вместе с Мари-Лу в больницу, чтобы они узнали, каково состояние Филиппы, сам же он продолжил наблюдение. К восьми часам его друзья вернулись к нему и сообщили, что хирург сказал, ее ожоги

слишком тяжелые и, по его мнению, она умрет в течение утра.

— Конечно, новости неприятные, — проворчал герцог, но что поделаешь. Мы, однако, должны проследить, чтобы на сей раз бедняжку действительно захоронили и чтобы ее тело больше никогда не могли реанимировать.

— А разве это можно сделать? — спросила Мари-Лу.

— Конечно. Ни один жизненно важный орган у нее не поврежден и, хотя ожоги изуродовали ее прекрасное лицо, в физическом плане она все еще молода и сильна. Этот изверг, с которым мы сражаемся, может вновь, если мы не предпримем соответствующих шагов, поднять ее из могилы, на сей раз для работы на плантациях.

— А что мы сделаем? — поинтересовался Саймон.

Де Ришло пожал плечами.

— Существуют различные способы. Но все это крайне неприятно. Главное заключается в том, что, как только у нее не будет никаких признаков жизни, мы обязаны потребовать ее тело для захоронения. Ну а тем временем давайте попытаемся думать о чем-нибудь более приятном. Может, завтрак нам в этом поможет.

Никто из них даже не задумывался о еде в предшествующие часы, и тут все почувствовали, насколько они голодны. Они отправились в самый приличный над вид ресторан порта и отдали должное чудесному кофе и вполне сносному омлету.

Было уже почти девять, когда они закончили завтракать. К этому времени они уже не на шутку встревожились относительно Ричарда и Рекса. Даже если они вынуждены были ждать до самого рассвета, чтобы вылететь из аэропорта Кингстона, они уже должны были быть в Порт-о-Пренсе, поскольку даже самая устаревшая мо-

дель могла с легкостью покрыть такое расстояние за два часа.

Совершенно равнодушно смотрели они, как длинный, низкий морской баркас входит в гавань. Никто из них даже слова не сказал о нем, пока Саймон не заметил, что на его корме полощется красный английский торговый флаг.

Не успел он обратить внимание своих друзей на это обстоятельство, как из рубки на баркасе появились две фигуры, они спрыгнули на причал и привязали лодку. Это были их друзья. Быстро сказав официанту негру, что они сейчас же вернутся, они с сияющими от радости лицами выбежали встречать Ричарда и Рекса.

Рекс нес большой чемодан, свободной рукой махая в знак приветствия.

— Мы все раздобыли! Клянусь чертями, приятно вас видеть! А мы уже думали, что поздно.

— Да, — добавил Ричард, вцепившись в Мари-Лу. — Слава Богу, с тобою все в порядке. Мы добрались до Кингстона вчера в час, но ни за какие деньги раздобыть самолет там невозможно. Просто их нет. К счастью, мы натолкнулись на эту лодку. Она намного быстрее, чем та, на которой нас доставили на остров, поэтому мы ее и наняли. Потом мы купили все, что нужно, и сразу же отправились в обратный путь, который мы покрыли за пятнадцать часов.

— Прекрасно! — Де Ришло улыбнулся. — Прекрасно. Мы с Мари-Лу еще вчера сломались бы, если б не появился Саймон. Он дал нам передышку и вставил палки в колеса врага.

— А вы умудрились отыскать нашего неприятеля, да? спросил Ричард.

— Слава Богу, да! — воскликнул герцог. — Но вы никогда, конечно, до этого не додумаетесь. Это наш любезный мулат, доктор Сатэрдей. Думаю, вы оба проголодались, да? Присаживайтесь. Мы все вам расскажем.

Они заказали еще кофе и омлета, и, пока вновь прибывшие утоляли голод, рассказали, что произошло в их отсутствие. Все впятером потом стали думать, что делать дальше.

— Ричард, было бы лучше еще на какое-то время сохранить лодку, — сказал герцог. — Там мы пока временно и разместимся.

— Но все-равно для защиты ночью нам не удастся сделать там такой пентакль, как нужно, диаметром в двадцать один фут, — возразил Ричард. — Ее ширина значительно меньше.

— Зато мы можем сделать несколько маленьких пентаклей, — сказала Мари-Лу, но тут вмешался герцог.

— Теперь, когда мы все вместе, самый большой был бы лучше всего, но вряд ли мы найдем место для него даже в гостинице. Существуют причины, по которым нам не стоило бы там останавливаться. Конечно, мы можем снять пустой дом, но это вынудит обращаться к различным агентам, а, кроме того, придется осмотреть немало мест, так что мы сэкономим немало времени и избежим всяческих волнений, если сразу же остановимся на баркасе. Когда же наступит ночь, мы можем пристать где-нибудь к пустынному берегу и сделать там на песке наш пентакль. Днем я могу найти иное использование баркаса, учитывая то важное обстоятельство, что команда состоит из ямайских парней, а не из гаитянских, так что маловероятно, что доктор сможет добраться до них.

Взвесив все это, они отправились на баркас и оставили на нем чемодан, который нес Рекс. Затем герцог

предложил снова сходить в больницу и дожидаться, когда жизнь покинет обгоревшее тело Филиппы.

Саймон заметил, что, хотя он и не опасается заснуть, он бы предпочел немного отдохнуть, нежели еще гулять, тем более, что становится жарко. Де Ришло согласился, что это мысль неплохая, желательно, чтобы на баркасе всегда кто-то был и не спускал глаз с ценного груза. Друзья поэтому оставили Саймона на баркасе, а сами вновь отправились в город.

До больницы было всего десять минут ходьбы от порта. Когда они дошли до нее, молодой студент-медик сообщил им, что Филиппа умерла перед самым их приходом.

Де Ришло сказал, что в таком случае они сразу же возьмут на себя все заботы о теле их подруги, если только им помогут раздобыть транспорт. Не моргнув глазом, он добавил, что родители девушки живут на Ямайке и, естественно, хотели бы, чтобы она была похоронена там. Кроме того, сказал он, очень важна скорость, потому что если тело девушки быстро не перевезти на лодке на Ямайку, то в результате жары оно начнет очень быстро разрушаться.

Молодой студент им посочувствовал и, стараясь помочь им, сразу же отправился на поиски хирурга, который, сказал он, выдаст свидетельство о смерти и вызовет машину скорой помощи, чтобы доставить тело в порт.

Они прождали минут двадцать, затем появился хирург с мрачным выражением лица.

— Я должен извиниться перед вами, — произнес он на великолепном французском языке, — за то что подверг сомнению ваше право на тело молодой девушки, которую вы доставили сюда рано утром под именем Филиппы Рикарди. Произошла необычная и весьма не-

приятная вещь. Лицо девушки не очень сильно обгорело, и ее узнала одна из наших сиделок. Она категорически заявила, что это Мари Марино, родившаяся и воспитанная в Порт-о-Пренсе, чья жизнь с девятнадцатилетнего возраста окружена в значительной степени тайной. Мы, естественно, послали за родителями Марино, и они были у постели девушки в самые последние минуты ее жизни. Они категорически заявляют, что это их пропавшая дочь.

— Перед смертью она пришла в сознание? — спросил герцог.

— Да. И, как это часто бывает в подобных случаях, она совершенно не испытывала боли, так что ее смерть была спокойной.

— А она признала в людях, сидевших у ее постели, своих родителей? — продолжал де Ришло.

— Нет, — ответил после некоторого колебания хирург. Пожалуй, что нет. Но они стоят на своем.

— Думаю, вам лучше провести нас к ним, — сказал герцог.

— Хорошо.

Хирург повернулся и повел их по коридору, затем вверх по лестнице, и наконец они оказались в длинной, безукоризненно чистой палате с широкой верандой. В конце ее была стеклянная перегородка, за которой стоял мужчина. Он пытался успокоить рыдающую женщину, павшую на колени перед кроватью, на которой покоилось тело.

Когда де Ришло с друзьями обогнул эту перегородку, они обратили внимание на то, что мужчина и женщина были мулатами довольно преклонного возраста. Мужчина был потемнее и очень красивым, своими чертами лица напоминая Филиппу, а женщина представляла собой бес-

форменную жирную тушу, обтянутую хорошим шелковым платьем.

Хирург что-то пробормотал в качестве приветствия.

— Месье и мадам Мартино — вот люди, которые привезли вашу дочь на лечение.

Пожилой мулат посмотрел на них с ненавистью, как бы желая дать понять, с какой бы радостью он перерезал им глотки; а толстая женщина вскочила на ноги и завопила на плохом французском:

— Вы — вурдалаки! Похитители трупов! Где вы нашли ее? Мою Марию! Почему наш милостивый Господь не поразил вас насмерть за это?

Трясаясь от негодующего гнева, она продолжала:

— Мы спасли ее. Она была в полной безопасности с добрыми сестрами в Марселе. Бедняжка! Они утверждают, что в монастыре она чувствовала себя счастливой, и мы платили за это деньги. Пусть все проклятья Ада падут на ваши головы, за то что вы привезли ее туда, где она столько страдала.

— Прошу прощения, мадам, — спокойно сказал де Ришло. Вы, боюсь, введены в заблуждение и совершенно не представляете, что мы за люди, а также ошибаетесь относительно личности этой девушки. Возможно, она очень похожа на вашу дочь, но зовут ее Филиппа Рикарди. Уверяю вас, вы ошибаетесь, полагая, что это ваша дочь, которую вы посылали в монастырь в Марселе. Я очень хорошо знаю родителей этой девушки, и мне она известна с самого детства.

Ложь с такой уверенностью и легкостью слетала с языка герцога, что даже хирург заколебался. Он уже не был уверен, что месье и мадам Мартино — родители умершей. Но те не собирались уступать на йоту. Женщина продолжала настаивать, что Филиппа — ее

дочь, а мужчина поддержал ее, хотя и был явно ими напуган.

Последовала ужасная сцена. В течение двадцати минут они с пеной у рта спорили относительно того, кто имеет право взять и захоронить тело девушки.

Семейство Мартино категорически отказалось уступать, но герцог был тоже непреклонен. Он прекрасно понимал, что, если девушку отдать родителям, они наверняка устроят пышные похороны и священник римско-католической церкви совершит отпевание, но не будет никакой гарантии против доктора Сатэрдея и через двадцать четыре часа он сможет вновь вызвать ее из мертвых. Де Ришло сомневался, сможет ли кто-нибудь на Гаити, кроме него самого, дать ей нужную защиту, вот почему он был полон решимости предотвратить вторичное превращение бедного трупа в зомби.

В конце концов хирург не выдержал и вмешался. Успокоив мадам и месье Мартино, он сказал, что как ни печально и как бы не хотелось избежать скандала, это уже дело полиции. Он не позволит взять тело ни одной из сторон, пока они не предстанут перед мировым судьей и пока суд не решит, кому из них отдать предпочтение.

Герцог прекрасно понимал, что это означает. Он уже давно не сомневался, что Филиппа — дочь Мартино и что ее настоящее имя — Мари. Сиделка также признала ее. Через час или два супруги Мартино, вне всякого сомнения, будут в состоянии представить и других свидетелей, которые под клятвой подтвердят, что Филиппа — их дочь. Сам же герцог не мог предъявить даже свидетельств, удостоверяющих, что ее родители проживают на Ямайке. Вердикт суда в пользу супругов Мартино был заранее предрешен.

Оставался лишь один, отчаянный шаг, но, приняв решение, герцог никогда не отклонялся от него, какие бы трудности и опасности его не ожидали.

— Рекс! Ричард! — резко позвал он и продолжал на английском: — Возвращаемся на баркас. Принцесса, ты идешь впереди!

Мари-Лу был прекрасно известен этот приказной тон голоса герцога. Это означало, что он принял решение. Знали этот тон и другие. Не задумываясь ни на секунду, она повернулась и, кивнув хирургу, быстро поспешила из палаты. Рекс и Ричард стали по обе стороны от де Ришло.

Герцог вновь заговорил.

— Ричард, достань пистолет! Рекс, хватай тело!

Друзья уже были внутренне готовы и сразу же стали энергично действовать. Выхватив пистолет, Ричард отскочил назад и наставил его на супругов Мартино. Рекс бросился к кровати, схватил тело, покрытое простыней.

Из уст мадам Мартино вырвался пронзительный крик. Хирург, не обращая внимания на пистолет Ричарда, бросился вперед, чтобы помешать. Де Ришло со всей силы ударил кулаком врача по ребрам, так что тот согнулся пополам, застонал и свалился на пол.

Рекс забросил покрытый простыней труп себе на плечо и поспешил через палату. За ним следовал де Ришло, а затем Ричард, охранявший тыл. Крики и проклятья раздавались со всех сторон, из уст черных и шоколадного цвета пациентов. Один из них запустил в герцога аптечной склянкой и попал ему в ухо. Сиделка поставила на пути Рекса стул и с криком «убийцы!» бросилась из комнаты. Рекс задел стул и отшвырнул его в сторону ударом ноги. За их спиной начался настоящий

ад кромешный. Друзья выскочили из палаты и понеслись вниз по лестнице.

В коридоре ошарашенная сестра-негритянка прижалась к стене и стала вопить, призывая на помощь. Грузчик попытался встать у них на дороге, но де Ришло отшвырнул его в сторону и они кучей вылетели из двери. Но врачи и сестры, привлеченные всеобщей суматохой, выскакивали из палат и толпой бежали следом за ними, а в это время наверху супруги Мартино выбежали на веранду и криками поднимали своих земляков из летаргического сна.

— Упыри! Вурдалаки! Похитители трупов! — вопила мадам Мартино. — Они схватили тело моей девочки, чтобы превратить ее в зомби. Помогите! Помогите! О, Святая Дева, спаси ее!

Моментально эти крики были подхвачены и зазвучали различные призывы на креольском и плохом французском.

— Вурдалаки! Похитители трупов! Они схватили труп! Это «Cochon Gris!» Нет, нет, это белый бокор, который обращает трупы в зомби. Остановите их! Разорвите их на части! Вурдалаки! Чудовища! Исчадия Ада!

Мари-Лу, как только выскочила из больницы, сразу же побежала в сторону порта. Выбежав следом, друзья увидели, что она уже в пятидесяти футах впереди них. Но на всей улице уже началось волнение. Все выскакивали из домов и магазинов. Двое мощных негров бросились ей наперерез. Понимая, что ей с ними не совладать, она остановилась, оглянулась назад, затем застыла в ожидании, дико озираясь по сторонам, пока к ней не подбежали остальные.

Теперь все пятеро бежали вместе, но со всех сторон, изо всех домов и улочек к ним устремились люди. Поле-

тели фрукты, овощи, камни. Друзья понимали, что положение их хуже некуда. Перед ними маячил океан злых черных лиц. Можно было не сомневаться: прежде чем они добегут до гавани, они будут растерзаны на куски разъяренной толпой.

20 ПОХИТИТЕЛИ ТРУПОВ

Рекс, имяние родителей которого находилось в Вирджинии, прекрасно знал, как толпа осуществляет самосуд. Еще мальчиком он был свидетелем того, как небольшой город пришел в неистовство при слухе о том, что какой-то негр изнасиловал белую девушку. Мужчины и женщины выскакивали из своих домов прямо ночью и бросались к месту судилища, куда притащили упирающегося и дрожащего от страха негра. Как стая хищников, они его пинали, раздирали на части, избили до полусмерти, а потом облили бензином и подожгли. Это было чудовищное зрелище, но все равно время от времени такие вспышки насилия вновь повторялись. Иногда обвинение вообще не имело под собою никакой почвы, но слухов и поимки было вполне достаточно и, если полиция не перевозила несчастного в другой город, его судьба была предreshена. Суда толпы опасались все негры.

В сложившейся ситуации роли поменялись, и огромная толпа цветных находилась под убеждением, что она вправе линчевать четырех белых, которые, как были все уверены, похитили труп молодой мулатки, чтобы обратить ее в зомби. Вопрос о суде отпал самим собой. Если их настигнут и собьют с ног, в следующие несколько минут удары сотен тяжелых башмаков будут крушить их тела, ломая кости и превращая их в кровавое месиво.

Впереди бежал Рекс, который на плече нес тело умершей. У него была свободна только одна рука. Непредвиденное напряжение привело к тому, что сильно заныла старая рана в ноге. Мари-Лу бежала сразу же за ним, окруженная с обеих сторон Ричардом и де Ришло. Когда двое негров выбежали им наперерез, Рекс отбросил одного из них в сторону резким сильным ударом свободной руки ему в лицо, а герцог ударил другого по подбородку. Негр ёкнул, развернулся и растянулся на мостовой.

На какое-то мгновение путь перед ними был свободен, но со всех сторон в них летели самые разнообразные снаряды. Мари-Лу в правый глаз угодил лимон, у нее аж зайчики запрыгали в глазах. Большой булыжник попал герцогу по пальцам левой руки, ободрав всю кожу. Десятки самых разных предметов летели в них, нанося болезненные удары.

Толпа орала во весь голос. Гневные крики заполнили всю улицу. Ярдах в двадцати по ходу движения была небольшая боковая улочка, откуда выбежало человек шесть и устремилось им навстречу. Рекс, продолжая бежать впереди, быстро свернул направо и побежал к этой улочке.

Толстая негритянка решила запустить в него таз с мясным фаршем. Рекс во времена обучения в Гарварде был игроком в регби. Не взирая на боль в ноге, он развил такую скорость, что успел избежать удара. Ричард со всего размаха налетел на другого негра и сбил его с ног. Затем они оказались на боковой улочке, намного более узкой, чем улица, по которой они бежали раньше. Десятки людей — членов экипажей, ремонтных рабочих, возбужденные криками, выбегали из доков им навстречу.

Толстогубый, желтоволосый мулат вцепился в де Ришло и даже чуть было не задержал его. Герцог со всей силы ударил этому типу по переносице и тот, заорав от боли, выпустил свою жертву.

Почти ослепленные потоком самых разнообразных снарядов и оглушенные пронзительными воплями, беглецы пробежали еще с сотню ярдов и выбежали на более широкую улицу. Рекс упорно направлялся к гавани, но значительная часть толпы, похоже, угадала их намерения и, срезая углы, устремилась вперед. Ярдах в пятидесяти впереди них образовалось настоящее столпотворение. Мужчины, женщины и дети, налетая друг на друга, образовали на улице непроходимую преграду.

Герцог застонал и быстро оглянулся назад. Десятки бородатых, с блестящими лицами цветных буквально наступали им на пятки. Спасение казалось невысказанным. Еще несколько секунд, и их настигнут. И тут чуть впереди, по левой стороне от дороги, он заметил маленькую церковь. Если они смогут добраться до нее, они наверняка найдут там убежище.

— Смотрите, церковь! — крикнул он друзьям. — Бежим в церковь!

Но дорога была заблокирована. Повсюду виднелись злобные, остервенелые лица негров и цветных.

Ричард все еще сжимал в руке пистолет. Он понял, что настало время, когда им следует воспользоваться.

Размахивая пистолетом, он дважды выстрелил над головами собравшихся. Это возымело действие. Толпа ударилась в панику и бросилась врассыпную. Друзья рванули вперед, добежали до церкви и вбежали на ее ступеньки.

В этот самый момент, привлеченный шумом на улице, из огромных дугообразных врат церкви вышел высокий

светловолосый священник римско-католической церкви. У него не было времени выяснять, чем вызван этот переполох. Он увидел, что пятерых европейцев, один из которых нес на плече какой-то завернутый сверток, преследует разъяренная толпа черных и полукровок.

Он сразу же спустился по ступенькам, повелительным жестом поднял руку, запрещая сброду преследовать свои жертвы. Де Ришло понял, что Силы Света, пускай временно, вмешались в ход событий на их стороне. Они указали ему с друзьями на церковь и в критический момент направили им на помощь священника.

Совершенно не интересуясь тем, что будут делать их преследователи, де Ришло втолкнул своих друзей в церковь и побежал следом за ними — сперва по центральному нефу, потом в боковой придел и в ризницу. Там, совершенно изнеможенные и полностью выдохшиеся, они задержались на несколько мгновений, чтобы передохнуть.

— Как долго мы будем здесь в безопасности? — с трудом произнося слова, спросил Ричард.

— Мы не будем останавливаться. Даже священник не сможет сдержать толпу, — быстро ответил де Ришло. — Как только он узнает, почему нас преследуют, он потребует, чтобы мы выдали им тело Филиппы, а я отказываюсь это делать.

Говоря это, он стал открывать дверь ризницы, выходящую на улицу. Он со скрипом приоткрыл ее и выглянул наружу.

— На горизонте ни души, — прошептал он. — Вперед быстро! Мы должны как можно больше оторваться от толпы, прежде чем она отыщет этот вход.

Они выскользнули из церкви и пробежали еще с сотню ярдов по направлению к берегу, прежде чем их

заметили. Маленький мальчик завопил пронзительным дискантом и минуты две спустя погоня вновь была в полном разгаре. В конце узкой дорожки, по которой они бежали, виднелись мачты кораблей в гавани. До берега оставалось менее четырехсот ярдов.

Сзади них стоял такой грохот, будто сотни ног ударяли по булыжникам, но впереди пока путь был открыт. Вдруг из какого-то дома выбежал мужчина и поставил герцогу подножку. Де Ришло упал в сточную канаву, растянувшись в полный рост на вонючих отбросах.

Ричард размахнулся и со всей силы ударил мужчину по корпусу. У того перехватило дыхание, и он стал давиться от кашля. Де Ришло поднялся на руки, но первые ряды преследователей уже наступали беглецам на пятки.

Подняв пистолет, Ричард выстрелил снова над головами кричащих мужчин и женщин.

При виде пистолета глаза у всех замерли от ужаса и стали закатываться. Пригибаясь, преследователи стали вбегать в соседние дома, чтобы избежать выстрела. Но основная толпа следовала за ними.

Тем не менее, один-единственный выстрел дал преследуемым еще одну короткую передышку. Сильно хромающий Рекс и Мари-Лу позади него выбежали на пристань, побежали по причалу к тому месту, где пришвартовался их баркас. Де Ришло и Ричард, напрягая все силы, следовали за ними.

До цели оставалось еще с пару сотен шагов, и тут из баров и кафе, расположенных в порту, стали выскакивать люди, которые шли на подмогу толпе. Ужасное это было подкрепление, потому что, в основном, состояло из вооруженных ножами моряков.

Рекс и Мари-Лу стали оба звать Саймона. Когда де Ришло и Ричард добежали до своих друзей, Саймон вдруг появился из рубки баркаса. Мгновенно осознав сложившуюся ситуацию, он сразу же отдал быстрые приказания трем ямайским юношам, которые приготовились к немедленному отплытию. Затем, схватив большой нож, он прыгнул на берег, чтобы помочь своим друзьям.

Пять сотен осатаневших цветных бросились на пристань, наполнив ее злобными криками. Отдельных голосов не было слышно. Толпа вопила: «Вурдалаки! Упыри! Вампиры! Похитители трупов!», но чаще всего: «Зомби! Зомби! Зомби!»

Кто-то бросил нож, который угодил Ричарду в ногу. Когда тот остановился, чтобы вытащить его, его схватили два курчавых грузчика. Де Ришло схватил третий, а Мари-Лу свалилась у ног Саймона. Уже достигший края причала и готовый прыгнуть в лодку, Рекс быстро повернулся и бросился на помощь своим друзьям. Размахивая своими мощными кулаками как тяжелыми гирями, он крушил направо и налево, отбросив преследователей и несколько расчистив место. Нападавшие на Ричарда и герцога корчились от боли на земле.

Мари-Лу вскочила на ноги и прыгнула на палубу баркаса. Один из ямайских парней уже отвязал канат, другой встал за руль и включил мотор. Третий бросился на помощь Саймону, бил багром по толпе и кричал:

— Вы не имеете права... Они англичане.

Как все ямайцы, он терпеть не мог Негритянскую республику, где собрались подонки общества, и был предан своим белым хозяевам.

Остальным тоже как-то удалось высвободиться от цепляющихся за них рук и отбросить преследователей от себя. Продолжая драться, отбиваться и наносить удары,

друзья спустились в лодку. Как только они все оказались в ней, она отошла от берега. Трое гаитян, в последний момент прыгнувших на палубу баркаса, были одновременно атакованы со всех сторон и сброшены за борт.

Но погоня на этом не прекратилась. В то время как бессильная толпа, насчитывающая несколько сотен человек, расползлась по всему причалу, изрыгая в их адрес проклятия, сотни других, взгромоздившись на всевозможные суденышки, бросились преследовать дальше. Некоторые лодки, бывшие уже в гавани, изменили свой курс, чтобы перехватить беглецов.

В последующие несколько минут ямайский юноша, стоявший за штурвалом, показал себя первоклассным рулевым, умело увертывающимся от преследователей. При выходе из гавани Ричарду пришлось еще дважды выстрелить из пистолета, чтобы прекратить преследование со стороны патрульного судна, возглавляемого негром в поношенной адмиральской форме, которую, по всей видимости, носили не менее пятидесяти лет.

Наконец они вышли в открытое море и, хотя тридцать или сорок лодок различного типа и размеров продолжали их преследовать, они были уверены, что, благодаря мощности своего судна, оставят их далеко позади. Занимаясь своими наиболее серьезными ушибами и повреждениями, они обратили внимание на то, что преследователи стали отставать, но герцога это не обрадовало, он продолжал сидеть с мрачным выражением лица. Гаитянская республика имела небольшой флот, состоявший в основном из прибрежных патрульных канонерских лодок. Почти все из них были устаревших моделей, но вооружены по последнему слову техники. Учитывая те огромные беспорядки, которые герцог вызвал со своими друзьями, вполне возможно, что вслед за ними пошлют такое судно

Когда Рекс поднял тело Филиппы и принес его в каюту, герцог сказал:

— Мы не должны терять времени и похоронить ее. Мари-Лу, пожалуй, следует заняться — там, на палубе — той ужасной раной, которую Ричард получил в ногу. Кстати, находясь наверху, они проследят, чтобы ямайские ребята не спускались сюда. Все остальные останутся здесь и помогут мне.

Когда Ричард и Мари-Лу вышли из каюты, остальные, сняв с тела умершей простыню, положили труп на пол. Де Ришло отошел в уголок каюты и вскоре вернулся, неся шпильку, молоток и длинный кухонный нож. Поставив шпильку над грудью Филиппы, там, где расположено сердце, он пробормотал несколько непонятных слов и дважды ударил молотком, в результате чего шпилька пронзила всю грудь насквозь.

— Следующая часть — еще более ужасная, — произнес он тихим голосом, — так что, если не хотите, можете не смотреть.

Но Саймон и Рекс были так заворожены ужасной сценой, что продолжали взирать на обожженный, неподвижный труп.

Де Ришло на сей раз взял острый кухонный нож и, произнеся еще несколько слов на каком-то древнем языке, со всей силой вонзил его в шею Филиппы, пока голова ее не оказалась отделенной от туловища.

К ужасу Саймона, когда это произошло, полные губы Филиппы растянулись в улыбке, ресницы затрепетали, а затем он явственно услышал, как она произнесла:

— Благодарю вас, месье.

Вид улыбающейся мертвой головы и голос, звучащий из могилы, так поразили Саймона, что он упал в обморок.

Посадив его на один из диванчиков, Рекс с герцогом завернули тело и голову Филиппы в простыню, а затем де Ришло послал Рекса за флагом. Он не смог найти ни гаитянского ни французского флага, поэтому принес старый флаг Соединенного Королевства, которым они и обернули труп.

— Слава богу, все позади! — пробормотал герцог. — Позови теперь Мари-Лу. Она должна зашить саван.

В этот момент Мари-Лу сама вошла в каюту и со встревоженным выражением лица сообщила, что, хотя почти все суда прекратили погоню, из порта вышел серый пароход, по виду военный корабль.

Саймон тоже пришел в себя и сказал, что ему надо подышать свежим воздухом, поэтому, отдав необходимые приказания Мари-Лу и оставив ей на помощь Рекса, де Ришло помог своему едва держащемуся на ногах другу подняться на палубу.

Рекс нашел кусок цепи и обвязал ими ноги трупа. Цепь должна была играть роль груза. После продолжительных поисков Мари-Лу в одном из ящиков в каюте нашла довольно прочную нить и толстую иголку. Она сшила концы флага и получился приличный саван для останков. Рекс поднялся наверх, чтобы сообщить герцогу, что мертвая девушка готова к захоронению.

Когда Рекс оказался на палубе, он заметил, что за их баркасом где-то примерно на расстоянии мили следуют гаитянская канонерская лодка, морской буксир, небольшая яхта и две моторных лодки. Герцог признался, что опасается, что эта небольшая, но весьма мощная армада, вышедшая из гавани вскоре после того, как он с друзьями оказался в море, на самом деле преследует их. Буксир постоянно подавал короткие, надрывные гудки, явно при-

зывая их остановиться. Позднее и со стороны канонерской лодки стал раздаваться пронзительный свист.

Не обращая внимания на эти сигналы, четверо мужчин спустились в каюту и подняли наверх останки Филиппы. Они уже были далеко в море, и де Ришло был уверен, что вряд ли можно будет найти тело, брошенное в воду с грузом. Он произнес небольшую молитву, соответствующую случаю, и тело столкнули с края баркаса. Оно упало в воду с большим всплеском.

Только сейчас ямайские парни поняли, что завернутый груз, который Рекс принес на борт, на самом деле был трупом. Они с подозрением стали взирать на своих пассажиров, а затем собрались на корме и быстро затараторили на своем диалекте. Они пришли к выводу, что очевидно произошло убийство и их белые хозяева решили избавиться от своей жертвы таким образом. Ямайцы встревожились, что, вследствие происшедшего, их могут обвинить в оказании помощи убийцам избежать правосудия. Их страх за свою собственную жизнь стал еще сильнее несколько минут спустя, и причина была ясна. На палубе канонерки показалась яркая вспышка, затем раздался грохот и над головами пронесся снаряд.

Он взорвался впереди баркаса на полмили, подняв при этом большие волны. Это показывало, что старший артиллерист далеко не меткий стрелок. Впрочем, его первый выстрел мог быть только предупреждением, поэтому снаряд и упал вдалеке от них.

Ямайцы бросились к Рексу, который их нанял, и начали хором протестовать. Они-де ничего не сделали и не хотят смерти. Баркас должен остановиться, а белые обязаны сдаться. Затем парень, стоявший у штурвала, выключил двигатель.

Ричарду было ужасно их жаль, но делать было нечего. Он выхватил пистолет и, бросившись на корму, отогнал их от штурвала. Затем Рекс встал за руль и вновь включил мотор.

Второй снаряд с канонерки упал в воду в четырехстах ярдах от них, но не разорвался. Армада преследователей, однако, приблизилась к ним на четверть мили, благодаря тому короткому перерыву, когда временно не работал мотор баркаса. Третий снаряд пролетел над головами и упал, вспенив воду, всего лишь в сотне ярдов от правого борта.

— Правь к берегу! — закричал де Ришло Рексу. — Мы высадимся на берег и скроемся в лесах, если успеем добраться.

Когда Рекс повернул руль и баркас развернулся, упал четвертый снаряд, всего в двадцати футах позади них. Осколок снаряда упал на палубу всего в трех дюймах от ноги Саймона, другой разбил одно из стекол рубки, де Ришло и Мари-Лу ударной волной свалило с ног, а одного из ямайских парней сбросило за борт.

В каких бы крайних условиях они сами не находились, нельзя было допустить, чтобы бедный парень утонул, был разорван на куски акулами, которыми кишело море, или был бы подобран гаитянами и подвергнут самосуду со стороны преследователей. Выругавшись, Рекс вновь повернул руль и, развернувшись, вернулся на прежнее место. В ужасной спешке пытались они поднять тонущего негра на борт. К тому времени, когда они сделали это, канонерка и сопровождающая ее флотилия приблизились к ним еще, сократив расстояние до полумили, в то время как до ближайшего берега, до которого надеялся добраться де Ришло, было более мили.

Едва они вновь повернули к берегу, как по ним снова выпустили подряд два снаряда. Один из них пролетел мимо, зато второй, разорвавшись в воде, вызвал такие волны, что баркас чуть было не перевернулся. Едва их лодка приняла прежнее положение, а они пластом лежали на палубе, промокнув до нитки, они заметили, что морской буксир изменил свой курс, пытаясь их перехватить. Он находился к ним ближе других судов. Как только они сблизились, он открыл огонь из пулемета.

Пули вспенивали воду, весь залив наполнился грохотом. До берега оставалось всего полмили, но пулемет продолжал стрекотать, выплевывая пули, которые делали дырки и разрывали на куски деревянную обшивку баркаса. Чуть ли не в тот же самый момент остановился мотор. В него попал осколок от другого мощного взрыва, поразившего машинное отделение.

Игра была проиграна, и де Ришло прекрасно это понимал. Без мотора они были не в состоянии добраться до берега. Тут он заметил, что баркас постепенно тонет, видимо от повреждений, которые были ниже ватерлинии. Пытаться добраться до берега вплавь было глупо, потому что это означало либо попасть в пасть акулам либо позднее испытать дополнительное унижение, когда тебя вытащат из воды, так как флотилия преследователей находилась всего лишь в нескольких минутах хода от них. Выпрямившись во весь рост, он достал белый платок и стал махать им, признавая, что они сдаются.

Пять минут спустя их окружила гаитянская флотилия. На них с любопытством взирали десятки рассерженных, взбешенных лиц. С канонерской лодки в мегафон на плохом французском к ним обратился какой-то мулат в синей форме с лентой и серебряной галунной вышивкой.

Он приказал хватать канат, который им бросят, и пришвартоваться к их борту.

Рубка была уже полна воды, баркас тонул, но они сделали, как им приказали. С канонерки им спустили веревочную лестницу, по которой на палубу военного корабля сперва поднялись друзья де Ришло, а затем ямайские ребята.

Как только он оказался наверху, герцог сразу же на прекрасном французском языке с видом скорее победителя, нежели побежденного обратился к офицеру. Твердым тоном он заявил, что семь человек из его команды — англичане, а восьмой — американец; что правительства Великобритании и Соединенных Штатов немедленно потребуют от правительства Гаити разъяснения, по какой причине, без малейшего повода с их стороны, подвергалась опасности жизнь пассажиров баркаса, по которому велся огонь.

При таком натиске офицер просто оторопел и не сразу нашелся, что ответить. После некоторого колебания он сказал, что не знает, в чем дело. Ему только сообщили о том, что герцог со своими людьми напал на врача в больнице и на глазах у родителей силой изъясил тело девушки, умершей в то утро.

— У вас есть ордер на наш арест? — выпалил герцог. Если да, покажите его мне.

Нет, признал гаитянский капитан, у него такого ордера нет, но в сложившейся ситуации он посчитал, что его обязанность заключается в том, чтобы предотвратить побег злодеев из страны.

— Прекрасно, — сказал герцог. — Вы явно действовали в соответствии с вашим пониманием ситуации, причем поразительно необдуманно. Мы ответим на все обвинения, которые нам предъявят, но сразу же по при-

бытии в порт я требую сообщить британскому и американскому консулам о том, что произошло, и попросить их встретиться с нами, чтобы мы могли не откладывая сообщить свою версию происшедшего. Вы также несете личную ответственность за нашу безопасность.

Казалось, капитан полностью согласен с этим. Он приказал своим людям отвести ямайских парней на нос, а белых пленных на корму. Когда их разводили, какие мерзкие взгляды бросали на них окружающие! Они шипели, плевались, потрясали кулаками, но младший офицер не допустил открытой расправы. Пленных отвели вниз и заперли в обширной каюте, которая, похоже, была гардеробом этого судна. Пока канонерка с трудом бороздила воды, возвращаясь в порт, у них впервые представилась возможность тщательно осмотреть многочисленные ушибы, которые они получили часом раньше, когда едва избежали линчевания.

Вскоре после того как корабль причалил к берегу, вновь объявился капитан в сопровождении вооруженных матросов и сообщил, что их отправят на берег. Новости о беспорядках уже разошлись по всей столице Гаити. Даже проживающие в отдаленных пригородах, которым ничего вообще не было известно, заинтересовались причиной перестрелки и тем, что военный корабль преследует в заливе морской баркас, так что несмотря на жару, весь причал был забит толпами народа самого разного цвета — от ярко-черного до лимонно-желтого.

Пленники видели в иллюминаторы, какие разъяренные толпы их ожидают. Де Ришло решил, что, если он с друзьями ступит на берег, то за их жизнь нельзя будет дать и полушки. Он выразил чувства всех членов его группы, сообщив капитану следующее:

— Нет, мы не пойдем на берег. Мы будем оставаться на судне до тех пор, пока толпы не разойдутся. Жителям Порт-о-Пренса была изложена совершенно искаженная версия того, что на самом деле произошло. Не удивлюсь, если они считают нас хуже убийц. Не успеем мы пройти и пятидесяти ярдов, они отбросят ваших матросов и разорвут нас на части. Если это произойдет, Его Королевское Величество и президент Соединенных Штатов пошлют сюда военные корабли. В отместку за наши жизни, я в этом совсем не сомневаюсь, они сравняют с землей половину города, а затем оккупируют страну. Если вы не хотите, чтобы это произошло и чтобы Гаити раз и навсегда потерял свою независимость, чтобы это несчастное дело было утрясено без всякого кровопролития, оставьте нас здесь и присылайте сюда членов своего магистрата вместе с консулами Великобритании и США.

Каждое должностное лицо Гаити опасается, что его страну еще раз захватят белые. Капитан не хотел брать на себя подобную ответственность. Он прекрасно все понял и, согласившись с предложением герцога, вновь запер своих пленников и ушел.

Было уже почти одиннадцать. Солнце стояло высоко в небе, источая жар на лежащую внизу палубу. В каюте стоял странный и неприятный запах, характерный для негров, которые, несмотря на то что достигли полуцивилизованного состояния, почти не мылись — смешанный запах выдохшегося табака и пива.

Некоторое время после ухода капитана все молчали. Все были заняты собою — пытались прийти в себя после физических и моральных испытаний, через которые они прошли. Все прекрасно сознавали, что одержали духовную победу, похоронили как надо тело Филиппы и нако-

нец дали спокойствие ее душе. Сами же они находились в отчаянном положении.

То обстоятельство, что при их захвате у них не оказалось тела мертвой девушки, вряд ли могло сыграть им на руку. Их могли обвинить в том, что, опасаясь быть захваченными с очевидными фактами их преступления, он выбросили его за борт, просто чтобы от него избавиться. Гаитянским властям, вне всякого сомнения, хорошо все известно относительно зомби, но поскольку в этом вопросе еще много неясного, вряд ли они признают существование у них такого культа, тем более перед европейцами. Представители высшего класса Гаити вообще отрицают, что в их стране до сих пор существует подобное обращение с трупами, но отрицают они это из-за страха страха, который они впитали вместе с молоком матери, опасаясь всех, кто хоть как-то связан с подобной практикой. Они осудят белых, даже не слушая их. Потом ни один из пленников даже не представлял, какие факты они могут привести. У них нет доказательств того, что доктор Сатэрдей — тот самый бокор, у которого они выкрали тело девушки. И тем более, они не смогут доказать, — и это они проявили в больнице, что месье и мадам Мартино — не родители Филиппы.

Тяжесть ситуации окончательно дошла до их сознания, когда Саймон, совершенно разбитый многочасовым физическим и умственным напряжением, тяжело вздохнул и сказал, что отдал бы тысячу фунтов за час сна.

Де Ришло горько засмеялся, чем напомнил всем о том, что он вынужден был оставить чемодан с ритуальными принадлежностями, который с таким трудом Ричард и Рекс доставили с Ямайки, в кабине тонущего баркаса. Они вновь были лишены необходимых защитных средств для пребывания на астральном уровне. Как

любое военное соединение, осаждаемое с земли и воды, они подвергались теперь постоянному физическому риску, вне зависимости от решения гаитянского правительства. Стоит им только заснуть, как они станут легкими жертвами безжалостного противника, ожидающего их на другом уровне.

Сразу же после полудня в каюту в сопровождении матроса и неряшливого на вид стюарда вошел младший офицер. Стюард-негр поставил на стол поднос, на котором было пять чашек с кашей, гроздь бананов, несколько кружек и большой кувшин воды. Де Ришло поинтересовался у офицера, скоро ли придут британский и американский консулы, но тот покачал головой и ответил на плохом французском, что понятия не имеет, что вечером, когда спадет жара и разойдется толпа, их отправят на берег и там все выяснится.

Когда офицер со своими людьми удалился, пленники без особого энтузиазма усадились кушать. Никому не понравился вид предложенной каши, поэтому они поели бананов и, поскольку из-за жары было очень душно и они испытывали сильную жажду, выпили большую часть воды.

Поев, они стали тихими голосами разговаривать о Филиппе. Мари-Лу сказала, что не понимает, каким образом девушку навязали сэру Пеллинору, на что герцог устало ответил:

— Откуда мы знаем? Это можно было сделать десятками способов. Похоже, наш противник намного сильнее, чем я предполагал. Ему, видимо, стало известно, что мы собираемся на Гаити. Возможно, когда сэр Пеллинор был у нас на ленче в Кардиналз-Фолли, он был на астральном уровне и подслушал наш разговор. Если это так, он сразу

же узнал все наши планы и у него было достаточно времени, чтобы самому подготовиться.

— И, тем не менее, наверняка ему было нелегко пристроить к нам девушку за такое короткое время, — заметил Ричард.

Герцог пожал плечами.

— Не думаю. Через свой астрал он мог соединиться со многими оккультистами Европы. То, что он работает на нацистов, отнюдь не означает, что все они находятся в Германии. Он мог во сне отдать приказы любому члену Пятой колонны, действующему в Лондоне и подчиняющемуся только ему. Как Филиппа из Марселя добралась до Англии, я даже не пытаюсь гадать. Возможно, после падения Франции ее вывезли из монастыря вместе с другими беженцами. Зная, что французы выйдут из войны, этот злодей, Сатэрдей, мог решить, что от ее пребывания в Лондоне больше пользы и поэтому отправил ее морем в Англию. Потом любому немецкому агенту в Лондоне было нетрудно разыгрывать из себя отца девушки, если учитывать ее немоту. Оставалось только войти в соприкосновение с Пеллином, как бы мимоходом ему сказать, что неизвестно, что делать с девушкой и как ее переправить в Вест-Индию, и ответ готов — Пеллино сообщает, что его друзья едут туда и он попросит их ее взять.

Они все погрузились в тоскливое молчание, стараясь не говорить о тех неприятностях, которые, возможно, ожидают их вечером и в предстоящую ночь. Но Саймон уже настолько устал и через некоторое время сказал, что сомневается, сможет ли он продержаться еще хоть немного без сна. Все остальные тоже клевали носом, страдали от жары и духоты.

И тут Мари-Лу выдвинула предположение, что, если святая или заряженная вода защищала их с герцогом два дня тому назад, когда они вдвоем продержались вместе, ни на секунду не заснув, всю ночь напролет; почему эта вода не может быть таким же защитным барьером в самый разгар дня, дав им возможность немного поспать? Может быть, герцогу стоит зарядить оставшуюся воду и ею сделать в каюте на полу пентакль, чтобы получить хоть несколько часов блаженного забвения во время знойного дня?

Де Ришло согласился на это, хотя и заметил, что это несколько рискованно. Тем не менее, добавил он, учитывая трудности, которые они пережили, можно попытаться. Только он взял кувшин, как дверь открылась, и на пороге каюты появился доктор Сатэрдей.

Саймон даже приподнялся, чтобы с удовольствием отметить, что доктор тяжело опирался на палку и сильно хромотал. Он вошел в каюту, закрыл дверь и прислонился к ней.

— Ну? Итак, ваш час свободы закончился, — сказал он, блеснув в улыбке белыми зубами. Он даже не скрывал своего злобного торжества. — Я должен поздравить месье де Ришло за его мужество при похищении трупов. Просто чудо, что вы не лежите в местном морге, разорванные на части озверевшей толпой. Однако, поскольку вы выжили, мне доставит личное удовольствие утрясти наши с вами дела.

Он на мгновение замолчал, а затем продолжал:

— Не думайте, что британский и американский консулы придут к вам на помощь. Я пользуюсь значительным влиянием в этой стране, так же как и на астральном уровне, и предпринял необходимые меры, чтобы им ни по каким каналам — официальным или неофициальным —

не стало известно о том тяжелом положении, в котором вы сейчас находитесь. Если вы гадали, что может произойти, когда вы предстанете перед гаитянским судом, могу успокоить вас. Ни перед каким судом вы не предстанете, потому что к вечеру вы все будете мертвы.

— А-а, иди к дьяволу! Убирайся к черту! — зарычал Рекс.

Но доктор продолжал, совершенно не обращая на него внимания:

— В войне, которая разразилась на морских просторах, Британия потерпит поражение, и английская нация будет навсегда сломлена. Некоторые из вас наверняка уже слышали, что нацисты сделали с Польшей, как они транспортировали поляков тысячами в вагонах для скота на работы в своих шахтах, как они стерилизовали значительную часть населения, как они тысячами посылали польских женщин в бордели для развлечения немецкой солдатни.

Ну так вот. Это ничто по сравнению с тем, что Гитлер задумал сделать с англичанами в час своей победы. Они будут порабощены в буквальном смысле этого слова, а высокомерные британские верхи будут направлены на самые грязные работы. Нового поколения англичан не будет. Мужчины будут обращены в евнухов, а женщины стерилизованы. Старых, никому не нужных, будут убивать как скот, а, когда Британские острова опустеют, оставшиеся на них будут работать на своих германских хозяев как вьючные животные, пока смерть не принесет им избавления.

— Сперва поймай, а потом хвались, — ухмыльнулся Ричард. — Каждый мужчина и женщина британской крови скорее умрет, нежели сдастся. Мы успеем еще до старости выбить из этих нацистских свиней мозги.

— Вы с вашими друзьями уже угодили в сети, — ровным голосом ответил доктор, — по своей собственной глупости вы сами уготовили себе судьбу хуже, чем ожидает ваших земляков. Я рассказал вам, что нацисты сделают с ними. А теперь я вам объясню, почему я оказываю помощь Германии. Сделаю это для того, чтобы вы, как представители своей расы, поняли, какую ненависть вызывает ваша жадность и высокомерие.

Мои отец — англичанин, мать — мулатка из хорошей семьи. Но она оказалась не вполне хорошей для моего папаши, и он отказался жениться на моей матери, тогда ее семья, считая, что она обесчестила их, выгнала ее на улицу. Понаслаждавшись с нею, мой отец больше не хотел ее знать и вернулся к себе на родину, оставив ее совершенно без средств. Короче, она оказалась еще одной из «цветных» девушек, с которыми он развлекался во время своих путешествий. Молодость моя была тяжелой, но я не глуп и обладаю сильной волей. Когда мне исполнилось восемнадцать, я пробрался в Англию и, хотя с большим трудом говорил по-английски, отыскал своего отца. Он не только отказался признавать меня, поскольку цветной ребенок поставил бы его в неловкое положение перед друзьями, но и выгнал меня из своего дома. Когда же я стал настаивать, он обвинил меня в нарушении общественного порядка. Тогда английская полиция выслала меня из страны как нежелательный и враждебный элемент.

— Судя по тому, что мы знаем о ваших последних деяниях, она, похоже, была права, — ехидно заметил де Ришло.

Спокойствие покинуло доктора и он впал в ярость.

— Значит, вы продолжаете упорствовать! — закричал он. Но я сломаю вашу гордость, сломаю вашу волю,

и более изощренно, чем это сделают нацисты с англичанами. Вы считали себя сегодня такими умными, что вам удалось лишить меня девушки, которую я обратил в зомби. Но жизнь за жизнь недостаточно, и для вас отсюда нет спасения. Зерно смерти уже в вас. По моей воле все вы умрете в ближайшие два часа и из вас я сделаю пять зомби. Пять — за одного, которого вы меня лишили!

Не говоря больше ни слова, он повернулся, вышел, хлопнув дверью, и вновь ее запер.

— Смотри не лопни от злости! — вдогонку ему крикнул Ричард, пытаясь сделать вид, что не воспринимает серьезно угрозы, хотя она отнюдь не была пустой.

— Что он имел в виду, когда заявил, что зерно смерти уже в нас? — спросила Мари-Лу.

— Понятия не имею, — ответил герцог. — Возможно, он подложил яд в то, что мы сегодня ели днем. Похоже, его авторитет нигде не вызывает сомнений. Гаитянам, видимо, хорошо известно, что он — мощный бокор, и поэтому они все смертельно боятся его. Но в любом случае, пока мы не умерли, он не может сделать из нас зомби.

— Если он подложил в пищу яд, — сказал Рекс, — наверняка это было подмешано в кашу, но ее у нас никто не ел. К бананам ничего не подмешаешь, и воду мы пили простую, без всякого привкуса.

Эти размышления их несколько успокоили. Если доктор подмешал им в пищу яд, то значит их опять пронесло. Но в каюте было жарко как в печке, им нечем было заняться и отвлечься от мрачных, тревожных мыслей. Они в буквальном смысле падали от усталости, и Саймон, который был на ногах больше чем кто-либо из них,

едва открывал глаза. Не удивительно, что вновь встал вопрос о необходимости сделать пентакль.

Де Ришло поставил перед собой глиняный кувшин и стал привычным методом передавать потоки энергии воде.

К его удивлению и крайнему волнению чистая, холодная вода вдруг забурлила. Герцог горько усмехнулся и опустил голову.

— В чем дело? — спросила Мари-Лу.

Де Ришло вздохнул и обвел взглядом встревоженные лица своих друзей.

— Боюсь, мы ничего не можем сделать. Эту воду нельзя зарядить, она нечистая. Порождение Ада переплюнуло нас. Он подмешал в воду какой-то безвкусный и бесцветный яд, а мы выпили чуть ли не весь кувшин этой воды почти час назад. Вызывать у себя тошноту уже поздно, яд проник в нашу кровь. Вот, что он имел в виду, когда сказал, что зерно смерти уже в нас!

21 ГРОБЫ ДЛЯ ПЯТЕРЫХ

В следующие минуты, показавшиеся им вечно-стью, они задумались о той ужасной судьбе, которую пророчил им враг. Как только им стало известно, что их отравили, они моментально стали чувствовать воздействие пагубного яда.

Раскаленный воздух и духота вызывали у всех тошноту. Однако Ричард и Рекс, накануне ночью хорошо отдохнувшие во время своего возвращения на баркасе с Ямайки, понимали, что вялость, которую они испытывали, объясняется не только окружающими их условиями, но и чем-то иным.

Мари-Лу долгое время сидела не двигаясь и, когда попыталась сменить позу, почувствовала колотье в ноге, поэтому быстро впала в панику, полагая, что это первые симптомы влияния яда.

У Саймона к необычайной усталости добавились дикие головные боли и сердцебиение, что он стал рассматривать в качестве первых признаков приближающейся смерти.

Чисто инстинктивно все осознавали, что необходимо что-то делать — сломать дверь и выбираться из каюты наружу, но одновременно все знали, что, даже если им удастся это сделать, это им не поможет.

Негры, охранявшие их, были вооружены, так что их или перебьют, или силой загонят обратно. Несмотря на ужасную жару, на пристани все еще были целые толпы, терпеливо ожидавшие результатов расправы с похитителями трупов. Возможно, удалось бы подкупить охрану, но стоит им покинуть корабль, как их разорвут на части, потому что, увидев их, толпа моментально впадет в бешенство. Даже если каким-то чудом им удастся избежать охраны и самосуда толпы, они не имели ни малейшего представления о том, каким ядом отравлены, какое можно принять противоядие, хотя прекрасно понимали, что раздобыть его вряд ли возможно.

Им ничего не оставалось, только ждать. Ждать дальнейшего развития событий. Когда они почувствовали, как смерть подкрадывается к ним, они вверили свои души богам Света в надежде, что Вечные Творцы помогут им в случае необходимости на астральном уровне.

Впрочем, надежда на это была довольно слабая. Все они были неплохо знакомы с непреложным Законом и понимали, что любой человек, осмеливающийся бросить вызов Силам Тьмы, делает это на свой страх и риск. В случае благополучного исхода он будет вознагражден, а если потерпит поражение, будет подвергнут наказанию, которое обязан нести покорно, ни на что не жалуясь. Много страданий надо испытать, прежде чем наступит конец и будет получена соответствующая награда.

За последние несколько часов они столько узнали о зомби, что прекрасно понимали — даже когда они сами умрут, души их не станут свободными и не смогут воспарить ввысь, пока тела их оживляются силой, поработившей их. Они будут чувствовать все несчастья, выпавшие на их прежнюю земную глину.

Де Ришло понимал, что существует только один выход. У Ричарда до сих пор не изъяли его пистолета. У него еще было около двух дюжин патронов. Если они перестреляют друг друга, а последний оставшийся в живых совершит самоубийство, тогда они могут спастись, правда при условии, что после этого тела будут непригодны для дальнейшего использования. Лучше всего выстрел у основания позвоночника, который разрушает спинной мозг, соединяющийся с черепом, и делает невозможным воссоздание после смерти поврежденных костей. Ни один труп с поврежденным хребтом не сможет работать на полях как зомби.

Но такое решение герцог не стал обдумывать. Убить других значит получить от них согласие, поскольку трудно себе представить, как можно, воспользовавшись пистолетом Ричарда, захватить хоть одного из них врасплох и убить, не наломав при этом дров. Если же они согласятся на то, чтобы он убил их, это равносильно самоубийству, а потом покончить с собой должен он сам.

Сделать это невысказанно. Совершить самоубийство как способ избавления от другой формы смерти — значит, вмешаться в чью-то карму. Все страдания — результат прежних долгов, накопившихся за предшествующие жизни. Рано или поздно все равно приходится платить. Соответственно, самоубийство — не избавление, а лишь отсрочка. Для тех, кто слаб, существует еще дополнительное наказание — в течение определенного срока, короткого или длинного — это зависит от того, какую трусость проявил человек, их душам запрещено совершать великое путешествие, они связаны и вынуждены без конца переживать последние мгновения своей жизни, пока наконец не получают освобождения.

— Если б мы только не потеряли второй комплект ритуальных принадлежностей, — сказал Ричард после долгого молчания, — мы могли бы сделать пентакль и в нем бы умерли. Это, по крайней мере, защитило бы нас в те последние минуты забвения, которые каждый переживает во время окончания своей инкарнации, и дало бы шанс для последующей борьбы.

Герцог ничего не ответил, но именно благодаря этим словам в его голове неожиданно зародилась мысль. Ему всегда было известно, что при совершении магических ритуалов он не всегда совершенно Белый Маг. Скорее, он чаще выступает как Серый. Он никогда не пользовался своими оккультными способностями для самовыпячивания или достижения личных целей, но почти всегда невольно позволял глубоко укоренившимся в нем страстям и убеждениям влиять на него. К примеру, он никогда не смотрел на нацистов с беспристрастием, как на угрозу благополучию всего мира; он ненавидел их ненавистью, на которую была способна только мужественная личность, и этом была его ошибка.

Возможно, это отчасти объясняется некоторой неуверенностью в своих собственных силах при совершении им магических обрядов. Он всегда следовал ритуалам, описанным в книгах, и пользовался такими предметами, как чеснок, трава асафетида, распятия, подковы и многие другими. Все они только сосредоточивали в себе силу, но как таковой ею не обладали, представляя собою лишь пучки трав, кусочки дерева или железа. Настоящий Белый Маг, уверенный в своих силах, отказался бы от них и полагался бы целиком только на свою собственную волю.

Без всех этих предметов и пентаклей и непонятных фраз из древних источников он не осмелился бы бес-

страшно и в одиночестве подняться на астральный уровень и дать сражение. И тут герцогу стало все ясно. Он вел себя как трус. Он избегал сражения, когда обязан был бороться, полагаясь только на одно-единственное обстоятельство — Свет всегда мощнее Тьмы.

Размышляя над этим, он вдруг почувствовал, как начинают твердеть его конечности. Немного походив, он в этом убедился. Итак, яд начал сказываться и на нем. Но еще не поздно. Если он не будет сидеть и дожидаться смерти, а впадет в транс и добровольно покинет свое тело, прежде чем его отнимут, есть еще шанс, что он может победить противника.

— Послушайте, — неожиданно заговорил он. — Я обращаюсь ко всем. Что бы не произошло в последующие несколько часов, не отчаивайтесь. Я буду с вами, хотя меня вы не увидите. Я знаю, что вы с мужеством встретите все, что вам ниспослано. Но я уйду, потому что только так есть возможность, что я смогу предотвратить ту ужасную судьбу, которая нам угрожает. Если я потерплю поражение, страдать мы будем все — возможно, еще долгие-долгие годы, но помните, эти страдания — расплата за то зло, которое мы все совершили в своих прежних жизнях. Мы все очень сильно любили друг друга, так что ничто не разделит нас навсегда. Либо мы вскоре встретимся как победители в наших земных телах, либо, заплатив свои долги, мы обретем друг друга в более высоких и счастливых сферах, хорошо вам знакомых.

Когда он протянул им руки, его серые глаза наполнились новым ярким светом. Он добавил:

— Пусть благословение и защита Вечных Творцов будут с вами в ваш час испытаний!

Его сияющее лицо наполнило их таким благоговейным страхом, что никто не пытался отговаривать его от своего намерения. Послышались слова одобрения и поддержки в его предприятии.

Когда он совершил ритуал опечатывания девяти отверстий своего тела и вверил себя защите Творцов, Мари-Лу нежно поцеловала его в щеку. Затем, когда он уселся в углу на один из диванчиков и закрыл глаза, все мысленно стали подбадривать его, придавая ему силы. Несколько мгновений он концентрировал свою волю, потом его тело постепенно обмякло, и все поняли, что он покинул его.

Едва он оказался вне своего земного обличия, он бросил долгий взгляд на любимые лица друзей, затем, собрав все свои силы, он устремился на палубу, а потом дальше — в город. Он не собирался давать сражения, пока Черный Маг тоже не будет вне своего тела, но поскольку еще не было двух часов дня, он решил, что сможет застать его спящим во время полуденной сиесты. Фактически от этого зависело очень многое, так как в противном случае он будет лишен возможности спасти друзей, и они будут вынуждены пройти первые ужасные испытания, которые их ожидают, когда подобие жизни покинет их тела. Его самая важная и неотложная задача, таким образом, заключалась в том, чтобы найти сатаниста.

В мгновение ока он оказался над домом, расположенном на холме, но, как и ожидал, нашел одни лишь обгоревшие руины. Несколько построек находилось в сотне ярдов от служебного крыла дома доктора. Туда снесли почти всю мебель, которую удалось спасти от пожара. Однако, доктора там не было.

Де Ришло решил, что его враг, скорее всего, поселился у кого-нибудь из соседей, поэтому он облетел все

жилища поблизости, но опять-таки безуспешно. С быстротою молнии он понесся в Порт-о-Пренс.

Полуденная тишина еще царила в городе. На улицах почти не было транспорта, изредка попадались одиночные пешеходы. Даже значительно поредевшая толпа на причале расползлась по ближайшим кафе и барам. Многие попрятались на небольших клочках тени, образуемых навесами и горами товаров, и дремали, растянувшись на земле.

За три тысячи секунд герцог пролетел три тысячи комнат в самых различных зданиях, но доктора Сатэрдея нигде не было. Отыскать его было так же трудно, как иголку в стоге сена. Час, во время которого герцог надеялся совершить столь многое, подходил к концу. Было три часа дня. Повсюду в опаленном солнцем городе просыпались люди и, вставая с кроватей, диванов, качалок и соломенных матрасов, приступали ко второй половине своих обыденных дел.

С большой неохотой де Ришло пришел к выводу, что дальше искать бесполезно. Он настроился, что сражение может произойти в любую минуту. Доктор — где бы он ни находился — к этому времени уже проснулся, и пройдет еще много часов, прежде чем он ляжет спать. В течение этих часов пленники, которые содержатся на канонерском судне, вынуждены будут испытать все, что им ниспослано, и герцог с горечью понимал, что он не может дать им ни утешения, ни какой-то иной помощи. Он мог только ждать, надеясь, что мужество его не ослабеет, пока пройдет немало времени и наступит его собственное испытание.

Понимая, что колдун рано или поздно овладеет телами его друзей, он вернулся на корабль и сразу же заметил отчетливые изменения в их состоянии. В тот

момент, когда он появился, Рекс, тяжело дыша и высунув язык, жаловался на то, что кости не гнутся и пытался размяться. Саймон с трудом выдавил из себя, что чувствует то же самое, но считает, что борьба с этим только продлит нравственные мучения. Ричард сидел, держа на коленях Мари-Лу; она обхватила его за шею и прижалась к нему щекой. Глаза у обоих были закрыты, можно было подумать, что они спят, хотя герцог знал, что это не так.

С полчаса наблюдал он за действием яда, утешаясь тем, что он, похоже, не вызывал большой физической боли. Они все очень сильно страдали нравственно и чувствовали, как постепенно происходит окостенение и омертвление организма.

Нелегко спокойно, по-философски, сдаться, без попыток сопротивляться постепенно наступающему параличу, который, как известно всем, заканчивается смертью. Не удивительно, что время от времени они пытались хотя бы немного бороться. Первым умер Саймон. Казалось, он просто заснул. Вскоре Мари-Лу немного вздрогнула и замерла. Ричард, с искаженным от боли лицом, обхватил ее маленькое тело и попытался подняться, но усилие оказалось чрезмерным — он упал и застыл, широко раскрыв глаза и уставившись в одну точку. Последним ушел Рекс. Прилагая геркулесовские усилия, он с трудом поднялся на ноги и выпрямился во весь свой могучий рост, затем он свалился на Саймона с совершенно окоченевшими конечностями.

Хотя внешне они все были мертвы, их души из тел так и не появились, закованные чужой волей. Де Ришло понимал, что они не в состоянии ни освободиться, ни оживить по собственной воле свои тела.

Какое-то время ничего не происходило. Около четырех часов в каюту с бумагами в руках вошел офицер в небесно-голубой форме. Он бросил взгляд на неподвижные тела, вскрикнул от ужаса и моментально вылетел.

Де Ришло было не до смеха, иначе, последовав за капитаном на палубу, он бы немало повеселился, если бы увидел последующую сцену. Очевидно, перед входом в каюту сразу же за спиной офицера было несколько видных гаитянских деятелей. Офицер, в панике вылетевший из каюты, сбил некоторых из них. Не дожидаясь причин выяснения его ужаса, они сразу же толпой последовали за ним, увидели, что он сбежал по трапу и бросился к причалу.

В ответ на их крики солдаты отряда гаитянской гвардии, вольготно прогуливавшиеся на набережной, перехватили его и пинками заставили вернуться обратно, где какое-то время он стоял на шканцах и не мог вымолвить ни слова, только закатывал глаза и дрожал от страха.

Наконец ему удалось объяснить, что все пятеро пленных умерли от никому неизвестной болезни. Тем не менее, зная, что все они были удивительно злыми людьми, он продолжал трястись, опасаясь, что их души, которые наверняка бродили где-то поблизости, займутся им.

От этих новостей «народные представители» и генералы просто оцепенели, они быстро убрались с трапа, а некоторые даже подальше удалились, чтобы наблюдать за происходящим с безопасного расстояния на набережной. Когда слухи достигли толпы, многие из суеверных негров и негритянок, сгоравших прежде от любопытства, поспешили исчезнуть в ближайших улочках и закоулках, разумно полагая, что осторожность самая лучшая из доблестей. С душами пяти мощных бокоров, получивших свободу, шутить не стоит.

Видные гаитянские деятели безусловно тоже хотели бы оказаться подальше от такого опасного соседства, но они чувствовали, что престиж их упадет, если они бросятся бежать, поэтому политики в шюртуках и «опереточные» генералы остались у трапа, энергично обсуждая происшедшее. И хотя каждый подталкивал другого, никто не осмеливался снова подходить к каюте.

Как де Ришло хотелось, чтобы он вместе со своими друзьями мог вернуться в свои тела и ими воспользоваться. Как только бы они оказались на палубе, все бы на них взирали с таким ужасом, что никто бы не осмелился арестовать их. Солдаты, матросы, депутаты, просто зеваки разбегались бы как зайцы. Пленные спокойно выбрали бы моторную лодку и отплыли в море.

К несчастью, тела его четырех друзей с практической точки зрения ныне были ничем иным как трупами. Герцог понимал, что, стоит ему самому вернуться в свое собственное тело, он увидит, что оно окостенело и совершенно непригодно, так как яд проник в кровь, вот почему он продолжал слушать возбужденные голоса гаитян, которые на астральном уровне он понимал совершенно спокойно, хотя говорили они по-креольски.

В конце концов некоторые из них пришли к какому-то решению и быстро отправились в город. Четверть часа спустя они вернулись в сопровождении католического священника, в церкви которого герцог с его друзьями скрывался еще только утром.

Без всякого страха высокий, с песчаного цвета волосами священник спустился прямо по трапу, держа в руке маленькое распятие. Дойдя до каюты, он произнес на латыни экзорсизм по изгнанию дьяволов. После этого он как ни в чем не бывало повернулся к толпе полукровок,

с любопытством взиравших на то что он делает из-за его спины, и сказал, что бояться нечего и надо убрать тела.

По приказу одного из самых храбрых гаитянских политиков, который все время оставался на палубе, матросы достали из морского лазарета носилки, положили на них тела и прикрыли простынями. Затем трупы понесли на берег, священник возглавлял процессию.

Когда они добрались до причала, разгорелся небольшой спор. Священник хотел отправить тела в больницу, чтобы доктор мог засвидетельствовать смерть и выдать соответствующие документы, но гаитяне были настроены против этого, заявляя, что пять Даппи — или душ — где-то парят по соседству, выбирая момент, чтобы причинить зло, поэтому, требовали они, священник обязан отнести трупы прямо в церковь, иначе злые Даппи войдут в больницу в больных людей и овладеют ими.

В конце концов был достигнут компромисс. Священник согласился взять тела в церковь и оставить их в ризнице, где их осмотрит доктор и даст свидетельства.

После того как все было утрясено, носилки в окружении гаитянской гвардии понесли в ризницу, откуда друзья де Ришло бежали чуть раньше, утром. Вскоре из больницы приехал врач-негр в сопровождении двух коллег. После беглого осмотра каждого трупа все они пришли к единогласному мнению, что все они мертвы, и выписали свидетельства о смерти.

Ризницу закрыли, священник ушел, через четверть часа объявившись вновь в сопровождении двух старых негрятенок, которые стали совершать последние обряды. Каждое тело раздели и омыли, затем вместо того, чтобы завернуть в саван, одели в прежние одежды — по негритянскому обычаю. Все это делалось грубо и довольно неприятно. Вскоре прибыли пять дешевых деревянных

гробов. Тела были положены в них и крышки — какой печальный звук для герцога! — были забиты гвоздями.

По приказу священника гробы принесли в церковь и установили в один ряд перед алтарем. Затем он поставил по зажженной свече в голове гроба, произнес небольшую молитву в честь ушедших и покинул церковь.

Учитывая быстрое разложение трупов в тропиках, де Ришло знал, что похороны не будут откладываться и, возможно, произойдут уже ближайшей ночью. Нигде даже не было признаков доктора Сатэрдея, но герцог не сомневался, что у сатаниста есть способы следить за происходящим, и он появится в нужное время.

Он очень жалел, что не смог найти доктора во второй половине сиесты. Если бы он так сделал, он бы сейчас либо одержал победу, либо поражение. В первом случае он бы избавил своих друзей от того ужаса, который ныне им предстояло испытать. Хотя их объявили мертвыми, сознание еще не покидало их. Если подходить к вопросу с их точки зрения, их собираются хоронить живыми, а ужасные обряды, совершенные в последний час, явно представляют больший страх для них, чем для него.

В половине шестого священник вернулся. С собой он привел мужчин, чтобы донести гробы — эти несколько человек, очевидно, образовывали небольшую паству, которая, похоже, больше опасалась священника, нежели Даппи мертвых. Была проведена короткая служба и гробы отнесли на тележку.

Улица со всех концов была забита людьми, так как жители Порт-о-Пренса сгорали от нездорового любопытства, желая видеть последние стадии странного дела, взбудоражившего весь город.

Телега пустилась в путь. Возница с трудом, погоняя понурых осликов, пробивал себе дорогу. Священник сле-

довал за ним в ветхом ландо. После города они проехали еще мили две и прибыли на большое кладбище, у ворот которого стояла огромная толпа, пораженная немым ужасом.

На кладбище было вырыто пять неглубоких могил, куда и опустили гробы. Только самый смелый из толпы осмелится придти на кладбище, чтобы наблюдать за подобным ритуалом. Де Ришло, повиснув над торжественным шествием, вдруг увидел доктора Сатэрдея в толпе.

Сатанист даже не приближался к могилам, а стоял несколько в стороне с небольшой группой людей. Казалось, он наблюдает за происходящим краешком глаза. Наконец священник прочитал последние слова обряда. Де Ришло даже видел, как улыбка тронула уста доктора.

Как только закончилась служба, гробовщики стали быстро сбрасывать землю вниз. Когда она падала на гробы, раздавался глухой звук. Священник вновь залез в свое ландо, толпа у ворот таинственно растворилась, а бывшие на кладбище, бросая косые взгляды на солнце, поспешили прочь. Среди них был и доктор, который явно не имел еще намерения претендовать на свои жертвы.

После этого для герцога наступило долгое и мучительное ожидание, во время которого он постоянно думал о тех мучениях, которые переживали его друзья, лежавшие под землей. Безуспешно стремился он к ним, пытаясь дать утешение, вряд ли они смогли бы осознать его астральное присутствие, да и их души не имели больше возможности самовыражения.

Тьма окутала море, берег, группы красивых пальм, маленькие, плохо возделанные поля маиса, кофе и хлопка, разбросанные жилища, густые тропические леса в глубине острова и вершины гор. Земля вновь стала та-

кой, чувствовал де Ришло, как две ночи назад, когда он взирал на окружающую картину с веранды доктора — место, проникнутое примитивными половыми позовами и насыщенное скрытом злом.

Один за другим потухли огоньки в домах. Затем, около одиннадцати часов, где-то вдали раздались резкие удары барабанов Петро, открывавших очередную церемонию Ву-ду.

Бой барабанов все продолжался и продолжался, ускоряя ритм, пока вся темнота ночи не стала казаться пульсирующей. Своим астральным взглядом де Ришло, все еще паривший над свежими могилами, мог видеть длинную дорогу, которая шла от кладбища до города. Движения на ней не было, и он понимал, что после дневных событий ни одна душа в Порт-о-Пренсе, возможно за исключением католического священника, не рискнет сюда близко подойти, пока царит тьма. Сам же священник, похоронивший пять тел с твердым убеждением, что они мертвы и вернуться не могут, вряд ли появится на кладбище той же ночью.

В противоположном направлении дорога вилась вверх по утесу к самой вершине, глядящей на море. Без четверти полночь внимание герцога было привлечено змейкой света, постепенно выступавшей из черноты ночи на дальнем склоне. Несколько мгновений спустя она исчезла, потом вновь появилась, на сей раз еще более яркая, и процесс повторился. Это, понимал герцог, объяснялось поворотами дороги, ведущей к кладбищу. Если змейка исчезала, значит, она огибала очередную массу темных тропических зарослей.

Чем ближе становилась змейка, тем громче звучали барабаны и монотонное, похожее на погребальное, песнопение звоном раздавалось в тихом знойном воздухе. В то

же время змейка распалась на десятки отдельных огоньков, и герцог увидел, что это длинная процессия, где каждый из участников несет факел. Глава того, что было «змеей», приблизился к воротам кладбища ровно в полночь.

Песнь резко прекратилась, замолчали барабаны и громкий крик раздался со стороны мужчин и женщин, составлявших «змею». Затем вперед вышел их лидер и, как только наступила тишина, стал призывать барона Симметер, Лорда Кладбища, и просить у него разрешения войти. Как это делалось, де Ришло не было известно, но ворота, к которым даже не прикасалась человеческая рука, сами открылись.

Новые захоронения находились на некотором расстоянии от ворот. Напрягая свое астральное зрение, герцог отчетливо увидел, как в них входит глава процессии. Всем своим видом он должен был внушать страх даже самым мужественным сердцем. Это был высокий человек в ужасном одеянии африканского колдуна.

Его тело и руки были покрыты изображениями завитков, звезд и кругов, написанных разноцветными красками. Над его короткой, толстой, травяной юбкой, напоминающей по форме балетную, болтался пояс с человеческими черепами. С шеи свисали многочисленные ожерелья из зубов акулы, челюсти барракуды, бившие по груди. В руке он потрясал огромным эсконом, тыквой, украшенной священными четками и змеиными позвонками, шорох которых, как полагали вудуисты, — голос богов, нашептывающих своим служителям. На голове было фантастическое сооружение с рогами, а на лице — маска дьявола. Но де Ришло под всеми этими украшениями разглядел доктора Сатэрдея

А позади него, положив руку на бедро идущего впереди, змеилась длинная процессия, передвигавшаяся в танце лягушки три шага вперед, два назад. Входя на территорию кладбища, они начали петь гимн в честь мрачного бога этого страшного места. Постепенно они дошли до могил и, поставив факелы прямо перед собой, образовали круги по границам свежих могил. А затем началась самая мерзкая сцена, которую когда-либо приходилось видеть герцогу.

По сигналу доктора дюжина помощников колдуна, все в странных одеяниях и с неприятно расписанными телами, бросились плашмя на могилы и руками стали разрывать землю, пока не показались гробы. После этого в каждую могилу было вылит немного рому и положены небольшие чашечки зерна и фруктов. По другому сигналу помощники сняли крышку с одного из гробов. Внутри оказался Рекс. Схватив его за руки, они посадили тело в сидячее положение.

Доктор подошел к могиле, посмотрел в нее и среди полной тишины произнес:

— Рекс Ван Райн, я приказываю тебе встать. Ответь мне.

Де Ришло знал, что, благодаря тем колдовским заклинаниям, которые проделал доктор, Рекс обязан ему отвечать. Голова гиганта вдруг начала качаться на плечах, а из его еще одеревенелых губ раздался шепот:

— Я здесь.

Служитель Зла своим эсконом несколько раз ударил Рекса по голове, чтобы он быстрее пришел в себя. Пытаясь избежать ударов, Рекс отскочил назад, его конечности скрутило и они начали постепенно двигаться, по мере того как энергия возвращалась им. Помощники вытащи-

ли Рекса из гроба и толкнули его не небольшой холмик у края могилы.

Де Ришло еще три раза был свидетелем, как совершались богохульственные действия против его друзей. Саймон, Мари-Лу и Ричард — все они по очереди были разбужены от мертвого сна, оживлены и вытащены из своих гробов. Совершенно случайно последней похитители трупов сняли крышку с гроба герцога. Когда де Ришло сверху взирал на свое собственное тело, он услышал, как сатанист позвал его по имени. Впервые за много часов он почувствовал теплоту на своем холодном, уставшем сердце. Ответа не последовало, да его и не могло быть, потому что душа была все еще свободной.

Последовало молчание, затем Черный Маг позвал его снова. Опять ответа не последовало.

Из уст служителя дьявола последовали угрозы, проклятья и богохульства. Он наклонился и ударил труп в лицо, еще раз и еще, в бешеной попытке получить ответ, но его все не было.

После десяти минут безуспешных потуг он отказался от борьбы, приказав своим помощникам взять все еще неподвижное тело де Ришло и унести его.

Был совершен благодарственный обряд Богу Кладбища, а затем почитателя дьявола приготовились к отходу. Они не стали удаляться гуськом, так, как пришли. Нет, они ушли большой толпой, подняв факелы и подталкивая ошеломленных, еще не совсем пришедших в себя Рекса, Ричарда, Саймона и Мари-Лу.

Вновь забили барабаны и раздалось пение, но это была уже не погребальная песнь, а языческое восхваление Зла, одерживающего победу над Добром. Танцуя и энергично жестикулируя, толпа странно одетых фигур прошла поднимаясь в горы почти три мили, оказавшись

затем в огромном унфорте, расположенном на самой вершине каменного утеса.

Тело де Ришло было положено перед алтарем барону Симметеру, а других четырех жертв толкнули вперед. Они встали кругом вокруг тела герцога, опутив безвольно головы и руки. Принесли жаровню. На ней в небольшом черпачке колдун нагрел какой-то состав. Когда тот стал теплым, он насыпал в него порошок из черепа на своем поясе. Затем всех четырех жертв он заставил пригубить этого напитка.

Затем по приказу сатаниста всех четверых увели и бросили в грязную хижину, где они сразу же свалились на землю, будучи в полусознательном состоянии. Хижина была освещена одной свечой и они могли разобрать друг друга, но герцог, поспешивший в хижину и повисший над их головами, с болью в сердце увидел, как они тупо, совершенно бессмысленным взглядом смотрели вокруг. Они не узнавали друг друга.

А в унфорте церемония все продолжалась, но герцог видел, что слугитель Зла торопится с нею, и он мог понять его причину. Не все было сделано за эту ночь. Один из пятерых отказался ответить на вызов доктора, и он хотел как можно быстрее приступить к работе по укрощению непокорного духа, не пожелавшего повиноваться.

Как только совершение обряда было закончено, сатанист приказал перенести тело герцога в святилище, расположенное за алтарем и, как только старшие помощники оказались вне досягаемости толпы, они стали с тревогой у него спрашивать, что было не так, но он их сразу же заверил, что нет причин для беспокойства. Он сказал, что у него есть все средства заставить труп ответить и он применит их в нужное время.

Уверившись, что нет опасности того, что объявится Даппи герцога, чтобы отомстить за себя и своих друзей, помощники вышли и присоединились к дикой сцене разврата, в которой младшие помощники уже принимали участие. Несколько десятков мужчин и женщин, участвовавших в похищении трупов, пустились в самый непотребный танец. Под дикий и визгливый бой барабанов они извивались, прыгали и подскакивали, иногда с пеной у рта, как одержимые, как в припадке эпилепсии.

Доктор вышел и какое-то время наблюдал за танцем, затем он пошел к хижине, где располагались пленники. Взяв кнут со стены, он стал стегать их. Не способные кричать, лишенные своего личного «я» и мужества, они в страхе отступали от него, как четверо измученных животных. Слезы струились из их полунеvidiaщих глаз, когда он не переставая бил их по плечам, лицам и ногам.

— Зомби! — с торжествующим криком воскликнул он и отбросил кнут прочь. — Теперь вы — зомби! Вы будете работать как дьяволы на моих полях и будете делать все, что я ни скажу. Для вас нет спасения и не будет многие-многое годы. Вы — мои рабы. И будете как рабы, как вьючные животные, пока какой-нибудь случай или старость не освободят вас от этого. У вас нет ума, нет рассудка, одно лишь слабое воспоминание о прошлом, настолько слабое, что вы будете не в состоянии узнать вашего пятого друга, когда он появится здесь. А сейчас я иду, чтобы всей силой своей власти заставить его душу подчиниться мне и признать, что я — его хозяин.

Де Ришло понимал, что он не в состоянии помочь своим друзьям, а тело его было в полной власти сатаниста. Он не мог даже начать сражения, пока не заснул доктор. А что произойдет до этого, что еще нового выки-

нет сатанист, герцог даже не мог себе представить. Может быть, он уже опоздал. Может быть, его прежняя трусость лишила его возможности сразиться со своим противником на астральном уровне.

Отбросив прочь подобные мысли, лишавшие храбрости, де Ришло собрался с силой духа, чтобы выдержать все испытания, предстоящие его телу. Он понимал, что пока противник будет издеваться над ним, он вынужден будет оставаться бессильным наблюдателем.

22 ВЕЛИКИЙ БОГ ПАН

Вернувшись к святилищу, расположенному за алтарем, доктор Сатэрдей устался на тело герцога, в то время как де Ришло взирает на происходящее сверху, повиснув прямо над головой колдуна.

Герцог никогда раньше не занимался некромантией, но много читал о ней и прекрасно понимал, что его несчастная плоть может стать предметом для самого отвратительного употребления.

Его утешала лишь мысль о том, что, опечатав накануне днем девять отверстий своего тела, он сделал его недоступным для элементаров, которых может наслать на него доктор. Но если сатанист убедится в безуспешности своих попыток оживить герцога, он может в ярости нанести по нему удары и повредить наиболее жизненно важные участки его организма, сделав, таким образом, непригодным его тело для дальнейшего использования.

Если он отрежет голову или нанесет удар ножом в сердце, желудок или печень, это будет аналогично самоубийству, когда жертва пускает себе пулю в лоб, прежде чем устремиться на астральный уровень. Даже если герцог бросит вызов доктору на астрале и одержит над мулатом победу, он никогда больше не сможет вернуться в свое тело

Впрочем, главное — одолеть сатаниста, а вернется он потом в свое тело или нет, уже не имеет особого значения. Вполне возможно, его нынешняя инкарнация в облике монсеньора ле Дюк де Ришло, рыцаря Благородного Ордена Золотого Руна, навсегда закончит свое существование.

Каждому из нас уготовано лишь кратковременное пребывание на Земле и продлить его, даже на секунду, нет ни малейшей возможности, иное дело — сократить его, по собственной воле, в ущерб нашим будущим жизням. Мы можем на свой страх и риск закончить жизнь самоубийством или, разрушая тело, сократить ее путем чрезмерного увлечения алкоголем или другими излишествами.

Даже если дни его нынешнего воплощения сочтены и он не сможет воссоединиться со своими друзьями, он будет, по крайней мере, утешать себя тем, что последним актом своей воли освободил их из состояния зомби. Но все зависит от исхода предстоящей битвы.

Больше всего, однако, герцог опасался не смертельной раны. Он боялся, что противник его просто искалечит. Де Ришло был совершенно бессилен и не мог пошевелить даже пальцем в защиту своего собственного тела. Доктор мог кастрировать его, отрезать уши и нос, выколоть глаза, и никто не смог бы помешать ему. Если это произойдет, де Ришло, даже в случае победы на астральном уровне, вынужден будет вернуться в эту ужасную развалину, в которое превратится его тело, и вести жизнь, возможно многие годы, неприятного на вид, совершенно разбитого инвалида. Он был уверен, что именно это произойдет, когда доктор вновь станет вызывать непокорную душу, а та откажется повиноваться.

Высокий мулат снял свою ужасную маску, рогатый головной убор и очень спокойным голосом обратился к труп.

— Бесполезно оказывать мне неповиновение. Если ты все еще находишься в своем физическом корпусе, будет лучше, если ты сразу же сядешь. Избавишь себя от боли. Если же тебя в нем нет, значит, ты таишься где-то поблизости. Ты должен немедленно вернуться в свое тело. Де Ришло, я приказываю тебе и жду твоего ответа.

Он помолчал и, не получив ответа, продолжал:

— Ну что ж, хорошо. Мы сейчас посмотрим, находится твоя душа в теле или нет.

Длинными, костлявыми пальцами он сперва снял ботинок с правой ноги герцога, а затем носок. Потом из ящика старинного резного шкафа, стоявшего у стены комнаты, он вынул длинную черную свечу, зажег ее и поднес ее пламя к пятке обнаженной ноги.

Де Ришло, конечно, не чувствовал никакой боли, но взирал на происходящее с большой печалью, так как понимал, что, если он вернется в свое тело, то испытает ужасно сильный ожог.

Почти три минуты держал мулат пламя у самого подъема ноги, пока кожа ее не почернела и не пошел неприятный запах. Потом он резко отнял свечу и загасил ее. Положив ее обратно в шкаф, он сказал:

— По крайней мере, теперь мы знаем, что тебе не удалось полностью избавиться от воздействия яда, который я подмешал вам в воду сегодня днем. Ты у нас человек сообразительный и вовремя покинул тело, пока не началось трупное окоченение. Я, тем не менее, абсолютно уверен, что ты находишься где-то здесь поблизости и слушаешь меня. Так вот, чем быстрее ты сдашься,

тем лучше для тебя. Я приказываю тебе вернуться в свое тело.

Вновь он выждал и, не получив ответа, добавил:

— Поскольку ты все еще отказываешься, я должен заставить тебя это сделать силой.

Повернувшись вновь к шкафу, он вытащил, на сей раз из другого ящика, небольшую сумку из змеиной кожи. Открыв ее, он вытряхнул на шестиугольный столик маленькие косточки, из которых сделал какой-то рисунок, и тихим голосом начал монотонное песнопение. И почти сразу же герцог, находившийся на астральном уровне, почувствовал толчок и устремился к своему неподвижному телу.

Образно выражаясь, де Ришло «упирался всеми своими конечностями», пытаясь противодействовать настойчивой силе, влекущей его вниз. Считанные минуты борьбы показались вечностью. Астралу герцога казалось, что он изнемогает от усталости, все покрылось мраком перед его астральным взором, а монотонное песнопение напоминало удары грома, лишая его возможности слышать что-либо еще. Тем не менее, он смог противостоять ужасному призыву. Наконец сатанист прекратил свое пение и астрала герцога отпустило.

Мулат с раздражением собрал в сумку кости и забросил ее снова в шкаф.

В течение несколько минут, наморщив лоб, он в задумчивости взирал на лежащее перед ним тело. Наконец он сказал:

— Кажется, я догадываюсь, почему кости не смогли оказать на тебя нужное давление. Будучи европейцем, ты, естественно, не до такой степени подвержен влиянию негритянской магии, как любой цветной. Однако, во мне течет не только кровь черных, но и белых, так что не

думай, что тебе удастся ускользнуть от моего преследования. Древняя европейская магия обязательно сломит твое сопротивление. Не думаю, что ты сможешь противостоять тому ужасу, который вызывает великий бог Пан.

Вновь подойдя к шкафу, он выбрал из ящиков самые разнообразные предметы, некоторые из которых он использовал для сооружения пентакля для своей собственной защиты. После чего в центре пентакля он установил небольшой котелок, под которым он разложил костер из трех видов дерева и зажег его, раздувая пламя с помощью ручных мехов. Затем он влил в железный котелок семь различных составов и стал терпеливо ожидать, когда они закипят. Как только эта смесь забулькала, он начал произносить заклинания, через каждые несколько минут поклоняясь всем концам света и бросая в этот кипящий бульон что-нибудь из тех ужасных вещей, которые он достал из ящиков шкафа.

По мере продолжения ритуала даже на астральном уровне герцог почувствовал, что становится все холоднее и холоднее. Следовательно, из Внешнего Круга приближалось одно из творений Зла. Сперва еле слышно, а затем все отчетливее и отчетливее стали до него доноситься звуки флейты, и вдруг совершенно неожиданно рогатый бог предстал перед ним.

Де Ришло закрыл свои астральные глаза. Он не осмеливался смотреть на его лицо, потому что, говорят, от его зловещей красоты люди сходят с ума и травят свои души.

Он ощутил холодное прикосновение к своей руке, а затем услышал нежный голос. Безуспешно пытался он ничего не слушать; несмотря на все свои усилия, он чувствовал как его уносит вдаль и быстро поднимает на другой уровень.

Холод спал, воздух вновь стал теплым и приятным. Не понятно, по какой причине, но он совершенно перестал испытывать страх. Открыв глаза, он увидел, что находится на зеленой поляне, а рядом с ним, на траве, сидит красивый юноша с добрыми, насмешливыми глазами.

Юноша улыбнулся и сказал:

— Ты ужасно испугался, да? Впрочем, это меня не удивляет. У людей самые странные обо мне представления, которые совершенно не соответствуют истине. Они говорят, что Пан это самое ужасное чудовище. Ты сам видишь, что это не так. Конечно, отчасти я могу понять, почему меня боятся. Это объясняется теми клеветническими слухами, что распускали обо мне служители христианского Бога. Ужасен не я, а он. Просто поразительно, почему в последние столетия столько людей решили следовать за ним, а не за мной.

Де Ришло сидел совершенно ошеломленный и очарованный, а молодой человек продолжал:

— Тебе удивительно повезло, что мулат решил вызывать меня. Он действительно противник, не забывая этого, но сделал фатальную ошибку, полагая, что он может добиться такой же помощи от других богов, как от своих вудуских. Естественно, как европейский бог, я на твоей стороне, а не на его. Так что можешь больше не тревожиться. Все будет хорошо.

Несмотря на свои первоначальные опасения и подозрения, де Ришло не мог не почувствовать симпатии к этому искреннему и привлекательному юноше. В конце концов, если подумать, доктор Сатэрдей действительно допустил самый глупый промах. Герцог, будучи формально христианином, непоколебимо веривший в Тайное Искусство, утверждающее, что каждый из нас носит в себе

Бога, был в душе язычником. Пан, похоже, был последним богом, к которому вудуский колдун мог обратиться за помощью, чтобы подчинить своей воле культурного европейца, восхищавшегося и почитавшего цивилизацию древних греков.

— Я очень рад, что ты начинаешь видеть вещи в их собственном свете, — заметил Пан, явно прочитавший мысли герцога. — Тебе немало досталось от колдуна, но этот дурак попал в собственные сети. Ты сам немного разбираешься в колдовстве, так что нет необходимости разъяснять тебе непреложные законы. Если кто-то обращается к Высшим Силам, дабы использовать их по своему умыслу, но не в состоянии достичь своей цели из-за сильного противодействия, вся мощь этих Сил обрушивается на того, кто их вызвал. Я не имею ни малейшего намерения поступать так, как желает этот мулат, и вынуждать вернуться тебя в свое тело, хотя мне это было бы совершенно просто сделать, если б я только захотел. Вместо этого я собираюсь предстать в одной из своих наиболее ужасных ипостасей перед доктором Сатэрдеем и покончить с этим делом раз и навсегда. Тогда тебе нечего будет больше бояться и, когда ты проснешься в своем собственном теле, доктор будет мертв.

— А что будет с моими друзьями? — медленно спросил герцог.

— О, об этом не тревожься, — ответил юноша-бог. — Со смертью доктора их души моментально освобождаются.

Де Ришло вздохнул.

— Если ты действительно собираешься это сделать, я буду у тебя в больших долгах.

— Считаю, что все уплачено, — улыбнулся Пан. — В конце концов я тебе тоже обязан, поскольку в течение

многих своих прежних воплощений ты был в душе одним из моих поклонников. Кроме того, есть и иное. Мне известны причины твоего приезда на Гаити и, хотя я имею гораздо более древнее происхождение, на Земле я известен как греческий бог, так что мы — союзники, и я не меньше тебя хочу поставить этих мерзких диктаторов на место.

— Ну конечно же, — улыбнулся де Ришло. — Мне даже в голову не приходило, когда упала ночь, что моим союзником будет греческий бог. Естественно, только так ты можешь чувствовать. Ты всегда был покровителем веселья, танцев и любви, явно противоположного тому, к чему стремятся вожди тоталитарных государств

Наконец-то герцог мог расслабиться и вовсю наслаждаться красотой аттической сцены. Счастливый взирает он на низкорослые дубы, покрытые мхом берега и на поляны, покрытые цветами шафрана и крокуса. Он всегда был уверен, что Силы Света обязательно заманят в ловушку силы Тьмы через их же собственные злые умыслы и деяния. Именно это и происходило сейчас с его врагом.

Испытание, в конце концов, оказалось менее ужасным, чем он опасался, и помощь пришла намного раньше, чем он надеялся. В свой самый казался бы тяжелый час он лицом к лицу столкнулся с великим богом Паном, и тот оказался другом. Судьба доктора Сатэрдея была, таким образом, предрешена, и Силы Света одержали новую блестящую победу.

— Ну, пошли, — сказал Пан. — Давай вернемся на Гаити и покончим с твоим мерзким врагом.

В мгновение ока они вновь оказались в святилище унфорта.

Колдун все еще читал заклинания над своим котелком, не видя ни Пана ни герцога, висевших прямо над трупом.

— Возвращайся в свое тело, — приказал Пан, — а этого отвратительного полукровку я проучу, чтобы не смел беспокоить европейского бога. Когда я предстану перед ним, он умрет от разрыва сердца. Это ужасная, болезненная смерть.

— Может тебе сперва нанести удар по его душе? — предложил герцог.

— О нет, — ответил Пан. — Это не пойдет. Тогда я должен буду предстать не только перед ним, но и перед тобой, и ты испытаешь такой же неопиcуемый ужас. Это повлияет на твой астрал и ты многие последующие столетия будешь просто калекой, а вот если ты вернешься в свое физическое тело и закроешь глаза, ты меня не увидишь, и все пройдет хорошо.

Осознавая логику этих слов, де Ришло больше не испытывал никаких колебаний. Поблагодарив Пана, он быстро вернулся в свое тело и затаился, не подавая признаков жизни.

Как только он оказался внизу, он почувствовал, как побежала кровь в его сосудах, вызывая у него ужасные боли; затем, вопреки всем его усилиям, его поврежденная правая нога вздрогнула.

И тут же раздался звонкий, серебристый смех. Смеялся не доктор, а Пан; смеялся холодным, жестоким, издевательским смехом. К своему ужасу, герцог понял, что был обманут. Как он мог забыть о том, что Пана нельзя слушать, нельзя верить его правдоподобным рассуждениям и честным обещаниям! Он же получил предупреждение в самом начале! Одного лишь астрального холода

при приближении этого бога было вполне достаточно! Как молния, герцог выскользнул вновь из тела.

Пан еще не исчез. Его красивое лицо потемнело от хмурого взгляда.

— Почему ты вновь покинул тело? — резко бросил он. Немедленно возвращайся обратно!

Душа де Ришло передернула плечами и стала кричать:

— Не буду! Не буду! Не буду!

Моментально облик Пана изменился. Он стал огромным и ужасным. Герцог пытался не смотреть на него, но ничего не мог поделать. В отчаянии он призвал на помощь Силы Света.

В то мгновение, когда де Ришло вновь выскользнул из своего тела, колдун заметил, как вздрогнула его нога. Его лицо осветилось злобной радостью, и он наклонился вперед, при этом задев черепами, свисавшими у него на груди, железный котелок, который перевернулся, вылив все свое содержимое на землю.

Сатанист от ярости завыл. Новый облик Пана не успел появиться, как задрожал и исчез. Разлив свой волшебный бульон, доктор разрушил чары. Де Ришло понял, что его крик о помощи был услышан.

Несколько минут доктор топал ногами, потрясал кулаками, изрыгая проклятия. В тот самый момент, когда победа, казалось, была близка, своей неловкостью он все испортил, прекрасно понимая, что вторично вызвать Пана он не может. Ни один человек не имеет права дважды за ночь призывать на помощь одно и то же воплощение Высших Сил.

Находясь на астральном уровне, де Ришло все еще покрывался потом от ужаса, который испытал, когда был буквально на волосок от смерти. Интересно, думал он,

какие новые испытания его ожидают, но похоже, на какое-то время сатанист исчерпал все свои возможности на земле.

Успокоившись, тот вновь обратился к герцогу.

— Тебе случайно повезло. Не думай, что ты от меня ускользнешь. У меня есть множество способов подчинить тебя, стоит мне только оказаться на астрале.

Вытерев пол и убрав остатки пролитого колдовского бульона, он что-то вылил на огонь и тот сразу же потух. Затем доктор сел на трон колдуна, стоявший в одном из концов святилища. Спинку трона образовывали два слоновых бивня, явно вывезенных из Африки, а остальные части были сделаны из костей, зубов и кожи различных животных, людей и змей. Подлокотники заканчивались человеческими черепами. Хотя на докторе не было его маски и головного убора, сидя на этом троне и уставившись прямо перед собой, он представлял грозную фигуру.

Первоначально герцог считал, что его враг собирается ввести себя в транс и сразу ж подняться на астральный уровень, и приготовился к этому, но немного погодя он пришел к выводу, что какое-то время его никто тревожить не будет. Конечно, де Ришло не был столь опытен и не мог прочитать мысли сатаниста, узнать, о чем тот думает, но он был в состоянии почувствовать настроение противника и вскоре понял, что Черный Маг встревожен. Это его несколько ободрило.

Может быть, думал герцог, зная, что все его чары рухнули, сатанист опасается исхода сражения на астрале? Возможно, даже хочет отказаться от него? Де Ришло даже не осмеливался надеяться на это, но чем иным можно объяснить уклонение от немедленного решения этого вопроса?

Минуты шли, а мулат даже внешне не проявлял желания впасть в транс. Вместо этого, он встал и в тревоге заходил взад-вперед.

Более получаса он кружил, как загнанное в клетку животное. Наконец сел, но всего лишь на несколько минут. Затем, явно придя к какому-то решению, одел свою маску, головной убор, вышел наружу и стал наблюдать за диким танцем своих последователей, который все еще продолжался.

Приободрившись чуть больше, но по-прежнему опасаясь ловушки, де Ришло продолжал размышлять над действиями доктора и пытался найти причину, почему тот вдруг отказался от борьбы, по крайней мере временно; потом неожиданно у герцога появилась теория, объяснявшая поведение противника и его недавнее смятение.

В своем нынешнем воплощении он, герцог, явно еще жив. Это объясняется тем, что он смог войти в свое тело и оживить его, пусть всего лишь на несколько секунд. Факты, не вызывающие сомнений. Следовательно, рано или поздно начнет действовать закон природы, по которому он просто обязан будет вернуться в свое тело, желает он этого или нет, и сделает он это вне зависимости от требований Черного Мага.

Он находился сейчас в том же самом положении, что и в последнюю свою ночь наблюдения за атлантическим конвоем. В тот раз, учитывая, что он может бодрствовать только определенное время, к нему на помощь пришли Саймон и Мари-Лу. Сейчас такой возможности не было. Когда он исчерпает все свои силы, он вынужден будет вернуться, но не в здоровое тело, лежащее в безопасном пентакле, сооруженном в Кардиналз-Фолли, а в полуоцепеневший труп в святилище вудуского храма.

Так вот, в чем заключается новый план сатаниста. Выходит, он не опасается сражения на астрале, а просто предпочитает избежать его. Единственно, он должен прободрствовать не меньше, чем де Ришло проспит в своем вынужденном сне, и вот тогда-то герцог ответит на его призыв и превратится в зомби.

Встревоженный, герцог стал считать, сколько же времени он спал в последние дни. С момента, как он проснулся в Майами, он ни разу не спал больше тех шести часов, которые предоставил ему Саймон, когда занялся противником. До появления Саймона он не спал целых тридцать девять часов, а затем с половины четвертого утра следующего дня до двух часов дня, — еще десять с половиной часов. Сейчас был третий час утра, так что в состоянии, близком ко сну, он находится почти двенадцать часов, но в целом из шестидесяти семи часов он спал всего лишь восемнадцать.

Если ему еще придется бодрствовать, то, конечно, его состоянию не позавидуешь, на это и рассчитывал его противник, который был уверен, что его безопасность целиком зависит от того, сколько еще времени сможет герцог оставаться на астрале.

Тогда де Ришло решил присмотреться к положению своего врага. Если доктор не спал с того времени как случился пожар в его доме, то он уже на ногах без отдыха сорок три часа. Вряд ли, думал герцог, была у сатаниста возможность поспать и за ночь до этого, правда он мог немного поспать днем, во время сиесты, но не более трех часов. Похоже, положение доктора было не менее серьезным, чем у герцога, и как бы ни были велики его силы как мага, Природа может заставить его заснуть раньше, чем вынудит герцога вернуться в свое тело.

Увидев, что шансы практически равны, де Ришло стал ждать, продолжая наблюдать за каждым движением противника.

Ночь была тихой, теплой, безветренной. Слабые отзвуки барабанов Ву-ду сопровождались всплеском волн, ударявшихся о коралловые основания ближайшего утеса. На огромной территории черные, шоколадные и кофейного цвета фигуры переплелись в диком танце, непристойно дергая своими телами и временами совокупляясь самым непривычным образом.

Сатанист вот уже два часа наблюдал за происходящим. Иногда стоял молча, а иногда побуждал своих последователей на новые крайности. К половине четвертого большинство поклонников дьявола утолило свою похоть и многие, почтительно поклонившись своему главе, удалились, чтобы несколько часов поспать перед заботами предстоящего дня. К четырем часам удалились последние и Высокий Служитель Зла остался один.

Несколько минут он ходил взад и вперед, погруженный в раздумья, затем вошел в святилище и устался на тело герцога. Сняв маску, он несколько раз зажмурил глаза и провел по ним вялой рукой. Видя эти признаки усталости, де Ришло еще больше укрепился во мнении, что выиграет тот, кто перетерпит своего противника. Но он рано начал успокаиваться. Неожиданно сатанист встал, решительно подошел к трону и, опустившись на него, вновь обратился к герцогу:

— Ты высказал мне неповиновение и совершенно случайно избежал гнева Пана. Если бы прошлой ночью я имел возможность поспать, я бы дождался, когда Природа заставила бы тебя вернуться в свое тело и подчиняться моим приказам, но зачем мне доводить себя здесь до крайности, когда, оказавшись на другом уровне, я буду

сразу же бодрым и свежим, как человек, только что отошедший ото сна? Даже не имея представления о том, что тебе предстоит, ты вызывал на битву. Ну хорошо, ты ее получил. Я приду и достану тебя.

Откинув голову назад, он закатил глаза, показывая глазные яблоки, а затем закрыл их. Примерно минуту просидел в такой позе, а затем у него изо рта появилось облачко черного дыма.

Де Ришло было хорошо известно, что если противник покидает свое тело таким образом, а не появляется на астрале в человеческом облике, значит, он необычайно мощный маг. Более того: когда секунду спустя облачко дыма рассеялось, герцог к своему ужасу увидел, что не осталось и следа от его противника. Какую форму приобретет нападение, предугадать было невозможно.

Долго ждал де Ришло, готовый к любому неожиданному удару, но ничего не произошло. Напряжение его несколько спало, хотя бдительности своей он не ослаблял. Затем, набравшись храбрости, он вышел в открытую и во весь голос позвал:

— Я здесь, Сатэрдей, и готов сразиться. Почему ты избегаешь меня? Или ты боишься?

Ответа на вызов не последовало, и герцог вновь встревожился. Благодаря своему быстрому переходу с физического на астральный уровень, противник ускользнул от него. Конечно, сатанисту придется возвращаться назад, но это может произойти не скоро, через несколько часов, значительно позднее того времени, когда герцогу придется вернуться в свое тело. Похоже, вновь он потерпит поражение, если, конечно, не сможет найти сатаниста и расправиться с ним до того, как это произойдет, но искать на астральном уровне человека, не желающего

встречаться, — все-равно, что искать песчинку среди горы песка.

Поблизости показались другие астралы — людей ун-форта и соседей. Многие из них были «черными» и при виде герцога исчезали, зная, что он — их противник и значительно мощнее любого из них. Появлялись и весьма смутные очертания, видимо, людей, бывших на очень низкой ступени познания. А потом среди этих туманных расплывчатых фигур возникли отчетливые и знакомые контуры, приглядевшись к которым герцог сразу же узнал астрал своего старого друга. С ним он разговаривал в Китае в ту ночь, когда отправился следом за адмиралом.

— Что ты делаешь здесь? — воскликнул он с неподдельным интересом, ужасно обрадовавшись неожиданно появлению своего могущественного друга.

— Я появился, чтобы посмотреть, как у тебя обстоят дела, ответил тот. — Ты выглядишь немного потрепанным. Видимо, у тебя было довольно тяжелое время.

Де Ришло вздохнул и, постоянно подшучивая над собою, вкратце рассказал о том, что с ним произошло, а затем описал ту критическую ситуацию, в которой находился сейчас.

Его друг сразу же выразил ему сочувствие и предложил свою помощь.

— Вот, что мы должны сделать, — сказал он. — Между нами в смысле духовной силы особой разницы нет, оба мы в равной степени прошли по великому пути познания. Каждый из нас способен в течение какого-то времени удерживать противника, зато вместе мы можем его одолеть. Он в состоянии чуть ли не двадцать часов, а, может быть, больше, пробыть вне своего тела и все это время скрываться. Лучший выход следующий — я дежурю, а ты спишь. Рано или поздно этот дьявольский

доктор объявится. Тогда я немедленно вызываю тебя и совместными усилиями мы его побеждаем.

Этот план показался де Ришло просто превосходным и, когда его друг поинтересовался, сколько времени он спит, он ответил:

— Я вогнал себя в транс вчера, около двух дня. Так что я уже сплю более четырнадцати часов.

— Прилично, — задумчиво произнес его друг. — Знаешь, ты лучше сейчас сделай перерыв и оставь меня здесь. Как только объявится противник, я немедленно тебя вызову.

Прошло уже более двух часов, когда герцог, обманутый Паном, вернулся в свое тело и едва спасся, однако впечатления еще были свежи. То, что его друг неожиданно объявился, в этом не было ничего странного, потому что души, связанные узами любви, без особого труда разыскивают друг друга. Но предложив герцогу вернуться обратно в тело, он невольно вызвал подозрения. Чем больше де Ришло думал об этом, тем больше приходил к выводу о том, что не должен пользоваться помощью ни со стороны богов, ни со стороны людей. Это была е г о битва, и только его, и он должен сам, без всякой посторонней помощи, одержать победу.

Повернувшись, чтобы поблагодарить друга и сообщить ему, что решил самостоятельно, без всякой поддержки, вести свою борьбу, он только тут заметил, что у него на голове шляпа с широкими полями, которая отбрасывает тени на глаза.

Под влиянием порыва он сорвал ее и тут же понял, что не ошибся. Любой могущественный астрал может принимать облик любого человеческого существа, копируя его до последней волосинки и морщинки. Он также может имитировать точно такой же голос, тон, но он не

может изменить глаз. Глаза астрала, стоявшего перед ним, не принадлежали его другу. Это были глаза доктора Сатэрдея.

Моментально доктор изменил свой облик и превратился в того самого огромного негра, которого герцог впервые видел в ту ночь, когда они с Мари-Лу, преследуя своего астрального противника, загнали его, вынудив пересечь Атлантику и взывать на помощь на Гаити.

Негр не предпринимал никаких оборонительных или агрессивных действий. Он только улыбался и говорил:

— Поздравляю, мой друг. Ты прошел все испытания. Мне выпала великая честь быть твоим противником.

— Ты признаешь свое поражение и готов мне сдаться? суровым тоном спросил де Ришло.

— В этом нет нужды, — смеясь ответил другой, — поскольку я только выполнял свою роль в тех испытаниях, которые ты должен был пройти, чтобы доказать свое мужество. Ты успешно выдержал проверку и, когда вернешься обратно на Землю, ты проснешься и на баркасе встретишься со всеми своими друзьями, здоровыми и свободными. Ты поймешь, что все твои недавние испытания — не что иное, как сон. Похороны, свидетелем которых ты был, похищение трупов и события в унфорте — все это произошло, когда ты покинул свое тело. На самом деле ничего этого не было. Это были сцены, созданные в твоем сознании Великими Творцами, которые имеют возможность, как тебе известно, заставить нас, Ничтожных Созданий, поверить в реальность всего, что они желают показать нам.

Медленно де Ришло покачал головой.

— Так не пойдет. Если такое испытание было запланировано, судя по твоим словам, и я его успешно прошел, Великие Творцы не поручили бы сообщить они о моей

победе человеку, которого же сами избрали в качестве моего противника.

Негр пожал плечами.

— Я только подчиняюсь приказам и, по правде говоря, совершенно не удивлен, что ты не веришь мне, но ты должен преодолеть свою осторожность. Может быть, это очередная проверка. Конечно, если ты отказываешься мне верить, это твое дело; но мне будет очень жаль, потому что такое упорство и явное нежелание повиноваться существующему закону может довести тебя до большой опасности.

— Почему? — спросил герцог натянутым голосом.

— Потому что в настоящий момент, мой бедный друг, хотя ты, кажется, не понимаешь этого, в своей отчаянной попытке спастись от обращения, как ты полагаешь, в зомби, ты совершаешь самоубийство.

— Такое заявление требует некоторого разъяснения, сказал герцог, уже смутно и с тревогой догадываясь, что имеется в виду.

— Ты только подумай о своем положении, — продолжал спокойно негр. — Опасаясь смерти, ты по собственной воле вогнал себя в транс и покинул тело, до того как начал действовать яд. Если бы ты согласился вернуться в него, вреда бы не было, но ты явно отказываешься это делать; раз так, твое тело подвергнется разложению и станет больше непригодным для человеческого существа. Ты, таким образом, по своей собственной воле и капризу пришел к концу своего нынешнего воплощения. Неужели ты станешь отрицать, что такое поведение означает самоубийство?

— Нет, не стану, — согласился герцог и тут же понял, что находится между молотом и наковальней.

Если, имея на это вполне благие основания, Великие Творцы действительно подвергли его очень серьезному испытанию, то их намерение превратить его в зомби объясняется желанием получить расплату за прошлые долги. Но он увильнул от этого и, следовательно, совершил самоубийство — самый серьезный грех, в котором можно обвинить человека.

Если, получив сейчас предупреждение, он откажется вернуться в свое тело, он будет наказан — сотни лет без конца он будет переживать одни и те же ужасные часы, через которые прошел со времени своего побега с баркаса. Бесчисленное множество раз будет он испытывать ту же самую беспомощность и страдания, видя, как хоронят его друзей; тот же страх и ужас, наблюдая, как издеваются над его телом в святилище за алтарем. С другой стороны, герцогу казалось, что вернуться сейчас, что бы другие не говорили — хорошо это или плохо, — это просто отдаться на милость победителя.

С большим трудом он все-таки принял решение и твердо заявил:

— Не я судья этому испытанию. Это вне моей воли. Если я даже буду подвергнут наказанию за самоубийство на многие-многие годы вперед, я, тем не менее, отказываюсь возвращаться в свое тело.

Глаза негра вспыхнули и погасли. Герцог понял, что он принял правильное решение. Он прыгнул на своего противника и воплощение зла кинулось бежать. Неожиданно де Ришло почувствовал прилив сил и с победным криком бросился вдогонку.

Враг его устремился на третий уровень, герцог — за ним. Продвижение дальше было медленнее, но они добрались и до четвертого и с большим трудом до пятого уровней. Это был самый высший уровень, до которого де

Ришло поднимался. Они оба опасались оставаться там. У герцога было такое ощущение, будто его всего избили. Он хватал ртом воздух, был ошарашен и ослеплен. Положение его противника было не лучше. Дрожа от страха, он мертвым грузом упал оттуда прямо на Землю.

Герцог продолжал преследовать его. У него открылось второе дыхание, как будто, приблизившись к вершинам Блаженства, в него влились силы от самого Света. Они вновь оказались на территории унфорта. Сатанист корчился на земле и скулил как раненое животное, а де Ришло возвышался над ним, сияя всеми цветами радуги, окруженным ярким пульсирующим светом.

— Пощади! — взмолился слугитель Зла. — Пощади! Прошу пощады!

Но сердце де Ришло было как камень, и он повел негодяя в святилище.

— Возвращайся в свое тело! — приказал герцог.

Сатанист попытался предпринять еще одну попытку, вновь поднявшись во весь свой могучий рост — черный и грозный, но де Ришло поразил его одной лишь силой воли. Астрал в страхе завыл и неожиданно исчез. Едва это произошло, ресницы на лице доктора Сатэрдея затрепетали.

— Прекрасно сделано! — раздался серебристый голос, в котором герцог сразу же, на сей раз без страха, узнал голос Пана. — Раньше я был связан в своих действиях и вынужден был подчиняться его приказаниям. Теперь я с удовольствием сделаю то, что обещал. Приказывай!

— Встань перед ним! — крикнул де Ришло во весь голос.

И тут, когда герцог спрятался под прикрытием сияющего щита света, который теперь возникал при одном его

желании, Пан материализовался во всем своем ужасном величии.

С воплем, пронзившем ночную тишину, колдун вскочил на ноги и бросился бежать из вудуского храма. Де Ришло, как посланник Небес, следовал за ним по пятам.

Занимался рассвет. Босоногий сатанист выбежал из унфорта на дорогу. Глаза у него вылезали из орбит, тело покрылось потом от ужаса. На ходу он изрыгал проклятия и раздирал, как сумасшедший, тяжелые ритуальные одежды, в которых был.

Несколько минут спустя он сорвал с себя ожерелье казалось, оно душил его, и стал раздирать ногтями свое тело, пытаясь избавиться от пояса, поддерживавшего его короткую юбку.

Неожиданно пояс лопнул, и юбка упала. Освободившись от нее, он вскочил и побежал дальше совершенно обнаженным. Ярдов двадцать спустя от свернул в сторону и побежал к крутому берегу, который заканчивался высоким утесом, прямо обрывающимся вниз. Он спотыкался, падал, вновь вставал и снова падал. Он катился по земле от кочки к кочке, пока наконец, как лунатик, не взобрался на утес и, раскинув руки и ноги в стороны, не бросился вниз с высоты в сто футов на скалы.

Де Ришло постоял и посмотрел сверху, пока из искалеченного тела не поднялась вверх душа. Она была уже спокойной и покорной. В ней больше не осталось и следа сопротивления. Поскольку она уже потерпела поражение на астральном уровне, не было необходимости пользоваться теми моментами забвения, которые следуют за смертью, чтобы схватить ее и заковать в цепи. Покорно протянула она руки и опустила голову в знак признания поражения. По зову герцога явились два хранителя Света

и увели пленника под звон победных фанфар, наполнивших воздух.

* * *

Когда де Ришло вернулся в свое тело, он нашел его в ужасном состоянии. Оно все еще испытывало влияние яда, влитого в воду, которую они пили много часов назад, но он заставил это тело себе повиноваться, переполз из святилища в тростниковую хижину, куда были брошены его друзья.

Они еще тоже чувствовали свинцовую тяжесть от наркотика, который ввел их в каталептическое состояние. Но по закону Вечных Творцов души пленников, вследствие поражения сатаниста, были освобождены. Сознание вернулось к ним. Они вновь узнавали друг друга, а, когда объявился де Ришло, они поняли, что он одержал победу.

Спустя полчаса они вполне пришли в себя, чтобы покинуть хижину. На территории унфорта там и здесь местные жители занимались своими привычными делами. При виде живых и не пострадавших пленников они в ужасе бросились бежать.

Небольшая группа больных, уставших, искалеченных людей медленно тащилась по дороге, пока не попался негр, который согласился отвезти их на своей тележке к британскому консулу в Порт-о-Пренсе. Там, чувствовал де Ришло, они будут избавлены от ненужного внимания, которое может вызвать их появление в городе, и, если понадобится, смогут связаться по кабелю с сэром Пелли-

нором, который, пользуясь мощью и престижем Британии, поможет им в безопасности выехать с Гаити в Соединенные Штаты.

Было раннее утро. Телега тряслась по дороге.

— Интересно, — сказал Саймон, — смогут ли нацисты найти другого Черного Мага, столь же могущественного, как доктор Сатэрдей и способного осуществлять подобную же работу?

— Сомневаюсь, — ответил герцог, — в противном случае они не стали бы искать оккультиста в таких местах, как Гаити.

— Значит, можно считать, что с астрального уровня больше нацистской угрозы нет? — пробормотала Мари-Лу.

Де Ришло улыбнулся и печально покачал головой.

— Нет, нельзя, принцесса. Эта угроза не перестанет существовать, пока окончательно не уничтожен тоталитаризм. Являются ли Гитлер и Муссолини великими Черными Магами или нет, дело не в этом, но никто не станет спорить, что только благодаря таким беспринципным и честолюбивым людям, — немцы это, итальянцы или японцы, существуют и действуют Силы Тьмы, за последние годы добившиеся такого ужасного влияния во всем мире.

Под Новым Мировым Порядком, который они хотят принести, подразумевается Ад. Если через них восторжествует Зло, все мужчины и женщины всех цветов и рас будут превращены в рабов, которыми будут оставаться на протяжении всей своей жизни — от рождения до смерти. В них будут воспитывать обожествление силы, а не права. Им будут прощать и даже поощрять убийства, пытки и подавление любых свобод ради «необходимого» процветания «государства».

Неопровержимым доказательством этого является поведение молодых немцев, воспитанных нацистской пропагандой, в Польше, Чехословакии, Норвегии, Голландии, Бельгии и Франции. Они как мясники убивали стариков, женщин и детей, которые даже и не думали им сопротивляться. Это составная часть великого Плана. Они привыкли повиноваться приказов и совершать убийства с холодной кровью, и ни разу не послышалось ни одного протеста против подобным приказов ни со стороны офицеров, ни со стороны солдат. Семи годов тоталитарного яда оказалось вполне достаточно, чтобы Зло овладело душами пяти миллионов германских юношей, превратив их сердца в холодные камни. Если они одержат победу, через семьдесят лет такие слова как справедливость, терпение, свобода и сострадание исчезнут из словарей народов мира.

При Новом Мировом Порядке с семейной жизнью будет покончено, за исключением, конечно, для завоевателей. И только худшие из людей в духовном плане — самые большие негодяи получают право производить новые поколения, чтобы пополнять мир, разделенный на господ и рабов. Право владеть жилищем и иметь своих детей будет предоставлено только Хозяевам; остальные будут жить в бараках и опустятся до положения простых рабов, не умеющих ни читать, ни писать, ни даже говорить за себя. Восстаний не будет, потому что все офицеры, священники, политики, журналисты, писатели и другие представители свободной мысли и профессий будут расстреляны. Оставшись без руководителей, массы будут не в состоянии противостоять танкам, слезоточивым газам, бомбам и пулеметам.

И пока люди не получают свободы, как они могут продвигаться по пути познания, который мы все должны пройти?

Это не война за территории или другие приобретения. Это Армагеддон, предсказанный древними. Вот почему все дети Света, где бы они ни находились, пленные или свободные, должны быть едины духом, как никогда прежде, и не должны в сражениях бояться никакой физической боли, иначе весь мир падет под властью марионеток, оживленных Силами Тьмы.

Когда он закончил говорить, все поняли, что в их сердцах появилась искра надежды и теплоты, несмотря на то что немало времени пройдет, пока зарубцуются их раны. Сражение еще далеко от завершения, но они сделали то, что обязаны были сделать. Их Победа — только эпизод — не больше — в Титанической борьбе, которая еще продолжалась, но пламя, оживившее их души, становилось все ярче, и они возвращались в Британию, которую так любили.

Похоже, герцог угадал их мысли, так как добавил:

— Пока существует Британия, Силы Тьмы не смогут добиться успеха. На Земле англо-саксонская раса — последний хранитель Света, и я совершенно убежден в том, что, что бы ни случилось, наш остров докажет, что является Бастионом Мира.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Фантастическая версия	7
2. Хотите верьте, хотите — нет	18
3. Тайная доктрина	29
4. За тех, кто гибнет в море	51
5. Адмирал устремляется вверх	71
6. Капитан спускается вниз	85
7. Призраки над Атлантикой	108
8. Кошмар наяву	128
9. Переполюх в Кардиналз-Фолли	139
10. Взрыв	158
11. Загадочное явление в подвале	170
12. Преступление не стоит того	184
13. Прекрасная немая	200
14. В смертельной опасности	225
15. Загадочные божества	237
16. Остров зла	254
17. Борьба со сном	275
18. Мертвые, которые возвращаются	297
19. Живой труп	322
20. Похитители трупов	343
21. Гробы для пятерых	366
22. Великий бог Пан	386

Литературно-художественное издание

Деннис Уитли

ВОЙНА В МИРЕ ПРИЗРАКОВ

Выпуск 20

Сдано в набор 02.04.93. Подписано в печать 05.05.93.
Формат 60×88^{1/16}. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 27 п. л. Печать офсетная. Тираж 75 000 экз.
№ Заказа 1187.

Издательство «Кэдмэн» 140160 г. Жуковский М.О. а/я 21.
Тел. в Москве 236-40-74

Издание осуществлено совместно с ТОО «Брайт Лайт»

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Мининформпечати РФ.
198052 г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

ДЕННИС УИТЛИ

В следующем выпуске нашей
серии будет напечатан
очередной роман
Денниса Уитли